

Уильям Бернстайн

ИСТОРИЯ

Masters of the Word

МАССМЕДИА

с древнейших времен
и до наших дней

И С Т О Р И Я   В   О Д Н О М   Т О М Е

Annotation

От начала письменности – до эры медийных высоких технологий...

От глиняных табличек Месопотамии – до мобильного Интернета...

Уильям Бернстайн, известный историк, автор знаменитого «Великолепного обмена», хорошо знакомого и отечественным читателям, предлагает в своей новой книге удивительную историю масс-медиа – от самого их зарождения и до наших дней.

Полемичная, оригинальная, превосходно написанная, необычайно информативная, эта книга – захватывающее путешествие в историю и эволюцию средств массовой информации.

-
- [Уильям Бернстайн](#)
    -
    -
    - [Предисловие](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Благодарности](#)
    - [Использованные источники и литература](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
  - [81](#)
  - [82](#)
  - [83](#)
  - [84](#)
  - [85](#)
-

Уильям Бернстайн

Массмедиа с древнейших времен и до наших дней

William Bernstein
MASTERS OF THE WORD

Печатается с разрешения Grove/Atlantic, Inc и литературного агентства Synopsis.

© William J. Bernstein, 2013
© Перевод. К. Королев, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается Джейн

Предисловие

То утро, как и в предыдущие дни, складывалось для Уинстона Смита неважно. Разбуженный оглушительным сигналом тревоги вездесущего телевизора, Уинстон, герой романа Джорджа Оруэлла «1984», выдрал из холодной постели нагое тело, измученное артритом. В этот час следовало делать зарядку. «Группа от тридцати до сорока! Группа от тридцати до сорока! Займите исходное положение. Группа от тридцати до сорока!» – вопил, казалось, из преисподней, женский голос личного тренера.

Уинстон, или, точнее, Шестьдесят – семьдесят девять Смит У., послушно пытался одолеть телесную немощь, но его усилия вряд ли понравились телевизионной мучительнице. Откликаясь на команду наклониться пониже, он почувствовал боль в позвоночнике^[1].

После того как в 1948 году эта книга появилась в продаже, критики и читатели принялись обсуждать ее истинное значение. Является ли она специфическим обвинительным актом социализму, как казалось консервативным читателям. Или, может быть, эта книга – предостережение от тоталитарных тенденций, присущих не только фашизму и коммунизму, но и демократам либерального толка (позже Оруэлл дал понять, что имел в виду либеральные демократии)?

Дебаты вокруг политического значения книги не затронули гораздо более важный вопрос: к середине двадцатого века достижения в телекоммуникациях склонили чашу весов в борьбе за власть между правителями и управляемыми в пользу первых, и несчастные персонажи упомянутой книги не имели даже надежды воспротивиться насаждению влияния электронных средств массовой информации.

За десять лет до публикации романа «1984» Оруэлл писал:

Инквизиция потерпела поражение, но в распоряжении Инквизиции не было всех ресурсов современного государства. Радио, цензура прессы, стандартизованное образование и тайная полиция все изменили. Массовое внушение за последние двадцать лет стало наукой; мы до сих пор не знаем предела возможностей в этой области.

Оруэлл в своем романе, несомненно, имел в виду гитлеровский фашистский режим и созданный Сталиным аппарат, противодействовавший любому инакомыслию, – самую подходящую модель для Большого Брата. Но ни один государственный орган не был так насыщен людьми, как министерство государственной безопасности ГДР, грозное Штази. В лучшую для себя пору Штази насчитывало около ста тысяч сотрудников – один на сто шестьдесят человек населения. Вальтер Ульбрихт и Эрих Хонеккер на небольшой площади тевтонского мира создали более многочисленную структуру государственной безопасности, чем аналогичная служба у Гитлера, которая контролировала обширную территорию. Восточные немцы даже придумали слово для характеристики жизни, наводненной информаторами и прослушивающими устройствами: *flächendecken* – «все под колпаком». Три тысячи сотрудников Штази контролировали радиопередачи и телефонную связь. Хотя в ГДР телефоны были далеко не у всех (установки домашнего телефона приходилось ждать чуть ли не двадцать лет), некоторым гражданам их устанавливали по первому требованию, что означало одно: абонент интересен для надзора над ним. Под присмотром находились и постояльцы отелей – за ними вели наблюдение с помощью телекамер.

Впрочем, далеко не вся техника в ГДР была высшего качества, и потому сотрудники Штази, прибегая к прослушиванию и видеонаблюдению, в основном полагались на информаторов. Около двух процентов восточных немцев регулярно доносили на своих коллег, друзей и знакомых. В некоторых областях человеческой деятельности организованная Штази система доносов была наиболее интенсивной. Так, каждый двадцатый врач доносил на своих коллег.

После падения ГДР в помещениях Штази обнаружили запечатанные сосуды с лоскутами материи. Позже установили их назначение: лоскуты были пропитаны потом, взятым из подмышек мужчин или собранным с бедер женщин, что позволяло в случае надобности пустить по следу собак.

Во время публикации романа «1984» почти треть планеты (включая новорожденную КНР) придерживалась образа жизни, которым Оруэлл наделил описанное им государство^[2]. Однако в 1989 году Восточная Германия сбросила путы Большого Брата. После

ликвидации Берлинской стены некоторая часть населения мира, страдавшая от тоталитаризма, вздохнула свободно. К началу двадцать первого века число режимов, удушающих народы, можно было сосчитать на пальцах одной руки: Мьянма (Бирма), Северная Корея, а также, вероятно, Вьетнам и Куба. По данным «Фридом хаус», организации, отслеживающей нарушения прав человека, с 1975 по 2010 год число свободных или частично свободных наций увеличилось с 54 до 78 процентов.

Длительные исследования подтверждают эту тенденцию. Исследователи накопили немало данных о развитии демократии за последние два столетия. Однако они пришли к неожиданным выводам: в девятнадцатом веке развитие демократии резко остановилось и сопровождалось стагнацией в появлении новых демократических государств. Такое положение характерно и для двадцатого века вплоть до 1980 года, после чего последовал всплеск демократического развития^[3].

Еще более драматичным – в период с 1920 по 1980 год, когда развивались радио и телекоммуникации, – оказалось резкое увеличение числа деспотических государств. (Две упомянутые государственные формации не являются симметричными, ибо наряду с ними существует и третья – неопределенная государственная система). Стоит отметить, что в начале и середине двадцатого века увеличилось количество деспотических государств, описанных Оруэллом. Вероятно, этот писатель был бы до крайности удивлен, узнав, что после 1980 года деспотизм пошел на спад.

Очевидно, что соотношение деспотических и демократических государств не имеет причинной связи, но случившийся поворот событий, несомненно, озадачил бы Оруэлла, ибо технологии, доступные в наши дни тоталитарным режимам, превзошли творческие фантазии этого сочинителя: камеры слежения способны считывать автомобильные номера из космического пространства, технология интеллектуального анализа данных с помощью Интернета позволяет обрабатывать миллионы сообщений в минуту, современные микрофоны способны уловить «звук комариного испражнения с расстояния в 5000 ярдов». Каким же образом, несмотря на подобные технологии слежения и надзора, государства утратили контроль над людьми?

Коротко говоря, при рыночной экономике коммуникации и технологии слежения быстро подешевели и стали доступными для населения. Любое устройство, способное увеличить скорость и емкость коммуникации, увеличивает возможности пользователя влиять на события, и, разумеется, такое влияние также является неотъемлемой составляющей политической власти. С течением времени эти коммуникационные технологии, однажды расширившие возможности государства, расширили и возможности отдельного человека. Иными словами, коммуникационные технологии, которые дали возможность правительствам следить за своими гражданами, позволили гражданам избегать слежки и даже контролировать деятельность правительства^[4].

В тридцатых-сороковых годах девятнадцатого столетия трудами Морзе, Кука и Уитстона был изобретен и усовершенствован телеграф, но первые образцы были исключительно дороги, и потому поначалу его использовали только для передачи наиболее важных правительственных, военных и финансовых сообщений. Радио– и телевизионные станции поначалу также стоили недешево, и потому пропагандистские передачи были неизменно «целенаправленными» и строго контролировались государственными структурами. Да и печатные машины, которым шел уже пятый век, по-прежнему обходились в солидные суммы.

Когда Оруэлл в середине двадцатого века писал свой роман, он даже представить себе не мог, что в скором времени обыкновенные люди в повседневной практике станут использовать дорогие и сложные коммутационные технологии. Оруэлл умер в 1950 году, и потому ему не довелось увидеть внедрение современных коммутационных устройств в быт: факсов, ксероксов, персональных компьютеров, Интернета и сотовых телефонов с фотографической камерой – устройств, которые помогли спасти мир от гибели, чего так боялся Джордж Оруэлл.

Развитие новых коммуникационных технологий происходило стремительно. Если в 1960 году только правительства, военные ведомства и большие компании располагали компьютерами, то в 1970 году компьютеры появились даже в маленьких фирмах. К 1990 году недорогие компьютеры стали доступными населению, к 2000 году большинство жителей развитых стран использовали Интернет, а в 2004 году получил распространение широкополосный доступ в Сеть.

Во второй половине двадцатого века, когда новые коммуникационные технологии стали доступными для населения, они помогли демонтировать структуры тоталитарных режимов, которые прежде с помощью таких технологий притесняли народ. В том, что актуальные коммуникационные технологии поначалу используются государством для притеснения населения, а затем осваиваются этим же населением для борьбы с властями предержащими, нет ничего особенно нового.

Если углубиться в историю, можно узнать, что развитие технологий коренным образом изменяет политический, религиозный и даже культурный баланс в стране, которая ввела у себя эти новации. Начнем с того, что в восемнадцатом и девятнадцатом веках в Англии действовали «хлебные законы», установившие обременительные таможенные тарифы на импортируемое зерно. Цены на зерновую продукцию значительно поднялись, а вместе с ними и цены на отечественное зерно. «Хлебные законы» увеличили доходы английской земельной аристократии и больно ударили по карману простого народа, к тому же провоцируя голод.

К началу девятнадцатого столетия разгорелась нешуточная борьба между одобрявшей эти законы английской аристократией и двумя группами, требовавшими их немедленной отмены. Одну из этих групп составляли жители городов, а другую – фабриканты, на которых эти горожане работали. Почва для отмены «хлебных законов» была подготовлена биллем о реформе парламентского представительства 1832 года (который предоставил право голоса средним и мелким предпринимателям), а также расширением сети железных дорог и введением цены в 1 пенни для почтовых отправок. Наконец, неурожай ирландского картофеля и пшеницы привел к отмене «хлебных законов» в 1846 году.

Почему же развитие железных дорог и введение низкой платы за почтовые пересылки содействовали отмене «хлебных законов»? Ответ заключается в том, что у лидеров Лиги борьбы против этих законов появилась возможность разъезжать по стране, заниматься агитационной работой и множить число сторонников, а также заваливать памфлетами и критическими статьями нужной направленности печатные издания Англии. Когда почва для отмены «хлебных законов» была полностью подготовлена, Ричард Хобден,

лидер упомянутой лиги, во всеуслышание заявил: «Хлебные законы долой!»

Если углубиться в историю еще дальше, то можно узнать, что в 1500 году промышленное производство бумаги и появление печатных станков привели к увеличению грамотности среди населения, что позволило простым людям высказывать свое мнение о происходящих событиях и успешно влиять на эти события. Когда Мартин Лютер появился в Виттенбергском университете, он обнаружил там большую библиотеку, обязанную своим появлением Гутенбергу, который изобрел первый печатный станок и тем самым положил начало широкому распространению книгопечатания в Европе. Реформацию инициировал не Лютер-теолог, а Лютер – публицист и издатель.

В истории человечества новые коммуникационные технологии неизменно привлекали внимание населения. Еще до времен Мартина Лютера люди с охотой читали Библию, написанную на родном языке, а также еретические произведения и памфлеты о папской коррупции, что обернулось логичным исходом: римской католической церкви стало довольно трудно продавать собственные издания. Более того, появившиеся «печатни», как двумя веками позже кофейни, сделались местом встреч свободомыслящих граждан, которые, встречаясь, обменивались суждениями о текущем положении дел в стране и обсуждали пути его улучшения.

Связь между доступностью коммуникационных новаций и индивидуальной свободой восходит к рассвету истории человечества. Пять тысячелетий назад в Шумере и Египте образованные люди использовали – крайне сложные и потому недоступные для простого люда – клинопись и иероглифическое письмо, ставшие инструментом осуществления власти над большим количеством населения. Не является случайным стечением обстоятельств тот факт, что появление первых в мире империй в Месопотамии и Египте произошло после изобретения клинописи и иероглифического письма соответственно. И месопотамская клинопись, и египетское иероглифическое письмо имеют одну структуру: каждый символ (рисунок) соответствует определенному слогу или целому слову. И месопотамское, и иероглифическое письмо состоит из тысяч подобных символов, и чтобы досконально овладеть этой грамотой, требовалось весьма

долгое время. Даже писцы не столько читали тексты, сколько их расшифровывали.

В древности сложности вызывало не только чтение, но и письмо – прежде всего по причине дороговизны необходимого материала. Цена свитка папируса, на котором писали древние египтяне, равнялась жалованью квалифицированного ремесленника за несколько часов изнурительного труда. За пределами долины Нила писали на коже животных. До того как технология производства бумаги проникла в мусульманский мир и Европу, на изготовление одного фолианта шла кожа стада овец. Только в Месопотамии, где употребляли для письма влажную глину – доступный и недорогой материал, – положение с письмом было лучше. Неудивительно, что в те времена правители использовали дорогостоящее письмо для увеличения своей власти над населением и расширения государства. Писец в те времена был равноценен успешному в своем деле предпринимателю, чье умение освоить новую высокую технологию – грамотность – прокладывало дорогу к богатству и власти.

Некий египтянин так наставлял своего сына:

Научись писать, и эта премудрость убережет тебя от тяжелого физического труда... Я как-то видал кузнеца у горна, его пальцы были подобны лапам крокодила, а несло от него, как от тухлой рыбы... Ткачу в мастерской приходится хуже, чем женщине. Он сидит скрюченный, с коленями, прижатыми к животу, да и свежим воздухом не дышит.

Неграмотность неизбежно уменьшает возможности человека, и в стародавние времена в Месопотамии и Египте барьеры на пути овладения грамотой способствовали тому, что политическим влиянием в этих странах пользовались только аристократы и их писцы. В обществе, в котором лишь меньшинство населения умеет читать и писать, неграмотность пребывает в извечном страхе перед образованностью и грамотностью, и правящие классы вовсю используют этот страх. В Древнем мире держать людей в страхе помогала религия, наиболее мощный ресурс политической власти.

В Египте Тот, бог мудрости, счета и письма, по словам филолога Гарольда Инниса, являлся непознанным и таинственным богом письма

и всех знаний, поскольку превращение слов в письмо означало владение всесильным и окутанным тайной знанием, принесшим в бытие то, чего не было^[5].

В дописьменном обществе магия владела умами людей, вызывая особое изумление даже у верхушки общества. Антропологи давно отмечали, что люди, жившие в те времена, приписывали письму божественные свойства. Историки и палеографы (специалисты, изучающие старинные рукописи и способы их написания) даже ввели в употребление термин – *magicous* (непостижимый, мистический) – для описания того неизгладимого впечатления, которое производил на людей написанный текст.

Британский антрополог Джек Гуди, к примеру, заметил, что африканцы использовали книги как магические тотемы. По его словам, книга для них – «могущественный объект, и слишком близкое ознакомление с ним может привести к помешательству». Благоговение перед книгой можно проиллюстрировать поступком привезенного в Англию нигерийского раба Эквиано. Оказавшись однажды в церкви, он дождался, когда прихожане покинут помещение, взял в руки Библию и приложил книгу к уху, чтобы услышать, что в ней написано. А вот проживавший в Америке беглый раб Фредерик Дуглас хорошо осознавал значение грамотности. Он говорил: «Научитесь читать, и вы будете всечасно свободны».

С другой стороны, французский этнограф Клод Леви-Строс дал наиболее известную и, несомненно, самую мрачную характеристику всемогущества, магии и власти письма. Он заметил, что ни одно из ранних значительных технологических достижений – одомашнивание животных, оседлое земледелие, изобретение колеса и использование огня – не нуждалось в «сатанинском» искусстве письма. И приравнял грамотность к подчинению человека человеком.

Леви-Строс пишет:

Единственный феномен, которому развитие письменности неизменно сопутствовало, заключается в образовании городов и империй, или, другими словами, в вовлечении большого числа людей в политическую систему и в их разделении на касты и классы... Развитие письменности скорее благоприятствовало эксплуатации

человека человеком, чем просвещению... Основная функция письменности – способствовать рабству. Использование письма для интеллектуального и эстетического развития, да и для других бескорыстных целей, – второстепенно.

Для мира, в котором грамотой владело лишь небольшое число людей из числа правителей, суждение Леви-Строса звучит довольно правдиво. Однако около 1500 года до нашей эры монополия владения грамотой дала трещину. В то время где-то на юге Леванта, возможно, на западе Синайского полуострова, вблизи Серабит-эль-Хадима, где имелись месторождения бирюзы, грамотность и политика «сдвинулись со своих мест». В этой засушливой местности (несомненно, одной из наиболее слабых точек опоры исторического развития) египетские надсмотрщики следили за работой на рудниках иноземных рабочих-семитов, выходцев из Палестины и Сирии. Семиты преисполнились чувством благоговения к египетскому «магическому» письму и сумели извлечь из него основу для массовой грамотности: около двух дюжин фонем – самостоятельных звуков речи, представленных знаками (буквами), которые могут слагаться в слова. То, что язык (система звуковых и словарных средств) может быть выражен небольшим количеством знаков, вероятно, не ускользнуло от египтян, но владевший грамотой правящий класс страны не пожелал упростить свою письменность, дававшую ему средства к существованию, и потому прогрессивным преобразованием письменности занялись иноземцы.

Ученый Мартин Спренглинг, размышляя о том, как сложная система египетского письма могла быть трансформирована в письмо буквенное, предположил, что семитские мастера, работавшие на египетских рудниках, вероятно, общались с местными писцами низкого ранга, которые в работе чаще использовали иератическое письмо, скорописную форму древнеегипетского письма. (Египтяне использовали иератическое письмо в повседневной работе, а более сложное – возникшее из пиктографии иероглифическое – для работы по камню). Трудившиеся на египетских шахтах семитские мастера, чтобы увековечить свои имена, вероятно, просили местных писцов научить их иератическому письму и, получив этот опыт в простейшем виде, выбивали свои имена на камне. Так называемая

протосемитическая система письма стала усовершенствованием египетского и шумерского силлабического письма. Со временем эта система получила дальнейшее развитие в финикийском, еврейском и арабском алфавитах. В настоящее время современные алфавиты западных стран, по существу, состоят из того же сравнительно небольшого числа фонем.

Еврейский алфавит стал впервые понемногу использоваться в Иудее в шестом веке до нашей эры перед началом Вавилонского плена, и пророки, по всей видимости, использовали новое средство для контакта с народными массами.

Историк Уильям Макнил предполагает:

«Пророчества и протесты, критика распространенных обычаев и радикальное введение новых принципов добродетели могли ограничиваться лишь пределом голоса человека и памятью слушателей... Если бы письмо оставалось монополией привилегированной верхушки, то гневные высказывания пророков, клеймивших установившиеся обычаи, никогда бы не были запечатлены в письменном виде. Следовательно, демократизация знаний, добытых при изучении простых рукописных текстов, должна рассматриваться как один из поворотных пунктов в истории цивилизации».

Финикийцы, неутомимые предприимчивые торговцы, распространили свой алфавит во многих землях Средиземноморья. В восьмом веке до новой эры их алфавит появился в Греции. Некоторые согласные звуки этого языка не использовались в греческой речи, но нашелся некий сообразительный человек, который использовал согласные буквы финикийского алфавита, не имевшие в греческом языке звукового эквивалента, для обозначения гласных звуков, что позволило даже детям учиться грамоте с пяти-шести лет^[6].

К четвертому веку до нашей эры от трети до половины афинского населения умело читать и писать. В Афинах при решении вопроса об изгнании граждан, опасных для государства, проводилось голосование на глиняных черепках (*ostraka* – отсюда современное «остракизм»), на которых писали имена изгоняемых. В голосовании принимали участие

шесть тысяч граждан. Демократия, получившая развитие в Греции, в отличие от Месопотамии и Египта, никоим образом не случайна.

В течение последних пятнадцати лет я, занимаясь литературным трудом, писал о финансах и об истории. Первые две свои книги, посвященные финансам, я проиллюстрировал историей экономики и немалым числом примеров рыночных отношений. Как большинство успешных политиков, юристов и высокопоставленных менеджеров владеют острым ощущением исторического развития, так и лучшие инвесторы не только улавливают эхо прошлых событий, но и складывают из этого эха симфонию, которую увязывают с текущим положением дел на рынке. Такая способность приносит интеллектуальную и материальную выгоду.

Ни один из трудов по истории не произвел на меня столь сильного впечатления, как «Добыча», книга Дэниела Ергина, написанная в 1991 году. Изложенная в книге подробная история мировой нефтяной промышленности — прямо-таки удавшаяся попытка заглянуть за горизонт современного мира сквозь маслянистую и турбулентную призму нефтедобычи. Когда я писал «Рождение изобилия», работу, в которой анализировал ускорение мирового экономического развития в девятнадцатом веке, то использовал книгу Ергина как признанную модель. Ергину удалось рассказать о современном экономическом росте на фоне современной истории. Воодушевленный этим опытом Ергина, я написал еще одну книгу — «Великолепный обмен», работу, в которой рассказал о развитии мировой торговли с доисторического периода до 1999 года, когда в Сиэтле прошли выступления против Всемирной торговой организации.

При написании «Великолепного обмена» я заинтересовался причинами отмены «хлебных законов», существенного этапа идеологической истории мировой торговли. Начиная с 1066 года, небольшая группа аристократов владела в Англии значительными земельными угодьями, что позволяло ей, используя эти законы, наживаться на продаже зерна и за счет полного кошелька доминировать на политической сцене. Но, как уже было сказано, использование печатных изданий, введение цены в 1 пенни за почтовое отправление, развитие железных дорог и связанная с этим возможность разъезжать по стране и заниматься агитационной работой позволили Ричарду Хобдену и его сторонникам настоять на отмене

«хлебных законов». Отсюда логичен вывод: в мире, в котором только властные и богатые люди владеют средствами дальней связи, все остальные пребывают под их влиянием.

Коммуникационные технологии – одна из основ политической власти. Сами по себе коммуникационные технологии не ведут ни к увеличению гражданских свобод, ни к их ущемлению. Но возможность доступа к ним определяет политическую реальность. Гитлер и Сталин, захватив власть, монополизировали технологии подобного рода и внедрили слежку за населением, которое не имело широкого доступа к коммуникационным устройствам, да и использование населением подобных устройств по своему усмотрению считалось недопустимым.

Однако когда коммуникационные технологии оказываются доступными для обыкновенных людей, то население может более эффективно противостоять местным властям. В демократических греческих городах-государствах алфавит доказал, что он острее меча; в Средневековье печатный станок оказался сильнее римско – католической церкви; в наше время фотографические камеры сотовых телефонов эффективнее, чем камеры наблюдения.

Главные коммуникационные технологии следующие: язык, письмо, механизация письменности и электронное кодирование передаваемой информации. В середине двадцатого века Джордж Оруэлл и другие публицисты боялись последней из указанных технологий. В начале двадцать первого века отношение к ней значительно изменилось. Однако мало спросить: «Что делают эти устройства?» Необходимо добавить: «Сколько людей их контролирует?»

В то же время даже отсутствие простейших средств сохранения информации может привести к изрядной несправедливости, что показала живучесть рабства после гражданской войны в Америке. Даже после принятия в 1863 году прокламации об освобождении рабов в США и восстановлении Юга сотни тысяч чернокожих мужчин стали жертвами нового вида рабства: за малейшее преступление, в том числе за бродяжничество, их приговаривали к работам на частных фабриках, шахтах и фермах^[7].

На этих фабриках и фермах условия труда и уровень смертности были нередко даже выше, чем на плантациях довоенного Юга. В 1906

году министерство труда США направило комиссию во главе с пионером-социологом, чернокожим У. Дюбуа, для изучения условий существования чернокожих в округе Лаундес, штат Аризона, тогдашнем оплоте нового рабства.

В том же году Дюбуа представил правительству отчет и стал ждать публикации документов; ожидание изрядно затянулось. Примерно спустя год правительство наконец известило Дюбуа, что его отчет признан слишком острым по содержанию для публикации; единственный экземпляр этого отчета был уничтожен. В отсутствие широко распространенного впоследствии технического устройства – копировального аппарата – отчет Дюбуа оказался утрачен навсегда, и в итоге эта новая форма рабства просуществовала почти до середины двадцатого столетия.

Приступая к данной работе, я не стремился объединить все известные коммуникационные технологии в некий энциклопедический справочник. Практически невозможно провести строгое хронологическое исследование этой темы в одном печатном издании современного образца. Также невозможно во всех подробностях рассказать обо всех значимых технологиях. На мой взгляд, радио, по сравнению с телевидением, яснее и точнее демонстрирует природу и силу коммуникаций, поэтому из этих двух средств информации я уделю больше внимания радио. По той же причине я в большем объеме расскажу о множительных приспособлениях и устройствах (в частности, о копировальной бумаге) по сравнению с рассказом о телефонах и факсах. И все же я надеюсь, что моя книга окажется полезной и будет соответствовать выбранной мною тематике. Свой рассказ я проиллюстрирую известными мне забавными историческими примерами, которые постараюсь вплести в паутину повествования, что обретет начало в Месопотамии, тянется через Серабит-эль-Хадим, древние Афины и Страсбург и достигает лабораторий и медиакомплексов современного Запада.

Однако занимательные исторические примеры, да и назидания автора – если основные положения избранной темы раскрыты не в полной мере – не удовлетворят взыскательного читателя. Если автор хочет добиться успеха, ему следует создать концептуальный каркас и с его помощью охватить настоящее и заглянуть в будущее.

В процессе написания этой книги я убедился, что главное достоинство новых внедряемых в практику технологий заключается в их быстром распространении. В настоящее время представляется правдоподобным, что новые цифровые коммуникационные технологии (вкупе с аналоговыми) за счет широкого распространения и доступности склонили чашу весов в использовании информации в пользу обычных граждан, своей активностью превозмогших возможности государства. В 2010–2011 годах видеоклипы о самосожжении и похоронах тунисского зеленщика Мохаммеда Буазизи (своим поступком выразившего протест против социальной несправедливости) всколыхнули Тунис и привели к падению жестокого коррумпированного режима. В дальнейшем в арабском мире произошли новые выступления против властных режимов (одни успешные, другие безрезультатные), но все они массово подпитывались информационными и агитационными материалами, выложенными в Сети.

В свое время изобретение телеграфа, радио и телевидения дало надежду на то, что эти коммуникационные средства покончат с обособленностью людей и наведут мосты между народами. Однако, как заметил Джон Адамс, политическая мудрость со временем, к несчастью, не возрастает даже при наличии постоянного научного и технического прогресса, и человечество неизменно наступает на те же надоедливые грабли, а новые изобретения зачастую увеличивают разобщенность людей.

Дэниел Бурстин, американский историк и публицист, назвал консерватизм политики и человеческой природы сутью «закона Адамса». Мнение Адамса Бурстин расширил несколькими своими соображениями, в частности, мыслью о том, что технологии, далекие от удовлетворения потребностей человека и решения насущных проблем, создают новые надобности и расширяют проблемы. «Закон Бурстина» можно сформулировать так: остерегайтесь оптимизма в отношении социальной и политической пользы Интернета и средств массовой информации, ибо в то время, как технологии прогрессируют, человеческая природа и суть политики остаются прежними.

Резонно спросить: могут ли сами коммуникационные технологии влиять на политику, вне зависимости от социального и политического контекста? Циник может ответить, что тот, кто использует

коммуникационные технологии, и определяет политику. А если кто-то, по мнению того же циника, по недомыслию предположит, что технологии по своей природе являются деспотичными или демократическими, то циник язвительно объяснит, что человек, высказавший такое суждение, склонен к «детерминизму»^[8].

И все же, если окинуть взглядом историю человечества, можно понять, что коммуникационные технологии способствуют развитию демократии. Простая система письма по своей природе гораздо демократичнее предшествовавших ей сложных аналогов. Производство больших тиражей продукции на печатных станках демократичнее способа изготовления книг в скрипториях средневековых монастырей. Дуплексные мобильные телефоны и Интернет демократичнее радио и телевидения, осуществляющих одностороннюю связь. История двух последних столетий подтверждает это суждение. На протяжении двадцатого и нынешнего столетий гораздо больше людей, чем прежде, живет по демократическим правилам, и достижению этого результата во многом способствовали новые коммуникационные технологии, облегчающие и стимулирующие двустороннюю связь.

В будущем научные достижения могут снабдить правящие круги сложными, мощными и дорогими устройствами, позволяющими следить за людьми и их контролировать. Оптимисты, должно быть, тогда расширят устоявшееся понятие «информационных технологий». За последнее десятилетие стоимость расшифровки человеческого генома снижалась быстрее цены компьютеризации. В скором времени, вероятно, эта технология станет доступна даже в аптеках и банях. Технический прогресс, несомненно, расширяет на благо людей возможности медицины, но он также дает в руки диктаторам новые инструменты притеснения граждан.

Рациональное зерно этой книги кажется очевидным: на базовом уровне термины «коммуникация» и «политика» представляются почти синонимами. В конце концов, политика – это коммуникации на службе государства. Лишь осознав значение доступа и обладания коммуникационными технологиями, которые со временем становятся все сложнее, можно понять меняющиеся приоритеты политики, культуры и условий жизни людей.

Глава первая

Происхождение письма

Речь, универсальное средство человеческого общения и обмена жизненным опытом, при произнесении исчезает: еще до того, как слово полностью сказано, оно уходит в небытие. Письмо, первая технология, сделавшая произнесенное слово устойчивым, изменило условия человеческой жизни.

Дениз Шмандт-Бессера

Греческий историк Геродот в своей знаменитой книге рассказывает, что Оройт, персидский сатрап, наместник города Сарды (ныне Измир в Западной Турции) справлялся (правда, по-своему) с государственными делами, а вот читать и писать не умел. Назначенный на пост около 530 года до нашей эры Киром Великим, основателем персидского царства, Оройт правил сатрапией не только во времена Кира Великого, но и при последующих персидских правителях – Камбисе II и Дарии I. Переход власти к Дарию I сопровождался волнениями, воспользовавшись которыми Оройт обрел немалую автономию от Суз, столицы персидского государства, находившейся на юге нынешнего Ирана, на большом расстоянии от Сард.

Почувствовав сладость почти безграничной власти, Оройт распоясался. Когда Митробат, наместник соседней провинции, посоветовал ему в колких тонах не задевать Поликрата, тирана Самоса, Оройт сначала убил Поликрата, затем обидевшего его Митробата и наконец его сына. Позже Оройт придерживался нейтралитета во время восстания греческих ионян против персидского царства, чем привел Дария, и до того не расположенного к Оройту, в крайнее недовольство. Предел терпения Дария наступил после того, как Оройт принялся убивать столичных курьеров, привозивших ему раздраженные послания царя. В конце концов, по словам Геродота, Дарий, обратившись к своим придворным, воскликнул: «Кто возьмется избавить меня от докучливого жреца? Он погубил Митробата с сыном,

а затем и моих посланцев, которым я повелел призвать Оройта ко мне. Мы должны обуздать его, покарав смертью, пока он не натворил еще больших зол».

Расправиться с Оройтом было, однако, не так-то просто. Борьба с восставшими против персидского царства греками истощила армию Дария, а у Оройта имелось войско в тысячу человек. Кроме того, Сарды находились в 1500 милях от Суз – на расстоянии, существенном и для нашего времени, – и даже дороги, проложенные Дарием, ненамного упрощали задачу. Несмотря на все трудности, на призыв Дария откликнулось большое число придворных, и каждый горел желанием выполнить царское поручение. Тогда Дарий повелел кинуть жребий, который выпал Багаю. Тот решил, что действовать лучше хитростью, а не силой, и попросил писцов Дария приготовить несколько папирусных свитков с различным содержанием. Получив эти свитки и скрепив их царской печатью, Багай отправился в Сарды.

Приехав в Сарды, Багай в присутствии стражи Оройта начал передавать привезенные свитки писцу сатрапа в определенном порядке. Содержание первых нескольких свитков носило безобидный характер. Заметив, что стражники почтительно выслушивают содержание свитков, Багай собрал все свое мужество и передал писцу свиток, в котором говорилось о том, что Оройт лишается власти. Услышав это повеление Дария, стражники сложили копья к ногам Багая. Наконец дошла очередь до последнего свитка, который гласил: «Царь Дарий повелевает находящимся в Сардах персам убить Оройта». Повеление Дария было выполнено.

Будь Оройт грамотным, он мог бы сам прочитать свитки, интерпретировать их в свою пользу и остаться в живых. Единственными грамотными свидетелями этой истории, похоже, были только писцы по обоим концам полуторатысячемильной информационной дороги. Но такова была магия и всесильность письма, что Геродот, со скептицизмом относившийся ко многим из тех преданий, которые он, услышав, переносил в свои сочинения, историю, рассказывающую, как Багай выполнил повеление Дария, принял за правду.

Археологи и палеографы полагают, что очаг «магии и всесильности» зародился на юге Месопотамии около пяти тысяч лет назад. С большой долей вероятности установлено, что первое письмо

появилось не из желания записать какую-либо историю, а для бытовых нужд. Так что породила письмо не художественная, а житейская проза.

Около ста тысяч лет назад, вероятно, на северо-востоке Африканского континента, люди сформировали комплекс поведения, характеризующий человеческий род. Этот комплекс включал сотрудничество, способность понимать абстракции, отражающие факты объективного мира, и, наконец, первую главную коммуникационную технологию – речь. Вторая главная коммуникационная технология – письменность – представляет собой фиксацию абстракций.

Письменная абстрактная информация достигает сознания человека пятью средствами: письмом, математической нотацией, рисунками (фотографиями), видеографией, географическими картами и часами. С помощью этих средств человек может мысленно получать и усваивать звуковую, нумерологическую и визуальную информацию, сведения о пространстве и данные текущего времени. (Некоторые исследователи считают, что упомянутые средства можно расширить, например, нотной записью.) Чтобы мысленно принимать и усваивать информацию, предоставляемую рисунками, географическими картами и часами, требуется лишь непродолжительный навык, и я в своей книге расскажу, главным образом, о развитии письменности, а также уделю некоторое внимание числам и счету.

Как показывает типовое тестирование с помощью тестов IQ, интеллект человека быстро растет, увеличиваясь каждые десять лет на несколько баллов. Этот феномен, известный как «эффект Флинна», на самом деле не соответствует истинному положению дел, ибо в противном случае, если использовать эту градацию определения умственного развития человека для прошлых времен, при Ньютоне средний IQ человека равнялся нулю, а во времена Аристотеля – минус тысяче баллов.

Чтобы разобраться в этой проблеме, обратимся к типовому вопросу тестов IQ. Звучит он примерно так: какое слово лишнее в приведенном ряду – «ружье, стрела, долото, олень»? Большинство современных людей ответит, что лишнее слово в приведенном ряду – «олень», поскольку остальные слова относятся к неодушевленным предметам. А вот необразованные люди прошлого времени дали бы, вероятно, другой ответ – «долото». Почему? Да потому, что с помощью

стрелы или выстрела из ружья можно убить оленя, а долото для этого не годится. Чтобы обособить обладающего жизнью оленя от трех неодушевленных предметов, требуется абстракция. В течение нескольких последних столетий интеллект человека развивался не слишком быстро (если вообще развивался), но уровень абстрактного мышления, несомненно, повысился, что необходимо для современной цивилизации.

Среди множества абстрактных понятий, освоенных человеком, вероятно, первым и наиболее важным является счет. Но даже в настоящее время не все народности пользуются этим абстрактным понятием. Некоторые туземцы и ныне используют для счета лишь два числа: «один», «два» и понятие «много». Конечно, всякий в состоянии отличить пять от шести предметов, но не во всех языках есть слова для идентификации чисел. Письмо по своей природе суть нотация абстрактных понятий, но все же первым и наиболее легким мерилем развития абстрактного мышления человека является счет.

Первые признаки счета археологи обнаружили на костях с системой насечек. Эти артефакты были найдены в Южной Франции на месте стоянки неандертальцев. Находки датируются примерно сотысячным годом до нашей эры. Образцы с более сложной системой насечек были обнаружены археологами в Израиле. Этим артефактам около 30 000 лет. Со временем система насечек на костях еще более усложнилась. В ущелье Кзар Акил в Ливане нашли кости с насечками, имеющими V- и X-образную форму. Этим находкам от 14 до 17 000 лет.

Исследователи выдвигали предположения, для чего предназначались кости с насечками. Некоторые пришли к заключению, что насечки фиксировали видимые фазы Луны, но это крайне сомнительно. Большинство ученых сошлись на том, что насечки использовались для счета, и если это предположение верно, то найденные кости с насечками – наиболее ранние из найденных образцов записи абстрактных понятий для последующего использования. Археологи и палеографы полагают, что еще при палеолите люди применяли для хозяйственных нужд счетные приспособления в виде узлов, завязанных на веревке, пучков прутьев, зарубок на дереве, но до нашего времени сохранились лишь кости, да еще камни с насечками. Археологические находки главным образом

обнаруживаются в местностях с сухим климатом – там, где сырость не оказывает на окружающую среду разрушительного воздействия. Поэтому легче обнаружить интересные артефакты любого типа и любой эры на Среднем Востоке, чем в Англии или в Камбодже.

Найденные образцы фиксации абстрактных понятий позволяют лучше понять мир древних людей и его поступательное развитие. Можно предположить, что культуры, понимавшие необходимость фиксировать нужную информацию, эволюционировали поступательно, а те, кто этого не осознавал, останавливались в развитии, и их в конце концов вытесняли абстрактно мыслившие противники.

После десятитысячного года до нашей эры на территории «Благодатного полумесяца» появилась новая технология счета с использованием мелких предметов (в наше время получивших название «фишек»). Долгое время предметы такого рода, обнаруженные в ходе раскопок, не интересовали ни палеографов, ни антропологов, ни археологов.

Положение изменилось в 1968 году, когда Дениз Шмандт-Бессера, незадолго до этого окончившая Французский университет истории искусств, отправилась на Средний Восток изучать экспонаты местных музеев. Среди экспонатов она обнаружила небольшие глиняные изделия в виде дисков, цилиндров, конусов и другие – более сложной конфигурации. Один из археологов о подобных предметах пишет: «В слоях 11 и 12 [производимых раскопок] обнаружены пять неясного назначения конических предметов из глины. Пожалуй, ближе всего они походят на медицинские свечи. Для чего эти предметы служили на самом деле, остается только гадать».

В последующие годы Шмандт-Бессера разрешила эту загадку. Она установила, что самые древние из заинтересовавших ее изделий (размером в 1–2 см и имеющих форму сфер, цилиндров, конусов, тетраэдров и дисков) относятся примерно к 7500 году до нашей эры и что они, главным образом, найдены археологами на местах древних зернохранилищ в районах оседлого земледелия. В более ранних слоях, относящихся к тому времени, когда люди занимались охотой и собирательством, подобные предметы ни разу не находили.

После 7500 года до нашей эры с развитием земледелия география распространения подобных изделий (фишек) расширилась, и к началу шестого тысячелетия они стали использоваться во многих районах

«Благодатного полумесяца». Со временем конфигурация фишек стала более сложной, и на них стали наноситься насечки (метки). Развитие земледелия и последовавшее за этим появление городов привели к разделению труда среди населения. Большинство людей того времени занималось сельским хозяйством, но особая группа – рабы, ремесленники, солдаты, священнослужители и чиновники – часть произведенной продукции потребляла. Для снабжения населения городов продовольствием появилась необходимость в системе мер и весов. Шмандт-Бессера пришла к заключению, что заинтересовавшие ее фишки как раз и являлись составляющими этой системы мер.

Она посчитала, что наиболее распространенная фишка, имеющая конусообразную форму, могла использоваться как мера, соответствующая литру зерна, сфера маленького размера – как мера, соответствующая бушелю, а большая сфера – как мера значительного количества того же зерна. Маленькие и большие фишки в виде яиц с насечками могли использоваться для счета кувшинов с маслом (маленьких и больших). Таким образом, определенное количество поставляемого зерна могло определяться, к примеру, пятью небольшими сферами, а определенное количество масла – пятью небольшими фишками яйцеобразной формы.

Отметим, что на этой стадии развития общества людям еще предстояло освоить абстрактные представления и понятия, в данном случае – числа. В использовавшейся системе мер и весов не присутствовали предметы (фишки), символизирующие абстрактные числа, которые фиксировали количество чего бы то ни было. Существовавшие фишки обозначали лишь заданное количество, к примеру, масла или зерна. Абстрактное число «пять», которое может сочетаться с любым предметом, появится только в будущем.

Около 3300 года до нашей эры, с появлением административно-муниципальных образований, шумеры начали закладывать фишки в небольшие сферические глиняные контейнеры (в наше время названные «конвертами»), на которые предварительно наносились оттиски содержимого. В одном из таких конвертов археологи обнаружили три конуса и три сферы, то есть, по суждению Шмандт-Бессеры, три маленькие и три большие меры зерна.

Археологи, к своему удивлению, обнаружили при раскопках большое количество нескрытых «конвертов» и предположили, что эти

«конверты» – своего рода официальные документы, которые следовало вскрывать в случае спора^[9]. По другому, более приемлемому суждению, содержимое «конвертов» говорило о долговых обязательствах.

Около 3250 года до нашей эры на смену «конвертам» пришли плоские глиняные таблички с оттисками, но по оттискам на тонкой плоской поверхности крайне трудно определить их истинное значение. Диск можно принять за сферу, а треугольник – за тетраэдр. Несомненно, возникла необходимость в более определенной и ясной системе нотации. Шмандт-Бессера пришла к заключению, что первой системе нотации – шумерской письменности – положили начало фишки.

Но каким образом шумеры внедрили свою систему счисления в письмо, мы вряд ли узнаем. Работа Шмандт-Бессеры привлекла внимание, главным образом, потому, что она, казалось, подрывает «пиктографическую гипотезу», согласно которой пиктография есть письмо, передающее сообщения посредством рисунков. «Фишечная гипотеза» Шмандт-Бессеры была такой неожиданной и настолько отличалась от пиктографической, что она вызвала нешуточную дискуссию. Однако в действительности между упомянутыми гипотезами нет реального расхождения – в конце концов, фишки Шмандт-Бессеры сродни трехмерным пиктограммам.

Чтобы понять значение клинописи, появившейся около 3150 года до нашей эры, не обязательно быть знакомым с «фишечной гипотезой» Шмандт-Бессеры. Однако стоит отметить, что и фишки, и первое появившееся письмо привели к одинаковым результатам. Обе системы изложения материала освобождали память людей от непереносимого запоминания фактов и давали несомненное преимущество тем, кто владел редким знанием, перед теми, кто этим знанием не обладал. Нетрудно себе представить, что люди, применявшие со знанием дела фишки в шумерском дописьменном обществе, являлись административной элитой, распределявшей продовольственные запасы. Также вполне возможно, что фишки сыграли определенную роль в образовании первых городов-государств, что произошло около 3300 года до нашей эры. Основу шумерской экономики составляло храмовое хозяйство, и осуществлявшие власть жрецы собирали и

подсчитывали «дары божествам», в частности, на ежемесячных празднествах.

Старая пиктографическая гипотеза имеет несомненные достоинства. Ее автор – Уильям Уорбертон, епископ Глостерский, в тридцатых годах восемнадцатого столетия активно занимался литературным трудом. Его гипотеза возникновения письменности, в ряду прочих, вероятно, наиболее признана ученым сообществом. Уорбертон, который, похоже, ни разу не выезжал за пределы Европы, изложил свою гипотезу в «Божественной миссии Моисея».

Согласно гипотезе Уорбертона, письмо прошло три фазы развития. Первая – «мексиканское» рисуночное письмо, сведения о котором базируются на привезенных испанцами в Европу рукописях ацтеков, выполненных на ткани. На второй – «иероглифической» стадии – рисунки постепенно принимали абстрактный характер и упрощались. Наконец на третьей – «китайской стадии» – рисунки приняли еще более абстрактный характер и, по существу, стали символами, число которых постоянно возрастало и достигло десятков тысяч. Впрочем, богослов Уорбертон не забывал о своих воззрениях. Так, по его суждению, рисунок глаза обозначал Божье всеведение, а змей в круге – Вселенную. Современные ученые, как и Уорбертон, полагают, что иероглифы напоминают пиктограммы. Уорбертон, правда, не понял, что «око Бога» и «змей» имели более банальное и вместе с тем более существенное значение, чем абстрактный и мистический смысл, которыми он их наделил.

Началу расшифровки иероглифического письма послужило вторжение Наполеона в Египет в 1798 году. В Розетте, городе в дельте Нила, французским инженерам попался на глаза камень с тремя различными по стилю письма, но – как выяснилось позже – с идентичными по содержанию надписями. Одна была исполнена на греческом языке, вторая – с помощью иероглифов, а для третьей было использовано демотическое письмо (курсивный вид иероглифов).

После того как англичане выбили из Египта французов, Розеттский камень доставили в Лондон, где текст, высеченный на камне, принялись изучать английские и французские ученые. Дешифровать текст удалось французскому египтологу Жану Франсуа Шампольону. Ученому помогло знание коптского языка (египетского языка на его последнем этапе развития). С его помощью Шампольон

одолеет демотический текст на камне, а поскольку демотическое письмо представляет собой курсивную разновидность иероглифики, ученый расшифровал и иероглифический текст.

В те времена, когда Уорбертон писал «Божественную миссию Моисея», европейцы уже имели довольно ясное представление о Египте, зато почти не имели сведений о месопотамской цивилизации. Правда, в греческих и библейских источниках имелись упоминания об ассирийцах и вавилонянах. Еще в двенадцатом веке европейские путешественники приезжали из далекого Междуречья и рассказывали о древних городах, погребенных под образовавшимися холмами. Но ни греки, ни римляне, ни средневековые европейцы не имели понятия о ранней шумерской цивилизации. Поздние месопотамцы и египтяне возводили свои города из камня, а вот ранние месопотамские храмы и города возводились на землях аллювиальной формации (отложенных текучими водами) из сырцового кирпича. В 1849 году английский археолог Остен Генри Лэйярд писал, что со стен иракского города Тель-Афар «во все стороны открывается вид на руины древних поселений и городов. Когда солнце стало клониться к закату, я насчитал около сотни холмов, бросающих длинные тени на прилегающую равнину». Это были остатки ассирийской цивилизации.

В девятнадцатом веке английские, французские, немецкие и американские искатели приключений стали раскапывать приглянувшиеся холмы, надеясь найти сокровища. Только в двадцатых годах следующего столетия начались официальные систематические раскопки. Английский археолог Леонард Вулли нашел вблизи Ура (города на юге нынешнего Ирана) несколько богатых царских гробниц, относящихся приблизительно к 2500 году до нашей эры. В самой богатой из них оказались груды золота, серебра и ляпис-лазури, а также более семидесяти, в основном женских, скелетов – останков людей, принесенных в жертву своему повелителю и похороненных вместе с ним^[10].

Но более всего привели в изумление археологов найденные в Месопотамии при раскопке холмов глиняные таблички с текстом, исполненным странным наклонным шрифтом (сейчас известным как клинопись). Наиболее значительный образец этого таинственного письма ученые обнаружили на скале, возвышавшейся на две тысячи футов над городком Бехистун (на северо-западе нынешнего Ирана).

Между 520 и 518 годом до нашей эры персидский царь Дарий I превратил эту скалу в монумент, представлявший собой высеченный в скале барельеф с изображением вооруженного луком воина, возвышающегося над врагами, на шею одного из которых он наступил ногой. Монумент был оформлен панелями, выбитыми в скале, с трехязычными надписями, и каждая исполнена шрифтом, похожим на клинопись. В дальнейшем Дарий, чтобы предотвратить вандализм, повелел уничтожить все подходы к возведенному монументу, включая ступеньки, поднимавшиеся к скале.

Эта инициатива Дария I отодвинула на две тысячи лет разрушение монумента, но в то же время не давала возможности путешественникам, передвигавшимся по проложенной через горы Загрос дороге и направлявшимся в Вавилон или в другую сторону – в персидские Эктабаны, приблизиться к монументу и ознакомиться с текстом.

В двадцатых годах девятнадцатого столетия англичанин Роберт Керр Портер сделал несколько набросков скалы и окружающего рельефа. Портер интуитивно почувствовал значимость надписей на скале. Он отметил: «Если когда-либо эти надписи расшифруют, то науке откроется кладезь знаний». Сам Портер, как и другие путешественники, посещавшие Бехистун, подобраться близко к скале не мог – для этого следовало иметь альпинистское снаряжение.

Чтобы подняться по отвесной скале и хотя бы переписать, казалось, непостижимые записи, требовался особенный человек: физически развитый, умный и имеющий склонность к лингвистическим знаниям. И такой человек нашелся. Им стал английский офицер Генри Роулинсон, посланный на Восток в качестве военного советника Ост-Индской компании при одном из местных правителей. Роулинсон уехал из Англии в 1827 году. Тогда ему было всего семнадцать лет, и он ничего не знал о древних языках далекой Месопотамии, разве что слышал, что путешественники время от времени видели в тех краях непонятные клинообразные надписи. Служа в Ост-Индской компании, Роулинсон заинтересовался восточными языками и в конце концов овладел персидским, санскритом, арабским и древнееврейским.

Когда Роулинсон впервые приехал в Бехистун, он не знал, что в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого столетия два немца –

исследователь Карстен Нибур и знаток классических языков Георг Фридрих Гротефенд – уже попытались расшифровать несколько обнаруженных в Персеполе коротких записей, сделанных с помощью клинописи, но сильно не преуспели – для расшифровки необходим достаточно длинный текст.

А вот Роулинсону поистине повезло. Каждая из панелей древнего монумента содержала более тысячи строк, причем это были версии одного и того же текста – на аккадском, эламском и древнеперсидском языках. В тридцатых годах девятнадцатого столетия Роулинсон приступил к штурму скалы, причем на первых порах обходился без страховки и ассистента. По словам его брата Джорджа, «Генри постоянно рисковал жизнью; к счастью, он был опытным альпинистом». В связи с тем, что панели с надписями были отделены друг от друга приличным расстоянием, Роулинсону приходилось подниматься к каждой из них – разумеется, по нескольку раз.

Как ныне известно, письмо может быть изложено буквами, слогами или словами, а также их комбинацией. Изучая древнееврейский текст, Роулинсон проницательно уловил, что в нем всего тридцать шесть разных символов, и на этом основании пришел к выводу, что это – не логографическое и не слоговое письмо, а алфавитное. Далее он заметил, что три группы символов часто повторяются в тексте, и справедливо решил, что это – имена трех персидских царей: Гистаспа, Ксеркса и Дария. Фонетическое звучание данных имен Роулинсону было известно из трудов Геродота, и, руководствуясь этим, Роулинсон определил звучание двенадцати символов, а позже добился сходного успеха еще с шестью символами.

Проделанная Роулинсоном работа продемонстрировала, что интеллектуальным открытиям нередко способствуют своеобразные качества и возможности человека. Сомнительно, чтобы кто-либо без альпинистского опыта смог бы решить задачу, с которой справился Роулинсон, ведь тому пришлось много раз совершить восхождение на скалу.

В 1838 году Роулинсон послал отчет о проделанной работе в находившуюся в Лондоне штаб-квартиру Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии. Отчет произвел сенсацию, и никому не известный ученый, не имевший наград и званий, стал действительным членом этого общества. Вскоре к Роулинсону

присоединились европейские ассириологи, и с их помощью он закончил расшифровку древнеперсидского письма.

Палеография в круг интересов Ост-Индской компании не входила, и Роулинсону пришлось побывать во многих районах Азии, но, когда предоставлялась возможность, он возвращался в Месопотамию для продолжения поисков древних записей, а однажды даже принял участие в раскопках Ниневии, столицы Ассирии. Роулинсон интуитивно сознавал, что переписанные им древние записи на скале являются «месопотамским Розеттским камнем», и, придавая своей работе такую значимость, в дальнейшем расшифровал двести сорок шесть клинописных символов аккадского языка и заложил тем самым основу для плодотворной работы своих преемников-ассириологов.

Работы Роулинсона частично подтвердили пиктографическую гипотезу Уорбертона: самое раннее месопотамское и египетское письмо содержали множество пиктограмм (картинок, имеющих смысловое значение) и не менее большое количество логограмм (картинок с более абстрактным значением), которые, вероятно, явились следствием упрощения пиктограмм. Однако гораздо важнее, что Шампольон и Роулинсон установили: основа обеих систем письма является в значительной степени силлабической, с использованием большого числа одинаковых символов (даже если они выглядят как пиктограммы), каждый из которых обозначает свой слог для составления слов.

Шампольон и Роулинсон оставили прекрасное лингвистическое наследие продолжателям своего дела, в том числе археологам, изучающим оригиналы письма Южной Месопотамии и Египта. При раскопках Урука, центра шумерской цивилизации, археологи обнаружили останки древнего города, о чем свидетельствовали фрагменты строений и найденные посуда и утварь. Археологи датировали эти находки примерно 3500 годом до нашей эры. Но самые примечательные находки (с палеографической точки зрения) были обнаружены в слое, который археологи отнесли примерно к 3100 году до нашей эры. В этом слое нашли около пяти тысяч глиняных табличек с символами, возможно, первыми образцами письма.

Письмо действительно могло зародиться в Уруке. По свидетельству археологов, это был большой город. Его крепостные

стены обрамляли территорию более чем в две квадратные мили, а большая часть населения проживала за пределами этих стен. Пожалуй, Урук был самым большим городом в мире в течение трех тысяч лет. Афины при жизни Перикла занимали площадь в одну квадратную милю, а Иерусалим при Ироде I – меньше половины квадратной мили. И только Рим в первом столетии, когда город стал столицей огромной империи, обнимал пять квадратных миль.

В Месопотамии найдено большое количество артефактов Древнего мира, что достаточно необычно. Но это явление объяснимо: сохранению артефактов способствовало благоприятное сочетание состава тамошней почвы и климата. Пожалуй, можно добавить, что ученым также сопутствовала удача. В других частях мира разрушительное действие времени не пощадило записей, выполненных на дереве, ткани, папирусе и пергаменте. Даже в Египте, с его сухим и жарким климатом, сохранилось незначительное количество письменных артефактов. (Одна из старейших записей на папирусе – известная как папирус Присса – относится к двенадцатой династии Среднего царства, примерно к 2000 году до нашей эры. Папирус – материал для письма – изготавливался из склеенных полосок, вырезанных из листов папируса, водного растения, произрастающего в болотистой местности, в частности, в дельте Нила. Пергамент, вошедший в употребление во втором веке до нашей эры, – особым образом обработанная кожа овец и коз. Тонкий пергамент изготавливался из кожи молодых или мертворожденных животных).

В Междуречье залежи мягкой глины стали подходящей средой для появления и сохранности письменных артефактов. Глина твердеет со временем, а с помощью обжига становится более прочной, и этому ее свойству содействует даже такое удручающее явление, как пожары, естественные или вызванные действиями людей. Залежи глины встречаются практически повсеместно, отсюда логичный вопрос: почему же только в Месопотамии она стала письменным материалом? Возможно, по той причине, что из глины мастерили сферические «конверты», и эта практика перешла постепенно на глиняные таблички.

Огонь и даже пожары – друзья археологов. Эти явления не только сохраняют глиняные таблички, но и превращают дерево в уголь, который мало страдает от разрушительного воздействия времени. Из-

за недолговечности папируса, пергамента и бумаги безвозвратно утрачены многие сведения по истории человечества. Нам неизвестно, кому обязан своим происхождением Ветхий Завет, мы не имеем сведений о Древнем царстве Египта (за исключением запечатленных на камне) и даже недостаточно знаем о последних веках месопотамской цивилизации, когда на смену папирусу, а позднее пергаменту, пришли глиняные таблички. Однако и в наше время нельзя считать долговечными сведения, записанные на бумаге или на оптических и магнитных носителях.

Среди историков, изучающих Древний мир, ассириологи наиболее обеспечены материалом для изучения и анализа. За последние полтора века в результате раскопок в Шумере, Аккаде, Вавилонии и Ассирии найдены сотни тысяч табличек. Только при раскопках королевского дворца на холме Телль-Мардик (в нынешней Сирии) найдено около семнадцати тысяч артефактов. Несомненно, сотни тысяч, а то и больше, еще ждут своих археологов. Большое число табличек, заполненных клинописью и относящихся приблизительно к 3150 году до нашей эры, найдены в Уре, и, возможно, это первое подлинное письмо в истории человечества.

Найденные глиняные таблички – разных форм и размеров. Одни, размером с почтовую марку, содержат лишь несколько письменных знаков, другие – с ярд в поперечнике с тысячей знаков на них. Одни таблички квадратные, другие – продолговатые, встречаются и овальные. Многие таблички предназначены для обучения – они с одной стороны заполнены каллиграфическим почерком преподавателя, а с другой – корявой рукой учащегося. В Сузах (на территории нынешней Сирии) найдено большое число табличек с проклятиями, направленными против врагов жрецов. Чтобы избавиться от утомительного труда, связанного с нанесением на многочисленные таблички одной и той же надписи от руки, текст сначала наносили на поверхность цилиндра, после чего прокатывали цилиндр по глине и получали табличку с нужным оттиском. Можно сказать, что при производстве таких табличек использовался первый печатный станок. В те времена использовалось и другое приспособление для письма – штамп со сменной насадкой (наподобие нынешнего ручного набора). С помощью такого приспособления на кирпичи, шедшие на

строительство храма или дворца, наносили нужную надпись, например, имя царя.

Иногда в ход шли металлические и каменные таблички, на которые текст наносился с помощью гравировки. Такие таблички предназначались для длительного хранения (как в современных архивах) в связи с важностью данных. Писцы и учащиеся также использовали в работе покрытые воском таблички, текст с которых при необходимости удалялся, и тоненькие дощечки (листы), на которые шла дорогая твердая древесина. Такие листы можно было компоновать в своего рода книгу.

Текст самых ранних из известных табличек состоял из пиктограмм с малой долей абстракции или с полным ее отсутствием. К примеру, женские гениталии служили для обозначения женщины, а мужские обозначали мужчину. Со временем на пиктографическое письмо начало влиять абстрактное мышление человека, и пиктограммы стали заменяться идеограммами – например, символ, поначалу обозначавший звезду, стал обозначать «душу» и «небеса».

Поначалу для письма использовали заостренный грифель из тростника, но в скором времени обнаружилось, что глина при письме крошится, и от нее отваливаются кусочки, что делало затруднительным нанесение на глину изогнутых линий. Постепенно писцы приспособили для письма грифель с треугольным сечением. Таким грифелем в глине делали углубление, а затем оттягивали грифель от места нажима и проводили прямую линию, которая в сочетании с углублением походила на клин. (Слово *cuneiform*, «клинопись» происходит от латинского *cuneus* – клин). Использование нескольких прямых линий для каждого знака (символа) породило абстракцию. В то же время символы стали обозначать несколько разных понятий – например, «рот» и «вода» могли означать понятия «выпить» и «женщина», а «гора» – понятие «раб», поскольку рабы были выходцами из менее цивилизованных горных районов за пределами долин Евфрата и Тигра.

Ранее писцы стали использовать круглый грифель для нотации чисел. Этот инструмент для письма способствовал возникновению нового рукописного шрифта, который со временем уступил место клинописи. Приблизительно в третьем тысячелетии шумеры перешли к так называемому ребусному письму: к фонетизации абстрактных

понятий, значение которых было практически невозможно выразить пиктограммами или идеограммами. В английском языке можно по созвучию использовать рисунок ступни для символического изображения души (sole – soul). Ребусное письмо можно и в наше время отыскать в геральдике. Так, герб Оксфорда – бык, переходящий вброд ручей (an ox fording a stream).

Важнее то, что и шумеры, и египтяне превратили пиктограммы в звуки речи – фонемы, и, согласно так называемому акрофоническому приему, пиктограммы стали означать не слова, а первую фонему этого слова. Наиболее известный пример акрофонического приема – озвучивание иероглифического знака воды. Со временем египетские писцы преобразовали этот символ в согласную *n*, первую фонему (звук) слова *ни* (вода).

Позже семитическая буква *тет* – первая фонема слова «вода» прошла в своем развитии тот же путь. Хотя акрофонический прием мог использоваться по-разному, большинство палеографов полагает, что он сыграл важную роль в развитии большого числа древних абстрактных шрифтов. Система письма, основанная на отдельных символах для каждого слова, будь то пиктограмма, логограмма или идеограмма, понуждала человека, учившегося писать и читать, изучать громадный материал. Да и в наше время, чтобы стать образованным человеком, следует потрудиться. Второе издание «Оксфордского словаря английского языка» содержит 171 476 слов, а словарный запас выпускника средней школы составляет около 12 000 слов.

Шумеры и египтяне решили эту проблему путем придания каждому конкретному символу значения слога, что уменьшило количество символов до нескольких тысяч, и это характерно для большинства языков^[11].

В дальнейшем обе цивилизации еще больше сократили количество символов посредством придания символам многозначности – шумеры через удаление конечных согласных в каждом сллабическом символе, а египтяне – через полное исключение гласных звуков, что присуще (касательно гласных букв) современному арабскому языку и ивриту.

Упрощение символов путем придания им многозначности продолжалось в течение долгого времени. Анализируя артефакты с древнейшими образцами письма шумеров, археологи и палеографы

насчитали около двух тысяч различных символов. В середине третьего тысячелетия их количество сократилось. В те времена клинопись содержала от ста до ста пятидесяти часто употреблявшихся символов, представлявших собою слоги, и около восьмисот – для обозначения слов.

Иероглифические символы (общим количеством около ста восьмидесяти) обозначали согласные: один, два или сразу три. Египетское письмо также состояло из нескольких сотен обозначавших слова логограмм и большого количества символов, обозначавших одновременно как логограммы (слова), так и слоги.

Конечное упрощение – алфавит – появилось в результате того, что египетское письмо сократилось примерно до двадцати пяти символов, обозначавших согласные звуки, по существу, буквы. Египтяне не придавали особенного значения этой «моноконсонантности». А вот писцы, вероятно, осознавали, что «моноконсонантность» может явиться основой для более простой системы письма, но они понимали, что распространение грамотности обесценит их статус и уменьшит доходы. Только намного позднее египетская «моноконсонантность» оказала влияние на развитие современных западных алфавитов.

В конце четвертого тысячелетия шумеры и египтяне, по всей вероятности, торговали друг с другом, и потому вовсе не удивительно, что египтяне стали пользоваться письмом вслед за шумерами – примерно около 3100 года до нашей эры. В дальнейшем, хотя клинопись и иероглифическое письмо внешне изрядно отличались, их базисные силлабические структуры оказались удивительно схожими в части наполнения словаря: и в том, и в другом письме по несколько сотен слогов и столько же логограмм. Это вряд ли может быть совпадением, и по этой причине большинство палеографов полагает, что «идея письма» обязана своим зарождением пустившей корни торговле и что сама идея письменности, похоже, проникла из Шумера в Египет.

Почти всем, что знаем о Древнем Египте, мы обязаны археологическим изысканиям и находкам, среди которых выделяются монументы, построенные из камня, с иероглифическим текстом на них. Для написания религиозных текстов, а также для административной и деловой переписки египетские писцы ввели в практику более абстрактное и простое письмо: иератическое, а позже –

демотическое. (Слово «иератический», вероятно, происходит от греческого *hieratikos* – жреческий, а «демотический» – от греческого *demotikos* – народный. Демотическим письмом выполнен один из трех текстов на Розеттском камне). В связи с тем, что иератическое и демотическое письмо использовалось, главным образом, для записи на сравнительно недолговечном папирусе, до нашего времени из исторического периода за пределами последних трех тысяч лет дошли лишь отдельные подобные артефакты.

Египетский язык, как и все языки, богат гласными звуками. Однако гласные звуки не были в достаточной мере присущи ни иероглифическому, ни иератическому, ни демотическому письму, и потому они «давали о себе знать» только при чтении текста. В современных языках – в особенности в английском – произношение слов также зачастую вступает в противоречие с их буквенным написанием, и читателю приходится правильно читать немалое число слов, пользуясь содержанием текста и собственным опытом. Джордж Бернард Шоу говорил о несуразности орфографии английского языка. Чтобы доказать свою точку зрения, он иронически утверждал, что всем известное слово *fish* (рыба) можно записать в виде *ghoti*. Чтобы понять мысль Бернарда Шоу, следует произнести две первые буквы в придуманном писателем слове *ghoti* как две последние буквы в слове *tough* (ф), среднюю букву как вторую в слове *women* (и) и две последние как то же сочетание в слове *nation* (ш).

Часто употреблявшиеся иероглифические символы имели, как правило, ряд значений. Так, например, бисогласный знак обозначал сочетание звуков *tn*. Но как оно в целом произносилось: *tan*, *tin*, *tani* или как-то иначе? Это неизвестно. Таким образом, как и клинопись, все три вида египетского письма следует отнести к силлабическому письму, в котором гласные звуки манифестировались только при чтении текста.

Звук гораздо более абстрактен, чем образ. Рисунки можно разглядывать, передвижение движущейся картинки можно замедлить, а то и остановить. Со словом иначе. Если произношение слова замедлить, его не понять; если слово, не договорив, оборвать, оно и вовсе исчезнет. Поэтому изобретение силлабического письма,

позволявшее не только понимать текст, но и внятно его произносить, стало одним из величайших достижений в истории человечества.

В Шумере и Египте люди только со временем освоили силлабическое письмо. Но если идеографическое письмо легко пересекло лингвистические границы (шумеры и египтяне одинаково легко понимали значение идеографических символов), то силлабическое письмо долго не получало распространения. В третьем тысячелетии шумеры постепенно попали под власть аккадцев, которые со временем приспособили шумерскую клинопись для своего языка, но, не овладев языком шумеров, читать их глиняные таблички не могли. Так и в наше время на Западе, где используется латиница, люди не могут прочесть текст на известном им алфавите, если этот текст написан на языке, которого они не знают.

Пять тысячелетий назад в Месопотамии и Египте зародилась новая мощная коммуникационная технология: система графических знаков для передачи и запечатления речи – письменность. Но в связи со сложностью технологии письмо было доступно только элите, и ограниченность доступа к технологии повлияла на социальные и политические аспекты существования местного общества, что привело к образованию иерархии «наложенных» друг на друга социальных структур, а также к возникновению и развитию политических учреждений, со временем переросших в империи.

Исследуя этот процесс, обратимся к Месопотамии, что предпочтительнее по причине большого количества сохранившихся письменных артефактов, а также в связи с наличием на ее территории в третьем и четвертом тысячелетиях немалого числа городов-государств; это позволяет заключить, что эффективная письменная система стимулирует превращение небольших городов в города-государства, а затем и в империи.

Антропологи пришли к заключению, что нынешние, не знающие письма охотники-собиратели относительно равноправны. То же можно сказать обо все еще существующих современных пиратах (разного толка). Причина одна – малочисленность этих групп. Люди могут поддерживать многофункциональные связи только в группах с ограниченным числом индивидов. Когда размер группы превышает 150 человек, ее участники просто не в состоянии удержать в памяти личные качества и индивидуальные предпочтения каждого члена

группы и потому не в силах способствовать ее динамическому развитию. Таким образом, когда в группе более 150 участников, между ними теряются постоянные социальные связи, и члены группы стремятся из нее выйти и образовать новую. Среди социологов ограничительный состав группы известен как «число Данбара». Это число величиной в 150 человек названо в честь английского антрополога-эволюциониста Робина Данбара^[12].

Развитие власти в гражданском обществе неразрывно связано с успехами в коммуникациях. Ассириолог Жан-Жак Гласснер пишет:

Государю должно быть благородным, но для этого ему надобно проявлять большие умение и готовность по сравнению с другими людьми. Ему следует себя окружить максимально большим количеством родственников, друзей и союзников. Государь обязан знать лучше, чем иной человек, как поставить других людей в зависимость от себя. Ему также следует знать, как добиваться расположения подданных и как не потерять это расположение, ничего не предоставляя взамен, как он и поступает, когда пользуется трудом молодежи, бездомных и бесправных людей.

Число Данбара строго ограничивает возможность необразованного, не умеющего читать государя, которому приходится полностью полагаться только на речь. Возможно, с помощью речи он в состоянии контролировать 150 подданных, а каждый из них может, в свою очередь, контролировать еще 150 человек (всего наберется среднее количество населения древнего города). А вот государь, содержащий штат писцов и посыльных, может значительно увеличить подконтрольных ему «родственников, друзей и союзников», а при удачном стечении обстоятельств может повелевать даже империей.

Наиболее тягостная форма социального труда – рабство – встречается почти исключительно в устоявшихся, хорошо организованных обществах и крайне редко – в среде охотников-собирателей. И дело не в отсутствии у кочевников грамотности. Кочевое существование не позволяет постоянно иметь при себе много имущества. Только оседлые сельскохозяйственные общины позволяют обзаводиться рабами, которыми обычно становятся побежденные в военных столкновениях. Охотники-собиратели также могут, одолев

неприятеля, обзавестись рабами, но они берут в рабство только девушек и детей, а всех остальных истребляют на месте.

Дописьменный Шумер, как и большинство примитивных территориальных образований, характеризовался относительным равноправием жителей. Ассириолог Торкильд Якобсен, изучив шумерские легенды и мифы, заметил, что в Шумере наиболее важные государственные решения принимались двумя городскими советами. Один из них состоял из всех свободных мужчин, а второй – из небольшой группы наиболее авторитетных старейшин. Этот второй совет сажал своего выдвиженца на царство, но наследование по праву рождения доисторическим временам, вероятно, присуще не было. Якобсен в своей работе также рассказывает, что у доисторических тевтонских племен, завоевавших Центральную и Северную Европу, существовали образования, похожие на социальные структуры шумеров. Якобсен выявил у этих племен два полномочных совета: фолькмот, состоявший из вооруженных людей и решавший будничные вопросы, и совет старейшин, отвечавший за решение первостепенных вопросов, включая назначение предводителя племени.

Якобсен в своей работе также прокомментировал эпическую поэму о Гильгамеше, правителе Урука во времена зарождения письменности, и отметил недостаточность власти доисторических государей. Когда Урук подвергся нападению северного соседа, города Киш, Гильгамешу пришлось искать поддержку совета старейшин, дабы возглавить оборону Урука.

Гильгамеш не мифический государь, он правил Уруком около 2700 года до нашей эры и был реальной исторической личностью^[13]. В годы его правления клинопись получила относительное развитие, и уже около 2600 года до нашей эры клинописными знаками можно было изобразить не только имена существительные, но и некоторые глаголы. Однако письмо еще не получило синтаксического развития, и писцы были не в состоянии воспроизвести на табличках пространственные сообщения, например, изложить волю правителя. Поэтому причина, заставившая Гильгамеша, пожелавшего возглавить оборону Урука, обратиться за согласием к совету старейшин, состояла, возможно, в том, что правитель не мог поставить себе на службу письменность для установления полного политического контроля над населением. По той

же причине грамотная элита Урука была не способна пренебрегать волей неграмотного народа.

В 2700 году ранняя клинопись просто не позволяла сосредоточить власть в руках одного правителя. В первой половине третьего тысячелетия в Шумере насчитывалось несколько средних по размеру городов-государств и множество небольших городов-государств, которые почти непрерывно воевали друг с другом. Около 2600 года до нашей эры в Месопотамии появилось новое этническое сообщество – семиты-аккадцы, которые, как уже отмечалось, приспособили клинопись к своему языку. В середине третьего тысячелетия шумерский язык из употребления вышел, но аккадцы стали использовать клинопись для жреческих текстов, административной и деловой переписки.

Постепенно письмо получило синтаксическое и грамматическое развитие: в словах появились суффиксы и приставки, а в предложениях – подлежащие и сказуемые. Одновременно с таким развитием клинописи, а возможно, именно благодаря ее эволюции, аккадцы взяли верх в Междуречье. Около 2300 года до нашей эры Саргон, член царского дома Киша, захватил верховную власть и приступил к завоеванию сопредельных земель. В результате он подчинил себе обширную территорию от Персидского залива до Средиземного моря.

В середине третьего тысячелетия развитие клинописи позволило Саргону и его преемникам основать первую в мире значительную империю и успешно управлять ею. Клинпись не только помогала правителю в политических и административных делах, но и позволяла приводить не знавшее грамоты население в благоговейный трепет перед правителем – столь магическое влияние оказывали на невежественных людей таинственные глиняные таблички, покрытые клинописью.

Начиная примерно с 2600 года до нашей эры правители не обходились без штата писцов – но лучшим случаем являлся, разумеется, тот, когда правитель сам умел читать и писать, что позволяло ему со значительно большим успехом контролировать владевших грамотой помощников и советников. Доведением повелений правителя до народа занимались глашатаи, которые, как правило, заучивали текст наизусть, но таблички с текстом держали, тем не менее, при себе, чтобы освежить при необходимости память. А

вот для возвеличивания себя в глазах населения Саргон письмо не использовал и не прибегал к пропаганде такого рода. Возможно, он не считал себя достаточно знатным, чтобы называться «царем», и потому довольствовался титулом «ном-лугаль», что значит просто «правитель».

Обычно ном-лугаль управлял большим городом-государством, считавшимся соседними, менее крупными городами жреческим центром и административным образованием, выступавшим арбитром в межгосударственных спорах. Наследовавшие Саргону два сына, как и отец, не претендовали на громкий титул и даже предоставляли автономию городам, входившим в империю.

Все изменилось при правлении Нарам-Сина, внука Саргона. Нарам-Син заявил, что власть ему ниспослана богами, и потому бесцеремонно нарек себя «царем четырех сторон света». Нарам-Син стал обожествляться в народе, чему в немалой степени способствовали писцы. По словам датского историка Оге Вестенхольца, Нарам-Сина прославляли и возвеличивали с таким же постоянством, пылом и неумным усердием, как в более поздние времена Цезаря Августа, Людовика XIV и королеву Викторию.

Аккадская империя, просуществовавшая примерно полтора века, в конце концов пала жертвой страшного бедствия, подобные которому и в дальнейшем – приблизительно три с половиной тысячи лет – то и дело приводили к жестокому посрамлению азиатских и европейских цивилизаций. Это бедствие олицетворяли кочевники, чьи воинственные дикие племена стремились обогатиться за счет оседлых соседей. В результате вторжения иноземцев Аккадская империя превратилась в клубок воевавших между собой государств.

Аккадская империя пала под натиском гуттиан, но тех одолел Утухенгаль, правитель Урука, города, где зародилось письмо. Утухенгаль, в свою очередь, сверг Ур-Намму, который, уподобившись Нарам-Сину, заявил, что верховная власть ему ниспослана богами. Ур-Намму основал так называемую Третью империю Ура, просуществовавшую приблизительно от 100 до 150 лет.

В те времена шумерский язык стал исчезать даже как разговорный, а вот в Аккаде он сделался письменным языком Третьей империи Ура, где начали использовать для письма, по существу, мертвый язык, которым владела лишь образованная элита. Такая же

судьба тремя тысячелетиями позднее постигла латынь, которая везде, где использовалась, уступила место национальному языку, оставшись лишь языком науки и католического богослужения.

К началу второго тысячелетия письменный язык развился до такой степени, что стал использоваться для военных распоряжений, для строительных и других гражданских проектов, а также для изложения законов империи, которые наносились на глиняные таблички и рассылались по городам и другим поселениям. В те времена законы являлись обоюдоострым оружием: с одной стороны, они доводились до сведения народа и могли этим народом использоваться, а с другой стороны, предоставляли власть тем, кто умел читать и писать. Какой бы эффект ни оказывали законы на баланс власти в обществе, в империи они играли немаловажную роль щита и меча. Первые таблички с законами появились во время правления Ур-Намму, за три века до «публикации» более известного свода законов вавилонского царя Хаммурапи. Законы касались различных сторон общественной жизни. В частности, среди них имелся такой: «Человек, лишивший невинности чужую рабыню, обязан заплатить пять шекелей серебром».

Месопотамские города-государства отождествлялись с их божествами, а храмы, в них возведенные, являлись своеобразным выражением экономической мощи города. Царь служил посредником между городом и его божеством, а царский дворец находился рядом с городским храмом. Дворец и храм осуществляли основные функции в городе: контролировали производство и распределение продовольствия. Свободные крестьяне производили зерно и другие продукты питания для собственных нужд, а излишки сбывали на стороне. Но в Месопотамии, с ее жарким и сухим климатом, для успешного выращивания культурных растений требовалось искусственное орошение земельных участков, и поддержание в порядке ирригационных сооружений также контролировали храм и дворец.

Для обеспечения населения продовольствием власти следили за надлежащим функционированием помещений для обмолота зерна. А вот кто именно трудился на ирригационных сооружениях и в помещениях, где складировали урожай зерновых, – рабы или свободные люди – доподлинно неизвестно. Зато на основании текстов

большого числа дошедших до нас табличек можно с уверенностью утверждать, что храм и дворец кормили и контролировали огромную по количеству рабочую силу. Можно добавить, что помещения для обмолота зерна служили обменными пунктами, в которых часть выращенного крестьянами зерна передавалась в пользу городских служащих, а также местом, где крестьяне-арендаторы расплачивались зерном со своими хозяевами.

Многие тексты табличек, дошедших до нашего времени, посвящены распределению продовольствия среди населения. Ежемесячно мужчинам выдавали по 60 литров зерна, а женщинам – по 30 литров. В больших городах устраивались зернохранилища с запасом зерна на шесть месяцев. В некоторых табличках рассказывается о производительности труда. Так, в одной из них говорится о мере затрат труда тридцати семи женщин, занимавшихся обмолотом зерна. В год эта мера составила 13 320 рабочих дней. В других табличках рассказывается об обширных работах, производившихся примерно 3600 военнопленными в горной стране Сабум (вероятнее всего, имеется в виду местность в горах Западного Ирана). В чем заключалась эта работа, в табличках не говорится, но можно предположить, что речь идет о труде в каменоломне, поскольку в тексте повествуется, что использовались молотки, и сетуется на низкую производительность труда.

Для строительства и ухода за оросительными системами и сельскохозяйственными постройками, а также для организации общественных работ и военных мероприятий требовались предписания, циркуляры и другого вида документация, в частности, по учету выполненных работ. Всей этой документацией занимались писцы. Но они не просто выполняли технические действия, а, используя свои знания и жизненный опыт, доводили их до известного совершенства, что, несомненно, способствовало развитию общества. Американский лингвист Игнац Гельб пишет: «Письмо существует только в цивилизации, а цивилизация не может существовать без письма».

Работа писца открывала дорогу к богатству и власти, и писцами становились немногие – чаще всего, сыновья писцов. В Шумере писцы назывались *dub-sar*, школа писцов – *é-dub-ba*, а ученики этой школы – *dumu-é-dub-ba*. В сороковых годах двадцатого века шумеролог Сэмюел

Ной Крамер составил из известных ему фрагментов рассказ о некоем шумерском школьнике.

Школьник рассказывает о том, чем занимался в школе. Сначала – письмом, заполняя глиняные таблички. После урока завтракал, а потом снова упражнялся в письме. Возвратившись домой, школьник читал свою работу отцу. На следующий день, захватив с собой завтрак, приготовленный матерью, он опять направился в школу. На сей раз ему сделали в школе несколько замечаний. В другой раз ему еще больше не повезло: за неряшливое письмо последовало наказание палкой. Возвратившись домой в тот день, школьник предложил своему отцу пригласить учителя в гости. Когда учитель пришел, приняв приглашение, отец школьника предложил гостю сесть во главе стола и принялся его потчевать – не только едой, но и россыпью благодарностей, отмечая несомненные заслуги учителя, который, не щадя своих сил, передает секреты письма нерадивым ученикам. За благодарностями последовали подарки. Учитель, в свою очередь, сообщил хозяину дома, что его сын хорошо успевает в школе и из него обязательно выйдет толк.

Школьники начинали учиться письму с написания простых символов и постепенно переходили к написанию сложных слов. Постигнув начала грамоты, они составляли списки однородных понятий (к примеру, перечисляли знакомые им названия животных или растений), а на более поздней стадии обучения сочиняли рассказы. Кроме письма, школьники учились считать (осваивая шумерскую шестидесятиричную числовую систему), а также изучали астрономию и искусство прорицания. Одним из наглядных школьных пособий в Месопотамии была *ba* – изготовленная из глины печень овцы, предмет, необходимый на уроках гепатоскопии (предсказания будущего по печени только что освежеванного животного).

Доведись Джорджу Оруэллу и Клоду Леви-Стросу родиться в Месопотамии или в Древнем Египте, они бы даже не смели надеяться на то, что все люди хотя бы в будущем обретут гражданские права и политические свободы – ведь и сложная клинопись, и иероглифическое письмо позволяли немногим, освоившим эти премудрости, подчинять себе огромную массу неграмотного народа.

Однако стоит напомнить, что в середине второго тысячелетия семитские рудокопы, трудившиеся на западе Синайского полуострова, проникшись благоговением к египетскому «магическому» письму, сумели извлечь из него основу для массовой грамотности, которая, когда пришло время, умерила власть правителей над народом.

Глава вторая

Алфавит демократии

Финикияне, прибывшие в Элладу, поселились в этой земле и принесли элинам много наук и искусств, и, между прочим, письменность, ранее, как я думаю, неизвестную элинам.

Геродот «История», 5:58

Археолога, подобного Флиндерсу Питри (Петри), ныне не отыскать. На его воспитание и развитие оказали большое влияние предки, вращавшиеся в мире эксцентричных британских изобретателей, миссионеров и искателей приключений, разъезжавших по всему свету.

Его дедом был мореплаватель Мэтью Флиндерс, исследовавший Австралию и ее прибрежные воды, в частности, Большой Барьерный риф и залив Карпентария. Мэтью Флиндерс также писал трактаты по магнетизму и изобрел приспособление для учета влияния железного корпуса корабля на отклонение стрелки компаса. Его имя хорошо известно в Австралии. В его честь названы поселения, улицы и даже остров, река и горный хребет. Каждый год немалое число австралийцев отправляется в Англию, чтобы посетить город, где Мэтью Флиндерс родился, – Доннингтон в Линкольншире.

За дочерью Мэтью Флиндерса, Анной, ухаживал Уильям Питри, неудачник-изобретатель в области магнетизма и электричества. Чтобы жениться, ему требовался постоянный приличный заработок, и в 1851 году Уильям Питри поступил на химическую фабрику. Третьего июня 1853 года в его семье родился Уильям Мэтью Флиндерс Питри.

Молодой Уилли, как его звали, уже в раннем возрасте проявил интерес к наукам и, когда ему было девять, осилил многостраничный труд своего отца, посвященный изысканиям в области химии. Но больше всего Уилли интересовался коллекцией минералов и ископаемых, собранной матерью.

Когда Уилли был школьником, ему не повезло с гувернанткой. Та грубо с ним обращалась и навредила его здоровью. По рекомендации врача Уилли перестал ходить в школу. Систематического образования он так и не получил, но свой умственный багаж все же кардинально пополнил, познакомившись с Н. Т. Райли, владельцем местного антикварного магазина. Райли, хотя и был самоучкой, обладал значительными познаниями, в частности, в области нумизматики, и привил Уилли любовь к этой дисциплине.

Одним из постоянных посетителей лавки Райли являлся служивший в Британском музее куратор Отдела монет и медалей. В возрасте двадцати одного года Уильям Питри получил постоянный пропуск в Британский музей, ставший для него источником новых знаний. Там Питри заинтересовали прежде всего экспонировавшиеся археологические находки и материалы о них. В конце концов однажды он пришел к мысли, что картографические данные о кромлехах, доисторических сооружениях, состоящих из огромных каменных глыб, оставляют желать много лучшего. После этого Питри в научных целях посетил несколько кромлехов, в том числе самый известный из них – Стоунхендж.

В дальнейшем Уильям Питри заинтересовался историей египетских пирамид. Этот интерес был вызван не только работой в Британском музее, но и сочинением Пьяцци Смита «Наше наследие в Великой пирамиде». Смит утверждал, что раз, в соответствии со Священным Писанием, наш мир создан в 4004 году, египтяне просто не имели возможности набраться необходимого опыта, чтобы возвести пирамиды в третьем тысячелетии до Рождества Христова. Смит считал, что пирамиды – творение Божественных сил, и подкреплял свое суждение, в частности, доказательством, что отношение удвоенного основания пирамиды к ее высоте равно священному числу «пи» (3,14). Питри начал переписываться со Смитом и даже написал несколько научных статей в поддержку его гипотезы.

В скором времени Уильям Питри все-таки усомнился в правоте Смита и, чтобы узнать правду о пирамидах, в 1880 году приехал в Александрию. Питри посвятил египтологии много лет и стал одним из выдающихся египтологов.

Попутно Питри проводил археологические исследования в Леванте и на Среднем Востоке, а в феврале 1905 года он вместе с

женой приехал в Серабит-эль-Хадим, город, расположенный, как мы уже дважды упоминали, на западе Синайского полуострова. Там до него всего полвека назад некими англичанами еще эксплуатировались старые бирюзовые рудники. В Серабит-эль-Хадиме Уильям Питри сделал свое наиболее значительное открытие.

В рудниках он нашел большое количество названий и записей, вырезанных на камне. Большинство обнаруженных записей относилось примерно к 1500 году до нашей эры и было выполнено иероглифическим и иератическим письмом, по всей вероятности, египетскими надсмотрщиками, следившими за иноземными рабочими-сеμίтами.

А вот жене Уильяма Анне удалось найти более примитивные, но, с научной точки зрения, более интересные записи. При изучении этих записей оказалось, что в них использовано всего около тридцати символов, в то время как в иероглифическом и иератическом письме использовалось около тысячи символов. К тому же своим начертанием эти символы не походили ни на иероглифическое, ни на иератическое письмо. В найденных Анной записях обнаружилась и другая особенность: их текст был написан слева направо, а не справа налево, что характерно для иероглифического и иератического письма, да и для более поздних – финикийского и еврейского.

Изучив эти записи, Уильям Питри датировал их 1400 годом до нашей эры и сделал вывод, что в них использован алфавит, опередивший примерно на пятьсот лет появление самого раннего из доселе известных – финикийского. Питри был египтологом, не обладал широкими лингвистическими познаниями и потому своему открытию не придал существенного значения. Хотя он и сделал правильный вывод, определив, что обнаруженный алфавит намного старше финикийского, он не понял, что открыл самый первый алфавит в истории человечества. Семью годами позднее Уильям Питри написал труд «Возникновение алфавита», в котором рассказывал, что жителям Северной Сирии каким-то образом удалось собрать различные символы, употреблявшиеся в письме обитателями Леванта, и сконструировать из этих символов алфавит. Однако в своем труде Уильям Питри даже не упомянул об открытии, сделанном в Серабит-эль-Хадиме. Это Алан Гардинер, другой египтолог, установил, что Питри открыл самый ранний алфавит в истории человечества.

Лингвистам давно известно о том, что латинский шрифт, ныне повсеместно применяющийся на Западе, заимствован из греческого письма, которое, равно как и еврейское, произошло от финикийского алфавита^[14].

Родство перечисленных шрифтов представляется несомненным: слово «алфавит» произошло от названий альфы и беты, двух первых букв финикийского, еврейского, греческого и латинского шрифтов. Кроме того, представление звуков, именование букв и их алфавитный порядок во всех этих шрифтах приблизительно одинаковы. По этой причине оказывается возможным озвучить «мертвый» язык, если он сопровождается алфавитным письмом^[15].

Все упомянутые алфавиты содержат от 22 до 30 букв и приблизительно одинаковые фонемы – самостоятельные звуки человеческой речи. Гардинер первым пришел к мысли о том, что в Серабит-эль-Хадиме Питри открыл самый ранний в истории человечества алфавит. Гардинер назвал его «протосемитическим».

В конце жизни Уильям Питри, видимо, вспомнив о своих эксцентричных предках, совершил своеобразный поступок. Когда в 1942 году в Иерусалиме он заболел малярией и почувствовал приближение последнего часа, то попросил врачей передать его голову в Королевский хирургический колледж для научных исследований. Врачи, понимая всю важность открытий Питри и надеясь, что изучение его мозга поможет медицинской науке постичь природу разума гения, согласились. Однако военное время помешало отправить мозговой череп^[16] Питри в Британию, и только в 1945 году пожелание знаменитого египтолога было исполнено. Но в Королевском хирургическом обществе череп Питри, по нерадивости, засунули на дальнюю полку, обнаружили только в семидесятые годы, но к тому времени изучение мозга великих людей стало считаться напрасным делом.

На основании археологических и лингвистических данных многие исследователи считают, что образованию протосемитического алфавита, открытого Питри в Серабит-эль-Хадиме, способствовало иератическое или иероглифическое письмо. Точное место происхождения протосемитического алфавита ученые не выяснят никогда, и поэтому приходится удовлетворяться предположением, что

алфавит этот составили семиты, трудившиеся на египетских рудниках на западе Синайского полуострова. Однако на самом ли деле первый в истории человечества алфавит появился именно там? Уже после того как Питри занимался своими исследованиями в Серабит-эль-Хадиме, другие археологи обнаружили в нескольких местах Палестины примитивные надписи, похожие, выполненные на основе алфавита, который, возможно, на одно-два столетия старше выявленного Уильямом Питри. А сравнительно недавно американские исследователи нашли протосемитические надписи в Вади-эль-Холе на Ниле, в сотнях миль южнее Серабит-эль-Хадима. Американцы предположили, что изобрести алфавит могли египтяне, чтобы облегчить себе общение с рабами-семитами.

Существует также предположение, что изобрести алфавит могли мадианиты, осваивавшие медные рудники Синайского полуострова. За их работой следили египетские надсмотрщики, и мадианиты могли прийти к изобретению алфавита тем же путем, что и семиты, работавшие на рудниках в Серабит-эль-Хадиме.

Уместно коснуться в нашем повествовании истории библейского Моисея и Исхода евреев из Египта. Моисей был женат на Сепфоре, дочери мадианского священника Иофора, который, вероятно, был грамотным человеком. Но научил ли Иофор Моисея читать и писать [\[17\]](#)? Как бы там ни было, представляется вероятным, что алфавит, изобретенный в Серабит-эль-Хадиме, или один из родственных ему алфавитов, послужил образованию всех современных западных алфавитов.

Предполагаемый Исход евреев из Египта произошел приблизительно в то самое время, когда были сделаны надписи в Серабите. Назвать точное время исхода историки затрудняются, а некоторые и вовсе считают, что такого события не было, а древние израильтяне суть выходцы из ханаанских общин. Да и историческое существование Моисея не подтверждается ни археологическими, ни письменными источниками.

Если Исход евреев из Египта все-таки действительно имел место, то событие это произошло, по всей вероятности, между 1500 и 1200 годом до нашей эры. Примерно посередине этого периода фараон Аменхотеп IV установил в Египте монотеизм, провозгласив единым богом Атона, олицетворявшего солнечный диск; при этом фараон даже

изменил свое имя на Эхнатон – «Угодный Атону». Некоторые историки полагают, что Моисей попал под влияние атонизма и даже, возможно, стал верить в Атона. Тогда, в середине второго тысячелетия, Синайский полуостров сделался местом рождения западного монотеизма (начавшегося с недолгого почитания Атона в Египте), за которым последовали возникшая у евреев более постоянная разновидность единобожия, возможный Исход евреев из Египта и, наконец, изобретение алфавита.

Временная и географическая связь между изобретением алфавита и монотеизмом в Египте и Палестине в середине второго тысячелетия, скорее, больше, чем просто совпадение. Что могло их связать? Представление о бестелесном, всемогущем и всевидящем верховном божестве нуждается в большей мере абстракции, чем восприятие антропоморфных жрецов, наблюдавших за небом и отвечавших за плодородие почвы и урожай. Алфавитное письмо требует столь же значительной меры абстракции, что и восприятие монотеизма, и оно способно породить грамотное жреческое сословие с интеллектуальными инструментами, необходимыми для добротной системы коммуникаций под всевидящим оком бестелесного божества. Как бы там ни было, иудаизм и Запад получили в конце концов своего Бога и свою Книгу.

Сейчас кажется очевидным, что сложная по исполнению и восприятию клинопись должна была смениться более простой алфавитной системой, что и произошло. Но все же клинопись использовалась три с лишним тысячелетия, пока не вышла из употребления примерно в первом столетии нашей эры. Клинописи положило конец некое семитское племя, жившее на крайнем западе Месопотамии. Мы сегодня смутно помним о том, что Иисус изъяснялся по-арамейски, но на этом языке в свое время говорило и большинство иудеев^[18]. Современный еврейский алфавит, по существу, арамейский. Трагедия арамейцев заключается в том, что они создали алфавит, намного переживший их цивилизацию и культуру.

Арамейцы, как и евреи, поначалу вели кочевую жизнь, но во втором тысячелетии они осели на севере Леванта и на северо-западе Месопотамии. К 1200 году до нашей эры они основали Дамаск, одно из своих основных поселений в Сирии. Постепенно возникло

несколько небольших арамейских городов-государств, но единого государства арамейцы так и не создали. Затем арамейцы переняли культуру своих соседей – ханаанян и аморитов, но сохранили характерный язык и, что более важно, свою письменность, одну из разновидностей протосемитического письма, открытого Уильямом Питри.

К тому времени, когда арамейцы переняли у финикийцев их алфавит, они успели одомашнить верблюдов и приспособить для перевозки грузов североарабские седла. Средний по выносливости верблюд перевозил на себе пятьсот фунтов груза, а самый крепкий – с полтонны. Погонщик верблюдов с караваном от трех до шести животных мог перевезти одну-две тонны поклажи. Одомашнивание верблюдов позволило арамейцам совершить торговую революцию, заняться торговлей наравне с финикийцами – и попутно распространять необходимый всем алфавит.

История переплела судьбы евреев и арамейцев. Когда Авраам решил женить своего сына Исаака, он послал гонца за невестой (коей стала Ревекка) в арамейский Харран (город в Восточной Сирии). Да и жены Иакова, Рахиль и Лия, были, похоже, родом из Арамеи. Однако могло быть иначе. Авраам вместе с семейством переселился из северо-западной Месопотамии в Ханаан, что совпало по времени с массовым переселением арамейцев на запад в конце второго тысячелетия. Тогда Авраам мог сам быть арамейцем и мог пожелать, чтобы семя сына его оросило подходящую соплеменницу, а не местную ханаанку.

Отношения между арамейцами и евреями чаще всего были враждебными. В период между 1000 и 750 годом до нашей эры верх брали то одни, то другие. Сначала Давид овладел Дамаском, а полтора века спустя арамейцы едва не захватили Иерусалим. Правда, иногда евреи и арамейцы объединялись для борьбы с общим противником. Так, в 853 году до нашей эры они в союзе с примкнувшими к ним финикийцами разбили войско ассирийского царя Салманасара III.

Однако затем ассирийское царство значительно укрепилось, и в 732 году до нашей эры Тиглатпаласар III взял Дамаск, разграбил город и выселил его жителей в долину Евфрата. А в 722-м ассирийцы завоевали Израиль (северное еврейское царство), после чего десять из двенадцати еврейских племен перестали существовать.

А вот Иудею (южное еврейское царство) ассирийцы не тронули. Причины этого не установлены до сих пор. Обычно считается, что Ахаз, царь Иудеи, не стал вступать в союз ни с арамейцами, ни с Израилем и признал вассальную зависимость от Ассирии, обязавшись платить той ежегодную дань серебром и, возможно, пообещав ассирийцам оказывать некоторую военную помощь. По другому предположению, ассирийцы не тронули Иудею, решив, что она послужит хорошей буферной зоной между Ассирией и Египтом, главным противником ассирийцев.

Как бы там ни было, Иудея просуществовала на полтора века дольше Израиля. Ослаблению Иудеи поспособствовал Езекия, наследовавший Ахазу. Когда в 704 году до нашей эры Саргон, царь Ассирии, погиб в одном из сражений, Езекия решил более не платить дань новому правителю ассирийского царства Синахерибу. Результатом стала осада Иерусалима Синахерибом, приведшая к голоду населения.

Ассирийцы не церемонились с выступавшими против них. Когда восстал Вавилон, Синахериб жестоко расправился с непокорными, пролив, как говорят, столько крови, что Персидский залив, куда несет свои воды Евфрат, окрасился в красный цвет. А вот с Иерусалима Синахериб снял осаду.

Иудея как южное еврейское царство просуществовала до 587 года до нашей эры, когда ее завоевал вавилонский царь Навуходоносор II, одолевший до того ассирийцев. Навуходоносор взял Иерусалим и разрушил его, а евреев выслав в долину Евфрата.

Теперь вспомним о решении ассирийцев не вторгаться в южное еврейское царство. Это решение оказало значительное влияние на историю человечества. Оно позволило евреям не только выжить, но и внести существенный вклад в западную культуру. Кроме того, в результате этого решения ассирийцев произошла экономическая и социальная трансформация, которая, вероятно, позволила человечеству сделать небольшой шаг навстречу всеобщей грамотности. Для достижения этой цели нужны не только удобный в употреблении алфавит и набор письменных принадлежностей. Распространению грамотности также способствуют урбанизация населения и наличие у людей свободного времени, которое предоставляет определенный достаток.

После завоевания ассирийцами Израиля в Иудею хлынул поток беженцев с севера. Близость Израиля к Финикии способствовала проникновению в северное еврейское царство финикийского алфавита, и израильтяне, бежавшие в Иудею, не только не утратили своих знаний, но и стали делиться ими с местными жителями. Привезли они в Иудею и запасы папируса, полученного ранее из Египта. Кроме того, низменная территория Иудеи (в отличие от холмистой местности Израиля) способствовала уплотнению населения, укреплению городов и распространению грамотности.

Есть все основания полагать, что после 700 года до нашей эры письмо в Иудее стало обычным явлением. Правда, папирус недолговечен, и до наших дней сохранился лишь один письменный артефакт, относящийся к тому времени. Зато сохранилось большое число печаток для запечатывания писем и документов. Многие из этих печаток грубо сработаны и выполнены с орфографическими ошибками, что говорит о том, что ими пользовались обычные люди.

В Ветхом Завете, в 36-й главе Книги пророка Иеремии, приводится иллюстрация к распространению письма в Иудее. В этой главе Господь выказывает пророку недовольство идолопоклонством, богохульством и порочностью иудеев. Иеремия призвал к себе Баруха, писца, и продиктовал ему обращение к Иоакиму, царю Иудейскому, предупредив того, что если он и его народ не раскаются в своих прегрешениях, то Господь накажет их с помощью царя Вавилонского, который разорит Иудею. (Вавилон стал угрожать Иудее приблизительно с 605 года до нашей эры.)

«И прочитал Барух написанные в свитке слова Иеремии в доме Господнем, в комнате Гемарии, сына Сафонова, писца, на верхнем дворе у входа в новые ворота дома Господня вслух всего народа» [\[19\]](#).

Приближенные Иоакима принесли свиток Баруха царю. Тому текст, разумеется, не понравился, и он уничтожил свиток, бросив его в огонь, а Иеремию и Баруха повелел тотчас арестовать, «но Господь сокрыл их». В конце главы Иеремия диктует Баруху текст с сожженного свитка.

Ко времени Иеремии (около 600 года до нашей эры) евреи пользовались своим алфавитом уже не одно столетие, но все же в

массе своей они были неграмотными, и, возможно, даже пророк был необразованным человеком. Да и о Ветхом Завете не скажешь, что он написан художественным, по нынешним меркам, стилем. В Ветхом Завете немудреный размер стихов, сухое изложение материала, вычурные эпитеты и большое количество повторений. Так, например, в Книге пророка Иеремии имя «Барух» употребляется двадцать три раза, а уточнение «Барух, сын Нирии» – восемь раз^[20]. Письменное слово в то время имело большую власть над людьми, но посланием пророка Иеремии иудеи пренебрегли, и вавилоняне разорили их земли.

Около 588 года до нашей эры Навуходоносор, вавилонский царь, методично истреблял иудеев, то ли осуществляя божественное возмездие от имени бога Яхве, то ли по собственному почину. В то время он осаждал иудейскую крепость Лахиш, находившуюся примерно в тридцати милях юго-западнее Иерусалима.

При раскопках Лахиша археологи обнаружили большое количество остраконов, глиняных черепков с записями, сделанными во время осады крепости. Наиболее известная запись – так называемое «Письмо образованного солдата», содержащее около ста пятидесяти слов. Отправитель письма – Ошаия, служивший в крепости, вероятно, в звании младшего офицера, а адресат – его командир Яуш. Вероятно, до этого Яуш посоветовал Ошаие воспользоваться услугами писца для чтения писем. Ошаия с возмущением отвечает: «Видит бог, еще ни один человек не читал мои письма. Я могу прочесть любое письмо и, больше того, коли понадобится, перескажу его содержание кому надо».

Письмо Ошаии – одно из первых свидетельств распространения грамоты в Иудее, по крайней мере, в военной среде. Однако многие исследователи, руководствуясь подобными артефактами и выдержками из Библии, переоценивают это обстоятельство. Чтобы правильно оценить данное явление, для начала надо определить, что понимать под грамотностью. В современном понимании слова – это умение читать и писать. Поэтому представляется, что владевшие грамотой иудеи составляли не более двух процентов от всего населения. Тому есть объяснение. Во-первых, папирус был далеко не всем по карману, и поэтому встречались люди, которые умели читать, но не умели писать. Кроме того, имелось слишком мало материалов для чтения: разрозненные надписи на камнях, свитки, хранившиеся в храмах, дворцах и домах богатых людей. Письменных литературных

источников практически не было, а ходившие в народе стихи и повествования являлись почти исключительно продуктом устного народного творчества.

Распространение грамоты в Иудее сдерживалось и отсутствием школ для обучения чтению и письму, что сказывалось на культуре письма: умевшие писать выводили строчки неровно, не делили текст на абзацы и даже порой не отделяли слова друг от друга. Культура письма появилась только в Средневековье.

Чтение в те времена являлось многотрудным занятием, читали исключительно вслух. Читать молча научились лишь в наше время. Некоторые лингвисты считают, что если тексты на современных западных языках легко поддаются чтению про себя, то тексты на древних семитских языках, особенно на безгласном еврейском, про себя не прочтешь (еврейская молодежь, достигшая религиозной зрелости, наверняка согласится с этим суждением).

По поводу распространения грамотности в ветхозаветные времена американский библеист Дэвид Карр пишет:

Когда перечисляешь людей, владевших письмом в Древнем Израиле, то сразу становится очевидным, что все они – официальные лица. Помимо Бога, Творца Писания, это – цари, священнослужители, писцы и иные чиновники.

Свиток Баруха и письмо Ошаии не оставили в истории значимого следа, но трактуются как симптомы первых робких попыток обыкновенных людей отобрать право на грамотность у всевластного государства.

Через сорок лет после того как Навуходоносор II, царь Вавилонии, взял Иерусалим и выселил иудеев в долину Евфрата, Вавилония сама пала под ударами персов, которыми предводительствовал царь Кир. Царь Персии разрешил иудеям вернуться на родину. Иудеи провели на чужбине пятьдесят лет и, вернувшись в места прежнего проживания, легко восстановили свою культуру, существующую и поныне. А вот израильтяне, населявшие северное еврейское царство, после завоевания ассирийцами провели в изгнании почти полтора столетия и за этот долгий период времени утратили этнические и религиозные

корни, да и десять из двенадцати еврейских племен за это время перестали существовать^[21].

К 600 году до нашей эры арамейский язык стал главенствовать в Междуречье, превратившись в разговорный не только у находившихся в изгнании иудеев, но и у местных вавилонян. Распространившись в Месопотамии, арамейский язык стал позже употребляться в Персидской империи, а затем вытеснил греческий и латинский на Среднем Востоке.

Почему же арамейский язык получил такое распространение? Французский историк Жорж Руа поясняет, что арамейский язык стал широко использоваться *«частично по той причине, что арамейцы были большим по численности народом, а частично потому, что они, вместо трудной для воспроизведения клинописи, переняли у финикийцев их алфавит и успешно им пользовались, немного его усовершенствовав. К началу восьмого века до нашей эры арамейский язык и письмо полностью вытеснили аккадский язык и клинопись, употреблявшиеся в Ассирии, и распространились сплошь по Востоку»*.

Арамейские писцы стали первыми отделять слова друг от друга и в каждом слове начали помечать для ясности последнюю букву.

К концу второго тысячелетия арамейские купцы заняли торговую нишу между финикийцами на западе и месопотамцами на востоке. Арамейский шрифт, удобный в употреблении, за короткий срок переняли ассирийцы, вавилоняне, персы и народы, находившиеся от них в зависимости.

В Ветхом Завете рассказывается, как в конце второго века до нашей эры во время осады Иерусалима царем Ассирийским на переговорах между враждовавшими сторонами вполне мог использоваться арамейский язык. Виночерпий Рабсак, представитель царя Ассирийского, подошел к крепостным воротам осажденного города и потребовал его сдачи. Представители Езекии, царя Иудейского, попросили Рабсака говорить только по-арамейски, рассчитывая, что жители города в этом случае не поймут речи Рабсака и не придут к мысли о том, в каком бедственном положении оказались. Но Рабсак обратился к горожанам на иудейском и призвал их сдать город для их же блага^[22].

Поначалу вавилоняне и ассирийцы использовали при письме арамейский язык лишь для того, чтобы на толстых гранях табличек,

заполненных клинописью, писать убогим шрифтом краткое содержание клинописного текста (подобно тому, как ныне помещают название книги на ее корешке). Те же пометки на арамейском позволяли сложить таблички друг на друга в определенном порядке и получить непрерывный текст. Постепенно арамейский шрифт полностью сменил клинопись.

Еще одной причиной распространения арамейского языка могла явиться торговая предприимчивость арамейцев, которые, торгуя в землях Северного Леванта тканями, ладаном, слоновой костью и медью, добились в сухопутной торговле таких же успехов, как финикийцы в торговле морской. Арамейский язык распространялся все шире и шире, вне зависимости от того, что в ареале распространения этого языка власть ассирийцев сменилась господством вавилонян, а власть последних – господством персов.

Около 525 года до нашей эры персы стали использовать алфавитную форму клинописи, так называемый староперсидский шрифт (расшифрованный Роулинсоном). Новшество просуществовало недолго. Дарий I, персидский царь (при нем на скале вблизи Бехистуна появилась трехязычная надпись, о которой мы уже говорили), узаконил в своей империи арамейский язык. Этот язык использовался на Ближнем Востоке до определенного времени. В четвертом веке до нашей эры от него отказались греки после покорения Греции Александром, а в седьмом столетии нашей эры от арамейского языка отказались арабы под влиянием зародившегося ислама.

Иудеи, высланные Навуходоносором II в долину Евфрата, не сразу возвратились на родину после того, как персидский царь Кир в 539 году до нашей эры разрешил им вернуться в места прежнего проживания. Часть иудеев вернулась на родину в 450 году до нашей эры по инициативе пророка Ездры. Ездра, бывший еще и писцом, являлся сторонником квадратного арамейского алфавита и, пользуясь своим влиянием в обществе, ввел его во всей Палестине. Еврейскому алфавиту пришлось уступить место арамейскому, а через несколько столетий исчез и разговорный еврейский, который стали использовать лишь при богослужении^[23].

Арамейская письменность оказала безусловное влияние на развитие человечества, однако простота и изящество греческого письма стали теми факторами, которые принципиально изменили

человеческую политику. В Греции первыми людьми, овладевшими грамотой, стали микенцы, поселившиеся в Пелопоннесе около 1600 года до нашей эры. Они использовали, подобно месопотамцам и египтянам, силлабический шрифт – так называемое линейное письмо Б, произошедшее от линейного письма А. Линейное письмо Б использовалось писцами лишь для фиксации произошедших важных событий и административных потребностей. Это письмо исчезло из обращения сразу после крушения микенской культуры, случившегося около 1100 года до нашей эры. После этого наступили «темные времена», конец которым положили финикийцы, освоившие Эгейское море.

Финикийцы – одни из первых в мире народов, занявшихся международной торговлей с поездками на дальние расстояния. В Ветхом Завете рассказывается, что около 900 года до нашей эры финикийские корабли возвратились из Индии с большим количеством золота^[24], а Геродот свидетельствует, что около 600 года до нашей эры финикийские мореплаватели обогнули южноафриканское побережье. Но самым значительным грузом, привезенным в Грецию финикийцами, стал финикийский алфавит, произошедший от протосемитического.

Специалисты установили, что первые греческие алфавитные записи, относящиеся примерно к восьмому веку до нашей эры, весьма схожи с финикийским письмом того же исторического периода, однако они до сих пор спорят о точном времени зарождения в Греции алфавита и о его источнике. Все же, должно быть, лишь финикийским торговцам, не боявшимся бороздить просторы Средиземного моря, было под силу привезти в далекую Грецию новую информационную технологию^[25].

Однако греки внесли немалые изменения в финикийскую систему письма: те финикийские буквы, которые не имели в греческом языке фонетического эквивалента, греки стали использовать для обозначения гласных звуков и таким образом устранили всю фонематическую неясность старых алфавитных систем. Чтобы овладеть силлабической системой письма, содержащей сотни различных символов, требовалось приблизительно десять лет. Чтобы овладеть семитической консонантной системой письма, требовалось примерно пять лет. В наше время в Израиле при начальном обучении школьников чтению и

письму в текстах для обозначения гласных звуков ставят специальные значки. При дальнейшем обучении школьников значки эти в текстах не проставляются. Многие израильтяне сожалеют о том, что в их письме отсутствуют гласные звуки. Писатель Амос Оз полагает, что настало время ввести в еврейское правописание гласные буквы, чтобы они, «уподобившись полицейским, регулирующим уличное движение», смогли бы упорядочить чтение и письмо. А вот современные школьники, постигающие грамотность на греческом, латинском или кириллице, могут обучиться чтению и письму максимум за два года. То же, вероятно, можно сказать и о школьниках, обучавшихся грамоте на древнегреческом языке.

В те времена, когда греки переняли у финикийцев их алфавит, они с соизволения фараона основали в дельте Нила торговый город Навкратис, служивший основным перевалочным пунктом на греко-египетских торговых путях. Греки главным образом вывозили из Египта зерно, а другим, не менее ценным предметом импорта являлся папирус.

Сочетание гласно-согласного алфавита с писчим материалом – папирусом – впервые в истории человечества открыло дорогу для потенциальной массовой грамотности. Представьте себе мир, в котором информация передается лишь изустно. Вспомним детскую игру в «испорченный телефон». Простое слово, переданное шепотом по цепочке участниками этого забавного развлечения, четвертым, а то и третьим играющим заменяется другим словом. Современные историки полагают, что в исторической памяти дописьменных обществ оставались лишь те события, свидетелями которых являлись три последних поколения – не больше, чем в памяти современного долгожителя. Но если возможности памяти ограничены, как же при отсутствии письменности сохранились в веках семейные, племенные и даже национальные предания и ремесла?

С помощью мнемоники – метрической формы, размера, повторяющихся оборотов и выражений, стереотипных эпитетов. Коротко говоря, посредством поэзии. В гомеровском эпосе Одиссей плывет по «виноцветному» морю, а Ахилл, герой Троянской войны, – «быстроногий». Характеры героев в этом эпосе не раскрыты, а речь одного походит на речь другого. В дописьменном обществе ценным и прибыльным ремеслом стал устный рассказ. Это искусство

передавалось из поколения в поколение и требовало недюжинной памяти и актерского мастерства, которое вырабатывалось годами.

В начале двадцатого века американский филолог-классицист Милмэн Пэрри заметил, что гомеровский эпос включает в себя множество повторяющихся устойчивых выражений и насыщен стилизованными эпитетами. Пэрри также пришел к суждению, что Гомер – если только такой человек на самом деле существовал – не является автором эпоса в современном значении этого слова, ибо появление в Греции «Илиады» и «Одиссеи» относится к дописьменным временам. Гомер, по мнению Пэрри, – это рассказчик, или даже сменявшие друг друга рассказчики. Как бы там ни было, литературные усилия этого человека или группы людей позволили сохранить в целостности гомеровский эпос и привести его в седьмом веке до нашей эры в счастливую гавань, в которой нашлись писчие материалы для надежной сохранности в будущем.

Если бы родственники покинувшего родину Одиссея захотели вступить с ним в контакт, им пришлось бы выйти на корабле в винноцветное море и попытаться найти скитальца. Другой возможности в дописьменной Греции у них не было. Филолог-классицист Дженнифер Уайз по этому поводу пишет: «С небольшим преувеличением можно сказать, что на продолжительность странствий Одиссея влияет простая технологическая причина: эпический герой не может послать домой письменную весточку о себе».

Милмэн Пэрри окончил Сорбонну, после чего наставник, лингвист Антуан Мейе, посоветовал ему отправиться на Балканы, где все еще процветала неграмотность, чтобы ознакомиться с творчеством последних европейских сказителей и понять, как они обучаются своему ремеслу. К сожалению, Пэрри погиб в результате несчастного случая вскоре после приезда из Югославии, и работу завершил его ассистент Альфред Лорд. Этот лингвист выпустил книгу «Сказитель», в которой в подробностях описал процесс ученичества наиболее известных югославских сказителей – процесс, похожий на тот, который помогал рассказчикам «Илиады» и «Одиссеи» овладеть своим самобытным искусством.

Словесное общество, в котором информация сохраняется устными литературными средствами – метрической формой, размером, стабильными оборотами и устойчивыми эпитетами, – значительно

отличается от современного общества, в котором информация быстро излагается на бумаге или помещается в память компьютера и так же быстро забывается исполнителем.

Антропологи и этнографы отмечают, что в словесных обществах рассказчики обладали чрезвычайно хорошей памятью. Говорят, что когда в 1805 году у таитян появился собственный алфавит, их наиболее талантливые сказители без труда запоминали наизусть весь Новый Завет. Да и в настоящее время приходится удивляться тому, что многие люди, исповедующие буддизм или ислам, могут прочесть наизусть большой отрывок литературного или – в особенности – религиозного текста.

В Древней Греции переход от устного к письменному литературному творчеству произошел небыстро. Солон, афинский политический деятель, осуществивший в Афинах около 600 года до нашей эры первые демократические реформы, писал в основном стихи. После того времени, по словам французского палеографа Анри-Жана Мартена, «во всех последующих сочинениях, едва они излагались в письменной форме, указывались автор произведения и место, откуда он родом». Ко времени Платона, в середине четвертого века до нашей эры, стали писать и в прозе.

Разумеется, у греков и, возможно, еще раньше, у финикийцев, евреев и арамейцев, письмо стало профессией. Профессия – род занятий, доступный узкому кругу лиц, и ремесло писца было редкой профессией. В дальнейшем появились другие, не столь уж редкие, но и не массовые профессии в печатном и издательском деле, которые стали доступными для простого народа; их появление нанесло ощутимый удар по привилегированной касте писцов.

В пятом веке до нашей эры в Греции произошли революционные изменения в грамотности народа, но сами греки, похоже, этого не заметили, равно как и не поняли ни причин всплеска грамотности, ни последствий ее развития. В трудах Платона и Аристотеля не найти не только слов о том, что автор гордится за народ, повышающий свою грамотность, но и простой осведомленности об этом явлении, во власти которого привести к политическим изменениям в государстве.

Да и когда греки писали о системе образования в городах-государствах, они в основном пространно описывали военную подготовку, а еще уделяли внимание музыке и гимнастике, которые, на

их взгляд, способствовали духовному и физическому развитию. Английский антиковед Уильям Харрис замечает в своей работе, что эллинистические греки и римляне редко, но отмечали грамотность отдельных людей, а вот классические греки – практически никогда^[26].

И все же в одной сфере повседневной греческой жизни растущая грамотность населения нашла свое отражение. Этой сферой стал театр. Как в комедиях, так и в трагедиях рассказывалось об искусстве письма и всевозможных письменных материалах: от восковых табличек до свитков. В пьесах Софокла, Аристофана и Еврипида мимы с помощью жестов и пластики изображали различные буквы. В пьесе Калласа, дошедшей до нас лишь в виде фрагментов, главным действующим лицом является алфавит в исполнении участников хора, которые с помощью жестов изображают как отдельные буквы, так и сочетания букв: «бета альфа, ба; бета эпсилон, бе; бета эта, бё...»^[27] Современные классицисты иронически называют подобные представления «Эй-би-си шоу» и считают их импровизацией на фривольные темы.

Греческие драматурги не скупились на включение в свои пьесы литературных аллюзий, и Аристофан шутливо говорил, что зрители, посещающие театр, должно быть, из высшего афинского общества, потому что хорошо подготовлены к представлению. В «Лягушках» драматург замечает: «Книгам каждый обучался, правду каждый разберет».

Грамотность населения оказывала влияние на развитие театра. В конце шестого века до нашей эры ходившие в народе произведения классиков, в особенности гомеровский эпос, стали ставиться на сцене, правда, в исполнении одного-единственного актера, который декламировал стихотворный текст с помощью устоявшихся оборотов и выражений, так называемых формул.

В конце шестого столетия житель Икарии (города севернее Афин) по имени Фестид придумал новый вид театрального представления. Занявшись драматургией, он приложил свой талант к введению в представление нескольких персонажей. В трагедиях Фестида актер-декламатор, меняя маски, выступал в разных лицах. Замена декламатора персонажами представления, должно быть, оказалась такой привлекательной, что число желающих стать актерами, чтобы принять участие в представлениях, превзошло воображение

драматурга. Фестид, правда, не отказался от хора, но его персонажи вели с хором диалог.

Фестид и сам выступал в своих представлениях и, чтобы изображать различных персонажей, наносил на лицо слой свинцовых белил, а поверх – тонкий слой красок, которые при необходимости можно было быстро смыть и заменить другими. Кроме того, при Фестиде маски стали делаться из холста, которому придавалась определенная форма с помощью гипса, после чего маски раскрашивались. Последователи Фестида, в частности, драматург и актер Эсхил, стали придавать маскам самые разнообразные выражения, вплоть до вселяющих в зрителей страх. В дальнейшем Фестид стал писать пьесы в прозе, персонажи которых говорили обыденным языком. Фестид стал первым в мире актером и драматургом. Его имя приняло нарицательное значение во многих западных языках. Таково английское слово *Thespian* (трагический, драматический).

Нет необходимости говорить, что память человека недолговечна, и потому без письма не было бы возможности создавать театральные представления, включающие монологи и диалоги, да и драматурги не появились бы. Письмо значительно расширило возможности театрального представления, особенно в отношении хора, который стал комментировать развивающийся сюжет.

К пятому веку до нашей эры главные афинские празднества – Ленеи и Дионисии – сопровождалось состязанием драматургов, во время которого исполнялись трагедии. На проведение этих праздников уходила большая часть городского бюджета, и потому создавался специальный денежный фонд, ставший одним из наиболее влиятельных афинских политических институтов. Распорядители фонда избирались прямым народным голосованием. Такого же рода голосованием избирались еще десять стратегов (высших военачальников) и архонты (высшие должностные лица в Афинах).

Несмотря на существование фонда, организация праздников требовала дополнительных материальных вложений. Подобно богатым гражданам, триерархам, обязанным снаряжать построенную триеру и содержать ее экипаж, другие состоятельные афинские граждане, называвшиеся хорегами, оплачивали расходы по постановке театрального представления и содержанию актеров и хора.

К сожалению, ни одна пьеса Фестида не сохранилась. А вот творения Софокла, Эсхила и Еврипида, хотя и не полностью, но все же дошли до нас. Говорят, что Софокл написал 123 пьесы (сохранились лишь семь), Эсхил – приблизительно 80 (до наших дней дошли тоже семь), а Еврипид – порядка 95 (сохранились семнадцать, чему способствовал обнаруженный том с его пьесами – вероятно, один из в свое время существовавших – и содержащий пьесы с названиями в диапазоне греческих букв «эта» – «каппа»).

Такой небывалый расцвет драматического искусства произошел при незначительной численности афинского населения. В середине пятого века до нашей эры в Афинах насчитывалось 250 000 жителей (с округлением), а в центре города, в пределах крепостных стен, и того меньше. Но даже среди столь небольшого количества населения в лучшем случае лишь десятая часть умела свободно читать и писать. Правда, мужчин, обученных грамоте, было больше – от 25 до 50 %, и вполне вероятно, что в среде высокородных афинян этой науке были обучены почти все.

То, что в Греции в те времена далеко не все умели читать и писать, объяснимо. Хотя греки сумели преодолеть замысловатость сопутствующих письму абстрактных понятий (которые ставили в тупик их далеких предков), они еще не довели в пятом веке до нашей эры свое письмо до удобного исполнения, что отражалось, разумеется, и на чтении. В греческом письме предложения и слова друг от друга не отделялись, абзацев в тексте не было и в помине, да и знаков препинания тоже. Для овладения грамотой существовал ряд технических трудностей: дороговизна папируса, отсутствие печатных станков и системы всеобщего обучения грамоте. В начале пятого века до нашей эры рулон папируса, содержащий примерно двадцать листов, стоил от одной до трех драхм, что равнялось 1–3-дневному заработку квалифицированного работника.

Впрочем, не только папирус использовался греками при письме. При необходимости они писали на бронзе, золоте, серебре, глиняной посуде, остраконах и даже на свинцовых пластинках, которые крепились к гробам усопших, переселявшихся в иной мир.

В словесных обществах умеющий читать читал вслух группе людей. Только в современный период истории после изобретения печатных машин у людей появилась привычка читать про себя. Но все

же по меркам Древнего мира греки совершили прорыв в системе коммуникаций: грамотность принесла с собой новые философские и логические конструкции и в придачу – новую концепцию театрального представления.

Развитие грамотности сопровождалось изменениями в политической жизни Греции. В середине седьмого века до нашей эры Афины начали свое долгое, постепенное и временами замедлявшееся движение по привлечению местного населения к политической власти. К 650 году до нашей эры Афины – по инициативе родовой знати – объединились с окрестными поселениями и стали городом-государством. Поначалу власть оказалась в руках афинской аристократии, из представителей которой ежегодно избирали архонта, высшее должностное лицо. В дальнейшем власть в городе-государстве перешла к трем архонтам. Один стоял во главе городских чиновников, другой исполнял религиозные функции, а на третьего возлагалось командование войсками. Затем к трем архонтам добавились еще шесть. Эти архонты занимались вопросами юрисдикции: давали консультации гражданам и вели уголовные дела. Вероятно, все архонты были грамотными людьми.

Все девять архонтов входили в ареопаг (номинально верховный правящий орган). В «ассамблеях» ареопага могли принимать участие все свободные граждане, но сам по себе этот правящий орган обладал лишь незначительной властью. На деле политической властью в Афинах заправляли аристократы, частично проводившие нужные им решения на собраниях ареопага. Несогласных с их политическими и хозяйственными решениями аристократы изгоняли из города. Пребывание на чужбине означало утрату политических и юридических прав, и потому изгнанники со своей участью не мирились и собирались с силами, привлекая отряды наемников, чтобы вернуться в Афины и захватить власть. В результате завязался непрерывный процесс замены изгнанниками бывших гонителей.

Власть переходила из рук в руки до той поры, когда в начале седьмого века до нашей эры афиняне, чтобы прекратить постоянные беспорядки, не передали все властные полномочия архонту Дракону, стоявшему во главе городских властей. Однако изданные Драконом «написанные кровью» законы ухудшили положение низших сословий,

да и практика изгнания неугодных не прекратилась. Выражение «драконовы меры» сохранилось и по сей день.

В начале шестого века до нашей эры афиняне передали властные полномочия другому архонту – Солону, который издал ряд законов, доступных для понимания возросшему числу граждан, освоивших грамоту. С приходом Солона к власти Афины получили первые демократические реформы.

В частности, Солон предоставил гражданам право подавать жалобы в суд на имевшие место противозаконные действия (*graphe paramoton*). Суд начинался по заявлению любого полноправного гражданина. Но для того, чтобы подать жалобу в суд, несомненно, желательно было ознакомиться с опубликованными законами, то есть владеть чтением и письмом (да и сам термин *graphe* происходит от греческого глагола «писать»). Таким образом, грамотность стала связующим элементом между принятыми законами и политическими правами.

В дописьменных обществах судебные разбирательства отдавались на откуп определенному должностному лицу, а в тех древних обществах, в которых существовало письмо, но еще не было алфавита, в привилегированном положении пребывала грамотная элита, извлекавшая пользу из знания существовавших законов. А вот в Афинах с появлением алфавита права обыкновенных граждан намного расширились.

В седьмом и шестом столетиях Афины постепенно ввели институты, давшие возможность обычным гражданам участвовать в политической жизни города-государства. В то же время продолжалось изгнание неугодных и чехарда должностных лиц во властных структурах. В 508 году власть в Афинах захватили Алкмеониды, знатный аристократический род, из которого вышли многие известные военачальники и политики, и среди них – Перикл, крупнейший из афинских государственных деятелей.

В конце шестого века до нашей эры Клисфен из рода Алкмеонидов, опираясь на поддержку горожан, провел в Афинах демократические реформы. С целью защиты города-государства от угрозы тирании и олигархии Клисфен также ввел остракизм (суд черепков), который позволял раз в год изгонять из Афин неугодных граждан, чье политическое влияние считалось подлежащим

упразднению. Однако подобного рода ссылка полагалась отчасти даже почетной, ибо при возвращении ссыльному не только сочувствовали, но и возвращали имущество. Каждую зиму афинское собрание решало голосованием, проводить ли очередной остракизм. Если решение принималось, афинским гражданам предоставлялось два месяца на раздумье, кого целесообразно изгнать. Обыкновенно суд происходил таким образом: каждый участник голосования, взяв черепок (остракон), писал на нем имя того человека, которого считал нужным изгнать из Афин. Затем черепки подсчитывали. Если их набиралось не менее шести тысяч, остракизм признавался состоявшимся, и человека, набравшего наибольшее количество голосов, изгоняли на десять лет. Во время раскопок в Афинах археологи обнаружили большое число остраконов – своего рода античный справочник об известных личностях того времени (подобный современному сборнику «Кто есть кто»).

Действительно, остракизму подвергались наиболее известные и именитые афиняне, и, когда в 415 году жертвой остракизма стал Гипербол, вождь демоса, знатные горожане сочли, что он понапрасну удостоился такой чести. А вот изгнание из Афин Фукидида и Аристиды афиняне одобрили: Фукидид, историк и владелец богатых золотых приисков, как стратег принимал участие в Пелопоннесской войне и был изгнан из города-государства после поражения в битве за Амфиополь. Аристид, афинский политический деятель, принимал участие в победоносной битве при Марафоне, но был изгнан на десять лет из Афин, выступив против увеличения афинских морских сил.

А вот какую забавную историю рассказывает Плутарх по поводу изгнания Аристиды по правилам остракизма:

Рассказывают, что когда надписывали черепки, какой-то неграмотный неотесанный крестьянин протянул Аристиду – первому, кто попался ему навстречу, – черепок и попросил написать имя Аристиды. Тот удивился и спросил: «Не обидел ли тебя каким-нибудь образом Аристид?» – «Нет, – ответил крестьянин, – я даже не знаю этого человека, но мне надоело слышать о нем на каждом шагу: «Справедливый! Вот уж кто справедливый!» Аристид ничего не ответил, написал свое имя и вернул черепок.

Остракизм, как уже было сказано, признавался состоявшимся лишь в случае участия в суде черепков не менее шести тысяч жителей города-государства – большой процент от имевших право голоса афинян. Но для того чтобы надписать черепок, требовалась хотя бы элементарная грамотность. Тогда, может быть, большинство афинян, если не все, владело этими элементарными навыками? К сожалению, приходится усомниться. Один археолог, нашедший сто девяносто один остракон с именем Фемистокла, пришел к заключению, что это – работа пятнадцати человек, потрудившихся за других.

Такое заключение археолога объяснимо не только неграмотностью большей части горожан, принимавших участие в суде черепков, но и, как говорят в наши дни, «наполнением избирательных урн фальшивыми бюллетенями». Как бы там ни было, можно предположить, что суд черепков проходил не так гладко, как намечалось его учредителем Клисфеном. Неграмотные люди в Афинах далеко не всегда могли принять на суде самостоятельное решение, и потому на процедуру остракизма без особых усилий могли влиять обученные грамоте властные и богатые.

Американский археолог Юджин Вандерпул выдвинул гипотезу, как проходила подготовка к процессу голосования на суде черепков, по итогам которого Фемистокла изгнали из города.

Приспешники противников Фемистокла шли в гончарную мастерскую и собирали там черепки, отходы производства глиняной утвари... их подельники, получив принесенные черепки, заполняли именем Фемистокла то их количество, которое могли надписать. В день суда черепков противники Фемистокла вместе со своими подручными направлялись на афинскую Агору и, прохаживаясь среди пришедших на суд, раздавали готовые остраконы всем, кто соглашался их взять.

Однако далеко не все люди, самостоятельно заполнявшие остраконы, были в достаточной мере грамотными. На многих остраконах надписи с орфографическими ошибками. Зато на иных черепках, кроме имени человека, намеченного к изгнанию, встречалось экспрессивное добавление. Например: «Гнать в шею!»

А вот тяжкие преступления – взяточничество и государственная измена – рассматривались в Афинах народным судом. Признанного виновным могли отправить в пожизненное изгнание с конфискацией собственности или даже приговорить к смертной казни. В народный суд входило несколько сотен граждан, чтобы не позволить элите вынести произвольный и одной ей выгодный приговор.

В народном суде прениям сторон отводилось определенное время, которое отсчитывалось клепсидрой (водяными часами) и зависело от величины судебных издержек. При рассмотрении гражданского дела с судебными издержками, превышавшими пять тысяч драхм, обе стороны – обвинение и защита – получали по две возможности выступить. Время первого выступления отсчитывалось десятигалонной, второго – трехгалонной клепсидрой. Чем меньше была стоимость судебных издержек, тем меньше времени отводилось на прения.

После завершения прений каждый судья получал два баллотировочных бронзовых диска – один с полым стержнем посередине (для тайного голосования в пользу истца), второй с цельным стержнем посередине (для тайного голосования в пользу ответчика). В зале суда стояли две урны: бронзовая и деревянная; в крышке каждой имелось отверстие для просовывания только одного диска. Бронзовая урна предназначалась для дисков, определявших вердикт суда, а деревянная – для не востребованных при голосовании дисков. После голосования каждый судья получал по медному диску с проставленной на нем цифрой 3, который позже обменивал на три обола (полдрахмы) – жалованье за деятельность в суде.

Аристофан в комедии «Осы» высмеивает страсть афинян к сутяжничеству и поднимает литературные проблемы своего времени. В «Осах» слуга Филоклеона, не в меру ретивого судьи, так отзывается о своем господине:

Еще не рассветет, а он уж в суд идет
И, как морской моллюск, там спит, прильнув к столбу.
По злости ставит он всем длинную черту
И возвращается, как шершень иль оса,
С ногами полными начинки восковой.

(От покрытых воском дощечек, на которых писал)

Аристофан – Майкл Мур^[28] своих дней – высмеивает ту легкость, с которой афинский суд попадает под влияние демагогов, в частности, насмехается над демагогом Клеоном (выведенным в комедии под именем Филоклеон). Клеон привлек драматурга к суду, однако Аристофан – как и полувеком раньше Эсхил, привлеченный к суду за раскрытие религиозных тайнств на сцене, – благодаря своим литературным талантам и красноречию с блеском себя защитил при разбирательстве дела в суде.

Остракизм (для которого требовалась определенная грамотность населения) как правовая норма, введенная в Афинах демократическими реформами, применялся нечасто – главным образом, в первые пятьдесят лет после осуществления этих реформ. В наше время мы понимаем, что одним из основных принципов демократии является ограничение деятельности официальных лиц. Появление в Афинах институтов, основанных на грамотности населения, означало, что властные и богатые больше не в состоянии прекратить бесконечный процесс изгнания из города неугодных и сопутствовавшие ему военные столкновения.

Кроме учреждения остракизма, Клисфен провел и другие демократические реформы, которые продолжали оказывать влияние на общество в течение двух последующих столетий, вплоть до завоевания Греции Александром. Важной реформой Клисфена стало разделение города-государства по территориальному признаку. Вместо существовавших ранее четырех, Клисфен учредил десять фил (подобие нынешних административных районов), что привело к дроблению родовых группировок и смешению населения. Старым филам, в которых правила знать, Клисфен оставил только религиозные функции. Каждая фила направляла в образованный Клисфеном Совет пятисот (Буле) по пятьдесят своих представителей. Этот совет представлял предложения народному собранию, принимавшему важнейшие юридические, военные и экономические решения. Буле и собрание теоретически были доступны для всех афинян, и растущая грамотность населения способствовала демократизации афинского общества.

Филы избирали голосованием из числа компетентных граждан архонтов, стратегов и распорядителей праздников. Стратеги, командовавшие войсками, избирались на год, но допускалось переизбрание. Известными стратегами были Аристид, Фемистокл, Фукидид, Перикл и Демосфен. Стратегами зачастую избирали известных политиков, положение которых в афинском обществе, становившемся все более грамотным, было неустойчивым, нестабильным: стратегов нередко изгоняли из государства, подвергнув предварительно ostracism.

Филы ежегодно избирали жребием шесть тысяч народных судей; в судебных заседаниях участвовали не все, а по несколько сотен судей в зависимости от важности дела. Жребием также избирались технические работники для службы в государственном аппарате. Ежегодно все десять фил посылали по сто одному представителю в «коллегию» по налогам и сборам, которая среди прочих государственных дел взыскивала налоги, конфисковывала по определению суда имущество граждан и занималась сдачей в аренду государственных рудников. Афиняне также избирали жребием Совет одиннадцати, который осуществлял надзор за содержанием в тюрьмах узников и приводил в исполнение смертные приговоры. Для этих целей в его подчинении находились рабы – в пятом и четвертом столетиях, в основном, скифские лучники.

Каждая фила также избирала жребием антинома. Обязанности этих государственных служащих описал в «Конституции Афин» Аристотель:

Они следят за флейтистками, арфистками и кифаристками, чтобы нанимались не дороже двух драхм, и, если одной и той же станут добиваться несколько человек сразу, они кидают между ними жребий и отдают ее внаймы тому, кому выпадет жребий. Заботятся также и о том, чтобы никто из уборщиков нечистот не сваливал их ближе десяти стадиев от городской стены. Далее они не позволяют застраивать улицы, перекидывать над улицами балконы, делать висячие желоба, имеющие сток на улицу, и окна, открывающиеся на улицу. Они же хоронят людей, умерших на улице, и имеют для этой цели в своем распоряжении казенных служителей.

Афинское народное собрание, созывавшееся примерно на сорок дней ежегодно, решало ключевые военные и политические вопросы. Наибольшим влиянием в собрании пользовался обладавший ораторскими способностями ритор (говоря современным языком, спикер). Тех же людей, которые молча сидели в собрании и не принимали участия в обсуждении злободневных вопросов, афиняне стали называть идиотами. Дебаты и процедурное маневрирование в собрании были сопряжены с существенным риском. Любого члена собрания могли обвинить в нарушении установленных правил, а возможность подавать в суд жалобу на противозаконие предохраняла от скороспелых и непродуманных законопроектов.

Участие в собрании не ограничивалось обязательным требованием владеть хотя бы начальной грамотой. Но умение читать и писать, толковать принимавшиеся законы и разбираться в финансовой проблематике, разумеется, было необходимостью для всякого, кто собирался иметь влияние в меритократическом окружении.

Чтобы понять связь между гражданством, демократическими реформами и грамотностью в Древних Афинах, расскажем о жизни и свершениях Фемистокла, афинского государственного и военного деятеля. Фемистокл родился в 524 году до нашей эры. Он был умным и самостоятельным юношей, отличался от своих праздных сверстников, постигавших ораторское искусство и проводивших часы за музыкальными инструментами. Он спокойно переносил насмешки более высокородных школьных товарищей, связанные с его неумением хорошо музицировать. Он отвечал, что лучше возвеличить маленький город, чем исполнять высокую музыку на лютне и арфе. И Фемистокл в своем стремлении преуспел.

А теперь вспомним историю Оройта, Поликрата и Дария. В то же время, когда в шестом веке до нашей эры персидский царь Кир II захватил Сарды, персы покорили греческие города-государства на западе Малой Азии и на прилегающих островах. Ионийцы, одна из трех главных греческих племенных групп, в 499 году подняли восстание против персов. Афины поддержали восставших, что послужило для персидского царя Дария I поводом, чтобы ввести войска в Грецию под предлогом возмездия.

В 494 году Ионийское восстание было подавлено, и персидские эмиссары потребовали от греческих городов-государств подношений в

виде земли и воды, что означало подчинение персам. Греки с персидскими посланцами чиниться не стали. Афиняне погребли их живыми в яме, как обыкновенных уголовных преступников. Жители Спарты поступили чуть по-иному с непрошеными пришельцами. Они подвели персов к колодцу и заявили, что это – лучшее место из существующих, где можно найти и землю, и воду. После этого эмиссаров в этом колодце и утопили^[29].

В 493 году, когда ему исполнилось тридцать, Фемистокл вступил в должность архонта. Он хорошо понимал нависшую над Грецией нешуточную опасность со стороны агрессивных персов и потому перенес стоянку афинского флота из Фалерона в Пирей, порт, который, как он посчитал, легче защитить от врага.

В 490 году персы вторглись в материковую Грецию и, захватив Эретрию, разрушили город, а его жителей обратили в рабство. Однако в том же году персы потерпели от греков жестокое поражение в битве при Марафоне. По преданию, отправленный с победной вестью гонец пробежал до Афин около двадцати шести миль, после чего упал замертво. (Отсюда марафонский бег, одна из наиболее длинных дистанций бега в современной легкой атлетике.)

В битве при Марафоне греческими войсками командовал Мильтиад, а Фемистокл находился у него в подчинении и потому – несмотря на победу греков – вернулся в Афины обескураженным, главным образом, тем, что на поле сражения не добыл личной славы. По словам Плутарха, в то время только и говорили о полководческом таланте великого Мильтиада. Однако дальше у греков дела пошли хуже. Мильтиад попытался пошатнуть могущество персов на море, но вследствие неудачных действий против Пароса, островного города-государства, поставлявшего персам военные корабли, был приговорен афинским судом «за обман народа» к уплате 50 талантов (около 3000 фунтов).

Фемистокл, в отличие от многих стоявших у власти греков, хорошо понимал, что победа при Марафоне не положит конец войне с персами. Действительно, в 480 году персы возобновили наступление и вскоре одолели греков в битве при Фермопилах, несмотря на отчаянное сопротивление неустрашимых спартанцев, преградивших им путь. Правда, в том же году Фемистокл, вставший во главе афинского флота, одержал победу над неприятелем у мыса Артемисий.

Но остановить продвижение персов на суше это не помогло. В опасности оказались Афины. Что предприняли в этом случае афиняне, рассказывает мраморная доска, обнаруженная в Трезене, городе у побережья Сардонического залива, на северо-востоке Пелопоннеса.

На доске начертано:

Этот указ одобрен [Советом] и [собранием]; предложен Фемистоклом, сыном Неокла. Город оставить на попечительство и милость [богов]... Женщин и детей отправить в Трезен... Стариков и [рабов] отправить на Саламин. Казначеев и жриц оставить в Акрополе охранять наши святыни. Всем остальным афинянам и чужеземцам, способным носить оружие, взойти на борт двухсот подготовленных к отплытию кораблей и [в дальнейшем] разгромить неприятеля во имя свободы своей и всех греков^[30].

Фемистокл хорошо понимал, что на суше грекам не одолеть многочисленную персидскую армию, и потому пришел к мысли, что решительное сражение следует дать персам на море. Корабли греков были тяжелые и менее маневренные по сравнению с вражескими, зато обладали более мощной ударной силой. Чтобы лишить противника преимущества, Фемистокл заманил вражеский флот в узкий Саламинский пролив и в ходе ожесточенного боя одержал блистательную победу.

Фемистокл вернулся в Афины овеянный славой, которая обошла его в битве при Марафоне. Но наибольших почестей Фемистокл удостоился в Спарте. Его увенчали оливковой ветвью и подарили ему колесницу, «лучшую в Спарте». До границы с Афинами Фемистокла эскортировали триста гоплитов по числу спартанцев, преградивших путь персам в битве при Фермопилах. По словам Геродота, «Фемистокл был, насколько мы знаем, единственным человеком, которому спартанцы дали такую свиту».

После победы в Саламинском морском сражении Фемистокл занимался важными государственными делами и среди них — завершением строительства фортификационных сооружений в Афинах и Пирее. Он намеренно скрывал проведение этих работ от спартанцев и этим вызвал немалое их раздражение. В то же время в Афинах оживились политические противники Фемистокла, боявшиеся роста

его влияния. В конце концов, Фемистокл не смог оказать должного сопротивления политическим оппонентам и враждебности Спарты, и его политическая карьера в Афинах закончилась.

Примерно в то время Фемистокл встречался или, по крайней мере, обменивался посланиями с Павсанием, спартанским военачальником. Спартанцы, узнав об общении двух известных военных деятелей, попытались обвинить их в тайных сношениях с персами. В 471 году политические противники Фемистокла, воспользовавшись выдвинутыми против него надуманными обвинениями спартанцев, добились его изгнания из Афин.

Оклеветанный Фемистокл уехал в Аргос. Предполагают, что в это время Павсаний на самом деле предложил Фемистоклу вступить вместе в тайные сношения с персами. Фемистокл предложение отклонил, но огласке не предал. После смерти Павсания спартанцы обнаружили письма, адресованные ему Фемистоклом, что послужило поводом обвинить Фемистокла в предательстве греческих интересов. Такое тяжкое преступление, как государственная измена, подлежало судебному разбирательству представителями нескольких греческих городов-государств.

Решив, что справедливого суда ему не дожидаться, Фемистокл стал колесить по Греции, переезжая из одного места в другое. Однако ни в одном греческом поселении надежного убежища он не нашел. Тогда он подался в Сузы, где правил Артаксеркс I, сын Ксеркса I. Это было связано с риском. Вряд ли победителю персов в Саламинском сражении можно было рассчитывать в Сузах на радушный прием. Однако Фемистоклу удалось завоевать доверие Артаксеркса, и тот даже доверил ему управление несколькими сатрапиями в Малой Азии. Фемистокл окончил жизнь в Персии, предположительно приняв яд (бычью кровь), после того как его обязали возглавить персидское войско и выступить против Афин.

Кажется странным, что афиняне, воспользовавшись наветами, изгнали из страны Фемистокла, человека, который спас Афины (а возможно, всю Западную Европу) от персидской экспансии. Похожая незавидная участь постигла и Мильтиада, победителя персов в битве при Марафоне. Да и чуть ли не все афинские лидеры были преданы остракизму или подвергались угрозе высылки из страны.

Остракизм озадачивает современного западного читателя, да и отцы-основатели американской представительной демократии относились неодобрительно к афинским демократическим институтам.

Джон Адамс, к примеру, так писал об остракизме:

История никогда не представляла столь откровенного признания людьми их собственной немощи в устройстве исполнительной и законодательной власти, как при установлении этого института [остракизма]. Разве можно себе представить более унылое зрелище, чем то, при котором сначала в течение года возвеличивают патриота или героя, в следующем году свергают его беззастенчиво с пьедестала, а спустя еще год воздвигают памятник в его честь?

Но если не считаться с репликой Адамса и руководствоваться лишь тем, о чем рассказано выше, то становится ясным, что в основание демократии Древних Афин было заложено сочетание остракизма, грамотности и представительной системы управления государством. Современный читатель, вероятно, удивится тому, что в Афинах чуть ли не каждый горожанин, наделенный амбициями и соответствующими способностями, стремился приобщиться к политике, занятию, грозившему карой даже за малейшее отступление от закона, действительно совершенное или сфабрикованное политическими противниками. В четвертом веке до нашей эры за должностные преступления преследовались судебным порядком двадцать семь афинских стратегов – четверых предали смертной казни, пятерым, приговоренным к такому же наказанию, удалось вовремя скрыться, остальных выслали из страны или оштрафовали.

Среди преследовавшихся судебным порядком было немало военачальников, но еще рискованнее была должность судьи, занимавшегося рассмотрением дел уголовных преступников – за иное вынесенное решение можно было поплатиться жизнью. Судьей мог стать любой гражданин, и от этой должности не отказывались, ибо служение правосудию считалось великой честью.

Афинское гражданство получал, как правило, любой человек, чьи родители были гражданами Афин, а для всех остальных, населявших Афины, получение этого статуса являлось наиболее востребованным желанием. Афиняне оценивали друг друга не по достатку, а по

участию в политической и военной жизни страны. Люди, оказавшиеся под следствием и судом, не уклонялись от судебного разбирательства, хотя рисковали жизнью и собственностью – для них главным было не потерять уважение полиса. А высшей честью для афинян считалось пасть за свой полис на поле сражения.

Таким образом, в течение почти двух столетий основу афинской демократии составляли два фактора: широчайшее участие граждан в управлении государством (что невозможно в нынешних государствах) и специфические институты остракизма и изгнания из страны. Эти институты служили предохранительным клапаном, препятствовавшим сосредоточению власти у противников демократии. Трудно представить, что должностные лица в Афинах, выбранные вслепую из неученого, в большинстве своем, населения, могли почти два столетия поддерживать государство в более или менее организованном состоянии, и так же трудно представить, что остракизм и правовое изгнание из страны могли бы гладко функционировать в малограмотном обществе.

Хотя отцы-основатели американского государства относились скептически к «радикальной демократии» афинян, а остракизм считали неразумным явлением, даже беглое рассмотрение истории афинского города-государства свидетельствует, что оно добилось наибольшей стабильности в период с конца шестого до конца четвертого века до нашей эры, то есть от проведения в жизнь реформ Клисфена до завоевания Греции македонцами. Правда, в 411 и 404 годах к власти в Афинах пришли олигархи, установив тираническое правление, но оба случая были краткосрочным явлением, связанным с Пелопоннесской войной. После окончательного свержения тирании афинская демократия еще более укрепилась, и только вторжение в Грецию македонцев привело к ее гибели^[31].

Афинская демократия оставалась крепкой до самого конца своего двухвекового существования. Остракизм, предотвращавший сосредоточение власти в руках горстки людей, стал цементом, скреплявшим афинскую демократию, главным ингредиентом которого являлась широкая грамотность населения. Соответственно, без необходимого числа грамотных граждан, выбиравшихся наугад на законодательные судебные и административные должности, трудно

себе представить, что демократические Афины смогли бы не только так долго существовать, но и возвыситься в древнем греческом мире.

В отличие от Афин, в Спарте лишь немногие умели читать и писать, что подтверждается дошедшими до нашего времени репликами заносчивых афинян и незначительным количеством письменных памятников, обнаруженных в Южном Пелопоннесе. Представляется, что существовавшие в Спарте законы в письменном виде не излагались, а грамотой в необходимых для них пределах владели только цари, эфоры, военачальники высокого ранга и граждане, занимавшиеся межгосударственными сношениями.

Развитие грамотности в этом городе-государстве в немалой степени сдерживала общественная структура. Спарта была самым большим греческим городом-государством, добилась своего территориального превосходства путем захвата Мессении, области на юге Пелопоннеса. Спартанцы поработили мессенцев, сделав их государственными рабами – илотами. Илоты значительно превосходили численностью спартанцев (по некоторым оценкам, чуть ли не в десять раз), и, чтобы держать их в страхе и не дать взбунтоваться, за ними следила криптия, организация молодых спартанцев, возникшая из обрядов инициации и выступавшая в качестве «тайной полиции».

Спартанцев постоянно тревожило возможное восстание неблагонадежных илотов, и потому они не заботились о распространении грамотности, опасаясь, что знания попадут не в те руки. Неприятие грамотности способствовало тому, что не только илоты оставались невежественными, но и сами спартанцы, а это воспрепятствовало зарождению демократии.

А вот в Афинах, где поощрялась грамотность населения, вероятно, не уделялось внимания составлению и хранению документов, и это, как ни выглядит странным, содействовало четкой работе демократических институтов. Только в середине пятого века до нашей эры в Афинах появился государственный архив Метроон, в котором преимущественно хранились законы, договоры, постановления народного собрания и другие официальные документы. Что касается частных деловых бумаг афинян, то они, видимо, вовсе не составлялись. К примеру, не обнаружено ни одного договора о купле-продаже земли или о межевании. Афиняне на границах своих

земельных угодий ставили камни с начертанным на них именем владельца участка.

В этом и заключается последняя часть загадки демократической исключительности Афин: в отличие от деспотичных империй Месопотамии и Египта, «Афинская империя» не породила армии чиновников и писцов для организации устрашающей власти письменности над населением. Вместо этого афиняне наполняли законодательные и административные органы постоянно обновлявшимся контингентом из ремесленников, торговцев и крестьян, в своем большинстве людей образованных – в должной мере. Кроме того, афинян «магия письма» не пугала, чего не скажешь о неразвитых обществах.

Правда, в Афинах организация административной работы, вероятно, имела определенные недостатки в связи с ограниченным количеством служащих, но это с лихвой возмещалось свободой от тирании, которую обрели обычные граждане, а также отсутствием нерадивости и коррупции, свойственных как древним, так и современным чиновникам.

Классические греческие города-государства оставили после себя мало письменных памятников. Положение изменилось после завершения в 323 году военной экспансии Александра. После его кончины последовательно возник ряд государств: царство Селевкидов, Пергамское царство, царство Птолемеев, Греция и Египет.

Немалое число письменных памятников оставлено современным историкам греко-египетским государством, основанным Птолемеем, одним из военачальников Александра. Тому были причины. Во-первых, Египет был главным производителем папируса в мире. Во-вторых, папирус, благодаря сухому климату в стране, хорошо сохранялся. Также Птолемеи заботились о письменных документах, создав для их хранения необходимые условия. Наконец, Птолемеи, как и месопотамские и египетские предшественники, осознавали большое значение письменности для управления государством. До наших дней дошли даже малозначительные деловые бумаги. К примеру, одна из них свидетельствует, что в 248 году свиновод Петосирис отдал семнадцать поросят человеку по имени Гераклид в обмен на десять свиноматок, взятых в годовую аренду.

Разумеется, обыкновенные люди в то время прибегали к письму нечасто, а вот во властных структурах документов различного рода набиралось немало. Однажды Аполлоний, казначей Птолемея II, только в течение одного месяца получил 434 папирусных свитка. Птолемеи, по происхождению греки, должно быть, в известной мере наследовали чиновничьи обычаи фараонов, но они поощряли использование письма в повседневной жизни страны. Однако на безграмотное местное население Птолемеи все же воздействовали «магией» и властью письма. Свиновод Петосирис, этнический египтянин, во всей вероятности, не умел ни читать, ни писать, а Гераклид, этнический грек, скорее всего, был грамотным человеком.

Специалисты, изучающие древнюю письменность, особенно интересуются историей Александрийской библиотеки. После распада империи Александра Афины оказались под властью олигархического режима во главе с Деметрием Фалерским, ставленником македонского царя Кассандра. После смерти последнего Деметрий удалился в Александрию, величайший из городов, созданных великим завоевателем.

Предполагается, что Деметрий, старавшийся прославить первых двух Птолемеев, как раз и был основателем Александрийской библиотеки, насчитывавшей в своем фонде, как полагают, около полумиллиона папирусных свитков. В этой библиотеке хранились труды Аристотеля и его учеников-перипатетиков (это название произошло от греческого *peripatos* [крытая галерея], части школьного здания, по которой Аристотель прохаживался во время занятий). Александрийская библиотека приобретала все литературные произведения, какие только существовали, после чего эти произведения переводились на греческий. В этом кладезе знаний находилась и Септуагинта – перевод Ветхого Завета на греческий с древнееврейского языка. Этот труд получил свое название потому, что перевод осуществили 72 переводчика (по шесть на каждое из двенадцати древнееврейских племен), да и на работу у них ушло 72 дня.

К сожалению, до нашего времени Александрийская библиотека не сохранилась. Часть ее фонда сгорела во времена Юлия Цезаря, когда в ходе сражения с неприятелем полыхавший вблизи пожар перекинулся на библиотеку. Второй пожар случился в конце третьего столетия

нашей эры, когда римский император Аврелиан силой подавлял вспыхнувшее в Александрии восстание. Остальная часть фонда библиотеки, как полагают, была уничтожена патриархом Феофилом Александрийским (в четвертом столетии) и арабским военачальником Амром (в седьмом столетии), при этом оба действовали из религиозных соображений, руководствуясь, разумеется, собственными воззрениями.

Однако приведенные сведения не подтверждаются достоверными документами. Начнем с того, что собственного, отдельно стоявшего здания библиотека не имела – ни один античный историк о таком здании не сообщает. Пишут, что библиотека находилась в помещении Мусейона (дома муз; отсюда слово «музей»), а сам Мусейон, вероятно, размещался в одном из царских дворцов. Во-вторых, фонд Александрийской библиотеки вряд ли насчитывал около полумиллиона произведений. Если пересчитать все дошедшие до нашего времени древние рукописи и прибавить к ним те, на которые имеются только ссылки, и даже если полученное число умножить на десять, то и в этом случае результатом будут не сотни тысяч, а всего лишь десятки тысяч единиц хранения. Нет и внушающих доверие сведений о пожарах в библиотеке. Римский географ Страбон, которому мы обязаны лучшим, хотя и недостаточно ясным описанием Александрийской библиотеки, побывал в ней примерно спустя столетие после пребывания в Египте Юлия Цезаря, но Страбон ни слова не написал о каких-либо бедствиях, постигших библиотеку.

Скорее всего, рукописи, хранившиеся в Александрийской библиотеке, пострадали от разрушительного воздействия времени. Александрия, в отличие от большей части Египта, находится на берегу моря, и ее влажный климат оказывал пагубное влияние на папирус. Кроме того, на сохранности библиотечного фонда сказалось и перелистывание читателями папирусных рукописей: чем чаще читают тот или иной документ, тем меньше срок его жизни.

Бытует мнение, что утрата произведений, хранившихся в Александрийской библиотеке, привела к наступлению «темных веков» в Европе, но это всего-навсего небылица, увековеченная некоторыми учеными. Ведь Александрийская библиотека в античном мире была не единственной. С ней соперничала библиотека Пергама, города в Малой Азии, да и в Эфесе было большое хранилище рукописей.

Американский классицист Роджер Бэгнолл по этому поводу пишет:

Исчезновение Александрийской библиотеки не привело к наступлению «темных веков», а ее сохранность не привела бы к развитию общества. Скорее, «темные века»... обязаны своей тьмой как западным, так и восточным правителям, не проявившим особенного желания и не выделявшим надобных средств для сохранения великой библиотеки. Сожгли ли эту библиотеку с ее ветшавшими рукописями или не тронули, существенной разницы для истории в этом нет.

Разумеется, Александрийская библиотека мало способствовала образованию простых греков, не говоря уже о бесправных этнических египтянах. Библиотека находилась в царском дворце, и доступ в нее был открыт лишь для небольшой группы ученых, или, как выразился один из античных авторов, «для особой породы писак, проводивших всю свою жизнь в клетке муз». Работавшие в библиотеке ученые находились под патронажем царских властей, предоставлявших не только бесплатный доступ в библиотеку, но и даровой стол, и еще освобождавших от уплаты налогов.

Что же ученые давали взамен? Александр считал себя не только завоевателем мира, но и распорядителем знаний. Он планировал построить огромную библиотеку в Ниневии, бывшей столице Ассирийского царства, и собрать в ней все литературные сочинения на греческом языке, какие только имелись в мире.

«Писаки» предназначались для этого труда – чтобы вооружить знаниями эллинистический мир, в котором преемники Александра соперничали друг с другом, дабы самим считаться наследниками Платона, Демосфена и, разумеется, Аристотеля, наставника Александра. Когда библиотека в Пергаме торжественно объявила, что в ее фонде нашлась считавшаяся потерянной филиппика ^[32] Демосфена, произнесенная оратором за несколько месяцев до поражения греков в битве при Херонее (приведшей к потере Грецией независимости), александрийские ученые тут же вмешались и заявили, что оригинал этой филиппики хранится в Александрийской библиотеке, а в Пергаме – всего лишь копия.

Чтобы ограничить возможности Пергамской библиотеки, Птолеми в середине второго века до нашей эры запретили экспорт папируса. Но Эвмен II, царь Пергама, нашел выход из положения. Он построил фабрику по производству пергамента, только что изобретенного писчего материала. Пергамент прочнее папируса, поэтому львиная доля греческих текстов, сохранившихся до нашего времени, написана на пергаменте, а не на александрийском папирусе. Пергамент изготавливался из овечьей шкуры, обработанной особым образом, и на производство одного фолианта шла кожа стада животных. Пергамент стоил так дорого, что порой соскабливали с пергамента старый, как правило, несущественный текст, чтобы написать новый. Иногда современным ученым, соскоблившим рукопись на пергаменте, удается прочесть первоначальное письмо^[33].

Власти эллинистических государств, образовавшихся в результате распада империи Александра, стали руководствоваться законами, помогавшими контролировать население и держать его в страхе. А вот существовавшая до того афинская демократия, основанная на удачном сочетании исполнения афинянами своих правовых гражданских обязанностей и необходимости знаний, не только привела к распространению грамотности среди населения, но и исключила господство просвещенной элиты общества.

В середине первого тысячелетия до нашей эры широкое представительство в законодательных и административных структурах и остракизм побудили обычных афинских граждан овладеть необходимым уровнем знаний, чтобы заниматься политикой. Снижение грамотности в государствах, образованных после распада империи Александра, а позже и в Римской империи привело к исчезновению демократии. И только спустя столетия после улучшения технической структуры письма (появление относительно дешевой бумаги и печатных станков) демократия, пусть медленно, отвоевала свои позиции в европейском социуме.

Глава третья

Двенадцать таблиц, семь холмов и несколько ранних христиан

Законы, изложенные на письме, помогают властям управлять населением. И все же законы предоставляют возможность гражданам отстаивать свои права. Но только в Риме этой возможностью пользовались до крайности редко.

Уильям В. Харрис «Грамотность в Древнем мире»

На конституционном конвенте, состоявшемся в Филадельфии в 1787 году, некая миссис Пауэлл спросила Бенджамина Франклина: «Что у нас получилось – республика или монархия?» Тот ответил: «Республика, если вы сможете ее сохранить». Вероятно, Бенджамин Франклин помнил о бесславном конце Римской республики, сменившейся тиранией, которая длилась пять веков. Мнения о причинах краха Римской республики расходятся до сих пор, но одна причина неоспорима: неравномерное распределение грамотности.

В основном, грамотными людьми в Римской республике были легионеры (составлявшие наиболее грамотный институт в позднереспубликанский период), христиане и, как ни странно, рабы (главным образом, греки). Грамотность легионеров и бесправных рабов во многом способствовала краху Римской республики, самого масштабного государства древности с наиболее долговечным демократическим строем, а вот грамотность христиан способствовала победе над римским язычеством.

В фундаментальных аспектах римская демократия в раннереспубликанский период во многом напоминала афинскую. Так, в обоих городах-государствах наиболее важные военные и общественные вопросы решались на народных собраниях. Грамотность играла важную роль и в Риме, особенно в

позднереспубликанский период, когда на выборах в различные органы власти стали использоваться таблички и свой выбор следовало делать в письменном виде. Однако чрезмерная грамотность в римской армии, обширные территориальные завоевания Рима и низкая грамотность населения в завоеванных областях превратили легионеров в единственный институт, способный объединить разросшуюся империю, что и привело к краху республики.

Римская демократия зародилась в шестом веке до нашей эры, когда, по преданию, Рим отправил в Афины своих представителей, чтобы изучить реформы Солона, освободившие малоимущих афинян от долгов и, как следствие, от рабской зависимости от богатых людей. В те времена, как и ныне, средства, взятые в долг, были неприятным обременением. До недавнего времени достаток людей едва превышал прожиточный минимум, и после удовлетворения главных потребностей – в питании и сохранении крыши над головой – денег и других средств обеспечения жизнедеятельности оставалось немного. В Древнем мире свободный капитал – в виде денег, серебряных слитков, скота, зерна – был редким явлением, и только немногие крестьяне, купцы и торговцы могли продать свой товар за хорошую цену.

Нехватка денег у населения приводила к долгам под высокий ссудный процент. В ранних сельскохозяйственных обществах за взятие средств в долг приходилось выплачивать вдвое больше. За взятый в долг бушель посевного зерна следовало отдать, собрав урожай, два бушеля. По мере роста товарно-денежных отношений ссудный процент снижался: во времена Афинской империи он составлял 10 %, а позже, во времена «Римского мира» – 4 %.

Во времена Солона богатые люди, как в Риме, так и в Афинах, давали различные средства горожанам и крестьянам (по определению современных историков) под ссудный процент, равнявшийся 18 единицам – примерно такой же ссудный процент выплачивают и современные пользователи кредитов. Тогда, как и в настоящее время, высокий ссудный процент вводил большое число людей в нарастающие, подобно снежному кому, тягостные и обременительные долги ^[34].

Две тысячи лет назад невыполнение долговых обязательств грозило должнику потерей имущества и даже долговым рабством. В

Афинах такая безусловная залоговая зависимость вызвала затяжной экономический кризис. Чтобы преодолеть этот кризис, были приняты реформы Солона, освободившие всех граждан от многих долговых обязательств и – что наиболее важно – покончившие с тяжелым долговым рабством.

Римская делегация побывала в Афинах не понапрасну. Римляне переняли законодательный опыт Афин, и со временем две коллегии децемвиров (по десять человек в каждой) разработали Законы 12 таблиц, послужившие предтечей закона, отменившего долговое рабство и в Риме. Законы 12 таблиц были, вероятно, записаны на деревянных досках с помощью примитивного латинского алфавита, происхождение которого во многом обязано греческому влиянию. К сожалению, сами доски с текстом законов спустя несколько столетий после их производства сгорели.

К шестому веку до нашей эры греки стали наиболее могущественным народом в Средиземноморье, а римляне довольствовались – как в культурной, так и в политической жизни – второстепенной, незначительной ролью в окружающем мире. Римляне переняли у греков не только законодательную систему, но и, косвенным образом, алфавит. К шестому веку из многих городов материковой и островной Греции, а также из греческих городов Малой Азии были выведены колонии, разместившиеся почти по всему побережью Средиземного моря. Так, еще в 750 году греки, выходцы из Халкиды, основали близ нынешнего Неаполя колонию Кумы и в течение двух последующих столетий то торговали, то воевали с этрусками, местными жителями.

Фокейцы, жители греческого торгового города в Малой Азии, около 535 года до нашей эры после завоеваний Фокеи персидским царем Киром II также переселились в иные места Средиземноморья и основали несколько новых греческих городов, из которых наиболее известны Массалия (в устье Роны) и Алалия (на берегу Корсики). Греки, поселившиеся в Массалии и Алалии, так же, как и их соплеменники, осевшие в Кумах, то торговали, то воевали с этрусками.

Этруски переняли у греков их алфавит и приспособили его к своему языку. Римляне, в свою очередь, на базе этрусского алфавита сформировали латинский, распространившийся на всем современном Западе^[35].

Законы 12 таблиц были составлены в 451–450 годах, когда грамотность римского населения, вероятно, была крайне низкой. Однако законы эти вряд ли повысили грамотность простых римских граждан. Скорее, они составлялись с целью сохранить статус-кво в римском обществе, состоявшем, подобно греческому, из нескольких разнородных сословий. По своему социальному положению наиболее различались между собой патриции и плебеи. Патриции в прежние времена составляли царский сенат и разрабатывали законы своего времени.

Законы 12 таблиц, несмотря на греческое влияние, в определенной мере носили репрессивный характер. Так, они запрещали браки между патрициями и плебеями, а должникам грозили тяжкими наказаниями: продажей в рабство в иные страны, а в отдельных случаях – смертной казнью. Как и законы Месопотамии и Египта, Законы 12 таблиц упрочивали господство аристократов над неграмотным населением.

Грамотность в Греции развилась в пятом-четвертом столетиях, когда появились письменные труды Геродота, писавшего о греко-персидских войнах, и Фукидида, написавшего «Историю Пелопоннесской войны». В Риме грамотность, вероятно, повысилась веком позже, когда римский историк Квинт Фабий Пиктор составил историю 1-й и 2-й Пунических войн.

В отличие от Греции, в Риме связующей нитью между властью и грамотностью являлось, как ни удивительно, рабство. Образованные греки писали ясным, понятным почерком, а письмо римских аристократов схоже с каракулями. В Древнем Риме у каждого богатого человека имелся, как правило, раб, умеющий писать. Но откуда рабы знали грамоту? Дело в том, что эти рабы были греками. С незапамятных времен люди, взятые в плен во время военных действий, зачастую становились рабами.

Во времена территориального расширения Римского государства в его собственность перешли огромные сельскохозяйственные угодья на Апеннинском полуострове и Сицилии. Эти захваченные угодья юридически считались *ager publicus* – землями, принадлежащими государству. Однако на самом деле *ager publicus* в системе римского землевладения стали огромными поместьями, латифундиями, принадлежавшими римским аристократам, на которых работали многочисленные рабы. Появление латифундий привело к упадку

местного хозяйства. Мелкие землевладельцы разорялись и подавались в легионеры, продав за бесценок принадлежавший им участок земли или оставив долги своим домочадцам.

Рим постоянно нуждался в притоке рабочей силы, и рабство стало господствующим способом производства. Легионеров, отправлявшихся покорять новые народы и племена, постоянно сопровождали работорговцы.

После того как в третьем веке до нашей эры Рим завоевал все Апеннины, римляне в 220 году вторглись в Грецию, а в 167-м овладели Эпиром, самым большим и богатым греческим городом на северо-западе. Сто пятьдесят тысяч жителей покоренного города тут же отправили на невольничьи рынки. К середине второго века до нашей эры вся Греция оказалась под владычеством Рима. Некоторые греческие города-государства – прежде всего Афины – смирились с господством Рима и, вступив с этим государством в союз, особо не пострадали. Те же города, которые оказали Риму сопротивление, были разорены. Так, в 146 году римляне, взяв Коринф, город разграбили, а оставшихся в живых жителей обратили в рабов.

Работорговцы следовали за римскими легионами и по морю. Перевалочным пунктом работорговли стал остров Делос в Эгейском море, который, как утверждает греческий географ Страбон, был способен принять и продать в один день десятки тысяч рабов; отсюда даже пошла поговорка: «Купец, приставай и выгружай свой корабль, у нас все уже продано».

Тысячи римлян в поисках лучшей жизни переселились в Малую Азию и на острова Эгейского моря, и вскоре разбогатевшие чванливые римляне восстановили против себя местное население, на которое с появлением римлян легла вся тяжесть налогов. Непомерные налоги вели к долгам, а долги – к рабству за неуплату. В стороне от прибыльного дела – работорговли – не остались и набравшие в то время силу на море пираты. Стоит отметить, что до вторжения римлян в Грецию и Малую Азию персы запретили работорговлю на завоеванных территориях, и ее возобновление римлянами, разумеется, привело к стойкому недовольству местного населения.

Греки возненавидели римлян, и эта враждебность вылилась в жестокую акцию, осуществленную Митридатом VI, царем Понта, искусным военачальником. В 88 году, после того, как он вторгся в

Малую Азию, Митридат устроил грандиозную резню итальянцев, в результате чего погибли около ста тысяч римских переселенцев. Митридат активно воевал с римлянами, но в конце концов был разбит римским полководцем Помпеем и в 63 году покончил жизнь самоубийством.

Антиримские настроения греков были вызваны, главным образом, экономической политикой Рима и чрезмерной алчностью римлян. Когда у греков в руках оказался римский военачальник Аквиллий, греки вылили ему в горло жидкое золото. Это наказание за непомерную жадность в истории человечества применялось и позже [\[36\]](#).

Историки затрудняются даже приблизительно оценить количество рабов в Древнем Риме. Вероятно, их было несколько миллионов. Многие рабы пали на аренах амфитеатров, где они сражались между собой или с дикими зверями. Обычно гладиаторами становились фракийцы, сирийцы и иудеи. Легче складывалась судьба иберов и галлов, владевших искусством управления лошадьми.

Но в наиболее благоприятных условиях содержались обученные грамоте греки, определявшиеся хозяевами в писцы. Впрочем, в те времена письмо было занятием нудным и утомительным. Только через много веков на смену письму от руки пришли пишущая машинка, микропроцессор и принтер. В Древнем Риме при несовершенстве письменных принадлежностей римляне питали к письму чуть ли не отвращение, и когда в конце третьего века до нашей эры в Риме появились рабы-писцы, аристократы обрадовались, должно быть, этому точно так же, как современные бэби-бумеры – своему первому текстовому редактору [\[37\]](#).

Связь греческой и римской культур была в то время так высока, что в Риме трудились греческие историки, писавшие на греческом языке: Дионисий Галикарнасский [\[38\]](#), за ним Полибий и еще позже – Плутарх. Из известных историков того времени один Ливий был римским подданным.

Рабы не только выполняли письменные работы, но и нередко читали своим хозяевам вслух. Светоний в биографии императора Августа пишет: «Если, как это бывает, ему не удавалось сразу опять заснуть, он посылал за чтецами или рассказчиками и тогда снова засыпал, не просыпаясь уже до света». Да и Плиний Младший, рассказывая о своем знаменитом дяде Плинии Старшем, пишет, что

тот просил, чтобы ему постоянно читали вслух – на прогулке, во время еды и даже при купании в ванне, – а еще всегда держал под рукой писца, владевшего скорописью. Плиний Старший отнюдь не был бездельником. Он написал «Естественную историю», огромный труд энциклопедического характера в тридцати семи книгах, да и человеком был отважным. Плиний Старший погиб, участвуя в спасении флота во время извержения Везувия.

Изобретение скорописи приписывают Марку Туллию Тирону, рабу и личному секретарю Цицерона, но достоверными данными это не подтверждается. Некоторые современные историки также считают, что в те далекие времена большая группа писцов под диктовку тиражировала в сотнях, даже тысячах экземплярах литературные сочинения, которые затем продавались по доступной цене (как книги, после того как Иоганн Гутенберг изобрел печатный станок), но и в это трудно поверить. Достоверно одно: когда военная экспансия Римской империи значительно снизилась, что привело к сокращению поставок рабов, цены на книги во много раз выросли. В конце третьего столетия нашей эры при императоре Диоклетиане книги, стоившие при императоре Августе относительно дешево, стали доступными лишь очень состоятельным людям.

Римляне основали первые публичные и частные библиотеки около 220 года до нашей эры, как раз в то время, когда они в первый раз вторглись в Грецию, и это вряд ли простое стечение обстоятельств. Современные историки отыскивали свидетельства существования десятка публичных книгохранилищ (принадлежавших фактически императору) и по организации библиотечного дела немало узнали о взаимосвязи грамотности и рабства. Историкам также удалось выяснить штатный состав римских библиотек, в которых низшие должности обычно занимали рабы и вольноотпущенники.

В римских библиотеках были две категории служащих: *villici* (виллиции), которые каталогизировали поступавшие книги и приводили в порядок старые, и *bybliothese* (библиотекари), которые реставрировали ветхие рукописи или их переписывали. В частных библиотеках богатых владельцев, каким, к примеру, был Цицерон, имелись *librarii* (либрии) из числа рабов или вольноотпущенников, которые делали копии книг из других частных библиотек или дубликаты своих, чтобы хозяин мог их кому-нибудь подарить ^[39].

Труд либрария был сложным и кропотливым. Сначала он переписывал рукопись на отдельные папирусные листы, затем пропитывал их специальным составом, защищая от книжных жучков, потом собирал листы в свиток, склеивая друг с другом концы страниц, после чего разглаживал первую и последнюю и прикреплял к верху первой страницы и к низу последней по продолговатому стержню, на концы стержней надевал по узорному колпачку из слоновой кости. Наконец либрарий прилагал к свитку рисунчатую титульную страницу и изготавливал для свитка футляр, как правило, из папируса. Изготовленный свиток, содержащий текст небольшой современной книги, получался вполне изящным. Стоит ли говорить, что виллиции, библиотекари и либрарии должны были быть образованными людьми?

Но пришло время, когда обученные грамоте рабы-греки перестали поступать в Рим. Чтобы иметь писцов из числа рабов, приходилось, должно быть, обучать латыни и грамоте других захваченных в плен иноземцев. Зачастую писцами становились уже сами римляне, разорившиеся и попавшие в рабство. Ряды рабов пополнялись также за счет существовавшего в Риме права избавления от детей. Римляне, в основном бедные, избавлялись от неудобных детей, оставляя их в определенных местах, хорошо известных жителям города. Богатые люди брали таких детей в свои семьи и обучали их грамоте. Но везло, главным образом, мальчикам. О детях, от которых избавлялись их родители, говорили: «Если это мальчик, поставь его на ноги, если девочка – не печалься о ней». Большинство детей, попавших в приемные семьи, становились рабами, но, бывало, некоторых отпускали на волю актом освобождения.

Обучение рабов грамоте считалось хорошим капиталовложением. В пьесе Петрония «Сатирикон» разбогатевший вольноотпущенник, неотесанный, но чванный Тримальхион, устраивает званый обед, превратившийся в оргию. Во время этого кутежа Тримальхион страстно целует в губы красивого раба-мальчика. Услышав возмущенное восклицание своей жены Фортунаты, Тримальхион невозмутимо отвечает: «Я поцеловал славного мальчика не за красоту его, а потому что он усерден: десятичный счет знает, читает свободно, не по слогам».

Богатые римляне посылали рабов-мальчиков в специальные школы, где те получали образование наравне с собственными детьми

римлян. Если раб, обучавшийся грамоте, добивался в учебе определенных успехов, его могли сделать вольноотпущенником и назначить секретарем, счетоводом или даже доверенным лицом патрона в деловых предприятиях. Перспектива добиться приличного социального положения помогала рабам в учебе.

Римляне охотно приобретали рабов, наделенных каким-либо талантом. Например, ценились рабы, способные развлекать гостей хозяина дома чтением юмористических и драматических сочинений. Особенно ценились рабы, острые на язык. Согласно Сенеке, таких рабов даже специально учили произнесению колкостей, чтобы они в подходящий момент могли блеснуть красноречием.

В Риме грамотными людьми были также легионеры – армия в сотни тысяч солдат. В позднереспубликанский период легионеры должны были владеть хотя бы начатками грамоты, а тем, кто умел хорошо читать и писать, было гораздо легче добиться повышения в должности. Ренат Флавий Вегетий в «Кратком изложении военного дела», своего рода уставе римской армии того времени, уделяет внимание грамотности солдат. Так, он предлагает центуриону (командующему отрядом – центурией – из восьмидесяти солдат) каждый раз при назначении солдат в ночной караул сверяться со списком, чтобы соблюдать строгую очередность в несении службы.

Вегетий при наборе рекрутов в войско также рекомендует:

Неприменно принимать во внимание их рост, физическую силу, крепость и бодрость духа, а также, желательно, их умение читать, писать и считать. Списки личного состава каждого легиона и денежные отчеты следует вести с большей тщательностью, чем записи о налогах и сборах в официальных бумагах.

Легионеры составляли главную силу Рима. Часто легионерами становились обученные грамоте сыновья независимых земледельцев. Они считали двадцатилетнюю службу в армии гарантией дальнейшей безбедной жизни, ибо, отслужив, получали земельный надел и хорошую пенсию. Историк-классицист Уильям В. Харрис, по собственному признанию сомневающийся в широком распространении грамотности среди римских солдат, все же признал, что, изучая интересовавшие его документы, он обнаружил лишь одну

запись, в которой упоминается о некоем легионере, не умевшем ни читать, ни писать.

Римская армия состояла не только из легионеров. В нее также входили вспомогательные войска, куда набирали солдат из различных уголков Римской империи. Часть этих солдат составляли греки, умевшие читать и писать, другую часть – «варвары» (фракийцы, германцы, галлы). Но даже и среди «варваров» желание поддерживать связь с оставшимися на родине близкими побуждало учиться грамоте. А в египетской коннице, входившей в римские вспомогательные войска, грамотными людьми были все офицеры и около трети рядовых конников.

Древние письменные источники, по которым можно судить о грамотности римских солдат, обнаруживаются, главным образом, в местностях с жарким и сухим климатом, наиболее пригодных для сохранности записей на папирусе и пергаменте. Две трети подобных записей из обнаруженных к настоящему времени найдены в двадцатых годах прошлого века при раскопках форта Дура-Европос, находившегося на Среднем Евфрате.

В Англии при раскопках также нашли большое количество письменных артефактов, относящихся к жизни римских легионеров, но мало кто мог даже предположить, что подобные артефакты могут быть обнаружены в Северной Англии с ее холодным и влажным климатом. И все же среди историков нашелся оптимист по имени Гарольд Белл, который надеялся, что «однажды найдет письмо на папирусе, написанное римским солдатом, служившим в Британии». Белл умер в 1967 году, а всего шестью годами позднее археолог Робин Берли отыскал «святой Грааль» Белла при раскопках римского военного лагеря Виндоланда, стоявшего в свое время близ Адрианова вала, вдоль шотландской границы.

Раскопки этого римского лагеря начал отец Робина в 1929 году, а Робин вместе со своим братом продолжил его начинание. За несколько десятилетий раскопок в Виндоланде нашли немало достойных внимания артефактов, но наибольшее внимание Робина (когда он участвовал в раскопках в 1973 году) привлекли две дощечки, найденные в котловане на месте раскопок.

Берли по этому поводу пишет:

Я послал одну из дощечек своему ассистенту, работавшему на поверхности котлована. Он вернул ее мне, сообщив, что, по его мнению, на дощечке какие-то своеобразные письмена. Я рассмотрел дощечки более тщательно и, к своему великому удивлению, обнаружил на них написанный чернилами текст.

Найденные Берли дощечки стали первыми из тысяч других, заполненных чернильными письменами в конце первого – начале второго века (перед самым возведением Адрианова вала) и обнаруженных в наши дни при раскопках. Там же нашлись (правда, в меньшем количестве) и восковые таблички с надписями. Воск давно сошел, а следы надписей сохранились. Вероятно, эти дощечки оставались почти нетленными в течение двух тысяч лет в результате ограниченного доступа кислорода к месту их нахождения.

Найденные в Виндоланде таблички предоставили современным ученым возможность понять, как квартировавшие в разных местах римские легионы поддерживали связь между собой, что, безусловно, помогало держать в подчинении местное население. Эти таблички также предоставляют детальные сведения о составе римских военных подразделений, об устройстве оборонительных укреплений, о видах оружия, которым пользовались солдаты, о поставках в армию снаряжения и продуктов питания и, наконец, о связи с центральным командным пунктом, который находился в Лондиниуме (нынешнем Лондоне), в сотнях миль от местонахождения легионов у шотландской границы.

За десятилетия после обнаружения в Виндоланде письменных артефактов ученые тщательно изучили тексты и пришли к заключению, что оказавшиеся в их распоряжении тексты написаны сотнями разных почерков, из чего сделали вывод, что большинство служивших в Виндоланде легионеров были грамотными людьми – факт в истории античного мира поистине уникальный.

Среди этих текстов нашлись и тексты бытового характера, не связанные с военным укладом. Один из них – послание Клавдии Северы, жены командира одного из римских фортов, Сульпиции Лепидина, жене командира римского гарнизона, стоявшего в Виндоланде.

Клавдия Севера пишет:

Моя дорогая Лепидина, приглашаю тебя на праздник по случаю моего дня рождения, который состоится за три дня до сентябрьских ид. Приезжай обязательно. С тобой праздник будет веселее и интереснее. Передай привет от меня твоему Сервилию. Мой Элий и мой сыночек шлют тебе горячий привет. Я жду тебя, сестра моя, сердце мое. Да будет твое благополучие таким же, какого я желаю себе.

Как установлено, текст этого письма Клавдии написан разными почерками, что неудивительно – так уж было принято в Риме: текст письма писал чаще всего слуга под диктовку своего господина, а тот лишь приписывал последние строки: уверения в уважении к адресату и пожелания всяческих благ.

Очевидно, что грамотность римских легионеров давала им явное преимущество перед неграмотным неприятелем. Достаточно сослаться на то, что римляне, в отличие от необразованного противника, могли отдавать ясные письменные приказы для координации действий. Так что можно сказать, что римляне овладели большей частью завоеванных территорий не только силой оружия, но и силой пера.

По именам легионеров, служивших в римском лагере Виндоланда, можно судить, что многие были выходцами из Тунгрии и Батавии^[40] (завоеванных еще Юлием Цезарем), и понять, каким образом пополнялись римские легионы.

Римляне комплектовали легионы за счет рекрутского набора на завоеванных территориях, население которых они повергали в немалый трепет своей безграничной военной мощью, техническими новинками и познаниями в чтении и письме. Неудивительно, что желавших вступить в ряды римской армии было немало. Новобранцев обучали не только военному делу, но и грамоте. В дальнейшем, став легионерами, эти люди сами покоряли во славу Рима новые территории, приводили в трепет местное население и проводили новый рекрутский набор. Римляне завоевали Англию в 43 году, а уже в конце первого века бритты, вступив в римские легионы, воевали на континенте.

Кроме легионеров, аристократов и их слуг, обученных грамоте, лишь немногие римляне умели читать и писать, а за пределами

столицы грамотность и вовсе была редким явлением. Да и в римских провинциях – Месопотамии и Египте – грамотой владела лишь правящая верхушка. Простым людям овладеть грамотой препятствовала возвращенная пером и чернилами, хорошо отлаженная машина порабощения – римские легионы.

Бенджамин Франклин (вспомним снова об одном из «отцов-основателей» американского государства), рассуждая об Американской республике, опасался, что ее может постигнуть участь Римской республики. Почему же Римская республика пала? Историки по-разному объясняли это историческое событие и считали виной тому: первый триумvirат в составе Юлия Цезаря, Помпея и Красса, переход Юлием Цезарем Рубикона, его убийство, учреждение императорской власти Августом, внучатым племянником Юлия Цезаря. Однако на самом деле причина падения Римской республики зародилась за два с лишним столетия до этих событий. Лучшее всего ее объяснил Монтескье в 1753 году в «Размышлениях о причинах величия римлян и их упадке»: «Непомерное расширение имперских территориальных завоеваний привело к краху республики». Сравнительно недавно историки приняли и развили эту концепцию Монтескье.

Прежде чем рассмотреть эту концепцию, полезно вспомнить взаимосвязь между численностью группы людей, поддерживающих между собой социальные отношения, политической структурой и грамотностью. Согласно «числу Данбара», человек не в состоянии поддерживать постоянные социальные связи более чем со ста пятьюдесятью людьми. Когда каждый участник небольшой группы поддерживает отношения со всеми другими членами, такая группа является относительно демократическим коллективом. Примерами служат охотники-собиратели, небольшие крестьянские поселения и даже экипажи пиратских судов. Грамотность, когда ею владеет лишь элита общества, позволяет жестко контролировать население и даже способствует установлению деспотии.

Когда численность населения, проживающего совместно, превышает «число Данбара», ограниченное число непосредственных контактов между людьми мешает поддерживать политическую стабильность. Поэтому письмо является лучшим средством поддержания связи между многочисленным населением.

Соответственно, общество с высокой степенью грамотности (какое было в Афинах) тяготеет к более высокому уровню демократии, чем общество с низкой степенью грамотности (такое, как в Риме в позднереспубликанский период).

На политическую стабильность влияет и территориальная плотность населения государства. Сколь бы ни было тяжело управлять городом с десятитысячным населением, гораздо труднее управлять тем же количеством населения, проживающего в разных, удаленных друг от друга местах. Чем дальше эти места находятся друг от друга, тем важнее ввести в них грамотность. Еще в середине третьего века до нашей эры империя Саргонов в Месопотамии могла успешно функционировать лишь благодаря появлению клинописи – средства связи, позволившего управлять государством.

И все же, если сравнивать с Афинами, Рим в раннереспубликанский период был более демократическим государством. В те времена в Риме функционировали два народных собрания: *comitia tributa* – трибутский комиций, избиравший народных трибунов, защищавших права плебеев от посягательств патрициев, и *comitia centuriata* – центуриатский комиций, избиравший высших должностных лиц – магистратов. Взаимоотношения между комициями и избиравшимися высшими должностными лицами государства сформировали сбалансированную политическую систему управления и контроля. Знакомство с этой системой позволяет понять причины подъема Римской республики, ее долговременного существования и конечного краха.

Трибутский комиций образовывался по трибам, организованным по территориальному признаку. Каждая триба в этом комиции наделялась одним решающим голосом, а внутри каждой трибы ее решение вырабатывали все члены, пришедшие на собрание, – приблизительно так организован сегодня электоральный процесс в США^[41]. Одной из главных задач комиция являлось ежегодное избрание десяти народных трибунов.

Центуриатский комиций состоял из пяти центурий – единиц имущественно-возрастной классификации римских граждан. В первую центурию входили наиболее богатые римляне; в пятую, последнюю – неимущие. Каждая центурия обладала одним решающим голосом. Вопрос, стоявший в повестке дня, рассматривался по нисходящей,

начиная с первой центурии, а как только набиралось три голоса «за» или «против», рассмотрение прекращалось. До пятой центурии дело часто не доходило. Теоретически, в центуриатском комиции могли принимать участие все римские граждане, но в действительности избирательные права бедняков ущемлялись.

Старшие магистраты, избранные центуриатским комицием, исполняли свои обязанности в течение года, а после этого чаще всего продвигались по службе: от цензора – к претору, от претора – к консулу. Патриции доминировали не только в центуриатском комиции, но и в сенате, куда входили бывшие магистраты.

Однако, чтобы занять в Римской республике высокий государственный пост, для начала следовало, как правило, принять участие в трех военных кампаниях, пребывая на службе в коннице, или в шести – на службе в пехоте. Магистраты всех рангов во время военной кампании часто уходили из Рима вместе со своим легионом. В позднеереспубликанский период центуриатский комиций нередко избирал магистратами военачальников *in absentia*^[42].

Трибутский комиций проводил собрания на Форуме, политическом центре Рима, а центуриатский комиций, охватывавший всех граждан, имевших право носить оружие, собирался на Марсовом поле за пределами города. Со временем плебеи набрали силу, и с 367 года до нашей эры они получили право занимать высокие должности, в том числе должность консула. В дальнейшем плебеям удалось очистить центуриатский комиций от своевольных патрициев и образовать плебейский комиций.

При проведении трибутского комиция на Форуме собиралась многотысячная толпа. Собрание начиналось с молитвы жреца. Затем ораторы высказывали мнения по обсуждавшемуся вопросу, после чего начиналось голосование. В раннеереспубликанский период каждому римскому гражданину следовало подойти к сборщику голосов, вооруженному глиняными табличками, и вслух высказать свое решение, а тот точками на табличках отмечал голоса «за» и «против».

Эта процедура занимала немало времени и не была достаточно объективной; около 150 года до нашей эры плебеи добились, чтобы все решения принимались тайным голосованием. С этого времени голосование проводилось посредством табличек, на которых голосовавшие отмечали свое согласие или несогласие с

обсуждавшимся предложением. При избрании должностных лиц на табличках писались имена кандидатов. Все таблички опускались в специальные ящики под наблюдением сборщиков голосов.

Современные историки не уделяют особенного внимания изменению процедуры голосования в трибутском комиции. Но несомненно, что тайное голосование, кроме всего прочего, было связано с возросшей грамотностью римского населения, ибо при новой процедуре голосования римлянам приходилось выражать мнение по обсуждавшемуся вопросу в письменной форме. Также представляется очевидным, что новая система голосования уменьшила возможность отстаивавших свои интересы патрициев влиять на результат запугиванием и подкупом избирателей. Правда, стоит отметить, что в те времена грамотными людьми были в основном горожане; в сельской местности грамотных было мало, а в римских трансальпийских владениях грамотность оставалась и вовсе крайне низкой.

По неписаной «конституции Рима» патриции и плебеи уравнивались в правах, но в действительности на социальной и политической арене доминировали патриции. Трибутский комиций избирал младших магистратов (эдилов и квесторов), а центуриатский комиций – высших (консулов, преторов и цензоров). Сенат, в который входили бывшие консулы, контролировал деятельность магистратов, давал им советы и решал вопросы внешней политики. Любые решения младшего магистрата мог изменить магистрат более высокого ранга. Правда, народный трибун, охранявший права плебеев, мог наложить вето на любое решение магистратов, включая консулов, а также на любое решение, принятое центуриатским комицием или сенатом (который лишь предлагал законы). Личность народного трибуна считалась неприкосновенной, и покушение на его жизнь приравнялось к покушению на устои республики. Законы принимались трибутским комицием, в котором доминировали плебеи, но для использования законов на практике требовалось хотя бы негласное санкционирование сенатом.

Согласно одному из неписанных римских правил, запрещалось носить оружие в городе. Основатели Рима осознавали важность этого правила для поддержания порядка в стране, и пренебрежение им во втором веке до нашей эры во многом способствовало падению Римской республики. Этот факт стоит принять во внимание в

развернувшейся в наше время дискуссии вокруг Второй поправки к конституции США, допускающей право хранить и носить оружие.

Правящий слой знати в Римской республике – получивший название «нобилитет» – состоял из патрицианских и плебейских семей. Нобилитет возник в раннереспубликанский период в результате борьбы сословий, уравнившей в правах патрициев и плебеев. Но как патрицианские, так и плебейские семьи старались «оттенить» свою родословную, что проявлялось, к примеру, при погребальном обряде усопшего магистрата, члена такой семьи. При организации похорон нанимали актеров, которые, облачившись в соответствующие одежды и маски, изображали заслуженных предков покойного, занимавших при жизни высокие должностные посты. Прощание с покойным свершалось на Форуме, где «бывшие магистраты, предки усопшего», расположившись в креслах, соответствовавших их рангу, выслушивали вместе с другими собравшимися похвальные надгробные речи.

В отличие от Афин, гражданские права в Риме предоставлялись всякому отпрыску гражданина, вне зависимости от происхождения матери. При известных обстоятельствах гражданином мог стать даже вольноотпущенник. Несомненно, республиканский Рим в Древнем мире был государством с наиболее представительной демократией. Римские политики не забывали о продвижении по престижной служебной лестнице. Они часто бывали на Форуме и, прогуливаясь по площади, по-дружески хлопали по плечу встречавшихся горожан, своих избирателей.

Римская политическая система, как и во всех демократических обществах, основывалась на законодательном праве и его неукоснительном соблюдении. Демократия существует, пока правит закон, в справедливость которого веруют граждане. Как не вспомнить нравоучение из «Питера Пэна», пьесы Дж. Барри: ты сможешь летать лишь в том случае, если поверишь, что можешь. Когда территория Римской республики была небольшой, все ее граждане могли появляться на Форуме и на Марсовом поле. Они принимали законы и верили в то, что те станут исполняться на практике.

В 264 году до нашей эры Римская республика занимала южную и центральную части Апеннинского полуострова. Однако затем за счет военного продвижения в Западную Европу территория Римского государства значительно увеличилась. В результате в республике

появилось большое число новых граждан, в своей массе необразованных, незнакомых с римским законодательством и – главное – проживавших вдали от политического центра страны. Никто толком не знал, какое число этих людей в состоянии добраться до Рима, чтобы принять участие в народных собраниях, в известной мере определявших политическую и социальную жизнь государства. Такая неопределенность в сложившемся положении предоставила главную роль на политической сцене Римского государства легионерам, единственной грамотной и организованной силе, способной в нужное время, преодолев немалое расстояние, добраться до Рима.

Первая реальная трещина в демократической системе Римской республики появилась в 134 году до нашей эры после избрания народным трибуном Тиберия Гракха. Он происходил из семьи, имевшей большие связи в политических сферах Рима. Гракх, как и большинство римских политиков, начал свою карьеру на службе в армии и даже отличился в 3-ю Пуническую войну при взятии Карфагена.

Служа в армии, Гракх понял несправедливое отношение Рима к легионерам, отслужившим свой срок. Многие ветераны, возвратившись домой, обнаруживали, что их участок земли захвачен богатым соседом-землевладельцем. Это было не только несправедливо, но и ошибочно стратегически, ибо земли лишались не просто ушедшие в отставку легионеры, но и их сыновья, которые – усомнившись в искренности властей, обещавших легионерам большие льготы после прохождения службы, – теперь вряд ли охотно пойдут служить в армию.

Гракха возмутило также и то, что латифундисты использовали труд большого числа рабов, что могло привести к восстанию. Поэтому, решил Гракх, если Рим хочет сохранить социальную стабильность в стране и, как прежде, успешно проводить рекрутский набор, следует на трибутском комиции принять реформу земельной собственности и, согласно этой реформе, изъять излишки земли у крупных землевладельцев и разделить их между плебеями.

Существовавший в то время в Риме аграрный закон запрещал иметь долю свыше примерно трех сотен акров, но после победы под Карфагеном в 201 году римские власти, отобрав землю у городов, поддерживавших в Италии во 2-ю Пуническую войну Ганнибала,

наделили этой землей римских аристократов. Тиберий Гракх, став в 133 году до нашей эры народным трибуном, предложил отобрать эти земли у их владельцев и отдать в пользование солдатам, отслужившим свой срок, и другим нуждавшимся гражданам.

Но к тому времени люди, получившие от властей эти земли, вложили в них немалые деньги для повышения урожая. К тому же на многих землях сменились собственники: одни земли перешли к сыновьям, другие — к зятьям прежних хозяев. Поэтому инициатива Тиберия Гракха столкнулась с мощным сопротивлением оппозиции. И все же Гракх сумел провести свое предложение через трибутский комиций.

Для проведения в жизнь планов Тиберий Гракх выставил свою кандидатуру в народные трибуны повторно, нарушив тем самым порядок, согласно которому трибуны и магистраты избирались всего на год. В день выборов, несмотря на то, что Гракха, как обычно, сопровождала многочисленная охрана, его убили по приказу сенаторов. Вместе с ним погибло несколько сотен его сторонников.

Убийство Тиберия Гракха вызвало небывалый общественный резонанс. Еще бы, за три с лишним столетия, что существовала республика, подобного не случалось: трибуны и высшие магистраты считались неприкосновенными лицами. Поднявшуюся шумиху можно понять, если представить себе, что современной общественности стало известно: американский сенат постановил лишить жизни председателя Верховного суда США. Убийство Тиберия Гракха положило начало кровопролитной борьбе римских республиканских политиков, которая завершилась лишь в 27 году, когда власть в стране перешла в руки императора Августа.

Несмотря на гибель Тиберия Гракха, его дело было продолжено. После принятия его предложения на трибутском комиции была создана комиссия для наделения землей неимущих. Эта комиссия за четыре года работы сумела отобрать излишки земли у многих латифундистов.

В 123 и 122 годах народным трибуном был избран брат Тиберия Гай, который продолжил начинания брата. Для продолжения реформ Гай Гракх стремился заручиться поддержкой наибольшего числа римских граждан и потому предложил распространить права и обязанности граждан на союзников Рима. Патриции всеми силами старались этому помешать. В 121-м в результате относительно

небольшого конфликта на Марсовом поле Гаю Гракху вместе с его сторонниками пришлось отступить и укрыться на Авентине. Однако ставленник патрициев консул Оптимий, собрав войско, поднялся на холм и в завязавшемся бою уничтожил большое число сподвижников Гая Гракха. Сам Гай в том бою уцелел, но вскоре покончил с собой. Считается, что предложение Гая Гракха о распространении на союзников прав римского гражданина отдалило от него часть сторонников проводившихся реформ, и Оптимий этим воспользовался.

Акция Оптимия положила начало тому, что в Римской республике многие политические вопросы стали решаться не в соответствии с римским правом, а силой оружия, особенно на народных собраниях. Наиболее амбициозные и состоятельные политики стали включать в свою свиту большое число гладиаторов, для которых убийство превратилось в рутинное ремесло. Однако от гладиаторов немало досталось и правящим кругам Рима. В 73 году в капуанской гладиаторской школе зародилось мощное восстание Спартака. Римляне в 71 году все же подавили восстание. Спартак и большая часть повстанцев погибли, а оставшиеся в живых (в количестве шести тысяч) были распяты на крестах вдоль Аппиевой дороги, пролегавшей между Капуей и Римом.

Если чернь стала попирает римское право, не лучшее ли противодействие ей римские легионы? Римские магистраты были не только политическими, но и военными деятелями и потому часто участвовали в военных кампаниях. Примерно к 200 году до нашей эры Рим стал государством, проводившим колониальную грабительскую политику, богатство которого постоянно росло за счет грабежа поработанного населения. Военная добыча способствовала преданности солдат своему командиру, который вел их к новым завоеваниям и новым материальным приобретениям.

Монтескье по этому поводу писал:

Когда легионы перешли через Альпы и переправились через море, то солдаты, которых на время нескольких кампаний пришлось оставить в покоренных странах, мало-помалу потеряли добродетели, свойственные гражданину; полководцы, распорядившиеся армиями и царствами, почувствовали свою силу и перестали повиноваться. Солдаты начали признавать только своего полководца, возлагать на

него все свои надежды и меньше любить отечество... Они перестали быть солдатами республики, став солдатами Суллы, Мария, Помпея и Цезаря.

Когда знаешь, что в наше время связь с войсками можно поддерживать, находясь от них на любом расстоянии, кажется странным, что римляне на долгое время оставляли без связи своих солдат в покоренных странах, и еще более удивительно, что Римская республика, а затем и империя, сумела захватить огромные территории при весьма ограниченных средствах коммуникации.

Важность связи между отдаленными пунктами, обеспеченной грамотностью солдат, проявилась в Римской республике во время конфликта между Гаем Марием и Луцием Корнелием Суллой. Сулла начал свою карьеру легатом Мария, а закончил его смертельным врагом. Оба успешно продвигались по службе и в конце концов стали консулами. Марий избирался на эту должность не менее семи раз.

Впервые Марий стал консулом в 108 году до нашей эры, а его избранию в большой степени помогла грамотность римских легионеров, в то время находившихся в Африке. Согласно «Югуртинской войне» Саллюстия, солдаты Мария «в письмах друзьям в Рим резко осуждали Метелла и требовали назначить военачальником Мария».

В 88 году до нашей эры в истории Рима произошли два важных события: восстание италийских союзников, боровшихся за предоставление им полноценных гражданских прав, и резня римлян в Малой Азии, устроенная Митридатом. В то же самое время, когда трибутский комиций согласился удовлетворить требования италийских союзников, чтобы положить конец конфликту на полуострове, Марий получил престижное назначение – ему поручили возглавить римскую армию, чтобы противостоять в Малой Азии Митридату. Это назначение привело в ярость Суллу, в то время бывшего консулом и считавшего, что у него больше прав стать верховным главнокомандующим в борьбе против Митридата; к тому же эту должность ему обещал сенат. Когда Сулла узнал о назначении Мария, его войска стояли лагерем в Ноле (неподалеку от нынешнего Неаполя), ожидая отправления морем в Малую Азию. Сулла тут же взбудоражил своих солдат, сообщив, что трибутский комиций лишил их законной

военной добычи, которая им бы несомненно досталась после победы над Митридатом. Затем Сулла повел войско в Рим, захватил власть в столице и отправился воевать в Малую Азию.

Что касается Мария, то он известен более всего тем, что во время своего первого консульства стал инициатором военной реформы, согласно которой наличие собственности перестало быть необходимым условием для зачисления в армию; это открыло дорогу в римские легионы всем гражданам государства. Кроме того, согласно этой реформе, всем легионерам, отслужившим срок, предоставлялся земельный участок. Но хотя эта реформа была явно демократической, она поспособствовала краху Римской республики: ведь после ее введения легионеры стали более зависимы от командиров, которые начали действовать по своему усмотрению в ущерб государству.

После того как Сулла отправился воевать в Малую Азию, власть в Риме захватил консул Луций Корнелий Цинна. Придя к власти, он приказал предать смерти большое количество сторонников Суллы, повторив акцию своего политического противника, который, захватив в Риме власть, уничтожил несколько тысяч сподвижников Мария. Авантюризм Суллы и Цинны послужил тому, что Римская республика свернула с проторенной дороги, и в дальнейшем по новому для нее пагубному пути ее повели Помпей, Юлий Цезарь и напоследок Октавиан, военачальники легионов, более преданных себе, чем республике.

Наконец с распространением гражданства на большинство жителей Апеннин те, кто еще верил в республиканские ценности, почувствовали себя ущемленными как в материальном благополучии, так и в сфере коммуникационных и организационных ресурсов. Одно дело поддерживать устои Республики вместе с большим числом граждан, которые контактируют друг с другом на народных собраниях, и совсем другое, когда большое число людей, проживающих вдали от Форума и Марсова поля, не могут встречаться друг с другом. После 100 года до нашей эры территориальная разобщенность большого числа римских граждан, пусть даже их большинство составляли грамотные люди (что, конечно, не соответствовало действительности), не позволяла формировать общую политическую позицию. В тот период единственным социальным институтом, владевшим грамотой и

коммуникационными средствами, способными связать воедино разросшуюся Республику, являлась римская армия.

Даже в позднеереспубликанский период грамотность продолжала служить относительно небольшому числу простых римских граждан, которые могли с помощью *libellus* (либелл – писем, прошений) апеллировать к магистратам. В мартовские иды 44 года до нашей эры, во время покушения на Юлия Цезаря, организованного Брутом и Кассием, Цезарь держал в руке несколько либелл, в одной из которых его предупреждали о нависшей над ним смертельной опасности^[43]. Однако большинство римских граждан были неграмотными и потому не могли влиять на проводившуюся государственную политику.

Лишь спустя три столетия после похода Суллы на Рим появился институт, не уступавший римским легионерам в грамотности и средствах коммуникации – ранняя христианская церковь. Ранние христиане в Римской империи были грамотными людьми, что сначала позволило им уцелеть, а со временем – обратить в свою веру римских господ. Наиболее очевидно этот процесс происходил среди египетских низших классов, которые разработали новый алфавит, ставший средством подготовки восстаний, свержения государственной власти, а со временем – ереси.

До первого столетия нашей эры в Египет последовательно вторгались гиксосы, персидский царь Камбис I, затем Александр и, наконец, римские легионы императора Августа, оставившего в качестве органов местного управления чиновничий аппарат Птолемеев, говоривший на греческом языке. Во время правления Птолемеев старое египетское иератическое письмо уступило место более простому демотическому, но это письмо было разновидностью силлабического, и простому народу его было сложно усвоить. Греческий алфавит римских завоевателей, хотя и был легким для изучения, не имел графического изображения ряда фонем египетского разговорного языка.

Точно так же, как в свое время семитам, трудившимся в Серабит-эль-Хадиме, из иератического письма удалось выделить весьма небольшое, но достаточное количество символов для собственного письма, так и египтянам в первом столетии нашей эры удалось приспособить к греческому письму семь знаков демотического письма,

обозначавших фонемы египетского разговорного языка, не отраженные в греческом алфавите. Так появилось коптское письмо, которое способствовало распространению грамотности в римском Египте^[44].

Коптский алфавит, а с ним и коптский язык при доступности писчего материала, папируса, дали возможность членам христианской общины общаться не только друг с другом, но и с местными ремесленниками и крестьянами, не говорившими на греческом языке. Способность христианских лидеров поддерживать постоянную связь со своими приверженцами позволила христианству избежать римских погромов и развить культуру мученичества за веру – культуру, которая надолго пережила римских гонителей.

Историк Кит Хопкинс пишет:

Грамотность была не просто пассивным техническим средством связи между людьми. Она была великим культурным творением человечества и творцом его великой культуры. В конечном счете Римская империя была завоевана религиозной общностью христиан за век до того, как на запад империи вторглись варвары.

Первым христианским епископом стал Деметрий Александрийский, избранный на свой пост в 189 году нашей эры. Вскоре после этого начались гонения на христиан. Первое систематическое преследование христиан было организовано в 202–206 годах римским императором Септимием Севером, следующее – в 249–251 годах – императором Децием. Римские бюрократы в Египте, боровшиеся с христианством, обязывали местное население поклоняться римским языческим божествам и выдавали письменное удостоверение тем, кто приносил жертву этим богам. Тех, кто не поклонялся языческим божествам, сажали в тюрьму и пытали, добиваясь от них отречения от «чуждых» религиозных воззрений.

Христиан, не отказавшихся от своей веры, предавали ужасной смерти: их побивали камнями, сжигали, разрывали на части и даже, бывало, погружали в чан с едкой жидкостью. Богатые христиане нередко избегали расправы: они посылали рабов принести жертву языческим божествам или покупали надобное свидетельство. И все же в Восточном Средиземноморье большинство христианских лидеров,

отказавшихся поклоняться чужим богам, погибли ужасной смертью. Избежали подобной участи лишь немногие, и среди них – Дионисий Александрийский и Киприан, епископ Карфагена. Укрывшись, они руководили единоверцами с помощью письменных наставлений.

Некоторым христианам, смело выступившим против римского произвола, удалось остаться в живых, и своей стойкостью в вере они заслужили высокую репутацию мучеников. Киприану и Дионисию, уклонявшимся от прямого столкновения с врагами, пришлось искать оправдание своей религиозной пассивности. Дионисий распустил слух о том, что это соратники заставили его силой покинуть Александрию, а Киприан пояснил, что лишь находясь в добром здравии, он может поднимать дух паствы.

Преследование христиан длилось недолго. Римскую империю сотрясали другие невзгоды социального и политического характера. Императоры сменялись один за другим. Конец хаосу в государстве положил Диоклетиан, пришедший к власти в 284 году. Как и многие императоры до него, Диоклетиан не был уроженцем Апеннинского полуострова. Он происходил из Далмации, римской провинции, развитой в культурном и лингвистическом отношении. Став императором, Диоклетиан для стабилизации управления государством ввел административное и территориальное разделение власти. Он, как до него Дионисий и Деций, попытался замедлить распространение христианства – на этот раз организацией всеобщего преследования христиан.

Все же стоит отметить, что римляне довольно терпимо относились к населявшим империю иноверцам (которых было немало и помимо христиан) и боролись с ними, лишь когда они выступали против властей. К несчастью для христиан, Диоклетиан занялся не только административным, но и религиозным переустройством. Он решил, что в беспокойные времена те, кто осеняет себя крестом, мешают попыткам умиротворить римских богов. В феврале 303 года Диоклетиан своим указом повелел снести церкви и сжечь религиозные книги и заодно отменил разделение на чины христианского духовенства. Как и при императоре Деции, всем римским подданным, от Месопотамии до Испании, было строжайшим образом велено приносить жертвы римским богам. Ослушание грозило различными наказаниями, вплоть до смертной казни.

И снова египетскому лидеру христиан – на сей раз прелату Петру – пришлось скрываться от преследования властей. Сначала местом своего пребывания он избрал Палестину, затем перебрался в Сирию и напоследок – в Месопотамию. Отовсюду он посылал пастве различные наставления, стараясь сплотить людей и укрепить их моральный дух.

В 205 году император Галерий, пришедший к власти, издал указ о прекращении преследования христиан, но на практике их положение не улучшилось: христиан по-прежнему сажали в тюрьму, пытали, а наиболее непокорных предавали ужасной смерти; погибли и четыре епископа, назначенные на эту должность Петром. Сам Петр, объясняя свои скитания, наставлял свою паству: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой»^[45]. Но это наставление в борьбе с властями не помогало.

Недовольный организационной деятельностью Петра Мелитий, один из епископов, сам стал посвящать в этот духовный сан крепких в вере людей, замещая ими епископов, попавших в тюрьму. Однако люди Мелития были, в конечном счете, преданы смертной казни, а перед смертью под пытками они письменно осудили своего пастыря. Чтобы восполнить потери, Мелитий собирался возвести в сан епископа еще двух человек, но был отлучен от церкви Петром. Со временем и самого Петра схватили и после пыток предали смертной казни, и Петр пополнил собою список христианских великомучеников^[46].

И все же, несмотря на гонения, христианство постепенно проникало в римское общество; в 313 году император Константин I своим эдиктом признал христианство религией. Торжеству христианства во многом способствовала грамотность христиан, в частности, коптов. Перо и письмо оказались сильнее оружия.

Вместе с тем уже на заре христианства появились вероотступники, вступившие в противоборство с христианскими догмами. В частности, упомянем гностиков. Однако претензии к богохульству и безнравственному образу жизни гностиков, выдвигавшиеся христианскими богословами, столь неочевидные и в известной мере даже нелепые, что истинную суть гностицизма долгое время было трудно понять. Археологам в прошлом удалось отыскать отдельные гностические писания, но они из-за ветхости оказались

такими невразумительными, что свет на верования гностиков не пролили.

Положение изменилось после того, как в 1945 году в Наг-Хаммади (Верхний Египет) была найдена коптская гностическая библиотека. Ее нашел некий Мохаммед Али, занимавшийся заготовкой природного минерального удобрения. Орудя лопатой, он наткнулся на огромный горшок, в котором оказались десятки книг, упакованных в кожаные футляры. Мохаммед Али принес книги домой, и его жена приспособила их на растопку. Этот Мохаммед кротким нравом не отличался, и у него было немало врагов. Вскоре после того как откопал горшок с книгами, он с помощью брата убил одного из своих врагов. Однако человек этот оказался сыном главы местной администрации. Опасаясь, что в его доме проведут обыск, и прикинув, что найденные книги могут хоть что-то стоить, Мохаммед отнес их копту-священнику. Священник понял истинное происхождение книг, и вскоре они помогли современным историкам получить представление о верованиях гностиков.

Но даже в наше время трудно установить происхождение гностицизма. Где его корни: в христианстве, иудаизме, или на него оказали влияние обе религии? Одно несомненно: гностики свято верили, что всемогущий бог, управляющий этим миром, был зловредным творцом, раз напустил на человечество нескончаемые болезни и допустил произвол клеветы и зла. Однако где-то за этим миром существует еще один, которым правит справедливой и сострадательный бог, но туда могут попасть лишь те, кто познал его тайны. Ветхий Завет написал промежуточный бог (не в полной мере хороший, но и не во всем злой). Христос является проводником наставлений справедливого бога.

Но почему гностики внезапно исчезли? Их не могла удалить с религиозной арены только ранняя христианская церковь. Так же, как мощь Римской империи не смогла подавить христианство, само христианство не могло своими силами справиться с ересью. Возможно, причиной исчезновения гностиков стала недостаточная письменная активность, что подтверждается малым количеством дошедших до нашего времени гностических письменных артефактов. Вероятно, гностики были недостаточно грамотными людьми, или у них отсутствовали технические возможности, чтобы распространять

свои верования и набирать новых сторонников и тем самым не только выжить, но и закрепиться на религиозной арене. Впрочем, зачастую довольно трудно увязать причину со следствием, поэтому не исключено, что гностики могли прекратить свою религиозную деятельность в силу других обстоятельств и поводов.

Недостаточная грамотность гностиков могла стать или не стать причиной прекращения их активности на религиозной арене, а вот то, что египетские христиане (возможно, вообще все христиане) смогли отстоять и распространить свои верования благодаря грамотности, является очевидным. И в ранней, и в поздней Античности лишь немногие люди умели читать и писать, и потому институты, ставшие в те времена оплотом грамотности – римские легионы и церковь, – сосредоточили в своих руках власть.

Уместно отметить, что неграмотность рабов-гладиаторов, время от времени поднимавших восстания, стала одной из главных причин их неудач. Не обученным грамоте гладиаторам было трудно бороться не только с прекрасно организованным, но и грамотным неприятелем – римскими легионами. Следует сказать и о том, что контингент рабов в государствах времен Античности (в отличие от темнокожих рабов в Новом Свете) был текучим, непостоянным: в рабстве зачастую оказывались свободные граждане, погрязшие в беспросветных долгах или оказавшиеся в руках иноземных захватчиков; в то же время грамотные рабы могли получить свободу.

Лишь начиная с одиннадцатого столетия грамотность постепенно стала распространяться на Западе, чему способствовали не только появившаяся бумага и печатное дело, но и развитие орфографии и пунктуации. Все эти новшества мало-помалу выравнивали степень участия в социальной и политической жизни власть имущих и простого народа.

Глава четвертая

До Гутенберга

Ясно, что не без причины Всевышнему Богу угодно, чтобы Священное Писание было в некоторых местах тайной, потому что будь оно понятно всем, возможно, его бы не ценили, не уважали; или его могли бы неправильно истолковать необразованные люди. И это привело бы к ошибкам.

Григорий VII. «Письмо к Вратиславу, королю Богемии», 1079 г.

До Гутенберга, который изобрел первый печатный станок, положивший начало широкому распространению книгопечатания в Европе, книги были недоступны для простого народа. Писчего материала до крайности не хватало, а тот, который можно было найти, непомерно дорого стоил. В 1022 году папа Бенедикт VII издал последнюю буллу, написанную на египетском папирусе. В Средневековье грамотных людей было мало, и писцы, переписчики книг, жили безбедно. Монах-писец за переписывание одного манускрипта (на что уходило несколько месяцев) получал 36 солидов^[47], что равнялось примерно двухгодичному заработку квалифицированного ремесленника.

Писцами становились люди с духовным образованием, единственно возможным в те времена в Европе, и будущие священнослужители нередко связывали свою дальнейшую жизнь с работой за письменным столом. Некий ломбардец по имени Ансельм наставлял: «Переписывай книги как можно большим числом, чтобы стать обеспеченным и независимым».

Рукописи, что на папирусе, что на сменившей его бумаге, постепенно ветшали от частого использования, и сохранность античных произведений и документов зависела от старательности писцов, которые, с течением времени сменяя друг друга, делали списки со старых и ветхих оригиналов. В Европе с ее нестабильным

социальным и политическим положением и сырым климатом (негативно влиявшим на сохранность письменных документов) положение спасали монахи, трудившиеся в монастырских скрипториях, где переписывались ветхие рукописи. На мусульманском Востоке с его более стабильной социальной и политической обстановкой (и с сухим климатом) сохранность античных литературных и документальных источников осуществлялась иначе: греческие тексты переводились на арабский язык и сирийский, разновидность арамейского языка, снова на греческий и, наконец, на латынь.

Значительный вклад в сохранение древней литературы внес Аврелий Кассиодор, занявшийся сбором произведений античных авторов, привлекая монахов к их переписыванию и уделявший много внимания изготовлению кодексов – скрепленных между собой листов того или иного произведения, нанесенного на папирус или пергамент (что стало прообразом нынешней книги). Кассиодор, римский политический деятель и писатель, во время завоевания Рима готами пытался добиться взаимопонимания с захватчиками. Теодорих Великий, вождь готов, передал гражданские должности римлянам, и Кассиодор в 514 году получил должность консула. Среди литературных произведений Кассиодора – «История готов», которую готы использовали для обеспечения легитимности своей оккупации Рима.

Что касается кодексов, изготовлению которых Кассиодор уделял большое внимание, то они имели существенные преимущества перед свитками: в кодексе текст писался на обеих сторонах папирусного или пергаментного листа; кодексы можно было поставить на полку и при необходимости без труда найти нужный; в кодексе страницы тесно соприкасались друг с другом и потому дольше не портились, а поврежденные – легко заменялись; и самое главное – в отличие от свитков, с которыми управляться можно было только последовательно, свертывая лист за листом, в кодексе можно было открыть любую страницу и даже заглянуть в самый конец.

Почти в то же время, когда Кассиодор занялся сбором произведений античных авторов, Бенедикт Нурсийский основал на горе Монте-Кассино знаменитый монастырь бенедиктинцев, в

скриптории которого монахи начали переписывать рукописи для последующего распространения в Европе.

Ко времени Кассиодора и Бенедикта грамотность являлась основным средством коммуникации вот уже свыше трех тысяч лет; скриптории сделались форпостами грамотности почти на всю следующую тысячу лет. До 1400 года скриптории обладали чуть ли не монополией на чтение и письмо и стали центрами грамотности в Европе, что привело к укреплению власти церкви. Понадобятся новые технологии, чтобы изменить положение дел.

В наши дни хорошо известно, что изобретенный Гутенбергом набор «подвижных букв» положил начало широкому распространению книгопечатания и грамотности в Европе. Правда, еще задолго до Гутенберга был известен способ печатания с деревянных носителей, на которых гравировались различные тексты, но это ни в коей мере не умаляет достижения Гутенберга, завершившего зародившуюся в давние времена интеллектуально-технологическую «цепочку», которая привела в итоге к массовому книгопечатанию. Изобретение Гутенберга тесно взаимосвязано с другими новациями: разделением слов в написанном тексте, появлением в Европе первых крупных университетов, промышленным производством бумаги, изобретением металлических пуансонов и контрпуансонов для изготовления печатных матриц и, наконец, с развитием металлургии и горного дела, что позволило создать прочные и ковкие составы для тех же матриц.

Основной вклад Гутенберга в грамотность, религию, политику и культуру заключается в том, что его изобретение намного снизило стоимость книжной продукции. Но без пробелов между словами, введенных в практику ирландскими писцами-монахами, мало кто смог бы легко, да еще про себя, читать печатные тексты; без университетов, породивших интеллектуальные сообщества, грамотность не распространялась бы быстро; без дешевой бумаги новая печатная технология не снизила бы стоимость книг; а без металлических пуансонов и контрпуансонов и необходимых для печатного дела сплавов Гутенберг не смог бы в полной мере реализовать свои замыслы.

Протосемитический алфавит, успешно приспособленный к своей письменности финикийцами, евреями, арамейцами и арабами, устранил одну из основных трудностей при написании и чтении текста – чрезмерную сложность силлабической системы письма. Тысячелетием позже греки ввели в свой алфавит буквы для гласных и таким образом устранили другую трудность при письме и чтении – фонетическую неясность системы, восходящей к протосемитическому письму и состоявшей лишь из одних согласных.

Однако, справившись с этой трудностью, греки породили другую: *scriptura continua* – непрерывное, без пробелов, письмо. Почему же греки, а с ними римляне не отделяли на письме слова друг от друга? Как ни покажется странным нынешнему читателю, *scriptura continua* связана с физиологическими особенностями нашего мозга: к примеру, дети, начинающие обучаться письму, норовят писать слова слитно.

Для разделения слов при чтении римляне поначалу ввели буквообразный символ (*hedera*). Затем для словоразделения они ввели интерпункт – пунктуационный знак, представляющий собой точку на высоте половины буквы. Однако оба этих разделительных знака во втором столетии нашей эры исчезли из обращения. (Впрочем, и поныне на разнообразных монументах и зданиях можно увидеть архаичные надписи на латыни, в которых слова разделены не пробелами, а точками на высоте половины буквы).

Согласно исследованиям современных нейропсихологов, глаза нуждаются в пробелах между словами; электронные приборы, фиксировавшие движение глаз, показали, что чтение непрерывного, без пробелов текста значительно сужает возможность мозга сосредоточиться на читаемом. В результате перед человеком возникает нечто вроде зрительного туннеля. Непрерывное письмо требует остановок или «прыжков». Человеку, читающему текст, необходимо осмысливать каждое предложение. Отсутствие пробелов между словами, как и отсутствие пунктуации, ослабляет понимание текста, поэтому взрослые, как и дети, автоматически произносят вслух слова, не разделенные пропусками.

Блаженный Августин в «Исповеди» с удивлением пишет о своеобразных способностях своего ментора Амвросия, епископа Милана:

Когда он читал, глаза его скользили по страницам, сердце доискивалось до смысла, а голос и язык молчали. Часто, зайдя к нему... мы заставляли его не иначе как за тихим чтением... Он боялся, вероятно, как бы ему не пришлось давать слушателям разъяснения по поводу темных мест из прочитанного и, затратив время, прочесть меньше, чем ему хотелось. Возможно, он еще и старался сохранить голос.

Понять недоумение Августина нетрудно: его удивляло, что человек читает текст молча. Почему он так делает? Чтобы не могли прервать? Чтобы не заболеть ларингитом? Но какова бы ни была причина, столь необычное поведение явно производило на Августина сильное впечатление, ибо в четвертом-пятом столетиях нашей эры чтение непрерывного, без пропусков текста требовало особенного усердия и действий не только глаз, но и голоса, да и пальца, чтобы водить по строчкам. Чтение не вслух, по мнению Августина, предполагало наличие незаурядных способностей. Амвросий мог читать молча, но не мог быстро. В первые века нашей эры лишь немногие могли читать бегло и совсем немногие – молча.

Чтобы понять, как утомительно читать непрерывный текст и сколько уходит на это времени, стоит привести вышеупомянутую цитату из «Исповеди» в *scriptura continua*.

Когда он читал, глаза его скользили по страницам, сердце доискивалось до смысла, а голос и язык молчали. Часто, зайдя к нему, мы заставляли его не иначе как за тихим чтением. Он боялся, вероятно, как бы ему не пришлось давать слушателям разъяснения по поводу темных мест из прочитанного и, затратив время, прочесть меньше, чем ему хотелось. Возможно, он еще и старался сохранить голос.

Чтобы наглядно продемонстрировать, с какой целью финикийцам, евреям, арабам и арамейцам понадобилось делать пропуски между словами либо ставить в конце каждого слова разделительный знак, стоит убрать все гласные из вышеприведенной цитаты из «Исповеди».

Кгднчитлгзгскльзлпстрницмсрдцдсквлсь
дсмслгзскмлчлчстзйдкнммзствлгннчккзт
хмчтнмнблсвртнккбмнприлсьдвтьслил
мрзьснппвдтмнхмстзпрчтннзтртвврм
прчстьмньшчммхтлсьвзмжнницстрлссхр
нитьглс

А если вспомнить, что арамейцы стали первыми разделять слова в тексте при использовании протосемитического алфавита без гласных, то станет понятным: этот факт свидетельствует против того, что в Финикии и Иудее была широко распространена грамотность.

Примерно в седьмом столетии ирландские монахи стали использовать различные приемы словоразграничения, включая пробелы между словами. Почему первенствовала Ирландия? Возможно, по той причине, что в руки ирландских монахов попали тексты на безгласном сирийском, разновидности арамейского языка, с пропусками между словами. Несомненно, ирландцы оценили это нововведение, и вскоре оно успешно распространилось сначала в Англии, а потом и на континенте.

Теперь европейские монахи могли не просто читать, но и предаваться этому благову занятию за составленными в ряды столами, к которым библиотекари прикрепляли цепями ценные рукописи. До этого в библиотеках от чтения было шумно; чтение про себя наделило библиотеки современной культурой пребывания в подобных местах.

Scriptura continua не только мешала быстрому чтению и моментальному уяснению прочитанного, но и делала более затруднительным литературное творчество: классические авторы обычно диктовали свои сочинения писцам. Да и копирование при *scriptura continua* требовало работы двух человек: монаха, вслух читавшего рукопись, и писца, писавшего под диктовку.

Введение пробелов между словами позволило авторам сочинять и тут же записывать свои мысли. По дошедшим до нас рисункам, изображающим писателей за работой, можно судить о том, как изменились условия их труда. На рисунках времен Античности и Раннего Средневековья писатели диктуют писцам; на рисунках, относящихся к более позднему времени, литераторы работают в одиночестве. Введение пробелов между словами ускорило также

размножение рукописей, поскольку эту работу стали поручать менее квалифицированным писцам, которым было не обязательно понимать, что они переписывают, да и диктовать текст стало не нужно.

Уединенное чтение не вслух предоставляло много новых возможностей. В мире *scriptura continua* ученые, как и монахи, были вынуждены читать громко, как правило, в окружении нескольких человек, что не позволяло анализировать текст. Чтение не вслух предоставило эту возможность. Изменились и условия труда литераторов. Если раньше, как правило, им было не обойтись без писцов, что в некоторой степени сковывало их творчество, то теперь, работая над текстами в одиночестве, они могли без опаски придать своему труду фривольное или даже крамольное содержание.

В мире *scriptura continua* церковные власти могли контролировать чтение «сомнительных» произведений. Чтение молча такие возможности церковников исключало. Введение пробелов в письме позволило вдобавок исключить почти монопольное использование литературных произведений аббатами и епископами и предоставило возможность знакомиться с текстами простым монахам, студентам и другим пытливым умам, которые черпали из этих книг знания, сохраняя свои мысли при себе.

Обретя свободу в литературном творчестве, авторы стали касаться свободных тем, включая эротику. В двенадцатом веке французский аббат Гиберт Ножанский, занимавшийся литературным трудом, написал сочинение о собственных сновидениях и весьма спорно привлек в качестве аргумента Книгу Бытие. В своих произведениях он уделял внимание и эротике, хотя и представлял ее в виде абстракции, не отражавшей чувств и умонастроения автора. В конце жизни Гиберт Ножанский потерял зрение, и ему пришлось прибегать к услугам писцов, что его до крайности раздражало. К пятнадцатому столетию даже церковные тексты стали включать в себя эпизоды любострастного содержания; особенно часто живописалось, как царь Давид подглядывает за купающейся Вирсавией. Да и в церковных календарях появились сцены эротического характера.

Разделение слов на письме изменило и систему преподавания. Если в мире *scriptura continua* преподавание в университетах ограничивалось чтением лекций, то начиная с четырнадцатого столетия студентов стали снабжать еще конспектами прочитанных

лекций. Это новшество впервые было введено в практику во французских университетах.

В итоге внедрение в письмо небольшого новшества – пробелов между словами – позволило упростить чтение и активизировать литературное творчество, улучшило тиражирование текстов и систему образования, а также позволило людям мыслить, исходя из собственных убеждений – без всех этих прогрессивных метаморфоз вряд ли бы произошла Реформация, да и Просвещение вряд ли бы состоялось^[48]. После введения пробелов между словами оставалось изобрести печатный станок и наладить промышленный выпуск писчего материала – бумаги.

Одновременно с внедрением в практику пробелов между словами университеты – в Болонье, Париже, Праге и Оксфорде – впервые заявили о себе во весь голос. Стоит отметить, что во времена итальянского Ренессанса университеты в этой стране выпускали главным образом специалистов в области права и медицины, а в университетах за Альпами готовили преимущественно священников. В те времена в Болонье медицину, философию, логику, право и математику преподавали более семи десятков профессоров, а теология была второстепенным предметом. Наоборот, в Гейдельберге и Оксфорде теология была профилирующим предметом, и, возможно, благодаря этому, а то и вопреки, в Англии и Германии появились религиозные реформаторы, соответственно Джон Уиклиф и Мартин Лютер, которые выступили против произвола и коррупции церковных властей.

Однако все университеты подхватили инициативу Бенедикта – копировать рукописи. При этом в Парижском университете извлекли пользу из каролингских минускулов, универсального письма, разработанного для удовлетворения нужд административных и хозяйственных органов, учрежденных новыми франкскими христианскими королевствами, которые возникли в Европе в девятом и десятом веках.

В городах, где находились университеты, появились книжные базары. В тринадцатом веке Париж слыл еще и книжной столицей. До изобретения книгопечатания в университетах существовала следующая практика: преподаватели просматривали продававшиеся в конкретном городе рукописи, выбирали среди них полезные для

образовательного процесса и рекомендовали студентам снимать с этих текстов копии. Именно таким образом студенты обзаводились учебными материалами. Правда, некоторые студенты, чтобы сберечь деньги, снимали копии с копий, на время одолженных у товарищей.

Но даже при всех усовершенствованиях в письме распространению знаний в Европе мешала существенная препона: нехватка писчего материала, и потому европейцы обратили взоры на Восток.

Природа не наделила Китай ни подходящей для письма глиной, как Месопотамию, ни папирусом, как Египет, и потому не кажется удивительным, что китайцы изобрели бумагу. Многие палеографы полагают, что в Китае письменность развивалась независимо от Месопотамии и Египта, а нехватка писчего материала привела к тому, что в Китае первое письмо появилось на пятнадцать столетий позже, чем в странах Запада. (Правда, существует мнение, что письменность занесли на Дальний Восток из стран «Благодатного полумесяца» пастухи, кочевавшие со своими стадами, но ни палеографы, ни филологи это мнение не поддерживают.)

Первые письменные артефакты, обнаруженные в Китае, относятся приблизительно к 1500 году до нашей эры. Это письмена на костях быков, панцирях черепах и реже – на бронзе и жадеите. Позже китайцы стали оставлять записи на бамбуке и шелке. Листья или молодые побеги бамбука сшивали вместе, изготовление такого писчего материала являлось трудоемким занятием, а шелк стоил дорого.

Но однажды некий изобретательный человек, живший где-то на юге Китая, растолок то ли пеньку, то ли другое растительное волокно в кашицу, процедил ее через сито, просушил образовавшуюся массу на солнце, потом разгладил ее и получил первый примитивный лист бумаги. Китайская мифология относит это изобретение к 105 году (времена династии Хань) и приписывает его царедворцу Ций Луню. Однако этому утверждению противоречит обнаруженная на северо-западе Китая бумага, изготовленная на двести лет раньше^[49].

Огромная территория и разные климатические условия в различных частях Китая затрудняют выяснение вопроса, где точно и когда впервые появилась бумага и где впервые развилось книгопечатание. А вот грамотность почти наверняка распространилась

сначала в Южном Китае, в климатически благоприятном районе, где было достаточно растительного сырья для производства бумаги. Но исследователи охотно пишут о древних китайских письменных памятниках, обнаруженных и в засушливых районах страны. Так, американский ученый Джонатан Блум в своей работе рассказывает, как в 1900 году некий буддийский монах нашел в Дуньхуане, городе на северо-западе Китая, более тридцати тысяч религиозных текстов, относящихся примерно к 700 году.

В какой части Китая впервые получили бумагу, установить с точностью затруднительно. Однако важно то, что в Китае изобрели основную часть технологии производства бумаги: отделение от древесины целлюлозы – главной части оболочек клеток растений – и ее обработку. (Можно вспомнить, как в школе ставили такой опыт: туалетную бумагу сильно смачивали, отбивали до кашицы, затем процеживали с помощью сита, разглаживали и напоследок сушили. В результате получали листок писчей бумаги.)

Для изготовления бумаги годится целлюлоза любого происхождения. Ее можно получать из разного вида тканей, но это обходится слишком дорого. Китайцы извлекали целлюлозу из различных растений, наиболее часто – из шелковицы (*Broussonetia papyrifera*). Американцы и европейцы только после промышленной революции освоили технологию получения целлюлозы из древесины, а до этого получали ее из ветоши и тряпья.

После изобретения бумаги в Китае усовершенствования в производстве со временем переместились на Запад. Для изготовления хорошей бумаги требовалось прежде всего повысить влагостойкость (первая бумага получалась наподобие нынешних промокашек). Китайцы решили эту проблему с помощью гипса и рисового отвара, а европейцы – посредством использования местной пшеницы, что привело в места производства бумаги полчища тараканов.

Но бумагу из ветоши и тряпья китайцы производили только в засушливых северных районах со скудной растительностью. Буддийские монахи и торговцы, курсируя по Шелковому пути, начинавшемуся в северных районах Китая, возможно, познакомили с тамошней технологией производства бумаги сначала мусульман, а в дальнейшем европейцев. Известно, что еще в восьмом веке китайские

торговцы посещали даже Кавказ, где обнаружены китайские торговые и деловые бумаги.

Попав в азиатские мусульманские страны, бумага – новый инструмент коммуникаций – быстро распространилась в районах интенсивной морской и сухопутной торговли, соединенных караванными дорогами и морскими путями, простиравшимися от Кантона и Малакки до Испании, и связанных воедино благорасположением и инициативой Пророка. Мухаммед и сам был торговцем. Неверным, в понимании мусульман, европейцам благорасположение Пророка не требовалось, исключение составляли разве что венецианцы и генуэзцы, занимавшие западную оконечность Шелкового пути и наживавшиеся на торговле пряностями и шелком.

К тому времени, когда мусульмане начали торговать бумагой в Европе, они и китайцы добились немалых успехов в ее производстве: в Багдаде изготавливали большие листы превосходной белой бумаги – *Baghdadi* («багдади»), как ее называли, а в Китае производили листы бумаги в пятьдесят футов длиной. Египтяне разработали подходящую технологию производства бумаги к 905 году, и с того времени бумага стала использоваться чаще папируса.

Несмотря на прогресс в производстве бумаги, ее стоимость была крайне высокой. В десятом веке в Египте на унцию золота (на которую семья среднего достатка могла прожить несколько месяцев) можно было купить приблизительно полтора листа бумаги (в переводе на наши деньги лист бумаги в Египте в десятом веке стоил около восьми долларов). Позже средневековые арабы, экономя на бумаге, доходили до крайности. Один имам писал письма, используя небольшие листы, и оставлял на них свободное место, чтобы корреспондент на тех же листках мог ответить. А запечатать письмо в конверт считалось непозволительной роскошью.

Некий йеменец писал по этому поводу:

Экономия бумаги в имамате граничит с крайностью. При письме используют, главным образом, небольшие листочки. Стандартные листы бумаги идут в ход очень редко, а о том, чтобы запечатать письмо в конверт, и говорить не приходится... Имам Яхья, одолев турок, разжился не только их пушками, но и архивом. Все, что там

было – книги, петиции и другие деловые бумаги, – разрезали на куски и приспособили для канцелярских потребностей имамата.

В начале одиннадцатого столетия бумажные фабрики успешно функционировали в мусульманской Испании, и когда христиане в 1085 году взяли Толедо, в их руках оказалась технология производства бумаги. Жаль, что не раньше: ведь еще в седьмом веке Северную Африку завоевали арабы, образовав халифат, и поставки в Европу египетского папируса прекратились. До 680 года меровингские дворы во Франции и Германии пользовались папирусом, который доставляли в средиземноморские и атлантические порты Франкского государства, а Каролинги, сменившие Меровингов у власти в середине восьмого века, пользовались преимущественно пергаментом. Особенно ценился тонкий пергамент, чуть толще современной бумаги. Листы пергамента или оторванные куски можно было сшивать обыкновенной иглой с ниткой. Но пергамент был очень дорог.

Испанцы первыми наладили производство бумаги в Европе. Центром этого производства стало королевство Арагон, в состав которого входили не только юго-восточные испанские земли, но и Неаполь, Сицилия и Сардиния. Однако вскоре производство бумаги наладили вблизи Генуи в итальянской Лигурии, а затем – в городе Фабриано на Адриатическом побережье Италии, который с тех пор в течение нескольких последующих столетий слыл главным центром по производству бумаги в Европе. Превосходную бумагу там изготавливают и в настоящее время.

Историкам доподлинно неизвестно, откуда именно в Фабриано завезли технологию производства бумаги. Возможно, ее переняли у лигурийских производителей, а может, европейцы познакомились с нею в Палестине во времена Крестовых походов. Как бы там ни было, в производство бумаги в Фабриано внесли три важных усовершенствования.

Во-первых, производители обратились к использованию животного желатина, что сделало бумагу более прочной. Во-вторых, они изобрели гидравлический пресс для обработки древесной массы, наиболее трудоемкого процесса при производстве бумаги. Мусульманские и европейские бумагопроизводители, как и другие промышленники, старались извлечь наибольшую пользу из

гидроэнергии. Но хотя водяная мельница, обеспечивая непрерывное вращательное движение, отлично мелет зерно, она менее приспособлена для обработки древесной массы. Механические кулачки передают вращательную энергию на дробильные молоты недостаточно эффективно. В Фабриано решили эту проблему с помощью специально сконструированного редукторного кулачкового вала, снабжавшего максимально возможной гидроэнергией бойки молота с металлическими штифтами, превращавшими древесную массу в превосходную целлюлозную. Наконец, изобретатели заменили деревянные фильтры медными сетками из холодноотянутой проволоки, что сделало бумагу более гладкой.

Последнее усовершенствование помогло создать технологию нанесения на бумагу водяных знаков. С помощью таких знаков стало возможным отличить продукцию одной бумажной фабрики от другой, а у историков за счет изучения этих знаков появилась возможность установить, какой бумагой в те времена торговали в Европе. Выяснилось, что бумага, производившаяся на фабрике в Фабриано, за счет своего высокого качества и относительно доступной цены распространялась гораздо лучше бумаги, делавшейся в Испании, Египте и даже в Багдаде, где имамы четырнадцатого столетия обсуждали святость Корана на европейской бумаге.

Как в будущем случится с книгопечатанием, производство бумаги не могло оставаться монополией лишь одного города. Для бумажного производства требовался мощный поток чистой воды (для получения гидроэнергии) и превосходное растительное сырье. Этим условиям вполне удовлетворяла холмистая Северная Италия, в частности, район, прилегающий к озеру Гарда. Эта местность, находившаяся в сфере интересов Венеции, стала впоследствии центром полиграфии.

В одиннадцатом-четырнадцатом веках в культурной жизни Европы произошли два важных события: разделение слов пробелами при письме и появление относительно дешевой бумаги. Эти события и первые большие университеты в Европе оказали влияние на религиозное, политическое и культурное равновесие в странах Запада, по крайней мере, сопоставимое с эффектом внедрения «подвижных букв», изобретенных Гутенбергом в 1450 году.

В двенадцатом веке на юге Франции, вдали от больших городов и научных центров, возникло религиозное движение вальденсов, враждебное римско-католической церкви. Основоположником движения считается Пьеро Вальдо, на провансальском – Воде, что правильнее, как заключили историки. Каким бы ни было его имя, он был грамотным человеком, и архиепископ Лиона, города, разбогатевшего на торговле, доверил ему управлять своими финансами.

Однако, согласно легенде, в брачную ночь Воде отказался от всего имущества, не прикоснулся к невесте и, переодевшись в лохмотья, удалился из города. Более вероятно, что он, как и многие богатые люди в те времена, попросту испугался, что погубит бессмертную душу, вспомнив наставление Иисуса: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»^[50]. Вероятно, на Воде повлияло и другое наставление Иисуса: «Идите, научите все народы... уча их соблюдать все, что Я повелел вам»^[51], и поэтому он решил вести бедную жизнь и распространять слово Божье.

Чтобы распространять слово Божье, следовало перевести Библию с Вульгаты (латинского перевода, сделанного в четвертом веке святым Иеронимом) на провансальский язык. К тому же Воде не был сведущ в латыни. Перевод Библии на провансальский язык требовал немалых денежных средств, поэтому крайне сомнительно, что Воде отказался от всего состояния, как только женился.

Единомышленники Воде, называвшие себя «лионскими бедняками», призывали людей придерживаться истинных христианских установлений и жить, как проповедовал Иисус, в бедности. Религиозное движение, организованное Воде, быстро распространилось в Западной и Центральной Европе и просуществовало три века. «Лионские бедняки», почти все простые миряне, выступали против монопольной власти в религиозных делах римско-католической церкви и объясняли свои действия тем, что, дескать, в Библии ни слова не говорится о том, будто только священнослужители могут интерпретировать заветы Священного Писания.

В Европе в Раннем Средневековье, когда грамотных людей было мало, основным распространителем религиозных воззрений была не Библия, переведенная на латынь, а месса, католическое богослужение,

во время которого священнослужители поворачивались спиной к прихожанам, чтобы вызвать у них благоговение и покорность: своего рода магический ритуал, в ходе которого обычные хлеб и вино пресуществлялись в плоть и кровь Спасителя.

Английский историк Джон Актон писал, что всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно во всем, и можно сказать, что власть средневековой римско-католической церкви над паствой и ее собственная продажность вполне укладывались в определение Актона.

Разумеется, церковь обрушилась на движение, основанное Воде, представители которого осмеливались трактовать слово Божье. «Лионские бедняки» досаждали официальной церковной власти и другими действиями: к примеру, они стали заниматься крещением и обращением иноверцев в христианскую веру; кроме того, богопротивное, в понимании официальных властей, движение допускало в ряды священнослужителей женщин. Но более всего церковные власти возмущались тем, что «бедняки» бросали вызов высшим эшелонам церковной власти, жившим в непозволительной роскоши.

Итальянский ученый Гвидо Аудизио по этому поводу пишет:

Следует помнить, что [в те времена в Европе] лишь десятая часть населения была грамотной... и потому церковь перед простыми людьми имела явное преимущество... В руках церкви сосредоточилась огромная власть, вытекавшая из умения читать и писать. Священное Писание официально интерпретировать могла только церковь, и только у нее были все средства для этого. В результате церковь монополизировала гласность в католическом обществе.

Аудизио мог бы добавить, что обученные грамоте средневековые священнослужители монополизировали представления людей о будущем.

В 1184 году Воде отлучили от церкви, а приблизительно в 1206 году архиепископ изгнал «лионских бедняков» из города. Это была стратегическая ошибка церковников, ибо изгнанники расселялись по Европе, проповедуя свое еретическое учение, – ошибка, которую не раз повторила церковь в схватке с инакомыслием.

Поначалу последователи Воде подпадали под юрисдикцию гражданских судов, и даже эти суды выносили им суровые приговоры; особенно свирепствовали судьи в Провансе, где стало нормой сожжение еретиков на костре. В 1231 году Ватикан учредил Священную инквизицию, наиболее жестокое учреждение католической церкви в борьбе с любой ересью; поначалу в инквизиции заправляли доминиканцы.

Аудизио, рассматривая злодеяния инквизиции, позволил себе циничное замечание, в котором, впрочем, есть зерно истины:

Если бы не было инквизиции, нам бы не достались ее архивы, благодаря которым мы многое узнали о тех, кого церковь преследовала за ересь.

В этих архивах нашлось немало документов о религиозном движении вальденсов. Сами сподвижники и последователи Воде оставили после себя мало записей. Это не значит, что они были неграмотными людьми. Скорее, наоборот, но они соблюдали известную осторожность, необходимую для продолжения миссии, ибо обнаружение церковниками еретических записей, к сожалению, могло привести авторов и владельцев текстов к сожжению на костре. В середине тринадцатого столетия инквизиция вершила суды над участниками этого еретического движения не только во Франции, но и на территории, где расположены в наше время Северная Италия, Германия, Австрия и Чехословакия.

Вальденсов называли по-разному: в Лионе – «лионскими бедняками», в других местностях Франции – барбами (в вольном переводе – дядьки-наставники), а в Германии – братьями. Английский писатель Джон Ле Карре описал в своей книге, как барбы перебирались из города в город, покрывая за год немалые расстояния, и как всякий раз, оказавшись на новом месте, останавливались на недолгое время, чтобы не вызвать подозрений властей. Последователи Воде, прибыв на новое место, распространяли учение не только словом, но и при помощи небольших и потому удобных для сокрытия книжиц, что позволяла им относительно недорогая бумага, изобретенная к тому времени.

Гвидо Аудизио по этому поводу пишет:

С умилением перелистываешь страницы пяти небольшого формата книжиц, принадлежавших ранее барбам, а теперь хранящихся в Женевской библиотеке. Эти молчаливые свидетели прошлого красноречиво повествуют о том, каким опасностям и невзгодам подвергались их хозяева-барбы, преодолевавшие огромные расстояния, чтобы как можно шире распространить свое благое учение.

Чтобы потенциальные вероотступники не навредили всему движению, его участники не устраивали больших официальных собраний. Барбы, числом в несколько человек, на короткое время останавливались в больших городах, где отбирали приглянувшихся людей, после чего учили их чтению и письму, а также знакомили со Священным Писанием, в особенности с Евангелиями от Матфея и Иоанна. После окончания обучения каждого послушника прикрепляли к старшему барбу, образованному священнику, умевшему читать и писать на родном языке (редко кто из них знал еще и латынь). Такие пары образовывали находившиеся в наибольшей безопасности группы, которые начинали обходить город за городом, распространяя учение. Старшие барбы постепенно передавали опыт и знания подопечным, которые со временем сами обзаводились учениками.

В архивах инквизиции есть запись о том, что одна из образованных барбами пар в составе Мартена и Жана в 1492 году занималась распространением ереси в Южной Франции и Северной Италии. Обоих арестовали в городе Улькс на франко-итальянской границе. Барбы распространяли свое учение на тайных ночных собраниях в домах братьев по вере, где исповедовали, отпускали грехи и занимались крещением. Они также читали проповеди и, похоже, даже учили паству началам грамоты.

Один из инквизиторов по этому поводу нехотя замечает:

Все они, мужчины и женщины, великовозрастные, учились грамоте дни и ночи. Они с такой охотой предавались учению, что едва находили время на молитву... Нашим богословам должно быть стыдно за то, что они не распространяют католическое учение с тем же рвением, с каким вальденсы распространяют в народе ересь.

И в самом деле, инквизиторы нередко находили Библии у крестьян, перенявших у вальденсов религиозные убеждения, хотя в средневековой Европе у крестьян не имелось собственных книг. Возможно, неграмотные вальденсы считали Библию предметом религиозного культа, или, быть может, инквизиторы специально подкладывали книгу в дома неблагонадежных людей, чтобы засудить последних. Все же можно считать, что поскольку вальденсы держали у себя дома Библии, они были более грамотными, чем представители традиционной религии того же, что и они, социального положения.

Хотя вальденсы проповедовали свое учение, главным образом, в устной форме (это было наиболее эффективно в среде, не прибегавшей для пополнения знаний к литературным источникам), их личная грамотность имела существенное значение, ибо для распространения религиозных воззрений проповеди было лучше записывать. Движение вальденсов просуществовало до времен Мартина Лютера. Вальденсы не сумели преодолеть влияние римско-католической церкви на общество, и все же их движение, просуществовавшее четыре столетия, можно считать успешным.

Появление в письме пробелов между словами и производство относительно дешевой бумаги привели к распространению грамотности в Европе и вместе с этим к вольнодумству и отступлению от учения католической церкви. Масла в огонь добавили учрежденные в Европе университеты, что способствовало брожению умов сначала в Оксфорде, а затем в Праге.

События, произошедшие в Оксфорде, были инициированы Джоном Уиклифом, одним из наиболее образованных людей своего времени, и его единомышленниками. Уиклиф родился в Йоркшире в 1330 году. О его происхождении почти ничего не известно, но есть основания полагать, что он родился в большой семье йомена со средним достатком. Уиклиф был талантливым юношей, но на его обучение у семьи не было средств.

В средневековой Европе, чтобы выбраться из нужды, требовалось покровительство богатого человека. В те времена состоятельные английские феодалы не скупились вкладывать деньги (правда, сравнительно невеликие) в образование талантливой молодежи,

рассчитывая на то, что со временем они извлекут из этого немалую пользу, если их подопечные займут высокую церковную должность. Уиклиф оказался под покровительством Джона Гонта, герцога Ланкастерского, дяди Ричарда II, проживавшего в замке близ Лестера на западе Англии. В 1344 году Уиклиф при содействии Джона Гонта поступил в Оксфорд (Гонт был также покровителем Чосера).

В Средневековье научная карьера людей с высшим образованием требовала изрядных усилий, было необходимо немалое время, чтобы получить степень доктора богословия и должность преподавателя. Занятие наукой обычно перемежалось службой в университетской администрации или в церковном приходе. Так, Уиклиф стал доктором богословия только в 43 года, спустя почти тридцать лет после поступления в Оксфорд. В те времена успехи ученых зависели от умения применять в научной работе запутанную дедукцию Аристотеля, а студенты чуть ли не с первых дней обучения участвовали в сложных логических диспутах. (Нынешний скептик может заметить, что средневековые оценки учености не очень отличаются от современной академической меритократии, когда научные достижения нередко измеряются количеством публикаций, написанных наукообразным языком или напичканных формулами).

В наши дни дедуктивные построения Аристотеля считаются логически спорными, но в свое время они дисциплинировали умы и настраивали против ортодоксальных суждений. К началу четырнадцатого столетия Оксфорд стал если не рассадником антикатолических выступлений, то, по крайней мере, очагом вольнодумства.

Учителя уже вскоре после поступления Уиклифа в Оксфорд сочли его невероятно талантливым человеком, «гордостью Оксфорда, первым по всем предметам». В Оксфорде преимущественно готовили священнослужителей, а духовники в средневековой Европе считались наиболее грамотными людьми, и потому государство неизменно привлекало выпускников высшего учебного заведения к административной работе. Уиклиф не стал исключением. Он привлекался к дипломатической и судейской работе, а его письменные отчеты, носившие дискуссионный характер, тщательно изучались.

К счастью для Уиклифа, когда он достиг пика своей научной карьеры, власть папства была расшатана «Великим расколом». В

начале четырнадцатого столетия Ватикан потерял на Апеннинах политическое влияние, и папский престол перебрался во Францию, в Авиньон, отметив свое пребывание там неслыханной доселе коррупцией. Когда Григорий XI, преследовавший Уиклифа за нетерпимость к богатствам церкви, умер в 1378 году, кардиналы выбрали папой безвольного Урбана VI, после чего папство вернулось в Рим. Вскоре кардиналы разуверились в способностях избранного главы римско-католической церкви, и многие из них вновь переехали в Авиньон, где при жизни Урбана избрали папой Климента VII, ставшего первым в истории антипапой.

Уиклиф был недоволен расколом церкви, но и многое другое вызывало у него недовольство положением дел в церковных кругах. В 1374 году Уиклиф в качестве представителя английского короля вел в Брюгге переговоры с прелатами Ватикана и воочию убедился, в какой роскоши купается высшее духовенство. Возможно, это убедило его в коррупции церкви и усилило уверенность в том, что христиане должны поклоняться Богу без каких-либо посредников. А зависть и возмущение тем, что его обошли по службе, еще более усилили гнев Уиклифа. К. Б. Макфарлейн, современный исследователь деятельности Уиклифа, саркастически замечает: «Первые шаги на пути реформации сделали люди, возмущенные бесчинствами церкви, но сами возможности бесчинствовать не имевшие».

Каковы бы ни были истоки недовольства Уиклифа католической церковью, его еретические суждения находили себе сторонников в течение более двух столетий до появления ереси Мартина Лютера. Во-первых, Уиклиф считал, что главным для христиан является Библия, а не проповеди священников, и что любой грамотный человек может сам осилить Священное Писание. Также он полагал, как и двумя веками раньше Воде, что Библию следует перевести на национальный язык. Еще Уиклиф считал, что раз только Бог и Христос достоверно знают о том, кто достоин попасть в Царство Божие, никто другой, включая Его Святейшество, не волен распоряжаться судьбами христиан. Это был прямой вызов авторитету католической церкви.

Уиклиф резко критиковал церковную практику продажи индульгенций и должностей и с той же настойчивостью осуждал алчность кардиналов, епископов и священнослужителей более низкого ранга, таких как аббаты и архидиаконы, богатой жизни которых могли

позавидовать иные аристократы. Выступал Уиклиф и против некоторых церковных обрядов. Так, он категорически отрицал реальность пресуществления хлеба и вина в плоть и кровь Иисуса Христа на причастии. Евхаристию (таинство, в наши дни большинству людей непонятное) порицал не только Уиклиф, и эта ересь привела многих на костер.

Ригоризм Аристотеля, укоренившийся в Оксфорде, выступления Уиклифа против церкви и широкое распространение грамотности в Европе привели к появлению взрывоопасной идеологии, ставшей основой будущей Реформации.

Еретические суждения Уиклифа, изложенные в ряде работ, получивших распространение в Оксфорде, вызвали гневное недовольство Уильяма Кортни, архиепископа Кентерберийского, высокомерного и влиятельного священнослужителя.

Весной 1382 года Лондонский церковный совет осудил учение Уиклифа, но высокая репутация в научных кругах, поддержка парламента и заступничество его покровителя Джона Гонта спасли Уиклифу жизнь; его даже не отлучили от церкви. Церковный совет ограничился тем, что отправил опального священника в изгнание в городок Латтеруорт, одно из прежних мест его службы. Там Уиклифа вскоре хватил удар, и через два года он умер.

Несмотря на болезнь Уиклифа, работоспособность и престиж ученого были столь велики, что тихий и ничем не примечательный Латтеруорт стал средневековой дхармасалой^[52], где Уиклиф закончил перевод Библии на среднеанглийский язык и куда стекались паломники, чтобы соприкоснуться с «пророком».

Выступления Уиклифа против церкви, поддержанные движением лоллардов (антикатолически настроенных крестьян и ремесленников), касались одного из главных церковных устоев средневекового Запада: возможности интерпретировать Библию. Римско-католическая церковь отстаивала свое монопольное право на подобную интерпретацию. В 1407 году Томас Арундел, епископ Кентерберийский, чтобы воспрепятствовать инициативе мирян толковать Библию на свой лад, запретил ее чтение в переводе на среднеанглийский.

Церковь, попирая нравственные устои, запрещала простому народу знакомиться со Священным Писанием, лицемерно обосновывая запрет заботой о пастве, которая могла бы себе во вред неправильно

истолковать Библию, как утверждал Григорий VII, чье суждение по этому поводу послужило эпиграфом к настоящей главе.

Современной полиграфии несложно напечатать в нужном тираже Библию, включающую в себя Ветхий и Новый Заветы, состоящие, соответственно, из приблизительно 593 000 и 181 000 слов. В шестом веке Библия, должно быть, насчитывала примерно девять томов большого формата. В дальнейшем писцы переписывали Библию убогим почерком, затрачивая тысячи рабочих часов, и Библия уместилась в двух фолиантах.

Библию в Англии переводили и до Уиклифа. После того как в конце шестого столетия усилиями святого Августина Кентерберийского на Британских островах укоренилось христианство, отдельные части Библии (в особенности Псалмы) стали переводиться на локальные наречия англов и саксов. Наиболее известны переведенные с латинского языка Линдисфарнские евангелия, экземпляры которых хранятся в Британской библиотеке.

К началу пятнадцатого столетия в Англии на различные местные языки были переведены отдельные части Библии, но никто до Уиклифа не перевел Священное Писание полностью. Уиклиф перевел Библию слово в слово с Вульгаты, однако самой манерой перевода предназначил его не для простого народа, а для английских священнослужителей, а также, возможно, для образованных политических деятелей, таких как Джон Гонт. Своеобразие перевода и высокая стоимость Библии, написанной на пергаменте, сделали ее недостижимой для мирян, за исключением высокообразованных и богатых.

Уиклиф оставил после себя не только свободномыслящих преемников в Оксфорде, но и вызвал паломничество в Латтеруорт и Лестер, оплот Джона Гонта. Большинство, если не все первые литературные переводы Библии на среднеанглийский язык были сделаны коллективом в составе секретаря Уиклифа Джона Перви и бывших коллег Уиклифа по научной работе в Оксфорде. В 1395 году, спустя примерно десятилетие после первых литературных переводов Библии на среднеанглийский, появился еще один перевод, более доступный для чтения и снабженный вступительным комментарием. Перевод этот явно предназначался для простого народа. К тому времени почти все преемники Уиклифа были истреблены. Перви

избежал этой участи, и исследователи предположили, что перевод, предназначавшийся для обыкновенных мирян, выполнен им^[53].

Лолларды что было сил боролись с преследованиями церковных властей. В январе 1395 года аристократы, последователи Уиклифа, примкнувшие к антикатолическому движению, составили «Двенадцать запросов лоллардов», документ, который не только зачитали в парламенте, но и пригвоздили к воротам собора Святого Павла и Вестминстерского аббатства. Эта акция вызвала возмущение архиепископа Арундела, и к началу пятнадцатого столетия церковные власти расправились с антикатолической оппозицией: часть вольнодумцев предали смертной казни, часть приговорили к тюремному заключению, других отправили в ссылку или отлучили от церкви. (Перви в 1407 году отрекся от ереси, а Николас Херефорд, бывший коллега Уиклифа, помогавший переводить Библию, после своеговольного возвращения из изгнания подвергся пыткам, после чего не только отрекся от ереси, но и примкнул к инквизиторам). Летом 1407 года Арундел, выступая в Синоде, в очередной раз осудил учение Уиклифа и запретил перевод Библии на английский язык.

После расправы со сторонниками лоллардов в Оксфорде антикатолическое движение переместилось в центральные графства Англии (в том числе во владения Джона Гонта), где участниками движения стали даже представители местной знати, среди которых выделялся Джон Олдкасл, снискавший себе военную славу как собрат по оружию принца Генри (будущего короля Генриха V) и владевший большим поместьем на валлийской границе, которое принесло ему титул барона и место в парламенте.

В ходе военной карьеры Олдкасл попал под влияние капеллана Уиклифа по имени Джон. Кортни угрожал Джону судебным преследованием, и судьба последнего неизвестна. После этого Кортни настоятельно посоветовал Олдкаслу порвать с движением лоллардов во избежание неприятностей. Олдкасл не внял предостережениям Кортни, и, когда архиепископу попали в руки несколько принадлежавших Олдкаслу документов крамольного содержания, он вызвал барона в королевский дворец и потребовал объяснений.

Олдкасл был прежде всего солдатом и не придавал особенного значения хранившимся у него документам. Однако Кортни посчитал его покровителем и участником движения лоллардов, обосновав свое

суждение также тем, что в замке Олдкасла обнаружили скрывавшуюся группу еретиков. Кортни довел свои соображения до Генриха V, но король не стал возбуждать дело против Олдкасла и ограничился тем, что принялся понуждать его отказаться от ереси. Олдкасл наотрез отказывался, и в сентябре 1413 года его заключили в Тауэр, где подвергли допросу. Не хочет ли он покаяться и попросить, чтобы ему отпустили грехи? Верит ли он в пресуществление? Олдкасл ответил, что во время евхаристии хлеб остается хлебом, а сам он в ответе за свои прегрешения лишь перед Богом.

Психологическое давление на Олдкасла вынудило его назвать папу антихристом, а епископов и монахов причислить к дьявольскому отродью. В заключение Олдкасл проклял гонителей и заявил, что все они отправятся в ад. Несмотря на явное богохульство Олдкасла, король и Кортни оставили неуступчивого барона в покое на сорок дней, чтобы он поостыл и пересмотрел свои взгляды.

Однако Олдкаслу удалось бежать из тюрьмы и укрыться в доме сторонников. Там он составил план последующих шагов, решив прежде всего взять в плен короля и заодно его братьев. Олдкасл был опытным военным, но лолларды военного опыта не имели, и их заговор против монаршей власти был изначально обречен на провал. Стояла рождественская неделя, которую король обычно проводил в Элтеме, на юго-востоке Лондона. Там лолларды и рассчитывали пленить короля. Однако на сей раз король с братьями отдали предпочтение Вестминстерскому дворцу, и в ночь на 10 января 1414 года тысячи лоллардов (преимущественно крестьян), полагаясь на ратный опыт Олдкасла, стали стекаться к церкви Святого Джайлса в Полях. Королевские войска легко подавили это неподготовленное восстание.

В течение последующих недель большинство предводителей лоллардов были преданы смерти. Олдкаслу удалось скрыться, и его схватили лишь три года спустя. 14 декабря 1417 года он предстал перед английским парламентом. Олдкасл своей вины не признал, и его казнили способом, обычным в то время для высокопоставленных английских еретиков: сначала повесили, а потом сожгли на костре.

Однако бывали случаи, когда власти старались не доводить дело до трагического конца при наказании уличенного в ереси человека. Так, в 1409 году лоллард Джон Бэдли, портной, был осужден за то, что

не верил в пресуществление. После года тюремного заключения его на площади привязали к столбу и собирались сжечь на костре. Принц Генри (в то время еще не король) предложил Бэдли отречься от заблуждений и тем самым сохранить себе жизнь. Лоллард ответил отказом, и костер загорелся. Бэдли, почувствовав невыносимую боль, закричал. Принц решил, что еретик хочет покаяться, и повелел отвязать его. Но Бэдли, уже чуть живой, пересмотреть воззрения отказался, и дело довели до конца.

А вот Уиклифа, оказавшего влияние на движение лоллардов, не оставили в покое и после кончины, случившейся в 1384 году. Во время преследования Уиклифа за вольнодумство и ересь инквизиторы не решились отправить на костер человека, который пользовался широкой известностью и стоял на краю могилы. Но в 1428 году по распоряжению папы тело Уиклифа эксгумировали, сожгли на костре, а прах бросили в воды Свифта, реки, протекающей в Латтеруорте.

Но дело Уиклифа не пропало. Под влиянием его антикатолического учения профессор Пражского университета Ян Гус стал обращаться к народу с проповедью на родном языке, а сторонники Гуса – простые люди – пришли к мысли, что и Библию следует осваивать только на родном языке, да и толковать на основе собственных, а не навязанных церковью убеждений.

После кончины Уиклифа и разгрома мятежных лоллардов центр антикатолического движения переместился в Чехословакию. Проводником ереси лоллардов стала принцесса Анна Богемская, дочь Карла IV, императора Священной Римской империи.

В 1347 году Карл IV, образованный человек, знавший пять языков (латынь, итальянский, французский, немецкий и чешский), основал Пражский университет, который вскоре занял достойное место среди высших учебных заведений Европы, наряду с университетами в Болонье, Оксфорде и Париже. Карл IV также уделял большое внимание архитектурному строительству в Праге, туристы и в наше время любуются достопримечательностями чешской столицы, такими как замок Градчаны, Карлов мост и Новое место. В 1366 году у Карла родилась дочь Анна. В 1381 году она вышла замуж за английского короля Ричарда II. Обоим было по пятнадцать лет.

Женитьба Ричарда на богемской принцессе вызвала в Англии недовольство: за ней не дали приданого, а Ричард за право жениться на Анне заплатил ее брату, королю Вацлаву IV, 20 000 флоринов. Во времена «Великого раскола» Англия, Германия и Богемия поддерживали папу с резиденцией в Риме, и брак Анны и Ричарда, возможно, рассматривался как некое средство изоляции Франции, державшей сторону престола, обосновавшегося в Авиньоне. (Правда, Анну сначала прочили в жены дофину, будущему французскому королю, но переговоры не увенчались успехом, и она вышла замуж за Ричарда.)

Анна привезла с собой в Англию свиту, состоявшую из фрейлин и капелланов. Доподлинно неизвестно, был ли кто-нибудь из них знаком с Уиклифом (умершим спустя три года после бракосочетания Анны) или с его учением, зато хорошо известно, что спустя десятилетия после кончины Уиклифа несколько пражских ученых специально приезжали в Оксфорд, чтобы ознакомиться с идеями лоллардов. Так, чтобы переписать труды Уиклифа, в Оксфорд прибыли Юриц Кнехник и Микулаш Фаульфиш. Они также посетили могилу Уиклифа в Латтеруорте, где откололи кусочек могильной плиты и забрали его с собой в качестве сувенира.

Ученые обнаружили в Праге большое количество рукописей, написанных как Уиклифом, так и лоллардами, а изучение рукописей на чешском языке, посвященных той же тематике, не только выявило идейное совпадение с трудами лоллардов и Уиклифа, но в отдельных случаях показало даже сходство грамматических построений. Связь между английскими и чешскими религиозными реформаторами вполне очевидна. Однажды Олдкасл написал поощрительное письмо Яну Гусу, а тот неоднократно с восторгом отзывался об Уиклифе. Поначалу общение между чешскими и английскими реформаторами строилось на латыни, европейском схоластическом лингва-франка и на языке научных трудов Уиклифа, но вскоре его работы перевели на чешский язык. Стоит отметить, что поскольку в Британии инквизиция ревностно уничтожала труды Уиклифа, гораздо больше его работ (правда, в переводах и копиях) сохранилось в Праге и других городах Центральной Европы.

Алчность, коррупция и надменность были присущи богемским священнослужителям в той же мере, что английским, французским и

итальянским. Еще до того как Анна вышла замуж за Ричарда, о вальденсах и их антиклерикальных воззрениях хорошо знали в Богемии, и рядовые священники стали выражать несогласие с разделением духовенства на звания и чины. В конце четырнадцатого столетия священник Ян Милич ежедневно произносил антиклерикальные проповеди в трех разных церквях – в одной на латыни, в другой на немецком, в третьей – на чешском. (Отметим в скобках, что Милич однажды купил дом терпимости и превратил его в религиозный приют для двухсот падших женщин, облачив их в монашеские одежды, а рядом построил церковь, чем привел в ярость официальные церковные власти.)

Милич считал необходимым записывать проповеди, чтобы получить единообразный тиражируемый текст, и даже раздавал наброски религиозных нравоучений ученикам и коллегам. До наших дней сохранилось немало подобных проповедей; должно быть, они играли важную роль в антиклерикальном движении.

Последователь Милича Матвей из Янова неустанно изобличал коррупцию церковных властей и организовал перевод Библии на немецкий и чешский языки. Часть этих работ Анна взяла с собой в Англию. Среди религиозных реформаторов Чехии наиболее известен Ян Гус, родившийся в Богемии в 1369 году. Он жил вблизи религиозного и торгового центра Прахатице, где и поступил в школу, в которой изучал грамматику, логику и риторику. Закончив обучение в школе, Гус поступил в Пражский университет. В те времена брожение умов, вызванное «Великим расколом», властвовало и в Праге, и Ян Гус, не оставшийся в стороне, понемногу пересматривал свои взгляды. Позже он отмечал, что еще в годы студенчества взял за правило старательно изучать все новое и разумное:

Едва нахожу более здоровое рассуждение, чего бы оно ни касалось, я с готовностью отказываюсь от прежнего суждения на эту или аналогичную тему. Я знаю, что идеи, которые я усвоил, ничтожны по сравнению с теми, которые я еще не познал.

Подобные взгляды в то время были редкостью в Европе, где большинство населения слепо верило церкви. Но уже в начале девяностых годов четырнадцатого столетия наладились

интеллектуальные связи между Прагой и Оксфордом, и занесенное из Англии учение Уиклифа оказало большое влияние на университетские круги в Праге, в том числе и на открытого всему новому Яна Гуса. (Один из наиболее влиятельных чешских ученых Иероним Пражский с 1399 по 1401 год посещал занятия в Оксфорде. Там он переписал основные работы Уиклифа и доставил их в Прагу, своему другу и соратнику Яну Гусу.)

Во второй половине девяностых годов четырнадцатого столетия Гус читал в Пражском университете лекции, посвященные учению Аристотеля, а в 1402 году стал священником Вифлеемской церкви, основанной в Праге последователями Яна Милича. Там Гус прочел свыше трех тысяч проповедей. Как и Милич, он хорошо понимал необходимость записывать проповеди и сделал их инструментом в широкой пропаганде своих воззрений. Подобно лоллардам и Уиклифу, Гус понимал: чтобы Библия стала доступной для простого народа, ее надо перевести на национальный язык. Но ономастику Библии трудно транслитерировать на чешский язык, и, чтобы преодолеть эту трудность, Гус (подобно семитам в Серабит-эль-Хадиме и коптам в Египте) ввел в национальный алфавит новые буквы, которые и поныне используются в некоторых славянских алфавитах.

Ян Гус, подобно вальденсам и лоллардам, вызвал недовольство церковных властей. В особенности на Гуса ополчился пражский архиепископ Збынек Зайиц. В 1410 году он сжег двести книг Яна Гуса, но утрату восполнили лолларды. Дважды – в 1411 и 1412 годах – Збынек отлучал Гуса от церкви, что вызвало недовольство в пражских университетских кругах. А о невежестве Збынека в Праге ходила песенка:

Епископ Збынек, обучаясь чтению и письму,
Нанес прискорбный ущерб своему уму.
Решив в обучении поставить жирную точку,
Он сжег все книги, не прочтя в них ни строчки.

Несмотря на непрекращавшееся преследование и сыпавшиеся угрозы со стороны церковных властей, Ян Гус продолжал проповедовать. В 1415 году император Священной Римской империи

Сигизмунд (приходившийся братом Анне) пообещал Гусу, что его не тронут, если он приедет на Констанцкий собор, созванный с целью прекратить «Великий раскол» и ужесточить борьбу с ересью. На соборе Гус надеялся отстоять свои взгляды, но до Констанца (города в современной Германии), несмотря на охранную грамоту Сигизмунда, он не доехал. Его схватили и вновь обвинили в ереси. 6 июля 1415 года Гуса предали казни. Сначала с него сняли ризу, срезали ножницами тонзуру и надели на голову бумажную корону с тремя нарисованными на ней чертями и надписью «Се – ересиарх!». Затем возвели на помост, обложили до головы дровами и соломой и подожгли. Ватикан настолько боялся Гуса, что останки его сожгли тоже, а прах бросили в Рейн. Годом позже, в том же месте, где казнили Гуса, предали аналогичной смерти его друга и соратника Иеронима Пражского. Место их гибели отмечено валуном. (Констанцкий собор также известен тем, что, когда один из епископов указал Сигизмунду на грамматическую ошибку, допущенную им в речи, Сигизмунд высокомерно ответил: «Я – император и потому выше грамматики».)

Немецкие курфюрсты Богемии, номинальные правители Священной Римской империи, всеми силами боролись с воззрениями гуситов (сторонников учения Яна Гуса). Критика Уиклифом церкви нашла особо благодатную почву в Праге, где стала не только зародышем религиозных реформ, но и зачатком становления независимой чешской нации.

Казни Гуса и Иеронима и зарождение чешского национализма резко обострили отношения Ватикана с чешским народом. В 1419 году умер чешский и германский король Вацлав IV, брат Анны и сын Карла IV, которого сменил Сигизмунд, питавший ненависть к Гусу. В 1419 году гуситы подняли восстание, явившееся началом длительных войн. В 1428 году гуситы, разбив войско императора Сигизмунда, вторглись в польские и словацкие земли (в нынешних территориальных границах).

Конфликты, возникавшие из необходимости и запрета перевода Библии на национальные языки, а также из различных толкований евхаристии, приводили к казням еретиков и изменяли судьбы народов. Движение гуситов состояло из двух группировок: утраквистов и таборитов. Утраквисты полагали, что во время евхаристии миряне могут приобщаться к хлебу и вину (а не только к хлебу). Табориты

придерживались апокалиптических воззрений и предлагали весьма радикальную интерпретацию гуситской идеологии. В тридцатых годах пятнадцатого столетия церковные власти поняли, что с гуситами не справиться. Тогда они вступили в соглашение с уtrakвистами и, разгромив таборитов, покончили с выступлениями гуситов.

Римско-католическая церковь также хорошо понимала связь между грамотностью и ересью: не только распространение грамотности способствует распространению ереси, но и ересь содействует распространению грамотности (что подтвердили вальденсы, «охотно предававшиеся учению»). Через несколько лет после того как в 1407 году архиепископ Арундел запретил переводить Библию на английский язык, он все же, чтобы сократить разлагающее влияние лоллардов на народ, одобрил перевод на английский язык пропагандистской религиозной литературы, но переводить саму Библию счел слишком опасным.

Все три движения – вальденсов, лоллардов и гуситов – дотянули до Реформации, поскольку, по словам одного ученого, «книгу легче спрятать, чем человека». Английское еретическое движение оказало большое влияние на гуситов. Многочисленные источники также свидетельствуют о том, что вальденсы, лолларды и гуситы установили связь между собой, а после 1520 года – и с адептами Реформации.

Но как сложилась судьба вальденсов, лоллардов и гуситов? Не станет большим упрощением констатировать, что все эти группы еретиков присоединились к протестантизму и утратили первоначальную самобытность (хотя по настоящее время некоторые протестанты в Центральной Европе называют себя «вальденсами»). Представляется, что протестантизм с его ярким антипапским мировоззрением и тремя идеологическими концепциями (священство всех верующих, непоколебимый авторитет Библии и спасение личной верой, без помощи посредников-священнослужителей) стал единой платформой почти для всех западноевропейских раскольников.

С точки зрения католической церкви, идеология вальденсов, лоллардов и гуситов мало чем отличалась от идеологии Реформации. Когда в середине шестнадцатого столетия сторонники Контрреформации составляли списки вальденсов, истребленных в Южной Италии, они всех причислили к протестантам.

Из трех перечисленных движений только утраквисты (умеренные гуситы) не подвергались сильным гонениям, да и то вследствие богословских уступок церкви. В те времена недостаточные коммуникативные связи между людьми ограничивали возможности вальденсов и лоллардов. Положение изменилось, когда во времена Реформации Гутенберг изобрел печатный станок, и реформаторы использовали это изобретение, чтобы положить конец монополии Ватикана на право проповедовать вероучение.

Вальденсы и лолларды были не единственными борцами за укрепление позиций национального языка и распространение грамотности. В те же самые времена на родном языке писали Данте и Чосер, немало сделавшие для развития разговорного, соответственно, итальянского и английского языка и становления просвещенного христианского гуманизма.

К тому времени, когда Гутенберг изобрел печатный станок, церковь утратила контроль над грамотностью европейского населения, а с ним и власть над людьми. Во всей Европе после «Великого раскола» и эпидемии чумы («Черной смерти») богатые и образованные купцы стали бороться с влиянием церкви на повседневную жизнь. Замена латыни национальным языком (английским, французским, итальянским, немецким и чешским) подорвала монополию духовенства на грамотность и стала фундаментом образования в Европе светского общества.

В одиннадцатом-пятнадцатом веках новые технологии – введение пробелов между словами и производство дешевой бумаги, а также создание университетов – дали инакомыслящим силы для борьбы с церковью. Сделав Библию доступной для простого народа, вальденсы, лолларды и гуситы лишили церковь монополии на толкование Священного Писания. Впрочем, хотя эти движения подорвали власть церкви, одолеть ее они не смогли. В пятнадцатом веке зеркальщик из Майнца, воспользовавшись техническим прогрессом в металлургии и горном деле, наладил третью составляющую распространения грамотности, которая в сочетании с введением пробелов между словами и дешевой бумагой позволила реформаторам реализовать устремления Воде, Уиклифа и Гуса.

Глава пятая

Пуансон и контрпуансон

В романе Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» (на английском языке это произведение носит название «Горбун из Нотр-Дама») архидьякон собора Клод Фролло переводит взгляд с массивного здания на лежащую на столе печатную книгу и печально восклицает: «Увы! Вот это убьет то!» Время действия в романе Гюго обозначил 1482 годом, стало быть, с момента революции Гутенберга сменилось поколение, и Фролло не мог высказаться яснее: массовое производство книг неминуемо осуществит подрыв религиозных устоев и уничтожит римско-католическую церковь, самую мощную религиозно-политическую силу в Европе. Как полагает историк Иоганн Янсен:

Это изобретение – самое значимое и важное в истории цивилизации – наделило крыльями человеческий разум и подарило лучший способ сохранения, преумножения и распространения всех плодов интеллекта.

Янсен вполне мог бы прибавить, что печатный станок приделал крылья инакомыслию, поскольку обычные люди, воспользовавшись обретенной возможностью широкого распространения своих идей, бросили вызов самой могучей силе на континенте – церкви. Наибольшую опасность представляло то, что печатный станок отдал Священное Писание в руки простых людей и позволил им по-своему интерпретировать текст Библии, лишив тем самым церковь величайшего преимущества – тысячелетней монополии на Небесные врата.

К началу пятнадцатого века были сняты многие препятствия на пути к средствам массовой информации: избавление от *scriptura continua* подарило возможность читать «про себя», первые большие университеты сделались хранилищами знаний и книжными магазинами, к северу от Альп выросли бумажные фабрики. Первую из них возле Нюрнберга построили примерно в 1390 году, а в

последующие десятилетия в полудюжине городов появились другие. Не было совпадением и то, что за несколько лет до того, как Гутенберг и его помощники изготовили свои печатные станки, Базель и Страсбург обзавелись собственными бумажными заводами. Когда Гутенберг напечатал на пергаменте первые Библии, они были почти такими же дорогими, как и рукописные экземпляры, которым они должны были прийти на смену. Если бы не созданная в Фабриано новая технология производства бумаги, имя Гутенберга и его удивительное изобретение так и не вошли бы в анналы истории.

Великие изобретатели, почти по определению, редко начинают в областях, которые делают их знаменитыми; начинают они, по большей части, с изготовления инструментов, с помощью которых впоследствии и создают свои изобретения. Братья Райт чинили велосипеды, Томас Эдисон был телеграфистом, а Джеймс Уатт – механиком.

То же можно сказать и об Иоганне Гутенберге: он занимался художественной обработкой металлов, металлургия и горная промышленность в те времена делали большие успехи, что позволило Иоганну изготовить наборный шрифт. Если бы Гутенберг родился на одно-два столетия раньше, отсутствие продвинутых технологий не позволило бы ему это осуществить.

В технологии подземной добычи ископаемых римляне добились многого – неподалеку от Средиземноморского побережья Испании, в свинцовом руднике, они опускали шахтные стволы на глубину в шестьсот футов. Об этом достижении, как и о большинстве других римских технологий, после 476 года забыли почти на тысячу лет. Впрочем, большую часть своих шахт римляне выработали, зато потомки победивших германцев на не оккупированной римлянами территории, к северу от Дуная, усовершенствовали технологию добычи металлов и сплавов, что в немалой степени позволило Гутенбергу добиться успеха. К сожалению, европейцы тогда еще не добывали сурьму, главный ингредиент типографского шрифта; ее добыча началась лишь на исходе Средневековья.

Горные леса Центральной Европы, с богатыми залежами серебра, свинца, меди и сурьмы, избытком древесины для плавильных печей, реками, приводящими в движение кузнечные мехи и молоты, удовлетворяли запросы металлургии, и на свет появился типографский

шриффт, а все перечисленное в дальнейшем позволило континенту нарастить экономику. Поиск драгоценных металлов, в особенности серебра, подгонял предпринимателей. Обычно шахтеры находят серебряные залежи возле месторождений свинца и меди, а потому прогрессивные технологии добычи и выплавки этих трех ископаемых развивались одновременно.

В Северной Европе, с ее влажным климатом, шахтер постоянно сражается с водой; любой шахтный ствол, опущенный ниже уровня грунтовых вод, неминуемо затапливается, и шахта требует дренажа. Римляне осушали глубокие шахты вручную, но в глубоких сырых стволах Северной Европы это было невозможно. Примерно в тринадцатом веке германские шахтеры начали пропускать шланги по спиральным дорожкам, вырубленным в твердой породе, водоотлив осуществляли хитроумные насосы. В германском Хемнице в Карпатах воду откачивали три насоса с помощью девяти шлангов.

Ученые средневековой Европы, такие как Георгий Агрикола, автор книги «О природе металлов», занялись систематическим изучением металлургии, и вскоре вдоль рек, по соседству с шахтами, появились заводы (*Saigerhütten*), на которых начали применять новые технологии отделения меди от серебра.

Новые направления металлургии продемонстрировали большие перспективы; впрочем, современные историки только сегодня стали оценивать их по достоинству. С одной стороны, германские и богемские крестьяне в поисках удачи шли в глубь страны, в шахтах они спасались от бывших хозяев и освобождались от них в «новых экономических зонах», не затронутых феодальной системой. С другой стороны, еще в античные времена, воспользовавшись политическим контролем, государство завладело стратегическими рудниками, как, например, сделало правительство Афин, приватизировавшее богатый серебряный рудник в Лаврионе. Во Франции и в Англии только национальные правительства обладали техническими и финансовыми возможностями надзора над шахтами, что подстегнуло развитие двух этих государств.

Развитие металлургии за счет феодалов способствовало усилению национальных правительств. Механический способ печатания и распространение грамотности добавили в этот «бульон» еще один ингредиент, перекроивший континент в последующие столетия.

Сегодняшние представления о печатном процессе сводятся к воображению чрезвычайно быстрого механического пресса, жадно пожирающего каждую минуту по тонне бумаги. Гутенбергу и его современникам подобная картина не могла, конечно, пригрезиться, однако концепция персонального станка, оставляющего отпечаток на некоем подручном материале, была для них не нова: уже в Месопотамии применяли цилиндрические печати в качестве примитивных печатных станков для воспроизведения различных символов. Более чем за столетие до Гутенберга Цицерон и святой Иероним рассуждали о печатных «каркасах», заполненных миниатюрными буквами^[54]. За столетия до Гутенберга китайцы использовали деревянные прессы для воспроизведения символов и изображений и даже разработали деревянные же буквенные наборы. Наконец, корейцы, придумавшие собственный алфавит, опередили европейцев в применении металлических наборов по меньшей мере на несколько десятилетий^[55].

Разумеется, возникли определенные проблемы, которые помешали Китаю и Корее безоговорочно опередить и превзойти Гутенберга. Технологические затруднения, к примеру, разжижение чернил, не позволяли полноценно печатать на металлических наборах. Культурные ограничения также препятствовали развитию печатного дела на Востоке; азиатское пристрастие к каллиграфии не способствовало увлечению печатным, механическим тиражированием. И сумей жители Дальнего Востока преодолеть эти трудности, им предстояло бы отыскать необходимые капитальные инвестиции, а почти полное отсутствие функционирующих рынков на Дальнем Востоке фактически губило на корню потенциальную печатную индустрию Китая и Кореи.

Кроме того, выяснилось, что для изготовления типографского шрифта недостаточно только станка. На странице, которую вы читаете, приблизительно две тысячи букв, на их изготовление потребовалось бы десять тысяч литер; это намного превышало возможности простых типографий, было под силу разве только королям и императорам, будь то на Востоке или на Западе. Наконец, даже если предположить, что шрифт изготовлен в больших количествах, этого недостаточно для того, чтобы буквы выстроились в прямые строчки — литеры должны быть изготовлены с абсолютной точностью.

Вклад Гутенберга в механическое печатание состоял не в создании типографского подвижного шрифта, даже не в претворении этого замысла в жизнь, а в массовом производстве литер, столь точно изготовленных, что несколько тысяч знаков, требующихся для обычной страницы, размещались на ней в безукоризненном порядке. Многие столетия точность изготовления шрифта являлась непреодолимой преградой, ибо в случае ее нарушения страница имеет неровные, прыгающие строки.

Неправильность такого текста вызвана тем, что литеры «а» и «е» на одну тысячную американского дюйма крупнее других букв. С каждой строчкой эта крошечная разница повторяется и усиливается, в результате соединение слов и строк частично нарушается. Если использование крупных литер «а» и «е» продолжится, через десяток строк читатель неспособен будет понять содержание представленного текста. Перекос, едва заметный в первой строке, в каждой последующей строчке делается все явственнее. Если наборщик, отливающий типографские литеры, не постарается их выровнять, текст в конце страницы станет нечитаемым. Главным препятствием тогдашнего книгопечатания было не производство станков, даже не изготовление отливочных форм, а, скорее, точная и быстрая отливка крошечных брусков, заключавших в себе саму букву.

По словам Теодора де Винна, американского типографа и выдающегося историка книгопечатания:

Это изобретение принадлежит не тому, кто впервые подумал о преимуществе шрифта, и даже не тому, кто впервые изготовил его негодным к употреблению способом. А обязаны мы человеку, дальновидность и долготерпение которого позволили создать пресс-форму: с помощью этого устройства он первым изготовил шрифты, которыми мы все сейчас пользуемся.

Должно быть, речь шла о Гутенберге или о его современнике, имя которого затерялось в исторических анналах. Гутенберг не изобрел ничего из того, чего не было раньше – пуансон, матрицу и заливочную форму. До 1450 года все эти приспособления уже использовались при штамповке монет, печатей и изготовлении оловянных изделий. Но он первым с успехом применил их при наборе текста.

Ни Гутенберг, ни его последователи не описали этот процесс в подробностях, и историки книгопечатания вынуждены делать свои заключения на основе более поздних источников, главным из которых явилась «библия» типографского дела «*Manuel typographique*» Пьера-Симона Фурнье. В этой книге автор в нескольких словах элегантно описал труд наборщика:

Нужно определить лучшую форму, которую следует придать буквам, и правильное расположение одной относительно другой, суметь выгравировать их на стали, чтобы они отпечатались на меди, и изготовить матрицы, с помощью которых можно отливать литеры в любом количестве.

Процесс, описанный Фурнье, установился через сто лет после Гутенберга и оставался неизменным вплоть до появления в девятнадцатом веке пресса, работавшего на паровой тяге, так что цитата Фурнье требует некоторого пояснения.

Первое, что надо освоить наборщику, это «просвет», пустое место внутри каждой буквы. Самая простая буква из всех – строчная буква «о», просвет в которой представляет собой кружок или овал. Пуансонист может вырубить просвет острым дыроколом, либо выбить отверстие специальным инструментом – так называемым контрпуансоном. Хотя времени на изготовление контрпуансона уходит намного больше, чем на вырубку одного просвета, эти усилия даром не пропадут, поскольку контрпуансон может быстро и с успехом выбивать много просветов по сравнению с теми, что вырублены по отдельности, и отличаются к тому же размером и формой.

Давайте рассмотрим более сложную букву – прописную Н и ее просветы.

Теоретически для этой буквы существуют два способа изготовления пуансона. Пуансонист срезает область, окружающую внешние края буквы Н, затем вводит контрпуансон внутрь буквы для придания окончательной формы. Проблема состоит в том, что если он вставит контрпуансон с небольшим сдвигом по отношению к центру, получится, что все усилия по обработке внешних полей были потрачены впустую.

Учитывая большой риск, сопряженный с вводом контрпуансона на второй стадии процесса, гораздо эффективнее было бы *сразу* ввести инструмент внутрь буквы. И если пуансонист удовлетворится полученным результатом, он может спокойно и тщательно обрабатывать внешние края буквы – сначала грубым напильником, потом более тонким, чтобы в результате получить безукоризненную букву Н.

На практике процесс немного сложнее: пуансонист изготавливает конический контрпуансон из мягкой стали. Законченное изделие закаляют с тем, чтобы оно вошло в мягкую сталь пуансона, а затем спиливают снаружи, чтобы получилась готовая буква Н. В конце технологического процесса пуансон тоже закаляют, чтобы он исполнил следующую задачу – создал заливочную форму.

Самый главный инструмент в ассортименте мастера – контрпуансон. Строчные буквы в этом абзаце содержат несколько разных просветов, что, впрочем, зависит от комплекта шрифта и предпочтений пуансониста. К примеру, просветы в буквах h, n, u, а иногда также в букве m, одинаковы, как и в буквах p, q, d и b; многие другие буквы, такие, как l и r, вообще не имеют просвета. Форма контрпуансона – клиновидная призма или конус – позволяет погружать его на разную глубину, а потому, в отличие от пуансонов, он может использоваться для вырубки просветов разных размеров: для выбора шрифта нужного кегля требуется свой пуансон. По этой причине в музеях книгопечатания выставлены тысячи образцов средневековых пуансонов, в то время как контрпуансонов сохранилось лишь несколько десятков.

Едва пуансонист изготовит пуансон с изображением буквы, его тотчас можно начинать использовать: стоит только покрыть краской букву, и на бумаге появится четкое изображение. И в самом деле, до Гутенберга стальные пуансоны использовались столетиями, если не тысячелетие: на бумаге или на папирусе запечатлелись изображения букв, нанесенные чернилами или другим пигментом.

Проблема, как я уже упоминал, заключалась в том, что для набора требовались тысячи единиц шрифта, так что описанный процесс был слишком утомительным для производства большого числа копий любого документа. Гений Гутенберга проявил себя в том, что он изобрел способ массового производства печати.

Мастер начинает с закаливания пуансона из мягкой стали, затем вдавливают его в толстый медный лист и получают «матрицу», как для прописной буквы Н.

Затем мастер обрезает матрицу до нужного размера так, чтобы ее можно было вставить в стальную словолитную форму.

Стороны формы регулируются. Каждому размеру шрифта требуется собственная, специально изготовленная матрица, но в заданном размере – скажем, 12 пунктов – разные буквы могут значительно отличаться по ширине, и потому внешние стенки формы могут либо сдвигаться, либо раздвигаться. К примеру, заглавная буква W в несколько раз шире точки.

Словолитная форма представляет собой усеченную пятиугольную пирамиду, ширина которой регулируется в зависимости от отливаемой буквы, в нижнюю часть формы укладывается матрица с изображением буквы. Заливщик шрифта наливает расплавленный металл в открытую верхнюю часть формы.

Как бы ни была трудна работа гравера-пуансониста, самым ответственным делом считался труд словолитчика. В правой руке он держал ложку с расплавленным металлом, а в левой – словолитную форму. Вливая сплав правой рукой, левой он быстро подкидывал форму так, чтобы сплав влился в нее и заполнил полости. Затем он снимал матрицу со дна формы и резко выбрасывал букву, готовую к печати. Наконец ставил матрицу на место и повторял процесс: квалифицированный словолитчик мог таким способом отлить за одну минуту несколько букв, за день он отливал до трех тысяч знаков.

По словам де Винна, «долгая практика позволяла словолитчику делать свою работу с кажущейся легкостью, но этот бросок, слаженные движения левой руки, совершаемые в точное время и в точной манере, – все это приходило не в один день, и многим сильным мужчинам так и не удавалось освоить эту науку». В отличие от словолитчиков, как отмечают историки книгопечатания, опытный пуансонист мог за неделю создать всего два-четыре пуансона.

Изготовление самого станка особой трудности не представляло: для этого можно было приспособить винный пресс или пресс для ткани, нетрудно было создать и верстатку – ящик, в котором наборщик хранил шрифт. Свой первый шрифт Гутенберг изготовил после 1445

года, должно быть, приспособил для этого винный пресс или пресс для ткани и получил первый станок для создания подвижного шрифта.

Для осуществления полиграфического процесса требовалось два человека: один укладывал на дно станка лист бумаги, другой кожаной подушечкой набивал краску на печатную форму и прикручивал винт станка. В бумажном формате *folio* получалось четыре страницы с оборотом. (*Folio* – лист бумаги, сложенный пополам и сшитый по складке; *quarto* – лист, сложенный дважды, на нем получается восемь страниц текста; *octavo*, сложенный трижды, дает 16 страниц текста, а сложенный четырежды *sexton decimo* – тридцать две страницы). Страницы, как и шрифт, постепенно становились все мельче.

Дискуссия, связанная с притязаниями Гутенберга на звание изобретателя металлического алфавитного подвижного шрифта, известна большинству читателей. Впрочем, о его финансовых и юридических трудностях мы знаем гораздо больше, чем об устройстве первых печатных станков. То, что нам удалось узнать, ученые собрали по мелочам из судебных протоколов по делам, возбужденным против Гутенберга, и по отчетам научного анализа его печатной продукции.

Отсутствие эффективного патентного законодательства в политически раздробленном мире Священной Римской империи сделало секретность необходимым условием, что не позволяет историку проникнуть в «суть» технологии Гутенберга. К тому же практика указания в книге или техническом проспекте имени издателя возникла лишь спустя десятилетие после издания Гутенбергом первых Библий. Этот факт ставит историков в еще более затруднительное положение.

Поэтому с уверенностью нельзя утверждать, кто изобрел печатный станок. Не узнаем мы и подробностей первой технологии книгопечатания. Были ли первые пуансоны и словолитные формы сделаны из металла, а может, пуансоны изготавливали из дерева, а отпечатки делали в глине или в песке? А если все-таки первые пуансоны и словолитные формы были металлическими, то отливали их целиком из свинца или же из другого металла? Вопросам нет конца.

Чтобы не пускаться в дальнейшие споры, будем считать, что приоритет принадлежит Иоганну Гутенбергу. Сделаем допущение и для историков, решим, что они в самом деле могут с точностью определить изобретателя любого устройства, и порадуемся за

Гутенберга: ему повезло родиться в то время, когда металлургия добилась больших успехов, и он впервые в Центральной Европе середины пятнадцатого века смог изготовить шрифт из прецизионного сплава.

Прежде чем продолжить, рассмотрим историческую сцену, в условиях которой разворачивалась драма печатного станка Гутенберга. Распадавшаяся Священная Римская империя, преемница империи Карла Великого, не была, согласно ядовитому замечанию Вольтера, ни священной, ни римской, ни империей. Территориально, грубо говоря, она занимала большую часть современной Германии, Австрию, Чехословакию, Швейцарию, Северную Италию, Бельгию и Нидерланды. Языком этого государства был, по большей части, немецкий. Во времена Гутенберга и Мартина Лютера Священная Римская империя рассыпалась на сотни маленьких автономных герцогств, графств, принципатов и городов-государств, а император оставался лишь формальным главой государства.

Гутенберг родился в Майнце, одном из самых больших городов империи, в конце четырнадцатого века. Образование получил в школе при монастыре. В возрасте под сорок и за сорок лет жил в Страсбурге, изготавливал зеркала из спекула, сплава меди и олова, похожего на бронзу. Чтобы цвет был светлее, в состав сплава добавляли чуточку сурьмы. Этот факт важен для истории краски. В ту эпоху зеркала в империи представляли огромный интерес: пилигримы, наезжавшие в Аахен, верили, что могут вобрать в зеркала отражения священных городских реликвий и увезти их домой. Производство зеркал требовало немалого числа экспериментов с целью получения нужных сплавов, при изготовлении подвижного шрифта Гутенберг и его современники использовали секретные «зеркальные» составы.

Возможно, что, занимаясь зеркалами, Гутенберг создал новый сплав для шрифта либо услышал о его составе от других мастеров. Для изготовления большого количества шрифта требовалось сырье.

Обратите внимание, как усовершенствовалась технология Гутенберга: от твердых металлов он перешел к более мягким материалам. В медь вдавливались пуансоны из закаленной стали, на смену меди пришел еще более мягкий металл. Потребовалось много экспериментов с разными сплавами для получения прочного материала, справлявшегося с недостатками свинца – коррозией и

быстрым износом, – но при этом обладавшего низкой точкой плавления. Ни один из прессов Гутенберга, ни один из его шрифтов не дожил до наших дней, однако в образцах из того же региона, созданных поколением позже, содержалось приблизительно 60 % свинца, 25 % сурьмы и 15 % олова^[56]. (Свинец и сурьму можно было получить на месте, а олово, возможно, импортировали из Бретани или Корнуолла).

Оптимальный состав металла для шрифта был лишь одной из проблем, стоявших перед изобретателем. Труднее всего было создать пуансоны из закаленной стали, ее качество являлось самым уязвимым местом: ведь единственный пуансон, отвечавший всем необходимым требованиям, мог «породить» миллион матриц, от каждой из которых, в свою очередь, рождалось около миллиона единиц шрифта, то есть десятки и сотни тысяч напечатанных букв. Простой персонифицированный процесс письма, который тысячу лет, буква за буквой, исполнялся вручную, встал на поток: стальной пуансон, посредством искусно созданных матриц и наборов шрифта, переносил на бумагу триллионы и даже квадрильоны отпечатанных букв. В наш электронный век подобную плодovitость мы называем «масштабированием»; впрочем, в любую эпоху такое явление, как способность человека или организации влиять на события, является главным двигателем прогресса.

Примерно в 1450 году Гутенберг наловчился печатать небольшие книжки – «*Sybyllenbuch*» (стихотворные «Книги Сивилл», напечатанные «в четвертку»^[57]); «*Donatus*» (грамматика) и индульгенции. Натренировавшись на мелких опытах, Гутенберг осуществил свою первую попытку и напечатал 180 Библий, по 1282 страницы каждая. На это у него ушло почти два года.

Теоретически Гутенберг мог обойтись всего пятьюдесятью двумя буквами – двадцатью шестью строчными и двадцатью шестью прописными, однако у него была цель: напечатать книгу, неотличимую от единственной Библии, которую знал он сам и его читатели – написанную от руки Вульгату (общепризнанный латинский перевод Священного Писания). Ни Гутенберг, ни кто-либо из его последователей не смог симитировать шрифт, знакомый всему современному миру. Тем не менее, они пытались напечатать книги, неотличимые от тех, что на протяжении тысячелетия копировали

писцы. Гутенберг создал и изготовил для своей Библии 290 различных и, на современный взгляд, изысканных гарнитур с разным размером шрифта.

На основании сохранившихся документов историки установили, что к 1454 году Гутенберг изготовил шесть прессов. Поскольку на каждой странице содержалось приблизительно 2750 букв, то, по меньшей мере, на двух сторонах фолио Гутенбергу требовалось приблизительно 100 000 единиц шрифта, чтобы процесс печати шел гладко. А чтобы все шесть прессов были в работе, ему следовало нанять, по меньшей мере, двадцать четыре наборщика и людей, обслуживавших presses, чтобы сделать 230 760 оттисков для 180 Библий, по 1282 страницы каждая. Историки подсчитали, что каждый пресс мог выдать в час не более дюжины страниц, так что на работу, с учетом брака, ушло около двух лет. На 40 книг, напечатанных на пергаменте, понадобилось 3200 бычков, а издание 140 бумажных Библий потребовало покупки приблизительно 70 000 листов фолио – в то время огромные траты^[58].

В первых книгах к тому же большую роль играл ручной труд: гравюры, иллюстрации ручной работы, цветные надписи. Нарождавшаяся книгопечатная индустрия держала целый штат «рубрикаторов», рисовавших большие красные прописные буквы и вставлявших рукописные фразы, которым уделялось особое внимание.

Книгопечатание требовало огромных финансовых вливаний, и за то долгое время, которое отделяло результат от начальных инвестиций в труд и в материалы, потребность в деньгах только нарастала, что часто приводило к судебным тяжбам издателя с кредиторами. У Гутенберга в этом отношении были проблемы, доказательством чему является налаженное им производство перископов: в 1438–1439 гг. он изготовил 32 000 зеркал для паломников в Аахен. Насколько нам известно, его приборы были удивительного качества, но беда в том, что паломничество началось лишь после 1440 года^[59]. Гутенбергу требовалась материальная помощь; к своему несчастью, он обратился к Иоганну Фусту, блестящему, но жесткому финансисту. Фуст знал, что издание Библий свяжет его деньги на два года. Продажные цены – пятьдесят гульденов за книгу на пергаменте и двадцать за бумажный экземпляр, тогда как квалифицированный ремесленник зарабатывал

двадцать пять гульденов в год – означали, что книги будут проданы не скоро, и Гутенберг обанкротится.

Фуст согласился ссудить деньги, но выставил драконовские условия: сразу после издания книг в 1455 году он потребовал, чтобы Гутенберг вернул долг, а когда Гутенберг обанкротился, суд передал Фусту прессы и пуансоны. Вероятно, еще более ценным приобретением Фуста стал Петер Шеффер, наборщик и изготовитель печатных станков, который забрал с собой самые лучшие пуансоны и контрпуансоны. Шеффер женился на дочери Фуста Кристине и унаследовал бизнес. Суд оставил Гутенбергу старые пуансоны, однако он лишился станков, лучшего работника и лучших пуансонов. Карьера Гутенберга была погублена. (Не помогло и то, что через десять лет его восстановили в правах в Майнце, куда Гутенберг вернулся после судебной катастрофы) [\[60\]](#).

Взглянув через пятьсот с лишним лет на печатный станок, мы не можем не признать, что Гутенберг совершил гигантский прыжок, подарив людям способность общаться друг с другом на расстоянии. По значимости его станок не уступает письменности шумеров и египтян, изобретению семитических и финикийских алфавитов, а позднее – появлению телеграфа, радио, телевидения и Интернета. В доказательство приведу несколько исторических цифр: в 1480 году флорентийская типография Риполи могла напечатать 1025 *quinterno* (пять листов, обычно формата октаво, то есть документ из восьмидесяти страниц), что обходилось в три флорина, а писцу платили флорин за единственный *quinterno*. Таким образом, даже первые примитивные печатные станки на 97 процентов снижали стоимость производства.

Библии Гутенберга сразу же стали сенсацией не столько из-за способа производства, сколько из-за механического совершенства, удобства чтения, крупного шрифта, из-за страницы в сорок две строчки и широких полей. Священник Энеа Сильвио Пикколомини, ставший позднее папой Пием II, написал своему коллеге в Риме, что встретил «замечательного человека» и тот показал ему Библию Гутенберга, которую он может спокойно читать без очков. Эти книги вскоре стали так высоко цениться, что 49 экземпляров из напечатанных 180 книг сохранились по сей день, причем среди них четыре на пергаменте. (Принадлежат эти книги, соответственно,

Библиотеке Конгресса, библиотекам Франкфурта, Геттингена и Парижской национальной библиотеке.) Хотя напечатаны они механическим способом, после к ним добавили написанные от руки цветные прописные буквы и иллюстрации, ни одна из которых не повторяет другую^[61].

Вскоре последовали версии на немецком языке, и печатный станок впервые позволил, по крайней мере, теоретически, обычным людям приобретать и читать собственную Библию, что раньше являлось прерогативой священнослужителей, аристократов и богачей. Германская церковь, в отличие от аналогичных институтов Франции, Италии и Англии, не возражала против Священного Писания, написанного на родном языке, но только потому, что до 1455 года крупномасштабное издание Библии было невозможно, а небольшое количество этих книг, написанных вручную, не представляло особой угрозы. Все изменил печатный станок, и германская церковь быстро поняла опасность машины Гутенберга, покусившейся на церковную монополию. В 1485 году архиепископ Майнца так высказался о новой Библии на национальном языке, «отравляющей» епархию:

Хотя люди обретают знания благодаря так называемому божественному искусству печати и обращаются к книгам, доступным широкому кругу читателей, к книгам, посвященным различным наукам, мы, тем не менее, слышали, что некоторые люди, жаждущие славы и богатства, употребили упомянутое искусство во зло. Книги, переведенные с латыни на немецкий язык, попали в руки простого люда, что нанесло бесчестие нашей религии. Мы приказываем, чтобы ни одна работа, какой бы она ни была, к какому бы разряду науки, искусства и знаний она ни относилась, но, будучи переведенной с греческого, латинского или любого другого языка на немецкий, публично или тайно, прямо или косвенно, не была напечатана и выставлена на продажу прежде, чем соответствующие органы изучат ее содержание и выдадут разрешение на печать и продажу.

Другими словами, архиепископ не разрешил, чтобы печатные книги – он имел в виду не только книги, но также памфлеты и брошюры – производились или продавались без его одобрения. По

выражению Мартина Лютера, архиепископ и церковь «свистели по ветру».

К изобретению печатного станка причастно слишком много людей, так что сохранить технологию надолго в секрете было невозможно. В качестве самого знаменитого примера можно привести чрезвычайно успешного помощника Гутенберга – Петера Шеффера, а затем и его потомство. Сенсационное изобретение и технология сделались широко известными, началась неразбериха, многие предприниматели обанкротились, потому что, начав дело, не рассчитали первоначальных вложений в оборудование, труд и бумагу.

Англичанин Уильям Кекстон принялся экспериментировать с изобретением Гутенберга, как только в Брюгге появился печатный станок; в 1473 году Кекстон издал книги на английском языке, а в 1476 году, вернувшись в Вестминстер, устроил первую британскую типографию. В Италии к 1475 году появились десятки типографий; к 1500 году собственные печатные станки имелись в шестидесяти четырех городах Германии и Центральной Европы, десятки новых типографий возникли во Франции и Нидерландах.

Поначалу многие типографии процветали, особенно в Париже, этот город издавна был центром торговли университетскими рукописями, а в Венеции выросли многочисленные бумажные фабрики. В конце пятнадцатого века *Серениссима*^[62] стала одним из крупнейших городов Европы, насчитывала более ста тысяч жителей. В Венецию поступали драгоценные классические рукописи, прибывали они из Константинополя после сдачи города туркам в 1453 году. На континент хлынули венецианские печатные станки, в город, жаждавший набраться мудрости Платона, Аристотеля, Сенеки и Плутарха, поступали тысячи фолиантов, и поток этот породил в Европе интеллектуальный Ренессанс.

Увы, как с восторгами по поводу появления в девятнадцатом веке железных дорог и радио или Интернета в веке двадцатом, первоначальный энтузиазм, вызванный появлением печатных станков с их необычайной продуктивностью, превысил потребности континента, население которого по большей части оставалось неграмотным. Прошло несколько лет, и в Венеции восемь печатных станков из двенадцати перестали работать. Многие мелкие города так и не увидели у себя первые типографии.

Печатные станки, как и прочие революционные технологии, разъярили ремесленников, которых они заменили; в данном случае речь идет о писцах, чьи безнадежно неэкономные рукописи превратились вдруг в дорогие антикварные предметы. Одна такая жертва, писец Филиппо де Страта, бенедиктинский монах, живший на венецианском острове Мурано, призывал дожа покарать печатников, ибо *они за гроши бессовестно печатают тексты, которые могли бы воспламенить впечатлительных юношей. В то время как честный писатель умирает от голода, юная дева читает Овидия и учится у него греху. Нужно почитать письменность, которая приносит нам золото, наш труд служит воспитанию благородства, а упомянутая мною юная девица, читающая печатные книги, уподобляется служительнице борделя. Она – девица с пером, типографская шлюха.*

Демократизация редкого до той поры искусства – коммуникации – не в последний раз провоцировала предсказания конца света, этим занимались представители привилегированного профессионального класса. Хотя дож не удовлетворил желание Страты покончить с печатными станками, рынок шел ему навстречу. Так бывало со всеми новыми изобретениями – в полной мере проявлял себя дарвиновский отбор: он отсеивал слабые технологические модели и позволял выживать сильнейшим. Этот процесс хорошо описывает один из выживших – французский типограф Николя Жансон, трудившийся на королевском монетном дворе в Туре. В 1458 году французский король Карл VII приказал Жансону ехать в Майнц – изучать искусство книгопечатания, возможно, под руководством Гутенберга. Жансон был в фаворе у Карла, однако у его преемника, Людовика XI, Николя расположением не пользовался, а потому вынужден был уехать в Венецию, где и основал собственную типографию.

Его предприятие не разделило печальной судьбы большинства венецианских типографий конца пятнадцатого века. Произошло это по двум причинам: во-первых, Жансон вступил в финансовое партнерство с двумя богатыми германскими купцами, чья поддержка помогла ему не налететь на финансовые мели, погубившие многих соперников. Во-вторых, работать он стал не для бедняков, по большей части безграмотных, а для специальной клиентуры – врачей, юристов и священнослужителей. Их стремление получать профессиональную

литературу привело к учреждению первого научного издательства; кстати, поток специализированной литературы не иссякает до наших дней.

Помнят Жансона, правда, не за это начинание, а за принесший ему неувядаемую славу римский шрифт, которым набирают и нынешние книги, и компьютерные тексты. В отличие от Жансона, Гутенберг совершил одно из величайших в истории технологических надувательств, когда поставил себе целью механически повторить рукописную манеру старинных летописцев.

Изобретение Жансона помогло читателям, которым стало легче читать тексты, набранные простым шрифтом, и рабочим, изготавливавшим пуансоны с контрпуансонами – теперь получалось быстрее и экономичнее. Понимал ли Жансон заранее преимущества, которые он подарил человечеству, неизвестно; скорее всего, ему просто хотелось скопировать любимый шрифт древних римлян. Как бы то ни было, через несколько десятилетий после Гутенберга Жансон создал удивительно современный шрифт, очень быстро получивший одобрение за красоту и простоту (правда, юристам, клиентам Жансона, больше нравился традиционный «рукописный» вариант шрифта).

Еще одной причиной, способствовавшей выживанию типографий, стало сотрудничество с большими университетами, как произошло, к примеру, в Париже. Тем не менее, средневековую властную структуру перевернуло скромное учебное заведение, имевшее доступ к новой технологии. Находилось оно в Виттенберге, крошечном городке, на полпути между Лейпцигом и Берлином.

В 1485 году Эрнст, правитель Саксонии (имевший право участвовать в выборах императора Священной Римской империи), разделил Саксонию на две части: герцогство Саксония он передал своему брату Альбрехту, а меньшую часть – Эрнестинскую линию – взял себе. На следующий год Эрнст скончался, и его сын – Фридрих Мудрый – наследовал избирательное право. Единственный университет Саксонии находился в Лейпциге, и Фридрих решил учредить еще один университет – в сонном городке Виттенберг, что произошло в 1502 году.

Основание университета в Виттенберге свело воедино три составляющих Реформации: Фридриха, отчаянно защищавшего новый университет, Мартина Лютера, самую яркую академическую звезду, и

пятидесятилетний печатный станок – технологическую опору Реформации.

К тому моменту как Лютер приехал в Виттенберг, революция Гутенберга была в разгаре и длилась более пятидесяти лет. Несмотря на банкротство многих предпринимателей, в Европе конца пятнадцатого века работало свыше тысячи типографий. Станки Виттенберга первыми стали печатать работы Лютера, однако трудности с транспортировкой и отсутствие закона об авторском праве привели к тому, что многие германские города сделались центрами лютеранских публикаций и одновременно проповедниками лютеранской идеологии.

Первый пользовательский отзыв об университете Виттенберга в 1503 году дал профессор Николаус Маршалк, кстати, он был и типографом. Маршалк специализировался в греческой литературе, в Виттенберг приехал из Эрфурта, где стал первым немцем, печатавшим книги греческим шрифтом. У него, как и у многих первых типографов, были классические гуманистические воззрения, что вызывало недовольство церкви. Фридрих защищал Маршалка, однако противостоять церковным властям не мог, и Маршалка уволили из университета.

Маршалк уехал, но сохранилось его типографское оборудование, которое кружными путями приблизительно в 1508 году досталось другому типографу Виттенберга – Иоганну Рау-Грюненбергу. В том же году в город приехал молодой преподаватель философии, ставший известным миру как Мартин Лютер.

«Явление» Лютера и Рау-Грюненберга не было сугубым совпадением; оба они были немцами, принадлежали к августинскому ордену и действовали согласно распоряжениям Иоганна фон Штаупица, генерального викария ордена августинцев. За несколько лет до появления ереси Лютера станки Грюненберга печатали большое количество книг, украшенных гравюрами Лукаса Кранаха Старшего.

Первые типографы предназначали свою продукцию образованному классу, до 1500 года три четверти книг издавались на латыни, и большая часть имела религиозное содержание; совсем немного изданий выходило на французском, немецком и итальянском языках. Грюненберг издавал книги исключительно на латыни и греческом. Поскольку зарождение книгопечатания совпало с притоком

греческих книг и падением Константинополя, Маршалк и Грюненберг использовали греческий шрифт. На вершине академической пирамиды находились редкие ученые – перевозимые всеми *homo trilinguis* [трехязычные люди], которые могли читать латинские и греческие книги и тексты на иврите. Для таких редких случаев требовалось небольшое число наборщиков, умеющих набирать шрифт на иврите, тех, кто понимал Ветхий Завет, написанный на языке оригинала. Примерно в 1516 году Лютер заказал Грюненбергу несколько книг на немецком языке, и так начался переход к переводу Библии на родной язык, совершивший переворот в западном христианстве.

Когда бы не финансовые аппетиты Ватикана, у Лютера наверняка сложилась бы долгая и мирная академическая карьера. В 64 году н. э. апостола Петра распяли вниз головой (он считал себя недостойным умереть смертью Христа) и похоронили на берегу Тибра, напротив Большого цирка. Когда в четвертом веке империя приняла христианство, на месте захоронения Петра построили базилику. Тысячу лет базилика стояла в небрежении, пока в 1505 году папа Юлий II не распорядился снести ее и поставить на этом месте величественный храм. Строительство продолжалось более ста лет, с ним связаны величайшие имена Ренессанса, среди них Донато Браманте, Рафаэль, Микеланджело, Джакомо делла Порта, Джанлоренцо Бернини.

На строительство и украшение собора Святого Петра ушли огромные деньги. В те времена самым эффективным способом сбора средств была продажа индульгенций. В 1515 году папа Лев X издал буллу «*Sacrosanctus salvatoris et redemptoris*» и организовал в епархиях архиепископа Магдебургского и Майнцского пятилетнюю продажу индульгенций почти за все грехи, включая воровство и прелюбодеяние. Этим Лев не ограничился: чтобы подстегнуть продажу индульгенций, он приказал священникам временно забыть о проповедях на другие темы. Святой отец пригрозил суровым наказанием любому противодействию булле. Наибольший энтузиазм в поддержке папского распоряжения выразил Альбрехт, архиепископ Майнца и Магдебурга: он назначил агента по продаже индульгенций – доминиканского монаха по имени Иоганн Тецель, чья активность привлекла внимание Лютера. Лютер начал изучать библейское

обоснование индульгенций и ничего «такого» в Библии не обнаружил. Вот тогда священник и профессор из Виттенберга решил действовать.

Самые первые типографы разбогатели, поскольку печатали индульгенции миллионами. Они получали предоплату и оптом продавали бланки индульгенций церкви. Прежде чем издать знаменитую Библию, Гутенберг совершенствовал технологию на индульгенциях. Как ни иронично звучит, мощь печатного станка, выпускавшего индульгенции, разгневала реформатора Лютера, и тот же станок пришел ему на помощь, когда он организовал борьбу против римско-католической церкви.

Современные люди рисуют в своем воображении пламенного монаха, который 31 октября 1517 года прибывает к дверям собора Виттенберга девяносто пять тезисов. Увы, документального подтверждения этого события не существует. Возможно, Лютер почтительно отдал написанную им прокламацию непосредственному начальству и главному обидчику – архиепископу Альбрехту. Еще вероятнее, что он выступил против церковной практики среди коллег и студентов в академической манере, соблюдая все аристотелевские формальности.

В тот день он решительно порвал с нормальными процедурами: свое письмо Альбрехту он подписал именем «Лютер». (Настоящее имя реформатора – Людер). Ранее, по меньшей мере единожды, он использовал похожее по звучанию имя *Eleutherius*, что означает в переводе с латыни «Свободный». Назвав себя «Лютером», он принял сознательное решение, подчеркнув тем самым собственное свободомыслие и свободу от авторитета церкви.

В выдвинутых им девяноста пяти тезисах не было ничего необычного: он и раньше предлагал для обсуждения различные темы. Итальянский теолог Джованни Пико делла Мирандола на некоем заседании обнародовал девятьсот тезисов. В те дни огромная дверь собора служила чем-то вроде доски объявлений; другими словами, девяносто пять тезисов Лютера, должно быть, вызвали не больше ажиотажа, чем объявление об очередном студенческом семинаре.

Скорее всего, Лютер не приколачивал к двери собора свои тезисы, возможно, из-за отсутствия интереса. По словам ученого Пола Грендлера:

Если бы это и произошло, то событием заинтересовалось бы ограниченное число преподавателей и студентов университета, да, возможно, несколько посторонних, понимавших латынь, и они устроили бы диспут на абстрактные теологические темы. Профессор, студенты и случайные наблюдатели несколько часов шумно бы поспорили и ни к чему бы не пришли, как всегда бывает на ежегодной конференции Ренессансного общества Америки. Разница лишь в том, что нынешние ученые не такие горластые и более вежливые.

Ни одного документа, свидетельствующего о «лютеровских» дискуссиях, не сохранилось. То, что начиналось как академический диспут, распространилось в силу внутренней логики документа, немалую роль сыграла личность самого Лютера и его литературный талант. Тем не менее, до изобретения Гутенберга всех этих факторов было бы недостаточно, ибо проповеди Лютера, сколь бы зажигательными они ни были, услышали бы немногие. В данном случае не важно, проповедовал Лютер только на латыни или нет и сильно бы при этом заикался – писал он, как мы теперь знаем, отлично. Вдобавок он быстро запасся типографским оборудованием, а Кранх, один из лучших художников того времени, создал гравюры для текстов Лютера.

Ересь Лютера Льву X, разумеется, не нравилась, и через несколько месяцев он послал своего легата кардинала Каэтана в Аугсбург. От имени папы Каэтан приказал выслать Лютера в Ватикан. Фридрих отказался. Два года спустя Лютер дискутировал в Лейпциге с двумя другими теологами. В этой дискуссии он уничижительно высказывался о церкви, и это так возмутило папу, что он пригрозил Лютеру отлучением, если тот не отречется от своих 95 тезисов. Лютер ответил тремя своими самыми известными сочинениями: «*К христианскому дворянству немецкой нации*», «*О вавилонском пленении церкви*» и «*О свободе христианина*». Папский нунций приказал сжечь эти работы и объявил об отлучении Лютера, а тот, в свою очередь, сжег буллу с этим распоряжением.

В 1521 году император Священной Римской империи Карл V издал Вормский эдикт, осуждавший Лютера. Фридрих Мудрый сделал вид, будто Лютера похитили, на самом же деле спрятал того в

вартбургском замке, хотя, согласно эдикту, Лютера должны были арестовать. Вскоре, однако, Карла отвлекли военные неурядицы на континенте, и он забыл о Лютере.

Лютер продолжал нападки на церковь, поскольку одним из первых понял значение изобретения Гутенберга и воспользовался им в полной мере. Лютер обладал тем, что сегодня называют «преимуществом первого хода». Мы не слишком погрешим против истины, если скажем, что после 1517 года на протяжении нескольких десятилетий Лютер и его сторонники эффективно управляли доминирующим коммуникационным инструментом эпохи; в результате он получил фору, такого преимущества не было у большинства ортодоксальных оппонентов, не понимавших, с чем они имеют дело.

И все же будем справедливы: несколько человек из католической иерархии поняли коммуникационную силу печатного станка. В 1470 году, спустя несколько десятилетий после Гутенберга, германский монах Вернер Ролевинк заметил, что напечатанная исповедь доходит до большего числа прихожан, нежели та, которую читают с амвона. Позднее Иоганн Добнек (истории он больше известен под латинским именем – Кохлеус), возможно, наиболее известный интеллектуальный оппонент Лютера, назвал печатный станок самым благотворным созданием человечества.

Увы, печатная продукция могла дойти до масс только на родном языке, а приверженность церкви латыни создавала препятствие и одерживала победу в борьбе с диссидентами, заполучившими печатный станок. Печатный станок внушал страх даже через сто лет после Гутенберга. Как выразился один из сторонников Лютера, «за один день два человека могли напечатать больше, чем делали двадцать писцов за несколько лет, столько времени удалось высвободить». Другой соратник Лютера восклицал: «Книгопечатание воистину Божий дар!»

В наши дни книги и брошюры печатают на больших станках и доставляют продукцию как соотечественникам, так и читателям всех стран света. В Средневековье наземная дистрибуция была опасной и чрезвычайно дорогой. К тому же стоимость бумаги составляла половину денег, затраченных на производство книги, а вторую половину съедали накладные расходы. Это означало, что от повышения масштабов производства книгопечатание не получало

прибыли: тираж сотен тысяч книг не приносил большей выгоды в сравнении с тиражом в несколько тысяч. При таких условиях разумнее было копировать, переиздавать и перепечатывать книги в каждом городе.

Огромное количество работ Лютера вскоре превысило возможности крошечной типографии Гутенберга, и Лютера это не устраивало:

Вы не можете себе представить, как я раздосадован и возмущен его работой. Зачем я только с ним связался? Он напечатал эти работы столь небрежно, невнимательно, путано, что я убрал эти неряшливые книги с глаз долой. Типограф Иоганн так ничему и не научился!

Лютер вскоре обратился к другому типографу Виттенберга – Мельхиору Лоттеру, работавшему вместе с ювелиром Кристианом Дерингом и художником Лукасом Кранахом Старшим. Деринг оказывал финансовую помощь, художник вкладывал свой талант, высоко ценившийся в ту эпоху визуального. Плодовитость Лютера вскоре превысила возможности Лоттера, Деринга и Кранаха, так что в следующие несколько десятилетий в одном только Виттенберге Лютер обращался еще по меньшей мере к шести типографам.

Выгода от собственной работы Лютера, похоже, не беспокоила, заработал он и в самом деле немного. Деньги его не волновали, он заботился только о качестве напечатанных текстов, которые и вправду часто печатались небрежно. В ту эпоху экономическая выгода зависела не столько от аккуратности и точности, сколько от скорости появления материала, а потому корректура виделась слишком большой роскошью. Несмотря на то, что грамматика Лютера была безупречна, в тексты его книг вкрадывались ошибки, путали и номера страниц, и заголовки разделов, что страшно возмущало профессора из Виттенберга. То, что мы сегодня называем пиратством – *Nachdruck*, – беспокоило Лютера не столько из-за финансовых потерь, сколько из-за невозможности контроля качества. К примеру, по оценке одного ученого, между 1522 и 1526 годом на каждое издание лютеровских работ, осуществленное в Виттенберге и проверенное зорким глазом

автора, пять изданий печатали в других местах, а о контроле и речи не заходило. Однажды Лютер пожаловался:

Я начал работу над [рукописью], и тут какой-то мошенник, сочинитель, живущий за наш счет, крадет мою рукопись, прежде чем я ее закончил, и издает, не обращая внимания на наши расходы и наш труд.

Чтобы предотвратить подобное пиратство, Лютер впервые выступил в защиту интеллектуальной собственности: создал в одобренных им изданиях два товарных знака – «ягненок, потир и флаг» и «роза Лютера». Даже в этом случае, по свидетельству одного ученого, с Лютером работали сорок пять из семидесяти германских первопечатников. Сам он мало заботился о выгоде, однако сделал многих издателей богачами: Мельхиор Лоттер и другой типограф из Виттенберга, Ганс Луфт, считались одними из самых богатых горожан, последнего даже выбрали бургомистром.

В конце 1521 года, все еще скрываясь в вартбургском замке, Лютер принялся за работу, которой занимался до конца своей жизни – перевод на немецкий язык Ветхого и Нового Заветов. Как уже отмечалось, Священная Римская империя не запрещала Библии, изданные на родном языке, так что в этом отношении Лютер не был первопроходцем. До него германские типографы напечатали не менее девятнадцати разных переводов Библии.

За одиннадцать недель Лютер закончил Новый Завет, который переводил с греческого варианта Эразма Роттердамского; эту книгу он украсил двадцатью одной иллюстрацией Кранаха. Делал он все в условиях строжайшей секретности, дабы избежать пиратства. В те времена, когда грамотность еще пребывала на низком уровне, изображения могли донести смысл написанного лучше, чем текст.

Самой вдохновляющей и запоминающейся из гравюр была «Вавилонская блудница», голову библейской блудницы украшала папская тиара, что послужило отличным маркетинговым ходом. Был продан миллион томов Нового Завета на немецком языке (*Das Neue Testament Deutsch*) – поразительная цифра, если принять во внимание, что в Европе проживало около пятнадцати миллионов человек, говоривших по-немецки. Цена тоже имела значение: она зависела от

качества печати и переплета, стоили книги около гульдена, что составляло двухмесячную зарплату квалифицированного рабочего. Покупка действительно дорогая, но для бюргера, думавшего о своей бессмертной душе, идеальная. Кохлеус жаловался:

Так много было напечатано лютеровского Нового Завета, что даже портные и сапожники, женищины и другой простой люд, едва выучившийся читать по-немецки, расхватывали эти книги, словно думали найти там истину. Некоторые прижимали тома к груди и заучивали наизусть.

Ветхий Завет, написанный на древнееврейском языке, был в три раза объемнее, и Лютеру пришлось над ним потрудиться: если посчитать, он работал над переводом одиннадцать лет. (Наибольшие трудности доставила Книга Иова). Задержка позволила подключиться другим людям, так что к 1529 году стало возможно собрать полный немецкий перевод из частей, законченных Лютером, и пропусков, заполненных другими переводчиками. Самой знаменитой стала «лоскутная Библия», изданная Петером Шеффером (сыном партнера Фуста и полного тезки своего отца).

К 1517 году типографы выпускали в год лишь около сотни книг, написанных на немецком языке. Реформация обеспечила неиссякаемый источник публикаций на родном языке: к 1520 году было издано свыше пятисот сочинений, а к 1523-му – почти тысяча. Крошечный Виттенберг сделался издательским центром, в городе работали тридцать семь типографов, издававших книги на немецком языке; превосходили Виттенберг только более крупные города – Кёльн, Нюрнберг, Страсбург и Базель.

До Гутенберга читать и коллекционировать рукописи могли позволить себе только самые богатые и властные люди, другими словами, те, кто знал латынь и мог заплатить. Когда печатный станок довел цену книг до уровня, доступного обычным людям, и когда Лютер дал то, что можно читать, рынок почти автоматически обозначил спрос на книги на родном языке. В 1518 году страсбургские типографы выпустили девяносто пять лютеровских тезисов – столько же на немецком языке, сколько и на латыни. К 1522 году 90 % книг издавали на немецком языке.

Чрезвычайно интересно наблюдать за тем, как повлияла Реформация на общественное мнение; к тому же «физическое присутствие» Лютера придало этому процессу дополнительную остринку. Чтобы точнее узнать, как печатный станок размножал сочинения Лютера, посмотрим на маленький Виттенберг со стороны.

Лучшим местом для наблюдения будет Лейпциг, где местные типографы печатали трактаты Лютера, однако в 1521 году герцог Саксонии Георг Бородатый (сын Альберта и, следовательно, кузен Фридриха) надумал запретить перепечатку лютеровских ересей. Городской совет высказался от имени типографов: «То, что у них есть в изобилии [католические трактаты], никому не нужно и даже не может быть роздано».

Еще одним местом для наблюдения является Страсбург. Начиная с 1480 года городские типографии, нуждавшиеся в наборщиках и редакторах, привлекали лучших специалистов в Европе. После Мартина Лютера наследники этой интеллектуальной традиции создали первую по-настоящему публичную систему начального школьного образования с тем, чтобы в первую голову их питомцы воспользовались плодами обучения и могли читать изданные тексты. А церковь, желавшая удерживать монополию на толкование Священного Писания, всячески мешала.

Главным оружием реформаторов в Страсбурге были не длинные тексты Лютера, и даже не Библия, переведенная на родной язык, а, скорее, «летающие записки» (*Flugschriften*). Брошюры эти были весьма коротки, в среднем четыре кварто, то есть тридцать две печатные страницы. Типографы могли печатать их на маленьких печатных станках, быстро и дешево, с минимумом украшений и иллюстраций, по два пфеннига за кварто или восемь пфеннигов за средний трактат, что составляло малую часть дневного заработка, приблизительно цену килограмма мяса. Впервые в истории обычные горожане получили возможность купить трактаты, посвященные религиозным вопросам, новостям и политике.

Еще более эфемерными и почти невидимыми для истории из-за «нематериальности» стали афиши, напечатанные на одной странице, и листовки, которые сделались настоящим идеологическим оружием шестнадцатого века в религиозном конфликте между протестантами и римско-католической церковью. Обычно их развешивали на городских

воротах и дверях храмов, эти листовки проживали жизнь, измеряемую неделями, днями, даже часами, и типографы выпускали их миллионами. Типичный эпизод произошел в 1534 году – это так называемое *affaire des placards*, дело о листовках, разоблачавших мессу. Напечатал их, предположительно, типограф из Невшателя, листовки распространили по всей Франции, даже король Франциск I нашел одну такую листовку у дверей собственной спальни, и в результате началось жесткое преследование еретиков.

В наш информационный век трудно вообразить, какую сенсацию вызвала новая технология. На протяжении всего Средневековья грамотность оставалась на низком уровне – менее 10 процентов. Средний горожанин узнавал о произведениях Лютера, только когда одобрявший Лютера священник читал их вслух.

При всем этом печатный станок, должно быть, придал мощный импульс обучению чтению. Возможно, самой близкой аналогией можно назвать рост «компьютерной грамотности», пришедшей вместе с появлением дешевых компьютеров. Поколение назад крошечный процент населения имел дело с аппаратным и программным обеспечением компьютера, с оперативной памятью, винчестером, микропроцессором, архитектурой файловых систем, файловыми форматами, то есть со всеми концепциями, которые стали второй натурой большинства граждан развитых стран. Примерно так же появление кварто ценой два пфеннига сильно воодушевило европейских крестьян и ремесленников, и они захотели научиться читать.

Эти брошюры и листовки обратились в хлеб с маслом для большинства маленьких типографий, поскольку тексты можно было быстро напечатать и продать. Ученые подсчитали, что до 1530 года германские типографии издали около десяти тысяч разных *Flugschriften*, три четверти которых были напечатаны в десятилетие за лютеровскими девяноста пятью тезисами. Один только Лютер написал около двух тысяч коротких текстов. То, что 20 % всего объема написанного в шестнадцатом веке на немецком языке (вдвое больше «продукции» всех евангелистов, среди которых, например, Ульрих Цвингли) есть плод усилий одного человека, доказывает литературную и идеологическую мощь Лютера. Взять, к примеру, такое произведение, как «*K христианскому дворянству немецкой нации*» —

за три недели продали четыре тысячи экземпляров, а в следующие два года оно выдержало тринадцать переизданий. Некоторые из лютеровских трактатов были так популярны, что, по словам современника, их «не столько продавали, сколько расхватывали». Тот, кто хочет понять причину харизмы Лютера и его влияния, может больше не искать ответов: никогда еще ни одно сочинение не доходило так быстро до стольких людей и на такое расстояние, и никого ни раньше, ни впоследствии так много не издавали на одном из главных европейских языков. Пусть Роулинг обзавидуется!

При среднем тираже от 1000 до 1500 экземпляров лютеровские брошюры доходили, по меньшей мере, до двух миллионов человек – их читали вслух, перепродавали или просто передавали семье, друзьям и знакомым, и этого было вполне достаточно, чтобы о них узнали все люди, говорившие по-немецки. Вальденсы могли распространять свою идеологию на тысячи миль, но на это уходили годы, слово передавалось вслух, от человека к человеку. Печатный же станок впервые дал возможность написанному тексту дойти до народа за недели и даже за дни. Лютер сознательно выстраивал приоритеты. Когда один из его коллег-реформаторов Мартин Буцер из Страсбурга раскритиковал Лютера за то, что тот не ездит с проповедями по стране, Лютер ответил коротко: «Мы проповедуем книгами».

Римско-католическая церковь ответила на атаку единственным способом, который знала: с помощью цензуры, запугиваний и наказаний. Упомянутый Георг Бородатый скупил столько экземпляров лютеровского Нового Завета, сколько смог, дабы прилюдно сжечь. Но череда проскрипционных списков, указов и комиссий не смогла запрудить литературный поток; в 1527 году Георг даже казнил типографа Ганса Хергота из Нюрнберга. В 1579 году император Священной Римской империи учредил во Франкфурте императорскую книжную комиссию. Она тоже не справилась с задачей. Если уж властям никак не удавалось остановить издание лютеровских Библий и трактатов, то с брошюрами, которые гораздо легче напечатать и припрятать, справиться было совершенно невозможно. На каждый католический город, в котором запрещалась распечатка лютеровских текстов, находился город протестантский, готовый удовлетворить духовные потребности населения.

Многочисленные мелкие германские государства – протестантские и католические, при этом независимые – легко преодолевали цензуру. Даже католическая Франция, с относительно единым правительством, по крайней мере, на то время, не могла справиться с этим мощным потоком. В то время как королевские эдикты устанавливали драконовские правила, регулировавшие все виды публикаций, при отсутствии надежных коммуникаций и национального «комитета безопасности» эти правила можно было не соблюдать – разумеется, до той поры, пока не поймут на «горячем».

Мудрый французский печатник шел навстречу начинающим: не сообщал на титульном листе адрес, а иногда и имя. Авторы и издатели могли скрыть ересь в тексте, казавшемся на первый взгляд ортодоксальным. Типографы, как и современные наркобароны, научились перекладывать риски на других, особенно на разносчиков книг (*colporteurs*), на продавцов в книжных лавках, контрабандным путем сбывавших запрещенные книги во все уголки королевства и даже в сам Париж. Мелких нарушителей арестовывали и сжигали, но сами типографы редко подвергались наказанию. Во всяком случае, к 1530 году цензуре во Франции пришел конец, ибо в том году в Невшатель вошел пламенный проповедник Вильям Фарель – он выгнал священников, отменил мессу и учредил протестантскую прессу. Пять лет спустя он проделал то же в Женеве, после чего наводнил Францию реформаторской пропагандой.

Издание столь огромного количества книг, написанных на родном языке, текстов, доступных массам, осуществлялось по всей Германии. Типографы остальных стран Европы самовольно переиздавали эти работы. Широкая доступность новой технологии давала диссидентам преимущество в борьбе с католической церковью. Ни церковные, ни светские власти не могли контролировать большинство национальных типографий. Хотя католическая церковь была не такой уж беспомощной, она уже не обладала подавляющим превосходством, рожденным грубой силой; монополии на печатное слово у нее не было, а о монополии на врата к раю и аду и речи идти не могло. До Гутенберга тот, кто осмеливался бросить вызов церковному авторитету, был обречен на поражение. Зеркальщик из Майнца улучшил шансы тех, кто бросал вызов, хотя и не установил единые правила игры^[63].

Католической церкви понадобились целые десятилетия, чтобы дать вразумительный ответ новым технологиям. Хотя церковь обладала неизмеримо большими ресурсами, бунтовщики в пять раз ее опережали. Дело в том, что около половины католических текстов издавалось на латыни, и это вряд ли был лучший способ достучаться до сердец и умов простого населения. Хотя местные правители цензурировали какие-то тексты, большинство городов и многие типографы удачно вершили бизнес: их книги раскупали как католики, так и лютеране. Страсбург, один из крупных лютеранских типографских центров, выпускал большое количество католических трактатов. Даже когда местный правитель полностью цензурировал прессу своего города, политические победители быстро меняли «атмосферу». Так произошло, когда в 1539 году умер Георг Бородатый: Лейпциг переметнулся в диссидентский лагерь, и его типографы снова стали печатать лютеранские трактаты.

Большим преувеличением было бы сказать, что реформация – дитя Гутенберга; в конце концов, реформацию провозглашали вальденсы, лолларды и гуситы. Ясно, что если бы у какого-то из этих трех движений был печатный станок, они ввели бы протестантизм или другое близкое к нему направление в религии на столетия раньше Лютера. Случилось так, как случилось: судьба в лице Иоганна Штаупица назначила Мартина Лютера мухой, разбудившей сонный город. Лютер окончил университет и получил печатный станок, которому позавидовали бы его английские, французские, итальянские, германские и чешские предшественники. Если бы Лютер никогда не написал свои девяносто пять тезисов, печатный станок позволил бы вскоре какому-то другому диссиденту сделать эту работу, ибо католическая церковь созрела для реформ. Как писала историк Элизабет Эйзенштейн:

Даже если бы Лютер, Цвингли и другие умерли в колыбели, к печатным станкам обратились бы другие реформаторы, чтобы провести в жизнь пастырские чаяния и евангелические проповеди.

Финальная часть нашего рассказа о технологии и религиозной реформе шестнадцатого века посвящена английскому современнику

Лютера, чье знакомство с иностранными языками оказало грандиозное влияние на его родной язык.

Уильям Тиндейл сильно выделялся даже на фоне утонченных людей, говоривших на трех языках (*homo trilinguis*). Родился он примерно в 1494 году в графстве Глостершир среди холмов Котсуолд, возможно, самого красивого места в Англии. Он вырос среди овчаров и, что еще важнее, торговцев шерстью. Так юный Уильям узнал то, чего не знало большинство его соотечественников – что за английскими берегами есть целый мир, и в нем говорят на разных языках. Со временем он освоил не только три классических языка, но также и четыре великих европейских языка торговли – французский, немецкий, испанский и итальянский.

Чтобы понять талант Тиндейла, который он выказал при переводе Библии, понять воздействие этого перевода на английскую религиозную политику, нужно разобраться в лингвистической истории Библии. Новый Завет почти целиком написан на лингва-франка Восточной Римской империи – на греческом языке, хотя и включает в себя фрагменты на арамейском и древнееврейском. Старейший из сохранившихся экземпляров Ветхого Завета – второго или третьего века до н. э. (Септуагинта) – также написан на греческом, но источник его – древнееврейский с некоторыми вкраплениями арамейского языка.

Еще более запутывает дело то обстоятельство, что старейший из уцелевших экземпляров Ветхого Завета на древнееврейском, то есть на языке оригинала, датируется девятым или десятым веком новой эры. С тех пор, как были написаны первые его главы, прошло более тысячи лет, и минуло двенадцать столетий с того момента, когда ученые Александрии представили более известную греческую версию Ветхого Завета. Этот древнееврейский текст в Раннем Средневековье был представлен в Палестине и Вавилоне масоретами, еврейскими учеными, известными как хранители Писания (вместо гласных букв они подставляли точки, о чем повествуется во вступлении к данной книге). Хотя текст масоретов написан через тысячу лет после греческой Септуагинты, он отлично согласуется с несколькими дошедшими до нас дохристианскими древнееврейскими библейскими фрагментами, такими как свитки Мертвого моря.

Более точные и красивые переводы Ветхого Завета выполнены с текстов, написанных на языке оригинала, так что переводчикам нужно

начинать с текста масоретов, а в случае с Новым Заветом следует обратиться к греческой версии. Лучшие переводчики уверенно чувствуют себя как в родном, так и в иностранном языке, и Тиндейл отвечал этому критерию как никто другой. Уиклиф, в отличие от него, переводил Библию опосредованно, через третий язык – Вульгату [латинский перевод Священного Писания, восходящий к трудам Блаженного Иеронима], так что его тексту не достало живости. Лютер переводил Новый Завет на немецкий с древнегреческого текста Эразма, а Ветхий Завет – с древнееврейского текста масоретов. Эразм не доставил ему хлопот, а вот с масоретами пришлось туго.

Чикаго, крупнейший транспортный узел Северной Америки, преподавал своим соотечественникам стандарт произношения, столь ценимый на радио и телевидении. Такую же роль сыграл Глостершир как торговый центр Англии, а потому Тиндейл заставил греческий язык Ветхого Завета и древнееврейский Нового Завета говорить на богатом, но нейтральном английском языке, уважаемом большинством соотечественников, на каком бы диалекте те ни говорили.

Глостершир оказался к тому же плодородной почвой для идеологии Уиклифа и лоллардов, а коммерческие связи семьи Тиндейла предоставили Уильяму необходимые средства для учебы в Оксфорде, альма-матер Уиклифа, а также для знакомства с европейскими диссидентами, включая – на короткое время – самого Лютера в Виттенберге. (Говорят, что брат Тиндейла Эдвард был одним из богатейших и уважаемых торговцев Глостершира.)

В 1515 году Тиндейл получил в Оксфорде степень магистра, в том же году Лев X издал печально знаменитую буллу об индульгенциях. Тиндейл вернулся домой в Глостершир и служил обыкновенным священником при доме местного аристократа, сэра Джона Уолша, одновременно наставляя детей Уолша. По общим отзывам, Тиндейл очаровал нового патрона эрудицией и набожностью, а особенно – переводами теологических сочинений Эразма с латинского языка. В то же время Тиндейл испытал на себе враждебность священников, старше его годами, но не отличавшихся особыми способностями: Уолш, восхищенный талантами Тиндейла, перестал приглашать этих священников к своему роскошному столу.

Тиндейл не растерялся и назвал эту старую гвардию «грубыми и абсолютно невежественными пасторами, видевшими латынь только в

молитвенниках». В 1522 году неугомонные старцы вызвали его к местному судье, чтобы Тиндейл ответил на выдвинутое против него обвинение в ереси. Тиндейл легко все опроверг.

В своем мнении о предшественниках Тиндейл был не одинок. По отзыву священника-реформатора Джона Хупера, множество священнослужителей не знали, сколько всего существует заповедей и в каком месте Библии они записаны; встречались и такие, кто не мог наизусть прочитать «Отче наш». Уиклиф боролся против церковной иерархии, рвущейся в политику; Лютер воевал с алчностью священников, а Тиндейла возмущала их тупость. По меньшей мере, поначалу Тиндейл не собирался разоблачать авторитет церкви, он лишь хотел дать доступ к Писанию обычному человеку, а в качестве дополнительного бонуса – «вразумить» английских священников. «Книга мучеников» Джона Фокса, протестантский пропагандистский трактат Позднего Средневековья, рассказывает, как Тиндейл вступил в спор с ортодоксальным священником: тот утверждал, что слово папы важнее закона Бога, на что Тиндейл ответил:

Я отвергаю папу и все его законы! Если Господь даст мне еще пожить, то не пройдет и несколько лет, как я послужу тому, чтобы каждый человек, работающий на ферме и вспахивающий поля, знал Писание намного лучше, чем папа!

Тиндейл уже выполнил несколько переводов Писания и религиозных трактатов, но перевод всей Библии требовал не только финансов, но и политического прикрытия, иначе его обвинили бы в ереси. Епископ Лондона Катберт Танстолл являлся, похоже, самой надежной защитой Тиндейла, поскольку был его приятелем и ученым. Танстолл учился в Оксфорде вместе с некоторыми интеллектуалами, представителями римско-католической церкви, включая Томаса Мора, и в Падуе, где подружился с Альдом Мануцием, основателем одной из самых крупных типографий Венеции. Вдобавок Танстолл был выдающимся математиком, прославился отзывчивостью и добротой; в его епархиях почти никого не казнили на костре, даже при одиозной королеве Марии.

Увы, Тиндейлу Танстолл отказал, пусть и вежливо. Почему он так поступил, неясно, но, скорее всего, дело было в турбулентной

английской политике, в гуще которой находился Танстолл – ведь, ко всему прочему, он был лордом-хранителем печати и не хотел без необходимости брать на себя политический риск из-за горячего, молодого клирика, сколь бы тот ни был талантлив.

Отказ Танстола озадачил и расстроил Тиндейла; в конце концов, к 1523 году Библию в Германии перевели десятки раз, а за год до чрезвычайно успешного перевода лютеровского Нового Завета Писание перевели на французский, голландский, испанский и даже на португальский язык, находившийся на низшей ступени иерархии национальных грамматик в представлении европейца того времени. Более того, появилось официальное разрешение переводить Библию на родной язык. Одаренный переводчик, Тиндейл был задет: «его» церковь проявила страшную отсталость, запретила английскую Библию.

К 1523 году новость о Лютере и о переведенном им на немецкий язык Новом Завете дошла до Лондона. Тиндейл, похоже, через свою семью имел контакты с колонией германских торговцев тканями, живших поблизости от Тауэра. Диссидентом на ту пору он не был и в Германию поехал, вдохновленный переводом Лютера, а не идеологией^[64].

Следующее десятилетие Тиндейл провел в путешествиях по северу Европы, переводил, публиковал и скрывался от английских преследователей.

Для отъезда в Германию имелась еще одна причина: даже если бы Танстолл взял Тиндейла под свое крыло, немногочисленные англичане, занимавшиеся типографским делом после смерти Уильяма Кекстона в 1491 году, из-за недостатка средств и материалов не могли издавать красивые книги, приводившие в восторг читателей на континенте. Тиндейл разъезжал по крупным северным европейским городам; налаженные связи с Глостерширом позволяли бойко торговать текстилем, да и торговля книгами велась весьма активно.

Первым в дорожной карте Тиндейла стоял Кёльн, но ему там сразу же не повезло: вместе со своим помощником Уильямом Роем он выбрал типографию некоего Петра Квентеля, которому случалось работать и на Кохлеуса, самого яростного критика Лютера. Кохлеус напоил нескольких печатников Квентеля, и те проговорились, что Тиндейл и Рой заплатили им, чтобы они напечатали три тысячи

экземпляров английского Нового Завета. Об этом тотчас стало известно Генриху VIII, и он распорядился арестовать в Кёльне еще не законченную работу. Двух преступников, по всей видимости, предупредили, и они бежали в Вормс вместе с листами кварто, текст на которых обрывался посреди Евангелия от Матфея. В Вормсе они закончили свой Новый Завет, и в 1526 году Петер Шеффер его опубликовал.

Первый Новый Завет Тиндейла, изданный на греческом и английском языках, представлял собой сравнительно простой фолиант без декораций; истинная красота его заключалась в прозе Тиндейла, который использовал живой разговорный английский язык. Многие выражения из этой книги до сих пор звучат в нашей речи: «Ищите и обрящете», «Никакой слуга не может служить двум господам», «Просите, и дано будет вам».

Новый Завет Тиндейла дошел до Англии в 1526 году, два года спустя за ним последовала «Притча о нечестивой мамоне», проповедь, в которой Тиндейл в доктринальных вопросах впервые пошел вслед за римско-католической церковью, хотя и косвенно: путь к спасению, писал он, заключается в вере, а не в добрых делах.

Его книги оказались страшно популярными: это был не просто запретный плод, а красиво написанный запретный плод. Небольшие листы кварто легко переправлялись в Англию контрабандой. Делали это просто: страницами Тиндейла, по одной, перекладывали листы других фолиантов, а потом собирали их воедино. Германским типографам и английским агентам доставалось мало денег за печать, контрабанду и продажу маленьких книжек, зато читатели были в восторге, а клирики страшно злились.

Английская церковь издала указ: не только могущественный лорд-канцлер кардинал Томас Уолси и архиепископ Уильям Уорхем, но даже Танстолл требовали, чтобы император Священной Римской империи арестовал Тиндейла, Роя и торговца по имени Ричард Герман. Властям удалось схватить только несчастного Германа. В Англии ожидали худшего; любой человек, пойманный с томом Нового Завета Тиндейла или с его «Притчей», рисковал умереть в страшных мучениях: могли вздернуть на дыбу, похоронить или сжечь живым, последняя казнь до той поры редко применялась, даже по отношению к обычным преступникам. В Антверпене Тиндейл был в безопасности, но он

беспокоился, его ужасало массовое уничтожение книг, особенно Нового Завета: трудно было поверить, что английская церковь способна сжечь слово Господа.

Танстолл волновался еще больше, его угнетала собственная неспособность контролировать скандальные тиражи Тиндейла. По слухам, епископ посетил Антверпен и сказал английскому торговцу Августину Пекингтону, что в Англию с континента идет поток еретической литературы. Пекингтон с лукавой смешинкой в глазах ответил, что знает, где Танстолл может купить все то, что хочет предать огню. Купец рассказал о своем разговоре Тиндейлу, и тот был очень доволен. Он сказал:

Я спрошу с него денег за эти книги, чтобы расплатиться с долгами, а весь мир возмутится тем, что сжигают слово Божие. Излишек денег позволит мне откорректировать перевод Нового Завета и напечатать еще один тираж.

Увы, не успел епископ купить и сжечь книги, как в Англии появился свежий тираж Нового Завета Тиндейла. Епископ призвал Пекингтона и потребовал объяснить, как это случилось; торговец ответил, что, вероятно, напечатали еще, и предложил Танстоллу купить пуансоны и шрифт. Поняв, что его провели, Танстолл раздраженно воскликнул: «Ну ладно, Пекингтон, ладно!» и ушел прочь.

Едва Тиндейл приехал на континент, он тотчас принялся за перевод Ветхого Завета, но, как и Лютер, обнаружил, что это гораздо труднее, нежели перевести Новый Завет. Тиндейл быстро понял, что не в полной мере владеет языком оригинала – древнееврейским, ибо в начале 1500-х годов в Англии имелось лишь несколько разрозненных текстов на этом языке.

Самым логичным местом для изучения древнееврейского языка Тиндейл счел Виттенберг: ведь Лютер сделал городок научным центром, где занимались древним языком, тем более что ему самому это облегчало работу над переводом Ветхого Завета на немецкий. Имеются свидетельства, что Тиндейл и вправду ездил в Виттенберг вскоре после того, как покинул Англию, возможно, в 1525 году. Похоже, что Лютер и Тиндейл встречались там; хотя несколько

историков говорят об этом событии как о достоверном факте, сами фигуранты о встрече умалчивают, так что истину мы, скорее всего, не узнаем.

Несмотря на то, что Лютер занимался древнееврейским языком, у Тиндейла имелось два преимущества перед немецким коллегой. Во-первых, он был сверхъестественно талантливым лингвистом. Во-вторых, в отличие от немецкого, греческого, латинского и романских языков, в синтаксическом построении фраз древнееврейский и английский во многих отношениях почти идентичны. Это грамматическое сходство любопытно, поскольку древнееврейский язык удален от английского гораздо больше, чем греческий и другие европейские языки.

Как бы там ни было, это сходство часто позволяет делать почти дословный перевод, а потому трогательная древнееврейская проза Ветхого Завета, отполированная до блеска древними израильтянами и средневековыми масоретами, звучит на английском языке не менее волнующе. Тиндейл сам восхищался тем, как красиво звучит на английском языке Писание иудеев:

Свойства древнееврейского в тысячи раз лучше согласуются с английским языком, нежели с латынью. Сам строй языков похож, так что во многих местах не требуется ничего, кроме как переводить слово за словом, в то время как с латынью нужно потрудиться, дабы удачно перевести – достичь свойственных древнееврейскому языку благодати и сладости, смысла и чистоты понимания.

По этой причине многие фразы Ветхого Завета Тиндейла (большая часть которого перенесена почти без изменений в позднюю авторизованную Библию короля Якова) украшают современный английский язык. Мы забываем их происхождение: «разбитое сердце», «капля в море», «ложка дегтя в бочке меда», «сторож брату моему», «старо, как мир», «белый, как снег», «горбатого могила исправит» и т. д. По словам наиболее авторитетного современного биографа Тиндейла Дэвида Дэниела, «когда читаешь Книгу Левит, кажется, что перед тобой открывается дорога через внезапно отмытое ветровое стекло».

Работая над Библией, Тиндейл то и дело вступал в конфликт с сэром Томасом Мором. В 1521 году Генрих VIII призвал Мора на помощь в пропагандистской войне против Лютера, ересь которого достигла английских берегов. Вражда Генриха и Лютера набирала обороты и раскалялась. Лютер назвал короля «свиньей, болваном и лжецом», а Мор, в свою очередь, обозвал Лютера «обезьяной и пьяницей».

К концу 1520-х годов изменился английский религиозный и политический ландшафт: папа отказал Генриху VIII в разводе с Екатериной Арагонской. Король хотел развестись с ней по причине отсутствия наследника по мужской линии. Поскольку Уолси не сумел добиться разрешения на развод, следующим лорд-канцлером стал Томас Мор.

К этому времени Тиндейл в глазах Мора встал на одну доску с Лютером. В 1531–1532 годах Лютер и Мор вступили друг с другом в письменную полемику, одно послание Мора состояло из полумиллиона слов. Увы, в 1532 году Мор впал в немилость, поскольку отказался поддержать акт Генриха о супрематии, провозглашавший короля верховным главой церкви; в 1535 году он лишился головы, и нация раскололась: наступило долгое и яростное противостояние протестантизма и католицизма. В Европе тем временем Тиндейл продолжал работу над Ветхим Заветом и редактировал Новый Завет. Перевод он закончил примерно в 1534 году, и вскоре книги устремились в Англию.

Весной 1535 года Тиндейл жил в «английском доме» в Антверпене, в этой гостинице останавливались британские купцы и другие англичане. Тиндейл по-прежнему трудился над Ветхим Заветом. К тому времени крови его жаждала уже далеко не вся политическая Англия. В случае удачи он мог бы дожить до старости, однако поссорился с беспутным молодым аристократом Генри Филлипсом, укравшим состояние отца и проигравшим эти деньги в карты. Чтобы расплатиться, Филлипс выдал Тиндейла императору Священной Римской империи Карлу V. После того как Тиндейл пятнадцать месяцев отсидел в тюрьме близ Брюсселя, тюремщики императорской католической крепости ритуально лишили его всех атрибутов священника, после чего задушили, а тело сожгли. У ортодоксального Карла V и в самом деле имелась причина устранить

Тиндейла, зато Филлипса или агентов императора, скорее всего, подговорил епископ Лондона, ярый папист Джон Стокли.

К моменту гибели Тиндейл отредактировал Новый Завет, а также перевел и опубликовал первые пять книг Ветхого Завета (Пятикнижие, то есть Тору). Вдобавок, он, вероятно, перевел, но не опубликовал, по меньшей мере, половину всего остального. Увы, он не перевел Псалмы, чем сделал беднее мировую литературу.

Вскоре после его смерти в Англии появилось много английских Библий, по большей части основанных на переводах Тиндейла. Самой знаменитой из них стала «Большая Библия» (так ее называли из-за размера, в нее входили полные версии английской Библии и латинской Вульгаты), напечатал этот том епископ Эксетерский Майлс Кавердейл. Он не знал ни древнееврейского, ни греческого языков и использовал, насколько возможно, переводы Тиндейла, как опубликованные, так и неопубликованные. Те тексты, что Тиндейл не успел закончить, Кавердейл перевел с немецкого языка, воспользовавшись лютеровской Библией.

Через двадцать лет после смерти Тиндейла и Мора протестантский архиепископ Томас Кранмер начал распространять Библию Тиндейла. Неистовая католичка королева Мария I приговорила Кранмера к сожжению, но через несколько лет после его мученической смерти новая королева Елизавета I привела маятник в более или менее равное положение между двумя полюсами: в Англии остались епископы и архиепископы, однако папе они не подчинялись.

Когда в 1603 году на английский престол взошел Яков I, он приказал издать «авторизованную» Библию короля Якова, и в 1611 году ее опубликовали. Эта Библия переиздавалась 1769 раз, она по сей день считается образцом. Ученые подсчитали, что приблизительно 80 % ее текста являются переводами Тиндейла, сделанными в 1522–1535 годах.

Лютер и Тиндейл обуздали «жесткую силу» ведущей коммуникативной технологии своего времени – печатного станка – и бросили вызов существовавшему религиозному и политическому порядку. Одного этого, однако, оказалось недостаточно. У обоих в достатке была и «мягкая сила»: у Лютера – исключительный литературный талант, а у Тиндейла – необычайная способность к языкам. В современной терминологии необходимы контент и медиа, а

печатный станок, поставивший процесс на промышленную основу, позволил Лютеру и Тиндейлу распространять убедительный контент, чего не смогли сделать вальденсы, лолларды и гуситы.

Пытаясь одержать победу над самой мощной политической силой в Европе – римско-католической церковью, – Лютер, конечно же, использовал комбинацию жесткой и мягкой силы. В дополнение к диссидентским трактатам Лютер перевел Библию на родной язык, и ему удалось вырвать из рук церкви ревностно охраняемую прерогативу – монополию на интерпретацию Писания и на врата к вечной жизни.

Тиндейл сделал то же самое для английских читателей. Не так резко, но столь же мощно он изменил весь письменный язык. Как сказал профессор Дэвид Дэниел, «без Тиндейла не было бы и подлинного Шекспира, а сегодняшний разговорный английский язык был бы намного беднее».

Истории жизни Лютера и Тиндейла демонстрируют еще один закон: доступ прессы к власти зависит от политической географии. В разрозненном и децентрализованном пространстве Европы, особенно на территории Священной Римской империи, ни один правитель не мог контролировать все типографии. Если герцог Георг или даже Генрих VIII не позволяли издавать у себя бунтарские брошюры и книги, то торговцы книгами и контрабандисты легко могли доставлять их из мест, отличавшихся большей веротерпимостью.

Из жизнеописания Лютера и Тиндейла можно сделать и такой вывод: способность печатного станка расширить масштаб коммуникации, увеличив тем самым его мощь, доказывает значение потенциала медиа. Печатный станок в руках политического или религиозного диссидента дает возможность «перекричать» власть.

Это же можно сказать и обо всех других средствах коммуникаций, описанных в данной книге. Написанная от руки брошюра или рукопись вряд ли получат широкое распространение, но по сравнению со словом, произнесенным вслух, у них большие перспективы. Один листок папируса могут прочесть в течение столетий тысячи человек, а усердно выбитую на камне надпись за тысячу лет прочтут миллионы. Пойдем дальше: даже простые множительные технологии, такие как магнитофон или копировальная бумага, пусть они позволяют сделать за раз лишь несколько копий, способны распространить послание экспоненциально.

В современном мире деспоты, управляющие крупными унитарными государствами с относительно хорошо защищенными границами, такими как Китай, Советский Союз и нацистская Германия, смогли остановить высокоскоростные печатные станки. Оказалось, что следующая великая технология, электронная техника, повлиявшая на мировой политический баланс и закодировавшая письменный и устный язык, помогла тоталитарным государствам усилить контроль над гражданами, что привело к ужасным последствиям как для них, так и для всего мира.

Глава шестая

Подконтрольный пресс

Потрясающей новостью 1492 года стало не отплытие Колумба, приведшее к величайшему географическому открытию, и даже не изгнание евреев из Испании, а падение стокилограммового метеорита близ деревни Энзисхейм в Эльзасе. Это было первое широко описанное инопланетное явление. На протяжении столетий музеи всего мира старались добыть фрагменты внеземного пришельца; в ратуше Энзисхейма до сих пор хранится камень весом примерно в 45 кг.

Прославила падающую звезду гравюра, опубликованная немецким гуманистом Себастьяном Брантом, на ней запечатлен объект, летящий по западно-восточной траектории. К изображению прилагался текст на латинском и немецком языках с описанием события. Латинский текст, язык ученых, рассказывал о природном феномене и метеоритах, о которых было известно с античных времен. В то же время текст, написанный на немецком языке, призывал императора Священной Римской империи Максимилиана I обратить все зло, предвестником которого является метеорит, на французского короля Карла VIII, разорвавшего брачный контракт с дочерью императора.

Письменный доклад Колумба после возвращения в Европу в 1493 году сделался со временем достоянием общественности, но, в отличие от метеорита Энзисхейма, не произвел большого впечатления. В конце пятнадцатого века европейские путешественники то и дело открывали «новые острова», к тому же Испания не являлась издательским центром Европы. Брант не торопился обнародовать первое путешествие Колумба вплоть до 1497 года.

Флорентийский дворянин Америго Веспуччи, совершивший в 1499–1503 годах четыре плавания на запад при «спонсорстве» Португалии и Испании, стал благодаря прессе намного известнее. После своих путешествий он не вернулся во Флоренцию, а оставался в Испании и Португалии, оттуда писал на родину семье своего старого патрона Лоренцо Медичи, а также другому дворянину, Пьеро

Содерини. Писал Веспуччи и в Италию, находившуюся поблизости от издательских центров Европы; тем самым он привлек к себе больше внимания, чем Колумб. Вот так и получилось, что континенты западного полушария называются с тех пор Северная и Южная Америка, а не Северная и Южная Колумбия.

Разное отношение к путешествиям Колумба и Веспуччи выявило главную проблему новостного бизнеса. Приняв за аксиому то, что газеты обладают властью, заключаем, что суть в прерогативе, в том, что они выбирают для публикации. Однако в те времена, изголодавшиеся по информации, газетчикам выбирать было не из чего. Те газеты и сравнивать невозможно с такими колоссами, как пресс-империи Херста или Анненберга. Газетчики пятнадцатого века зависели от тех, кто их снабжал информацией, а были это в основном путешественники и моряки с торговых и военных кораблей.

На протяжении четырех столетий после Гутенберга печатные материалы оставались исключительной роскошью. Средний человек мог накопить на семейную Библию или даже на календарь, но газета, которую приходилось выбрасывать через неделю или через месяц, представлялась чем-то экстравагантным. Она зависела от прямых правительственных или, как в США, непрямых субсидий в виде объявлений политических партий и местных правительств, контролировавших эти партии. А поскольку газеты того времени не могли похвастать занимательной информацией, откуда было взяться читателям?

Газеты по своей природе требуют большого стартового капитала, и это сказывается на тираже. В первые несколько веков после рождения прессы публикация в Европе целиком и полностью зависела от правящих элит, и даже покупка всего одной широкополосной газеты оставалась уделом богачей.

В девятнадцатом веке, вместе с развитием грамотности, дешевая бумага из древесной массы и высокоскоростные паровые печатные станки впервые сделали газеты доступными обычному гражданину. По иронии судьбы, более высокая цена, затрачиваемая на изготовление новой газеты, сужала возможности обычных граждан, не способных тягаться с типографиями, выдававшими десятки тысяч газет в час. Стоимость новых станков была не по карману обычному гражданину, а потому государству стало еще проще контролировать сравнительно

небольшое число типографий; особенно ярко это проявлялось в Советском Союзе и нацистской Германии.

Что представляет собою газета? По современным стандартам, конечно же, не разрозненную брошюру, описывающую падающую звезду, открытие нового острова или даже новой земли. Ближе к современной газете могут быть «куранты», нерегулярно или регулярно выходившие брошюры, появившиеся в семнадцатом столетии в Северной Европе, в частности, в Нидерландах.

Большая часть историков современной печати отдают дань уважения французскому врачу Теофрасту Ренодо, издателю первой регулярной газеты, освещавшей различные вопросы. История его газеты демонстрирует, что между доступом к печати и властью существует неразрывная связь, что очевидно на примере лучше всех на тот момент организованного национального государства – Франции, где корона контролировала нарождавшуюся прессу.

Хотя Ренодо получил медицинское образование в провинциальном Монпелье, в 1606 году он приехал практиковать в Париж – по тем временам это сродни покорению Бродвея провинциалом. Он обратил на себя внимание кардинала Ришелье, блестящего первого министра Людовика XIII. Вскоре Ренодо стал личным врачом кардинала и короля.

Он быстро воспользовался своим влиянием, чтобы заняться различными социальными стратегиями, в том числе помощью бедным, включая бесплатное медицинское обслуживание; организовал *bureau et de rencontre*, то есть службу занятости для парижан, оставшихся без работы. Что еще удивительнее для того времени, под крышей своего бюро он проводил еженедельные научные конференции, посвященные медицине и другим наукам. Ренодо хотел организовать публичные семинары в качестве «интеллектуального тоника» для государственных служащих и приводил сравнение: голодающий, перед которым стоит выбор – между реальной пищей (то есть фактами) и абсолютно бесполезными в питательном отношении слухами и инсинуациями.

Короче, история надеяться не могла на появление столь непредубежденного, щедрого и патриотичного человека, взявшегося за

учреждение первой настоящей газеты. Увы, хотя сам Ренодо служил народу, его «*Gazette*» служила власть имущим.

На момент основания «*Gazette*» во Франции выходило несколько периодических изданий, среди них официальные сообщения королевской типографии, печатники которой отличались высокой квалификацией, необходимой для публикации документов. Издание «*Canard*» представляло собой перечень нерегламентированных сообщений о текущих событиях и придворных сплетен – чем сенсационнее, тем лучше; «*Relations*» походило на «*Canard*», однако затрагивало в основном дипломатические казусы, то есть ориентировалось на специфическую аудиторию; «*Annuel*» попросту пересказывала простым языком придворные события.

Ришелье, и сам недурной писатель, понимал потенциал пера и прессы, а потому, пригласив к себе Ренодо в качестве заместителя по пропаганде, сделал правильный выбор. При явной поддержке кардинала и с молчаливого одобрения короля первый выпуск «*Gazette*» появился 30 мая 1631 года. Через полгода король уже не скрывал своего интереса и предоставил Ренодо национальную монополию на газету. Хотя Ренодо еще несколько месяцев боролся с соперниками, к 1635 году он уже стал газетным бароном своего времени. Он издавал не только еженедельную «*Gazette*», но и много других еженедельных газет, также ежемесячники, например, упомянутый «*Relations*», а еще отчеты о еженедельных образовательных конференциях и *extraordinaires*, выходившие в случае особо знаменательных событий.

Эти публикации требовали больших расходов: когда «*Gazette*» каждую субботу появлялась на улицах, ее двенадцать страниц обходились читателям в четыре су, то есть по цене двух килограммов простого хлеба, которым можно было накормить семью. Современному читателю такая цена может показаться чрезмерной, но вспомните, что публикации Ренодо опирались на передовую технологию века. Те, кто едва сводил концы с концами, могли взять газету напрокат за ежемесячную плату в магазинах или киосках, самый популярный из которых находился на мосту Пон-Неф.

В наши дни Центральное новостное агентство Северной Кореи гордилось бы репортажами Ренодо. Тот, кто хотел узнать о фронде (мятеже местных правительств и аристократов против короля), об ухудшающемся состоянии здоровья Людовика XIII и о его военных

неудачах, не искал их в «*Gazette*». Эта газета радостно сообщала о народных волнениях за рубежом, особенно в Англии. Зато злодеяния французов по отношению к врагам оставались незамеченными. Особый интерес вызывали природные катастрофы, обычно их игнорировали, если только каким-то образом они не задевали двор, когда, к примеру, сильное наводнение в провинциях задерживало фрейлин и те не могли выехать из затопленного района.

Если коротко, «*Gazette*» представляла короля и только его одного. Ренодо посвящал выпуски газеты чудному состоянию здоровья Людовика, а также его способности одним прикосновением излечивать больных, благодаря чему окна королевского замка притягивали к себе белых голубей. Газета особенно благоволила королевскому балету, в один незабываемый вечер король трижды выходил на сцену, каждый раз в разном костюме, «вызывая восторг, сопутствующий всем занятиям, в которых принимало участие Его Величество».

Франция, похоже, выучила суровый урок, преподанный Лютером: без должного контроля могущество самой продвинутой технологии эпохи окажется разрушительным, и король успешно держал прессу в узде. В Англии при абсолютной монархии Стюартов все начиналось очень похоже. Испытавшие на себе бурные годы гражданской войны, Стюарты в лице короля Карла II вернулись к власти, не собирались баловать прессу и протолкнули через парламент закон, согласно которому запрещалось распространение нелегальных «пиратских» произведений. Сэр Роджер Л'Эстранж, назначенный цензором, выразился без обиняков:

Ни один человек не отрицает необходимости запрещения безнравственных и незаконных изданий и управления прессой; но как это следует осуществлять и какими средствами можно этого достигнуть, вот в чем вопрос.

Л'Эстранж не стал тратить время на осмысление риторического вопроса: несколько десятилетий подряд жесткая цензура и заключение под стражу типографов, нарушивших закон, служили английской монархии почти так же хорошо, как и меры, принятые французскими королями.

Почему французские и английские монархи могли контролировать свои типографии, а папа и император Священной Римской империи с этим не справлялись? Дело в том, что за пределами Франции и Испании Европейский континент представлял собой лоскутное одеяло, «сшитое» из сотен мелких государств, разделенных невнятными границами. Даже если какой-либо герцог держал своих типографов в узде, он не мог помешать потоку книг и брошюр, вливавшемуся из соседних принципатов и городов. Англия же и Франция были крупными странами, транспортное сообщение стоило дорого, поэтому цензура в них была на высоте.

Во всяком случае, поначалу. Вместе со смещением с трона Якова II политический климат Англии быстро изменился. На место Якова пришел Вильгельм Оранский, голландец по происхождению. В этом перевороте, вошедшем в историю как Славная революция 1688 года, конституционное правительство подрезало крылья монархии, и в 1693 году парламент прекратил действие закона о цензуре. Вступив на тропу расширения гражданских свобод, Англия позволила индивидуальным предпринимателям открывать типографии. Расцвела свобода прессы, на свет появились по-настоящему независимые периодические издания, а среди издателей встречались такие люди, как Даниель Дефо (он стал издавать «Еженедельное обозрение дел Франции»), Ричард Стил («Болтун») и Джозеф Аддисон (издававший вместе со Стилом «Наблюдателя»). Тем не менее, даже в постреволюционной Англии свобода прессы реализовывалась постепенно, поскольку правящая аристократия не позволяла критиковать министров и монархию. Когда в 1703 году Дефо неосторожно опубликовал трактат, осуждавший английскую церковь, его поставили на три дня к позорному столбу, а потом посадили в тюрьму. За продажу в 1791 году одного экземпляра трактата Томаса Пейна «Права человека» англичанин мог угодить в тюрьму минимум на четыре года, кроме того, обязан был заплатить штраф и возместить ущерб.

С целью увеличения сборов и удушения свободы печати корона ввела гербовый налог на бумагу. Типичные газеты того времени стоили примерно шиллинг, а сверх того оплачивался гербовый налог, составлявший треть от стоимости издания. Прогрессивные люди окрестили его «налогом на знание», однако поделаться с этим ничего не

могли. По другую сторону Атлантики читатели не потерпели «колониального гнета» и спустя пять месяцев после введения этого закона, в 1765 году, добились его отмены под лозунгом «Никакого налогообложения без представительства».

Хотя сегодня мы называем Англию колыбелью либеральной демократии, в начале девятнадцатого века судьи и присяжные заседатели осуждали авторов, типографов и книготорговцев за «пасквилы», даже за простое хранение или продажу подозрительного трактата. Отголосок этой практики выплыл в независимых Соединенных Штатах, когда Джон Адамс во время конфликта с Францией подписал закон о подрывной деятельности 1798 года. На основании этого закона были осуждены несколько ведущих американских редакторов. Этот закон значительно приблизил поражение Адамса на выборах 1800 года. Едва Адамс ушел в отставку, ненавистный закон отменили. Если не принимать в расчет этот неприятный инцидент, можно сказать, что свободы прессы у американцев было больше, чем у английских «кузенов».

В начале девятнадцатого века английская пресса выражала глубокое уважение монарху и министрам как главной составляющей общественного порядка. Современная концепция «свободы прессы» показалась бы, скорее, «разрешением на предательство», а не основой «прав англичанина», звонкой фразы, записанной в билле о правах 1689 года и воскрешенной почти через сто лет американскими революционерами.

Англия действовала не только кнутом – цензурой, налогами и преследованием бунтарской вольницы, – но и пряником в виде субсидий (точнее, взяток) издателям, прислуживающим правящей партии. Эти стимулы оказались очень действенными; газета восемнадцатого века была не «многоцелевым» источником новостей, который знают нынешние читатели, а, скорее, дешевым мешком с отгрузочной информацией и рекламой, и мнение газеты не составляло труда купить.

Даже так парламент не мог открыто подкупать журналистов и оставлял эту грязную работу казначейству: в бюджете имелась секретная статья, деньги с которой выделялись на борьбу с подрывной деятельностью, как дома, так и за рубежом. В 1782 году парламент выделил в бюджет 10 000 фунтов, в том числе крупную сумму на

поддержку сотрудничающих газетных издательств. В спокойные времена, возможно, половина этой суммы шла на субсидии прессе и могла принимать разные формы – не прямые гранты, а почтовые концессии, выплаты писателям и рекламщикам. В 1790-е годы английскому правящему классу всюду мерещился призрак французской революции, а потому и расходы на прессу возросли. В самом начале девятнадцатого века английская пресса оставалась орудием правительства.

Любопытно, что появлению первых американских газет способствовала бостонская почта, почтмейстер которой в числе обязанностей по распространению новостей особенно выделял флот. (В новом бизнесе у него имелось преимущество: возможность тайно просматривать почту). Некий почтмейстер Джон Кемпбелл начал с того, что предложил своему брату записывать новости от руки, но в 1704 году братья обратились к печатному станку. Свою газету они назвали «Бостон ньюс леттерс» («Бостонские новостные письма»).

Братья ни разу не продали больше 250 номеров, а в 1719 году сменивший Кемпбелла на посту почтмейстера Уильям Брукер создал собственную газету «Бостон газетт»; печатником у него служил Джеймс Франклин, Джеймс научил печатному делу своего младшего брата, Бенджамина. С «Газетт» у братьев дела не сложились, тогда они стали издавать «Нью-Ингленд курант» и печатать в ней собственные статьи. Свою первую статью младший Франклин написал в шестнадцать лет.

Бенджамин несколько лет тяжело трудился на старшего брата, а разочаровавшись, сбежал в Филадельфию, там и возникла его издательская империя, принесшая богатство, влияние и славу. Профессиональный выбор, сделанный Беном Франклином, может показаться современному читателю странным, но не надо забывать, что книгопечатание было самой передовой технологией того времени, а положение Франклина, успешнейшего колониального предпринимателя, сделало из него нечто вроде Руперта Мердока и Стива Джобса в одном лице.

Американцы начали свою журналистскую деятельность буквально с нуля, но независимость прессы ценили выше, чем в метрополии. Колониальные власти, как и в Англии, преследовали бунтарские настроения. В 1735 году Джона Питера Зенгера, издателя

«Уикли джорнэл», привлекли к суду за критику губернатора. Несмотря на усилия губернатора и обвинителей, присяжные признали Зенгера невиновным. Неспособность колониального правительства осудить Зенгера вызвала ударную волну, перекатившуюся через Атлантику, а в самой колонии преследование Зенгера напугало даже самых смелых издателей. Один из его коллег признался: «Я думал, немного политики поможет возбудить аппетит наших читателей, но, поразмыслив, решил, что от этой идеи лучше отказаться». После суда Зенгер уже не доставлял беспокойства, а позже послушно поддерживал мнение правительства.

Американцы учили англичан подлинной независимости прессы другими способами, что продемонстрировали карьеры двух памфлетистов – Томаса Пейна и Уильяма Коббета.

Пейн, «корсетник по ремеслу, журналист по профессии и пропагандист по склонности», эмигрировал в колонию в тридцать семь лет, однако много времени проводил и в Англии, и во Франции. В Америку он отплыл в 1774 году по приглашению другого трансатлантического пассажира, Бенджамина Франклина, с которым познакомился в Лондоне. В начале 1776 года Пейн опубликовал «Здравый смысл», более ста тысяч распроданных экземпляров этой книги послужили эффективной пропагандой американской революции.

В Англии между тем война правительства с прессой развернулась на примере трех журналистов: Уильяма Коббета, Уильяма Хоуна и Ричарда Карлайла, каждый из которых до определенной степени ощущал на своем плече тяжкую длань государства.

Уильям Коббет, как и Пейн, испытал на себе гнев английской цензуры и эмигрировал в Америку. Коббет родился в 1763 году в семье скромного трактирщика, в 1784 году вступил в британскую армию и вскоре оказался в канадских дебрях Нью-Брансуика. Его полк принимал участие в колониальных войнах. Коббет прошел сотни миль по непроторенным лесам, а когда зима мешала воевать, запоем читал.

Интеллектуальные и физические способности Коббета обеспечили быстрое продвижение по службе, и он стал сержант-майором, опередив десятки других, более старших кандидатов. Новая должность сделала его ответственным за полковую кассу, и он скоро столкнулся с хищениями, виновниками которых были командиры, – рутинное явление в армиях того времени.

Несмотря на предупреждение товарища-унтер-офицера, Коббет по наивности выдвинул обвинения против командиров. Обвиняемые легко сорвали намерение вызвать их в суд, Коббет ждал своего часа, в 1791 году вернулся в Англию и снова выдвинул обвинения. К удивлению Коббета, военные чины обвинили его самого в клевете на офицеров и в том, что якобы он вместе с друзьями провозглашал тост за развал королевской армии.

В связи с угрозой осуждения и высылки в Австралию Коббет бежал в Филадельфию. Там он преподавал английский язык французским эмигрантам и писал пробританские трактаты под псевдонимом Питер Поркупайн. Он специализировался в отделе светской хроники, а когда выступил против знаменитого врача Бенджамина Раша и обвинил того в неправильном лечении жертв эпидемии желтой лихорадки, суд вынес решение в пользу доктора и постановил взять штраф с Коббета в размере пяти тысяч долларов (приблизительно 500 000 на современные деньги). Коббет решил, что легче подвергнуться судебному преследованию в Англии, чем обанкротиться в Америке, и в 1800 году сбежал на родину.

К счастью, официально его так и не осудили. На обратном пути он воспрянул духом и в 1802 году начал публиковать в своей типографии на Флит-стрит репортажи о парламентских дебатах. Это потребовало от него мужества: за несколько десятилетий до Коббета, в 1728 году, палата общин оштрафовала и посадила в тюрьму журналиста за публикацию парламентских дискуссий. К 1770-м годам палата общин уже нехотя допускала репортеров, но запрещала делать записи, пока газета «Морнинг кроникл» не пустила в ход свое «тайное оружие» — Уильяма Вудфола, отличавшегося феноменальной памятью, Вудфол мог с точностью воспроизводить дебаты, длившиеся по несколько часов.

До Коббета никто не рисковал публиковать данные о деятельности палаты общин. Его «Парламентские дебаты», впоследствии получившие название «*Хансард*» (в честь Томаса Хансарда, типографа Коббета, а потом владельца «Дебатов»), по сей день остаются официальным изданием парламента. Почти в то же время он основал «Еженедельный политический журнал», в котором публиковал протоколы заседаний английского парламента.

В те времена любой вид политических репортажей являлся открытым приглашением в суд за клевету, и Коббету не пришлось долго этого дожидаться. Когда в 1803 году «Журнал» опубликовал статью об ирландском восстании, корона выдвинула против Коббета обвинение.

Сановники не скрывали своего презрения к выскочке-плебею. Обвинитель, Спенсер Персиваль, изложил часть своего выступления на латыни не только потому, что Коббет не понимал этого языка, но и потому, что хотел подчеркнуть – ответчик оклеветал лиц, стоящих выше него по положению. Персиваль спросил Коббета: «*Quis homo hic est? Guo patre natus?*» («Кто этот человек? Кто его отец?») Праведный гнев Персиваля, похоже, возбудила дерзость Коббета, который, обратившись к премьер-министру Генри Аддингтону, назвал того «доктором» (припомнив профессию его отца). Англичане любят давать прозвища, но не терпят, когда при обращении к ним эти прозвища употребляют люди более низкого социального положения.

О свободе британской прессы того времени ярко свидетельствует тот факт, что судья позволял себе наставлять присяжных. Теоретически английские законы позволяли критиковать монархию и правительственных чиновников, на практике все было по-другому. Так, во время заседания судья поучал присяжных: «В случае оскорбления чувств отдельного лица наступает уголовная ответственность». То есть посмеешь задеть нежные чувства принца или министра – окажешься в тюрьме. Присяжным хватило десяти минут, чтобы вынести обвинительный вердикт. Коббет заплатил большой штраф – 500 долларов, – зато избежал тюрьмы.

Коббет продолжал бодаться с правительством. Бывший военнослужащий, он сочувственно относился к заботам и проблемам военных. Когда два года спустя любовниц командующего армией герцога Йоркского, второго сына Георга III, сначала одну, а потом вторую, уличили в продаже военных должностей, «Журнал» с возмущением писал, что жизни и благополучие солдат подвергаются опасности из-за неопытных и продажных офицеров. Правительство набросилось на Коббета в подкупленной прессе. Вскоре после этого в Кембриджшире взбунтовалась часть войск, протестовавших против невыплаты жалованья и скудного рациона. За это солдат приговорили к пятистам ударам плетью каждого. «Журнал» негодовал. Коббет

помнил по своему армейскому прошлому о чудовищности такого наказания и разразился гневной тирадой:

Пятьсот ударов плетью каждому! Правильно! Всыпьте им, насыпьте им, насыпьте им! Они это заслужили, да еще и мало. Их нужно пороть перед каждым обедом. Хлещите их каждый день, хорошенько. Мерзавцы вздумали бунтовать, когда немецкий легион совсем рядом!
[\[65\]](#)

Генеральный прокурор немедленно выслал повестку в суд, но отложил вынесение обвинения на несколько месяцев. Коббет, возможно, избежал бы суда, если бы не продолжил нападки на правительство за другие военные преступления. Положение Коббета усугубило и то, что его старый недруг Персиваль в октябре 1809 года стал британским премьер-министром (не пройдет и трех лет, как он, единственный из премьер-министров, окажется жертвой покушения). И снова судья сделал строгое внушение присяжным, на сей раз они вынесли обвинительный вердикт за пять минут, даже не удалившись в комнату переговоров.

Коббету не повезло: он провел два года в Ньюгетской тюрьме, условия содержания ему смягчили в связи с хрупким здоровьем и хорошим финансовым статусом, позволявшим платить более двадцати гиней в неделю (около 3000 фунтов в сегодняшних деньгах) за просторную камеру и сносную еду.

В Ньюгейте у Коббета было довольно времени, чтобы подумать о новой газете. Он размышлял, чего не хватает публике, в чем та нуждается, и решил, что нужен доступный источник новостей. В 1816 году, через несколько лет после освобождения, он опубликовал более мелкую и дешевую версию «Журнала»: номер стоил два пенни, всем по карману, и вскоре тираж газеты вырос до внушительной цифры – 40 000 экземпляров.

В это же время Коббет стал сотрудничать со сторонником реформ Генри Хантом, но союз пламенного оратора с разгребающим грязь журналистом страшно напугал правительство. К январю 1817 года оказалось, что страхи высоких чиновников не напрасны: толпа накинута на экипаж принца-регента; месяц спустя правительство

подавило протесты несогласных и приостановило действие «хабеас корпус» – права личной свободы.

На подкуп прессы, нападавшей на Коббета, правительство истратило десятки тысяч фунтов, однако потерпело неудачу. Коббету предложили значительный пенсион, лишь бы он перестал издавать газету. Он отказался, но, понимая, что «хабеас корпус» более не действует, трезво оценил ситуацию. В марте 1817 года в ливерпульской гавани он сел на корабль и отплыл в Нью-Йорк.

В отсутствие Коббета правительство выбрало себе другую мишень – Уильяма Хоуна. Хоун был на двадцать лет моложе Коббета, родился, а впоследствии и женился в более комфортной обстановке. Ему наскучила работа секретаря в лондонской Греевской школе, готовившей барристеров, и Хоун организовал на Флит-стрит библиотеку, оказывавшую типографские услуги. Известно, что богатство дарит своим обладателям легкость в общении, а бедность, как в случае с Коббетом, наталкивается на острые углы. Хоун, выросший в довольстве, насыщал свои материалы изящным юмором, чего Коббету явно не доставало.

Обратите внимание на пародийное сочинение «Катехизис министра», Хоун адаптировал неопубликованную работу Джона Уилкса, радикального политика прошлых лет (и первого человека, которому легально разрешили публиковать протоколы заседаний палаты общин). Памфлет представлял собой разновидность макиавеллиевского учебника для английских политиков и написан был в виде библейских стихов. Вот образец в стиле молитвы «Отче наш»:

Отче наш, сущий в казне, да будет воля твоя во всей империи, как и сейчас на каждом заседании. Дай хлеб наш насущный и прости случайные прогулы, как и мы обещаем не прощать тех, кто настраивает нас против тебя. Не прогони нас с наших мест и оставь в палате общин – земле пособий и изобилия. Избавь нас от народа. Аминь.

Хоун повел борьбу с явлением, которое, возможно, являлось средоточием английского парламентаризма той поры, – с «гнилыми местечками»: равное представительство в палате давалось всем округам, будь то сельские фьефы, состоявшие из нескольких домов,

или города, насчитывавшие десятки тысяч жителей. Хоун предложил принцу-регенту нанести визит сэру Марку Вуду, лорду Сарри, из городка Гаттон, представленному в парламенте с 1450 по 1832 год. Марк Вуд ежегодно направлял на заседания палаты по два члена парламента. Их разговор, по предположению Хоуна, звучал бы примерно так:

Принц-регент: Вы владелец этого места, сэр Марк?

Вуд: Да, если вам это будет угодно, ваше королевское высочество.

Принц-регент: Сколько членов вы посылаете в парламент?

Вуд: Двух, сэр.

Принц-регент: Кто они?

Вуд: Я и мой сын.

Принц-регент: Стало быть, вас очень любят в этом местечке, сэр Марк?

Вуд: Немного найдется тех, кто скажет мне по-другому, ваше королевское высочество.

Принц-регент: А оппозиционные кандидаты у вас были?

Вуд: Нет, сэр.

Принц-регент: Какие требования вы выдвигаете к избирателям?

Вуд: Человек должен жить здесь и платить налог с собственности.

Принц-регент: А избирателей здесь шесть человек? Я смотрю, в этом месте только шесть домов.

Вуд: Только один избиратель, если вам будет угодно, ваше королевское величество.

Принц-регент: Что?! Один избиратель и два члена парламента? Как это? А что же другие пять жителей?

Вуд: Я купил это место, и я владелец всех шести домов. Пять домов я сдаю, сам плачу налоги, живу в шестом доме и, будучи единственным избирателем, выбираю себя и своего сына.

В апреле 1817 года прокурор выдвинул против Хоуна три обвинения, и в мае он был заключен в тюрьму. Семь месяцев его не допрашивали. Присяжные, по всей видимости, очарованные остроумием Хоуна и неприятно удивленные злобностью правительственных чиновников, через пятнадцать месяцев объявили Хоуна невиновным по всем трем пунктам.

Историки считают вердикт суда в отношении Хоуна значительной победой в битве за свободу английской прессы, однако тогда это выглядело не столь очевидным. Власти уяснили, что преследование авторов пародий – самый быстрый способ оказаться осмеянными, а потому больше к такому инструменту не прибегали. Хотя в лице очаровательного, харизматичного Хоуна они нашли достойного соперника, ни цензура, ни политическое преследование не прекратились.

Шестнадцатого августа 1819 года коллега Коббета Генри Хант на площади, примыкавшей к церкви Святого Петра в Манчестере, обратился к толпе, насчитывавшей, по разным оценкам, около шестидесяти тысяч человек. Протестанты намеревались устроить шуточное избрание реформиста-Ханта в сенат. Организаторы постарались, чтобы мероприятие прошло без скандала, и это сбilo власти с толку, поскольку они ожидали насилия. Чиновники ударились в панику, так как собралось слишком много народа, а Ханта требовалось арестовать. Конная полиция, размахивая дубинками и саблями, очистила проход к Ханту, убив при этом одиннадцать человек и покалечив сотни. Это событие вскоре прозвали «бойней при Питерлоо» [\[66\]](#).

В тот день на площади Святого Петра должен был выступать Ричард Карлайл, печатник, у которого, как у Коббета и Хоуна, имелась типография на Флит-стрит. Вырос он, как Коббет, в стесненных обстоятельствах, был подмастерьем у жестянщика, профессию свою презирал, однако она пригодилась ему в книгопечатании. Суровое прошлое, как и у Коббета, придало его деятельности горький оттенок. Экономический спад, последовавший за Наполеоновскими войнами, сделал из Карлайла радикала. Страдания английских бедняков вызваны были не только «естественной» экономической депрессией, но и сознательной репрессивной политикой, например, законом о торговле зерном, драматически увеличившим цену хлеба и вызвавшим голод. Английская правящая аристократия, особенно партия консерваторов, оставалась глухой к протестам.

Карлайлу, даже по сравнению с самоучкой Коббетом, недоставало образования, и потому сам он писал относительно мало. Главным образом он продавал работы других в «Шервинс политикал газетт», газете, рожденной в партнерстве с печатником Уильямом Шервином.

Созданный за несколько месяцев до Питерлоо журнал «Шервинс реджистер» пиратским образом перепечатывал статьи Пейна и Хоуна, что вряд ли могло понравиться радикалам: однажды Хоун даже пригрозил судебным преследованием, обвинив журнал в литературном воровстве. Тем не менее, недостаток творческого начала Карлайл восполнял усердием, скупал радикальные памфлеты и с крошечной выгодой распространял их по городу. По словам Карлайла, ради восемнадцати пенсов в день он преодолевал по тридцать миль.

В тот день Карлайлу так и не удалось выступить на площади Святого Петра. Он сбежал, спрятался вместе с товарищами-коммунистами, а позже вернулся в Лондон, где опубликовал первое свидетельство о произошедшем событии под заголовком «Ужасное манчестерское побоище».

Через три месяца после Питерлоо Карлайла вызвали в суд и обвинили в богохульстве, вследствие чего ему грозило тюремное заключение. Среди работ, перепечатанных Карлайлом, был трактат Томаса Пейна «Век разума» – пересказ доктрины деизма, признающей существование Бога-творца, но отрицающей его вмешательство в дела человека (следовательно, поклонение Богу не нуждается в религии).

В преследовании Карлайла у правительства имелось много политических союзников, и самым ревностным из них стал аболиционист Уильям Уилберфорс, который наглядно обозначил разницу между свободой рабов и свободой прессы. Из ненависти к манифесту Карлайла возникло Общество по искоренению пороков, организованное Уилберфорсом.

Еще более примечательно, что к началу девятнадцатого века образованная элита рассматривала деизм как устарелое понятие, а преступление Карлайла заключалось в том, что он донес концепцию деизма до низшего класса. Через несколько дней после комического диалога с судьей и прокурором и столь же комичных речей на заседании суда Карлайла осудили, заключили в тюрьму и оштрафовали. Когда он отказался платить, полиция явилась в его типографию, конфисковала оборудование и материалы.

Во время первой отсидки Карлайл перешел от деизма к яркому атеизму. Все это время он продолжал отсылать статьи в «Рипабλικен» (переименованный «Реджистер»), газету, находившуюся теперь под контролем его высокообразованной жены Джейн. Тюрьма пошла на

пользу их взаимоотношениям и совместному бизнесу, поскольку супруги до тех пор не ладили и еще до Питерлоо хотели расстаться. Теперь же заключение мужа позволило сотрудничать, не общаясь напрямую друг с другом.

Суд осудил и Джейн и посадил ее на два года в тюрьму, после чего публикацию газеты взяла на себя сестра Ричарда, а когда и с ней расправились, за дело взялись сами сотрудники «Рипабλικен». За издание и распространение газеты осудили восемь служащих и 150 торговцев газетами.

Дело Карлайла демонстрирует и реальную цель гербового налога. Пока Карлайл сидел в тюрьме, парламент принял два закона о прессе; согласно одному из них, поручителю надлежало обеспечить явку ответной стороны в суд, а согласно второму, взимался сбор со всех атеистических, деистических или республиканских публикаций за исключением тех, которые защищали христианство и конституцию. Разумеется, «Рипабλικен» не подумал подчиняться новым законам.

Победа над Карлайлом, его женой, сестрой, служащими и торговцами газет оказалась пирровой: с каждым приговором «Рипабλικен» становился все известнее. Правительство так и не поняло, что лучше оставить Карлайла в покое. Оппозиция правительству в начале 1824 года усилилась, особенно стало заметно отвращение к организованному Уилберфорсом Обществу по искоренению пороков. В мае того же года Карлайл обратился из тюрьмы ко всем вольнодумцам с просьбой продавать книги из его магазина в качестве акта гражданского неповиновения.

Это сработало. Арест и суд над десятками волонтеров привели к неприятным последствиям для властей. Лорд-главный судья Чарльз Эббот в конце концов признал поражение: открытые суды сделали Карлайла сильнее, и Эббот распорядился прекратить преследование (хотя премьер-министр Пиль настаивал на том, чтобы служащие и волонтеры отсидели свои сроки). Как сказал сэр Джозеф Арнольд, биограф генерального прокурора Томаса Денмана:

Убеждение Денмана, основанное на опыте, состояло в том, что политический клеветник ничего так не жаждет, как публичного суда во дворце правосудия. Победа там его вдохновляет, а поражение создает образ мученика.

В 1825 году правительство освободило Карлайла. По словам его биографа, Гая Олдред, «выход из тюрьмы означал для него лишь смену места жительства». Через пять лет, в приступе институциональной амнезии, правительство снова посадило Карлайла на семь месяцев, выдвинув против него обвинение в подстрекательстве к стачке. За свою жизнь Карлайл провел за решеткой почти десять лет, а в 1843 году скончался в нищете.

Сменявшиеся правительства продолжали притеснять Коббета. Вскоре после Питерлоо, в 1819 году, он снова вернулся в Англию. В 1830-м его обвинили в подстрекательстве голодающих батраков, поджегших амбар землевладельца. В зрелищном шоу, сочетавшем в себе юридическую защиту и политический театр, Коббет и его адвокат дискредитировали главного свидетеля со стороны правительства (поджигатель Томас Гудман был приговорен к повешению, но затем оправдан) и разоблачили лицемерную обвинительную политику. В реформе 1832 года парламент отменил систему «гнилых местечек», расширил права граждан, и Коббет легко завоевал себе место в палате общин, хотя до реформы несколько раз проигрывал выборы. В последующие десятилетия Англия постепенно отменяла «налог на знания», в 1836 году сумму гербового сбора снизили до одного пенни, а окончательно его отменили в 1855 году. В 1861 году исчез и налог на бумагу.

Наступление свободы британской прессы историки обычно связывают с парламентской реформой 1832 года. И все же гарантировал эту свободу не закон: скорее, все вместе – законодатели, министры, прокуроры и судьи – осознали, что гонения на доступную народу прессу и обвинения в богохульстве, клевете и подстрекательстве к мятежу в богатеющем и все более грамотном обществе – пустая затея.

Критически рассматривая те времена, можно сказать, что свободы добились преданные реформе мужчины и женщины, и в немалой степени те, кто управлял техникой, недалеко, впрочем, продвинувшейся за четыре века со времен Гутенберга. В последние десятилетия восемнадцатого века в Европе и в Северной Америке доступ простых людей к тому, что являлось для мира самой

продвинутой коммуникационной технологией, стал важным инструментом демократического развития.

Если взглянуть еще шире, то на первом этапе две великие премодернистские коммуникационные технологии – простая грамотность и механическая печать – шагали одной и той же исторической тропой. В случае с грамотностью все шло медленно, по мере того, как упрощаемые письменности давали возможность все большему числу людей читать и писать, и это раскрывало суть политических и религиозных систем, по крайней мере, в тех обществах, которые серьезно подходили к вопросу грамотности. С появлением государственного образования по другую сторону Атлантики грамотность получила масштабное распространение, ни одно государство и ни одна религия уже не могли контролировать способы использования этой грамотности обычными гражданами. То же можно сказать и о печатном станке в первые четыре века его существования.

В старом мире любой, кто мог писать – поначалу небольшая группа людей, – издавал за один раз по одному экземпляру. Доступ к печатному станку Гутенберга ограничивался теми, кто мог позволить себе одну из многих тысяч маленьких типографий, наводнивших Европу в доиндустриальный век. Однако, как продемонстрировали предыдущие страницы этой книги, после 1700 года обычные мужчины и женщины англосаксонского мира получили возможность по желанию брать печатный ручной станок в аренду и бороться с тем, что их не устраивало.

В середине девятнадцатого века знакомый мир ручных печатных станков и транспорта на конной тяге исчез вместе с появлением новых коммуникационных технологий. Новации эти обходились недешево, а все более сокращавшаяся в численности элита благодаря им настолько изменилась сама и изменила политический процесс, что этого не могли себе вообразить Ренодо, Франклин, Коббет, Хоун и Карлайл.

Как упоминалось, предприятия этих первопроходцев обладали технологией, не слишком отличавшейся от той, что была изобретена Гутенбергом. За три столетия после его первой печатной индульгенции и Библий, единственным значительным достижением в технике стала постепенная замена деревянных деталей станков на металлические, в частности, винтовой нарезки, да некоторые изменения в металлургии.

В 1798 году технология Гутенберга достигла своего пика, а одновременно и тупика, когда граф Чарльз Стэнхоуп убрал из печатного станка последний кусок дерева. Сплошь металлическая машина слегка увеличила скорость и качество печати, однако наборщику все равно приходилось заполнять формы вручную, а прессовщику по-прежнему надо было закладывать по одному листу в машину. Металлический станок Стэнхоупа в лучшем случае мог выдавать в час 250 страниц, то есть не слишком опережал скорость печатников, работавших сразу после Гутенберга.

В середине девятнадцатого века пар внес в жизнь человечества перемены, не имевшие себе подобных в истории. Тем, кого удивляют быстрые технологические перемены сегодняшнего дня, нужно принять во внимание, что люди, товары и информация сегодня физически передвигаются не быстрее, чем пятьдесят лет назад. Если магическим образом обычного человека перенести из 1963-го в год сегодняшний, ему пришлось бы немного объяснить насчет Интернета и персональных компьютеров, однако автомобили и сверхскоростные самолеты он прекрасно бы опознал. А теперь представьте путешественника во времени, переместившегося на полстолетия – из 1825 в 1875 год. Пятьдесят лет назад ничто не двигалось быстрее лошади, а в 1875 году скорость транспорта и информации возросла в несколько раз. Еще больше поражает, что за пять десятилетий мир приобрел свойство, которое журналист Том Стэндидж назвал «викторианским Интернетом» – глобальная телеграфная система за считанные минуты распространяла по всему миру важную информацию. К 1925 году электрическая и электронная революции сделали доступными скоростные коммуникации, превосходившие все то, что было известно человечеству, но их влияние на политический процесс оказалось не всегда позитивным. Имелись два исключения из домодернового предела скорости. Первое – дымовая и семафорная сигнализации, использовавшиеся с древних времен. Самой знаменитой была система, созданная во Франции Клодом Шаппом в конце восемнадцатого века. Его оптический телеграф мог передавать сообщения в зависимости от длины на скорости, превышавшей сто миль в час; правда, стоило это очень дорого. Второе исключение – голубиная почта, пользоваться которой стали, по меньшей мере, за

пятьсот лет до новой эры. Голуби переносили почту на расстояние до пятисот миль со средней скоростью пятьдесят миль в час.

Люди тысячелетиями использовали паровую энергию для разных целей, например, для открывания и закрывания дверей храма. К концу семнадцатого века несколько английских изобретателей продемонстрировали маломощные двигатели, а примерно в 1712 году Томас Ньюкомен построил двигатель, который откачивал воду из шахт; увы, машина тратила слишком много топлива, и с целью экономии ее использовали только на угольных шахтах.

В 1764 году Джеймса Уатта, механика, работавшего при университете в Глазго, попросили починить двигатель Ньюкомена. Неэкономичность двигателя досаждала Уатту, и однажды, во время прогулки по парку Глазго-Грин, Уатта озарило: в каждом рабочем ходе поршень нагревался при сжатии, а при расширении охлаждался, затрачивая уйму энергии. Конденсация пара снаружи поршня – сообразил Уатт – устранил этот недостаток. В последующие десятилетия двигатели Уатта настолько повысили экономию топлива, что энергию пара стали использовать для решения почти любой задачи.

Одной из таких задач стало книгопечатание. К началу 1800-х годов тираж «Таймс» в Лондоне достиг неслыханной цифры – пяти тысяч экземпляров в сутки. При таком тираже покупка все большего количества станков Стэнхоупа и наем на работу большего числа наборщиков и печатников сделались невозможными, как с финансовой, так и с логистической точки зрения.

Примерно в 1800 году за решение этой проблемы взялся Фридрих Кениг, немецкий иммигрант в Лондоне. Сначала он установил двигатель Уатта на печатный станок Стэнхоупа, однако неуклюжий марьяж с треском провалился. Потом Кениг приспособил идею, запатентованную коллегой-изобретателем Уильямом Николсоном: цилиндр, в который укладывался набор, сходный по концепции со старинными цилиндрическими печатями. С вращающегося валика непрерывно подавалась краска на печатающий цилиндр, однако печатнику приходилось вручную подавать в устройство каждый лист бумаги. Тем не менее, Кениг совершил прорыв: его первые печатные станки выдавали в час по тысяче листов, вчетверо превзойдя скорость станков Стэнхоупа.

К 1840 году тираж «Таймс» достиг сорока тысяч, и изобретатели пошли навстречу пожеланиям читателей, установили на один двигатель несколько валиков: сначала два, потом четыре, а затем и десять. Теперь станок выдавал двадцать тысяч листов в час, вследствие чего печатникам стало не хватать бумаги. Один такой станок-монстр, цилиндры которого были установлены вертикально, дорос до головокружительной высоты, по описаниям современника:

Огромное количество колесиков, цилиндров, ремней... оглушающий гром, поток листов, падающих со всех сторон, быстрее, чем можно охватить взглядом, а уж прикинуть их количество и вовсе невозможно.

В конце 1860-х годов изготовители бумаги начали обеспечивать газетчиков большими бумажными бобинами. Теперь бумагу беспрерывно подавали к печатающим цилиндрам. В это же время европейские и американские изготовители бумаги открыли секрет ее производства из твердой европейской древесины: раньше бумагу изготавливали из тряпья, которого стало остро не хватать. Цена бумаги в США между 1866 и 1900 годами упала почти на 90 процентов, а бумажная революция в Британии увеличила производство бумаги в девятнадцатом веке в шестьдесят раз.

Устранение двух дорогих барьеров – людей, подающих бумагу в станки, и тряпья для изготовления бумаги – сдвинуло производство с места, хотя на пути имелась еще одна преграда – набор шрифта, который, как при Гутенберге, осуществлялся вручную. Поначалу изобретатели просто механизировали старый процесс набора шрифта и размещения в формы. Первая версия такой машины, предложенной Робертом Хаттерсли, позволяла оператору выбирать знаки, как это делается на обычной клавиатуре. Оказалось, что такие устройства чрезвычайно трудно настраивать, и даже если настройки не требовалось, они могли заменять всего двух или трех наборщиков.

Германскому иммигранту в Америке Оттмару Мергенталеру пришлось в голову, как революционизировать набор. Мергенталер понял, что набор строки требует наличия относительно небольшого количества матриц с буквами и пунктуационными знаками, и с каждой новой строкой их можно заново собирать. Его устройство

выбрасывало горячую отливку для целой строки, отпечатывало ее, после чего отливка снова поступала в машину, расплавлялась и набиралась в новую строку. В результате каждая «линия шрифта» – *line o'type* (отсюда и название машины – линотип) получалась свежей и неизношенной, что облегчало труд металлургов, наборщиков и печатников. Близким родственником линотипа Мергенталера стал так называемый монотип, который автоматически выбивал строки, состоявшие из отдельных знаков. Хотя линотип печатал чище и быстрее, на монотипе легче было вносить исправления, поскольку имелась возможность исправить одно слово, не меняя целую строку.

Описанное выше базовое линотипное устройство прожило почти сто лет, и сами машины оказались на удивление крепкими. К примеру, газета «Гардиан» первые свои два линотипа купила в 1893 году, использовала их почти постоянно, внесла в их конструкцию незначительные изменения, а износились они лишь в 1948 году.

Применение пара, а затем электроэнергии в процессе книгопечатания внесло изменения в политический статус технологического управления. На протяжении четырех веков со времен Гутенберга книгопечатанием мог заниматься любой купец, ремесленник или бюргер со скромным достатком или хорошим кредитом. Соответственно, в Европе и в Новом мире пышным цветом расцвели тысячи типографий. Кениг и Мергенталер полностью изменили эту относительно пасторальную картину, отныне в издательском пейзаже стали доминировать немногочисленные игроки – крупные газеты и издатели с внушительным капиталом. Ранее власть имущие не могли полностью контролировать дешевые, а потому широко распространенные ручные печатные станки. Новые технологические возможности позволили создать крупные типографии, а так как из-за дороговизны их оказалось немного, они легко попадали под контроль властного демагога, деспота или даже якобы демократических политических институтов.

В колониальной Америке до эпохи Кенига и Мергенталера расстояние между журналистикой и политической пропагандой, как и между газетой и революционным правительством, было очень небольшим; часто невозможно было определить, где заканчивается американский политический аппарат и начинается газета. К примеру,

корреспондентские комитеты – первые революционные политические организации – распространили новость о сражениях при Лексингтоне и Конкорде, члены этих комитетов часто первыми сообщали новости. Патриотическая спайка нашла отражение в законе о почтовой службе 1792 года. Газеты также создали собственные сети почтовой связи, которыми время от времени управляло правительство.

Пока пресса с головой пребывала в революции, собственного влияния она почти не имела, скорее, была рупором противоположных сторон. По словам историка прессы Томаса Леонарда:

Издатели публиковали только то, что позволяла им королевская армия или патриотическая милиция. Мир был грубо селективным, а дух лоялизма – фатальным. Стоило «красным мундирам» покинуть Бостон, как газета «Массачусетс» закрылась. Когда британцы отплыли, Хью Гейн и Джеймс Ривингтон оставили свои большие издательства в Нью-Йорке. Большая часть газет оказалась не такой крепкой и не пережила смерти собственника.

Американские газеты представляли власть, но власть эта была подконтрольна источникам информации. После 1824 года постреволюционная «эра доброго согласия» уступила место горячей политической поддержке: газеты, словно послушные солдаты, служили той или иной стороне. Дэниел Вебстер заметил: типичная газета партии вигов была «нашим фельдмаршалом». Пусть тот, кто обеспокоен сегодняшней политической поляризацией, представит себе статью в газете демократической партии, утверждающую, что тот, кто не с нами, «не имеет права на жизнь».

По-другому и быть не могло. Типичная газета той эпохи стоила примерно шесть центов при среднем заработке за день менее доллара, стало быть, по карману она была только торговцам и другим состоятельным людям. На первой и последней страницах печатали то, чем интересовались эти читатели: сведения о морских грузоперевозках и правительственные сообщения. Публикация таких сообщений объясняет зависимость газет от патронажа партии. На второй странице печатали статьи, освещавшие взгляды партии, находившейся у власти, а на третьей странице публиковали актуальные новости. Сами названия «шестипенсовых» газет указывали на их электорат:

«Бостонская ежедневная новостная», «Балтиморская федеральная республиканская» и газета, в которой все совмещено – «Балтиморская патриотическая и торговая».

Бизнес-модель американских шестипенсовых газет была очень схожа с моделями английских «кузенов», то есть зависела от подписки постоянных читателей. Купить газету на улице было практически невозможно, человек мог это сделать только в магазине при типографии. Редакторы и издатели нередко тратили больше времени на сбор денег у медлительных читателей, не спешивших подписаться на газету, чем на поиск новостей, написание статей и их публикацию, а в трудные времена газетные офисы ломались от товаров, взятых в бартер.

Вместе с появлением печатных станков, управляемых паром, и свинцовых сплавов для изготовления шрифта цена на единицу продукции драматически сократилась, выпуск газет вырос, к тому же они стали «приемниками» (часто позволявшими себе вольности) первого электронного посредника – телеграфа. Обратите внимание на краткое обращение к читателям «Нью-Йорк газетт», опубликованное 17 декабря 1747 года, за сто лет до появления телеграфа:

На прошлой неделе «Филадельфия пост» не вышла в назначенное время. Установившаяся чрезвычайно холодная погода вынудила бостонскую и филадельфийскую газеты выйти на неделю раньше, чем предполагалось; теперь газеты будут печататься раз в две недели. У нас очень мало новостей, и раньше субботы мы не появимся.

Почтмейстеры молодой нации стали фактическими издателями газет. Все они остро ощущали недостаток информации, поскольку ту трудно было распространять по пространствам нового континента, а потому почтмейстеры объединились и сформировали первое национальное «агентство печати», заключившее соглашение о бесплатном распространении газет; такой механизм в 1750-х годах официально закрепили первый министр почты колоний Бенджамин Франклин и Уильям Хантер.

Сейчас невозможно вообразить информационные ограничения, которые в начале телеграфной эры предвидели газеты. Независимое правительство Штатов, как и в Англии, исповедовало секретность;

в первые шесть лет своего существования сенат закрывал двери для публики и прессы. Еще удивительнее, что девять делегатов Конституционного конвента 1787 года, делавшие записи на заседаниях, скрывали их, по меньшей мере, тридцать лет, а самые известные заметки Джеймса Мэдисона опубликовали лишь через пятьдесят лет.

Поток новостей, доходивших до газет, сдерживала также тирания расстояний. О скудности и ценности информации в начале девятнадцатого века можно судить, отслеживая приход пакетбота в нью-йоркскую гавань. Пакетботы, самые быстрые суда той эпохи, пересекали Атлантику за три недели и привозили пассажиров и самые ценные грузы, а поскольку они сообщали свежайшие новости из Британии и Европы, газеты ждали их прихода с нетерпением. Так же жадно дожидались новых глав романов Диккенса. Зимой 1841 года американские фэны с пристани кричали команде прибывающего корабля: «Как там маленькая Нелл, она не умерла?»

Чтобы пакетбот вошел в гавань, требовалась помощь. Лоцманы обычно высматривали пакетботы со Стэйтен-айленда. Тот, кто первым приближался к кораблю, по традиции получал право не только привести корабль к берегу, но и отвести его обратно. После входа пакетбота в Нэрроуз [главный проход гавани] его встречали таможенные и медицинские чиновники, подвергавшие осмотру груз, пассажиров и команду. Подозрение в контрабанде или болезни могло привести к карантину и месячной задержке. Почтовые отправления и газеты также подвергались карантину.

В некоторых случаях кораблю оказывали особые услуги. «Новостное судно» встречали за сто миль от города. Команда встречающих более или менее постоянно болталась в море в ожидании особых грузов, не подвергавшихся таможенной проверке; лондонские издатели доверяли свои грузы назначенным офицерам, чтобы те передали их коллегам в Нью-Йорке. Эти новостные суда помогали преодолеть тиранию расстояний и сообщали зарубежные новости быстро и в срок.

Приблизительно в то же время, когда Мергенталер трудился над первым паровым печатным станком, начались эксперименты с электронной передачей информации. Человечество с древности знало

об электричестве, вырабатываемом некоторыми породами рыб, и об искусственном электричестве, возникающем при натирании янтаря шерстью. В 1746 году французский аббат Жан-Антуан Нолле впервые совершил своего рода электронную передачу информации: на расстоянии свыше мили он расставил двести монахов и соединил их железными проводами. Нолле пропустил ток через первого монаха и удивился сам, увидев, что последний монах ощутил электрический разряд одновременно с первым. Эксперимент продемонстрировал мгновенную природу феномена.

Неважно, использовал ли экспериментатор медный провод или монахов, электронная передача данных требовала более надежного источника электричества, нежели натертый янтарь или электрические угри. Проблему эту не могли решить, пока в 1800 году Алессандро Вольта не изобрел первые батареи, изготовленные из цинка и меди и из цинка и серебра. Прошло еще несколько десятилетий до того, как американец Сэмюэл Морзе и англичане Уильям Кук и Чарльз Уитстон создали действующий телеграф. В 1844 году Морзе передал из Балтимора в Вашингтон результаты съезда партии вигов. Его телеграмма опередила более чем на час курьера, ехавшего верхом в столицу. К 1848 году США протянули телеграфные провода на две тысячи миль, через два года протяженность линий насчитывала уже двенадцать тысяч; 24 октября 1861 года закончили прокладку трансконтинентальной линии, а спустя два дня прекратила существование курьерская почта.

В 1858 году англо-американский правительственный консорциум проложил первый трансатлантический кабель и изумил планету мгновенной передачей информации между Новым и Старым светом. Житель Нью-Йорка, мемуарист Джордж Темплтон Стронг писал в своем дневнике:

Вчера «Геральд» написала, что кабель – это, без сомнения, ангел из Книги Откровение. Встав одной ногой в море, а другой на берегу, он возгласил, что времени более не существует. Обычные люди просто скажут, что это – величайшее историческое достижение человечества.

Стронг не преувеличивал: рациональные наблюдатели, пораженные внезапным преобразующим достижением коммуникационных технологий, полагали, что это событие способно установить мир между странами и народами. Через несколько месяцев после прокладки первого трансатлантического кабеля Чарльз Бриггс и Огастес Маверик напечатали «Историю телеграфа и великого атлантического кабеля», в которой восторженно восклицали:

Сколь же могучей силой наделен телеграф, призванный нести цивилизацию миру! Провода его объединяют страны. Дальнейшее существование предрассудков и враждебности невозможно после появления такого аппарата, созданного в результате интеллектуального обмена между всеми народами, населяющими Землю.

К сожалению, спокойствия миру новая технология не принесла, ожидания оказались ошибкой, которая на протяжении полутора столетий будет повторяться с каждым новым коммуникационным прорывом. К тому же первый подводный кабель был проложен небрежно и уже через месяц вышел из строя. Следующим попыткам помешала гражданская война, но к 1866 году заработали две более надежные трансатлантические линии. В 1870 году азиатская магистраль дошла до Индии, а в 1871-м – до Австралии. Наземные и подводные телеграфные линии сократили время передачи информации: то, что раньше занимало большую часть года, теперь удавалось совершить за минуты, самое долгое – за часы.

Затраты на работы оказались страшно велики, а доступ к новой технологии был крайне ограниченным. Обычным гражданам она была не по карману. В Европе телеграф находился в распоряжении государства, а в США единственная компания, «Вестерн Юнион», к 1890 году поглотила большинство мелких телеграфных служб.

Британцы платили за телеграмму около шиллинга, что приблизительно равнялось двадцати пяти американским центам. Столько английский рабочий получал за половину дня^[67]. Поначалу американцы платили за одно сообщение около доллара, но к 1879 году цена упала до сорока центов, зарплата среднего американца в то время составляла чуть больше доллара. Из вышеприведенных цифр можно

сделать вывод, что англичане получали вполонину меньше, чем зарабатывали американцы. В конце девятнадцатого века и в начале двадцатого европейцы уезжали в Америку, хотя вряд ли думали, что улицы там вымощены золотом, и прельщала их, главным образом, двойная зарплата.

Обозреватели замечали, что даже при высокой стоимости услуг простые европейцы рано начали пользоваться телеграфом, отказывались от железнодорожных поездок и предпочитали почтовые отделения, поскольку общаться на расстоянии стало намного удобнее. Американцы, напротив, остались верны железной дороге по простой причине: их дороги, кроме самых оживленных, в отличие от двухколейных европейских, были одноклейными и нуждались в телеграфном контроле. Соответственно, вплоть до 1880 года мало американцев, кроме тех, кто работал на железной дороге и в банках, когда-либо заходили в помещения телеграфных станций.

Приблизительно как в наше время вновь созданные софтверные компании волей-неволей поглощаются «Майкрософтом» или «Гуглом», почти все перспективные начинающие американские телеграфные линии становились частью компании «Вестерн Юнион». Покупка мелких компаний требовала постоянного притока нового капитала, а потому после 1870 года «Вестерн Юнион» не снижала расценки. Публичное недовольство ценами «Вестерн Юнион» вынудило замечательного адвоката Гардинера Хаббарда, тестя Александра Грэма Белла и соучредителя компании «Белл телефон», предпринять попытку национализировать «Вестерн Юнион». Попытка оказалась неудачной.

Телеграф стал источником жизненной силы газет, он уничтожил мир конных гонцов, новостных пакетботов и почтовых голубей. К середине девятнадцатого века газеты по обе стороны Атлантики оказались зависимыми от телеграфных монополий в подаче публикуемой информации. Факт оставался фактом: этот потрясающий аппарат выдавал новости, источник которых газеты не контролировали. В 1851 году газета «Спрингфилд рипабликен» (Массачусетс) оптимистически заявляла:

Для публики, как и для издателей газет, ничто не может быть очевиднее: теперь у нас куда больше новостей, чем раньше. Издатели

провинциальных еженедельных газет, что называется, удили рыбу на мелководье, искали, чем бы заполнить страницы, а редакторы ежедневников мечтали о жизни в больших городах. Поезд, пароход и магнитный телеграф приблизили отдаленные штаты. Эти почти магические посредники соединили весь цивилизованный мир. Издатель сидит в своем святилище, а на посылках у него молния и огонь.

На самом деле в Соединенных Штатах «молния и огонь» телеграфа вряд ли были у кого-то на посылках. Напротив, телеграф был фактически монополией алчной «Вестерн Юнион», контролировавшей поток информации, поступавшей в газеты. Как случалось раньше и как будет происходить впоследствии, продвинутой, дорогой и неуклюжей коммуникационной технологией командовали немногие люди, повелевавшие потоком информации.

В 1833 году нью-йоркский типограф Бенджамин Дэй взял на вооружение концепцию Уильяма Коббета – издание дешевой газеты – и учредил первую американскую однопенсовую газету «Сан». Дэй предполагал, что газета будет исключительно рекламной, но в 1835 году его сотрудник, наделенный богатым воображением журналист Ричард Эдамс Локк, опубликовал очерк о людях, растениях и животных, живущих на Луне. Соперничавшая с «Сан» газета «Нью-Йорк геральд» вскоре разоблачила обман, но читатели расхватывали газету и требовали еще подобного. Тогда Дэй пошел навстречу читателям, первые печатные паровые станки удовлетворили спрос на дешевые издания.

В 1845 году «Сан» и «Геральд» вместе с тремя другими нью-йоркскими газетами объединились, образовав агентство «Ассошиэйтед пресс» (АП), чтобы разделить расходы за телеграф, морские перевозки и курьерские услуги, которые приходилось нести при освещении американо-мексиканской войны. Новый консорциум продавал газетам высококачественные репортажи; вскоре к нему примкнули другие структуры, в частности, синдикат «Юнайтед пресс».

В конце девятнадцатого века телеграф подарил газетам еще больше новостей, а ротационные печатные станки и дешевая бумага позволили печатать еще больше материалов – и гораздо дешевле. Старые тонкие шестипенсовые газеты, служившие определенной партии и нацеленные на обеспеченных людей, уступили место

однопенсовым «Сан» и «Геральд»; эти газеты, напичканные скандалами и рекламой лекарств, возбуждали и соблазняли грамотное население Запада. Перемена отражалась даже в названиях однопенсовых газет: нью-йоркские «Сан», «Геральд» и «Трибьюн» декларировали, что они, соответственно, освещают, провозглашают и защищают интересы «угнетенных».

Какое-то время шестипенсовая и однопенсовые газеты сосуществовали, причем первая бранила дешевые листки за клевету и публикацию мошеннической рекламы, а последние трубили о своей независимости. По словам Джеймса Гордона Беннета, основателя «Нью-Йорк геральд», доверять можно только однопенсовой прессе, «просто потому, что она не подчиняется никому из своих читателей». Типичная шестипенсовая газета редко имела более нескольких тысяч постоянных подписчиков, в то время как однопенсовая пресса продавалась в киосках тысячными тиражами – газета Беннета, к примеру, после своего основания в 1835 году несколько лет имела ежедневный тираж 20 тысяч экземпляров, а накануне гражданской войны эта цифра возросла до 77 тысяч экземпляров.

Шестипенсовая пресса, с ее ограниченным тиражом и зависимостью от муниципального и регионального политического аппарата и от коммерческих интересов, оставалась локальной и имела небольшое влияние на социум в целом. У однопенсовой прессы таких ограничений не было, она родилась благодаря телеграфу, а дешевая бумага, высокоскоростные ротационные печатные станки и линотип позволили ей быстро обрести общенациональную значимость. Истории двух людей, из которых первый – своего рода воплощение в жизнь рассказов Горацио Элджера^[68], а другой – отпрыск богача, красочно иллюстрируют рождение национальной прессы, а также пределы ее власти и степени влияния на общество в конце девятнадцатого – начале двадцатого века.

Венгр Йозеф (в американском варианте – Джозеф) Пулитцер родился в 1847 году в обеспеченной семье еврейского торговца зерном. Его отец умер в 1858 году, семья скоро обанкротилась и обнищала. Австрийская, французская и британская армии не взяли Пулитцера на службу из-за плохого зрения и слабых физических данных; тем не менее, ему удалось начать военную карьеру, поскольку в 1864 году в

Гамбурге он вступил в добровольческую американскую армию: туда принимали всякого, лишь бы у него бился пульс.

Пулитцер бегло говорил на немецком, французском и венгерском языках, а английский он знал плохо. Это было не важно, поскольку армию составляли иммигранты, и в отряде Пулитцера служили в основном немцы. После сражения при Аппоматтоксе он уехал на запад. Логичным выбором для амбициозного молодого европейца выглядел Сент-Луис, поскольку там проживало много немцев, а за рекой Миссисипи открывались широкие просторы для дел. Пулитцер перепробовал много занятий, но в конце концов остановился на работе репортера в немецкоязычной газете «Вестлише пост», где отточил журналистское мастерство и владение английским.

Удача улыбается подготовленным. Пулитцер не только готовил репортажи, но и занимался юридической практикой, служил в законодательном собрании штата, а когда получил небольшое наследство, стал успешно инвестировать в обанкротившиеся издательства, со временем приобрел две газеты Сент-Луиса – «Пост» и «Диспетч» – и объединил их в одно издание.

К тому моменту уже Пулитцер разобрался в читательском вкусе, и это заметно по типичным заголовкам его газет:

ЗАГЛЯНЕМ В ИГОРНЫЕ ПРИТОНЫ СЕНТ-ЛУИСА

ОН НАПОИЛ ГУБЕРНАТОРА И УЛОЖИЛ ЕГО В ПОСТЕЛЬ

Газета писала о борделях и публиковала налоговые декларации богачей. Проститутки таких разоблачений боялись, а богачи были довольны: такие новости позволяли точнее оценивать доходы конкурентов и партнеров. Причем скандалы для Пулитцера были не только бизнесом, но и способом борьбы. Когда Демократическая партия не согласилась выдвинуть его кандидатом на избрание в Конгресс, он набросился в прессе на местного партийного лидера, разоблачил факты коррупции в автомобильном производстве и в сделках с недвижимостью, а также привел доказательства вымогательства средств у частных компаний. Публично каяться, впрочем, в те годы было не принято. Один чиновник, которого

поймали с поличным, так прокомментировал свое разоблачение: «Это отличная реклама моего бизнеса. Прежде люди не знали, что в палате депутатов есть коррупция, теперь им это известно, так что если они хотят чего-то добиться, пусть подкинут монетку-другую».

Пулитцер скончался в 1911 году; его состояние было вложено главным образом в акции Сент-Луиса и Нью-Йорка. Два миллиона долларов он оставил Колумбийскому университету – на создание факультета журналистики; в 1917 году университет учредил Пулитцеровские премии. Еще при жизни Пулитцер вдохновил своим примером другого издателя, Уильяма Рэндольфа Херста, и тот продолжил его дело.

Происхождение Херста было даже более экзотическим, чем у Пулитцера. Отец, Джордж, во время золотой лихорадки в 1850 году уехал из Миссури и по пути едва не умер от холеры. Джордж балансировал на грани банкротства, но отыскал залежи серебра, которые позволили вырваться из бедности и вознестись к невиданному богатству.

Правда, деньги не облагородили сквернословия-фермера из Миссури. В 1860 году он вернулся домой, к умирающей матери, и шокировал семью и друзей тем, что стал ухаживать за местной учительницей Фиби Апперсон, утонченной девушкой на двадцать лет младше. Она прилично говорила по-французски, что было редкостью для тех мест. Несмотря на многочисленные пороки Джорджа, в душе он был добрым человеком – и богатым. В 1862 году они с Фиби поженились и уехали в Калифорнию.

До прокладки трансконтинентальной железной дороги в Калифорнию вели два пути. Бедняки рисковали жизнью и соглашались на очевидные неудобства, передвигаясь по суше (так поступил и Джордж в свой первый вояж на запад), а люди побогаче плыли по морю, через Панаму. Маршрут этот был более безопасным, хотя и не менее трудный. Непокойный Тихий океан и беременность страшно измучили Фиби, а когда они добрались до Золотых Ворот, она воскликнула: «Я хочу жить на этих холмах, откуда всегда буду видеть залив». 29 апреля 1863 года она родила сына, Уильяма Рэндольфа, которого судьба наградила материнским умом и утонченностью, а также силой, присущей обоим родителям.

Детство Уилли было необычным. В его классе учились такие хулиганы, что мать посылала слуг провожать сына домой, хотя Уилли сопротивлялся – мол, дойду один, как остальные мальчики. Когда Уилли исполнилось десять лет, он с матерью отправился в большое путешествие по Европе. Они совершенствовали владение немецким и французским, посетили множество музеев, обедали с американскими дипломатами, встречались с римским папой. Джордж между тем вошел в число самых богатых людей Америки – как владелец плодоносных рудников в Северной Дакоте и Монтане, а также золотых копей Хоумстейк и Анаконда.

В 1880 году, незадолго до того как юный Уилли отправился в Гарвард, Джордж купил в Сан-Франциско убыточную «демократическую» газету «Экзаминер». Полуграмотный Джордж отчаянно нуждался в помощи прессы, а когда Уилли исключили из Гарварда (за одну из многочисленных шалостей), Джордж подарил гарвардским профессорам ночные горшки с выгравированными внутри именами: сыну же передал руководство газетой.

Бесславное завершение учебы в Гарварде не слишком расстроило Уилли. К тому моменту он уже знал, что будет управлять газетой, и поэтому в ходе учебы оттачивал предпринимательские навыки на управлении студенческой юмористической газетой «Лэмпун». Ему было кому подражать: в 1883 году Джозеф Пулитцер купил у финансиста Джея Гулда газету «Нью-Йорк уорлд». В дивном новом мире американской журналистики, вместе с газетой Джона Гордона Беннета «Геральд», Пулитцер «налаживал контакты»: благодаря новым высокоскоростным печатным станкам и линотипам старые малотиражные, коммерчески и политически зависимые шестипенсовые газеты сдавались независимой, скандальной однопенсовой прессе. Телеграф, в свою очередь, позволил предпринимателям организовать массовое распространение новостей. Надо ли говорить, что только самые богатые могли позволить себе станки и телеграфные линии, достойные новой национальной коммуникационной среды?

Начало пресс-революции положили не мелкие региональные города, а самый крупный рынок – Нью-Йорк. Вместе с шестипенсовой прессой исчез и надежный поток наличных, поступавших по подписке; отныне деньги приносили ежедневно мальчишки-продавцы на

перекрестках и газетные киоски; а количество денег зависело от содержания дневных новостей. События сочинить новость часто оказывался непреодолимым для издателей, особенно для Херста.

Пулитцер в Нью-Йорке постепенно превращал «Уорлд» в средоточие журналистского могущества, а Херст в Сан-Франциско приступил к раскручиванию газетки «Экзаминер», на которой его отец несколько лет подряд терял деньги. Впрочем, нет, не совсем в Сан-Франциско. В марте 1887 года, когда отец уехал на восток, чтобы принять обязанности сенатора, двадцатичетырехлетний Уилли с любовницей, официанткой из Кембриджа Тесси Пауэрс, отправился на запад. Пара поселилась в солнечном Саусалито, напротив Золотых Ворот. Временно туда перебралась и редакция «Экзаминер».

Сонный мир шестипенсовой прессы Сан-Франциско Херст взял приступом. Он купил лицензию на освещение национальных и интернациональных новостей у газеты Беннета; эксплуатируя семейный капитал, он использовал также политические связи – в частности, уговорил своего богатого, а теперь и прорвавшегося во власть отца перехватить рекламу у конкурентов из «Кроникл».

У Херста был нюх на таланты: он привлекал авторов из Кембриджа и Нью-Йорка, в том числе знаменитого, язвительного и проницательного Амброза Бирса. Седеющий журналист в классическом стиле рассказывал о первой встрече с начинающим издателем:

– Вы от мистера Херста?

Ангельский ребенок поднял на меня голубые глаза и проворковал: «Я и есть мистер Херст».

В «Экзаминер» Херст широко использовал один из своих характерных приемов – во что бы то ни стало поразить читателя. Ранним примером такого приема может служить расследование злоупотреблений в городской больнице для душевнобольных. Херст отправил туда своего репортера Уинифред Блэк. Журналистка облачилась в лохмотья, закапала в глаза белладонну, на улице Кирни споткнулась и упала. Ее быстро отправили в больницу, и за время своего пребывания там она зафиксировала множество нарушений.

В последующее десятилетие Херст постоянно писал о беспорядках, убийствах, сексуальных домогательствах и коррупции в высших сферах; этот стиль получил название «желтая пресса» (происхождение термина связывают с Желтым Малышом, персонажем американского комикса; сегодня желтой прессой именуют журналистику, которая вследствие интеллектуальной лени высасывает темы и сюжеты из пальца). В любой день «Экзаминер» мог выдать полдюжины заголовков следующего рода:

УБИЛ ИЗ-ЗА ДЕНЕГ. Ужасное преступление, юный злодей сознался.

Обезглавленный мужчина.

Безумие вдовы жертвы.

Мать убийцы потрясена.

Хотя современники обвиняли Херста в том, что он транжирит богатство отца, Уильям видел: старый Джордж понимает, что деньги делают деньги, и капитализация в данном случае налицо. В итоге Херст сильно разбогател и последовал примеру Пулитцера – в 1895 году купил нью-йоркскую газету «Морнинг джорнел», которую переименовал в «Нью-Йорк джорнел». На следующий год еще один агрессивный юный газетчик из Чаттануги, Адольф Окс, приехал в Нью-Йорк и купил «Таймс».

Через несколько лет после покупок Херста и Окса между соперничающими газетами началась полномасштабная война за лучшее освещение испано-американской войны. Эта ситуация продемонстрировала как силу, так и ограничения «четвертой власти».

После приобретения «Джорнел» Херст отправил на Кубу двух сотрудников – репортера Ричарда Хардинга Дэвиса и художника Фредерика Ремингтона, которым поручил следить за восстанием против испанцев. Местные колониальные власти не пустили корреспондентов в зону боевых действий, и, поскольку новости отсутствовали, Ремингтон телеграфировал Херсту: «Все спокойно. Ничего не происходит. Войны не будет. Хочу вернуться». Херст, предположительно, ответил: «Прошу остаться. Обеспечьте иллюстрации. Войну обеспечу я». (Знаменитый ответ Херста,

возможно, не каноничен, но, так или иначе, Ремингтон не послушался босса и покинул остров).

В феврале 1897 года Дэвис отправил репортаж об испанской полиции. Обыскивая кубинских женщин на американском судне «Оливетт», шедшем в Ки-Уэст, полицейские раздевали кубинок донага. История оказалась достаточно провокационной, в газете появился заголовок: «Способен ли наш флаг защитить женщин? Недостойное поведение испанской полиции на борту американского судна». Больше всего запомнился рисунок Ремингтона: нагая женщина в окружении полицейских, не сводящих с нее плотоядных взглядов. И не важно, что художник изобразил сцену из нью-йоркской жизни, что на самом деле женщину обыскивали другие женщины – Уильям Рэндольф Херст влиял на события и готовил войну.

Следующую «экскурсию» на Кубу в поисках романтических историй «Джорнел» завершил рассказом о восемнадцатилетней Евангелине Киснерос. В конце 1897 года газета сообщила, что юная девушка, дочь кубинского аристократа, оказалась в жуткой гаванской тюрьме, о чем свидетельствовал репортер «Джорнел» Джордж Брайсон. Евангелина пострадала из-за того, что отказалась помогать печально знаменитому Валериано Вейлеру (читатели Херста лучше знали его под кличкой «Мясник»). С отцом девушки испанцы обращались ничуть не лучше: увезли того за океан и заключили в тюрьму поблизости от Гибралтара.

Херст заменил Брайсона Карлом Декером, лихим виргинцем, которого отличали не только особые умения, столь необходимые для разрешения ситуации Киснерос, но и общее происхождение с консулом США в Гаване, чьего расположения Херст добивался. Декер открыл магазин на той же улице, где томилась в тюрьме юная кубинка. Из витрины его магазина было видно окно камеры Евангелины. Юная девушка притворилась, что у нее болят зубы, и попросила опиум; это «лекарство» она сумела подлить обоим тюремщикам и своим сокамерницам.

Декер освободил узницу, Евангелина остригла волосы, переделалась в костюм моряка и спокойно вышла на пристань Гаваны, где Декер посадил ее на корабль, идущий в Штаты. Заголовок газеты «Джорнел», сообщавший об этом, заставил бы покраснеть канал «Фокс

ньюс»: «Американская газета делает то, чего не могли добиться лучшие дипломаты за долгие месяцы».

Когда Евангелина приехала в Нью-Йорк, Херст поместил ее в отеле «Уолдорф», одел по виргинской моде во все белое и торжественно провез по городу. Евангелина поблагодарила Декера и великую нацию, освободившую ее и защитившую, глаза всех присутствовавших наполнились слезами. Правда, раскрытая пулитцеровской газетой «Уорлд», поставила историю под сомнение: на самом деле отец Евангелины был революционером, и посадили его в тюрьму не в Европе, а на кубинском острове Пинос. Навещая отца в тюрьме, Евангелина женскими чарами заманила надзирателя в камеру, и заключенные попытались перерезать ему горло. За это испанцы и бросили ее в тюрьму, где она пребывала в просторной камере, а вовсе не в «дыре», описанной Брайсоном. К тому моменту, однако, красочная история Херста уже покорила читателей и зажила своей жизнью, так что немногие обратили внимание на разоблачительный репортаж Пулитцера.

Ситуация на Кубе неумолимо перерастала в конфликт; в начале 1898 года «Джорнел» опубликовал письмо, в котором Дюпюи де Лом, испанский посол в Вашингтоне, позволил себе неосторожные, хотя вряд ли шокирующие комментарии в отношении президента Мак-Кинли. «Джорнел», разумеется, негодовал: «САМОЕ УЖАСНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ, НАНЕСЕННОЕ СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ». Это письмо хранилось у Херста более года, он терпеливо дожидался подходящего момента для публикации. Де Лому пришлось уйти в отставку. Испания и Америка готовились к войне; 15 февраля 1898 года, после взрыва американского броненосца «Мэн» в бухте Гаваны, Америка обвинила испанцев в том, что они взорвали корабль миной или торпедой (на самом деле, скорее всего, произошел несчастный случай, взорвались боеприпасы, что в те времена случалось нередко).

Оглядываясь назад, более чем на столетие, мы можем заключить, что всего один человек, владевший телеграфом и высокоскоростным печатным станком, привел к столкновению две самые многочисленные нации мира. Херст и сам почти признался; в мае 1898 года его нью-йоркская газета спрашивала в передовице: «Как вам нравится война «Джорнел»?»

Все же в реальности Херст обладал меньшим влиянием, чем можно предположить по его быстро расширявшейся империи. Тщательный анализ испано-американской войны свидетельствует, что пресса мало сделала для ее провоцирования, разве что сообщала факты под «нужным углом». А именно: заморское государство ведет жестокую политику, по сути дела, геноцид, по отношению к коренному населению острова рядом с Америкой. И не просто иностранное государство, а ненавистный коррупционный европейский режим – Испания. Следует помнить, что США едва-едва только что зафиксировали свою западную границу, так что единственной территорией, на которой они могли исполнять свою мечту, была территория другого государства. Война разразилась бы и без фокусов Херста. (По иронии судьбы, причиной восстания на Кубе и испано-американской войны стал упадок экономики из-за того, что американцы повысили тарифы на сахар.)

Независимости американского президента в сфере международной политики, как и сегодня, позавидовало бы большинство европейских монархов. Президенту Мак-Кинли страшно не нравилось вмешательство Херста; проживи Мак-Кинли дольше, Херст наверняка навлек бы на себя президентский гнев.

Разбираться с Херстом пришлось преемнику. Теодор Рузвельт решил отомстить газетчику, не забывая, что месть должна подаваться холодной. После войны Херста избрали от Демократической партии на два срока в Конгресс. Дважды он безуспешно пытался стать мэром Нью-Йорка, а в 1906 году сражался за пост губернатора; соперником Херста выступал Чарльз Эванс Хьюз. Фронтом для атаки на барона прессы Рузвельт избрал губернаторские выборы; возможно, не случайно – губернаторство в штате Нью-Йорк было некогда заветной целью президента.

Исполнение этого задания президент поручил государственному секретарю Элие Руту. Тот согласился, хотя только что вернулся из изматывающего тура по Южной Америке. Первого ноября 1906 года, за пять дней до выборов, Рут выступил в Утике, в пяти милях от своего родного города Клинтон. Текст речи был опубликован заранее, и на митинг пришли сторонники Херста. Один из них грубо оскорбил Рута, но, когда защитники Хьюза вознамерились выставить грубияна из

зала, Рут поднял руку и воскликнул: «Нет, пусть останется и послушает!»

Рут произнес одну из самых знаменитых речей того времени, представил Херста демагогом наихудшего сорта, наглядным образчиком «грязной власти» корпоративных трастов, которые Рузвельт намеревался приструнить. Херст, говорил Рут, это богатый и беспринципный дилетант, он пропустил 90 % перекличек в Конгрессе и отсутствовал в ходе 95 % законодательных сессий.

Это было только начало. Затем взорвалась «бомба», которой никто не ожидал: цитировались подлые нападки на Мак-Кинли в газетах Херста, упоминались карикатуры на президента – фактически Херста называли соучастником убийства Мак-Кинли. О самом убийце, Леоне Чолгоше, Рут сказал:

Он отвечал выученный урок, поскольку счел своим долгом избавить землю от монстра, а урок этот ему и таким, как он, преподавал Уильям Рэндольф Херст со своей желтой прессой.

В конце речи Рут так обозначил свою позицию:

Вы верите президенту Рузвельту? Вы согласны с его политикой раскрытия и предотвращения корпоративных правонарушений? Он очень хочет, чтобы на пост губернатора штата Нью-Йорк был избран мистер Хьюз. Скажу вам от его имени: мистера Херста он считает совершенно негодным для этой должности, поскольку мистер Херст – лживый, своекорыстный демагог.

Речь Рута покончила с политической карьерой Херста. Его поражение было единственной крупной потерей демократов в нью-йоркских выборах 1906 года. После этого Херста, возможно, не избрали бы и санитарным инспектором. Один из комментаторов той эпохи сказал: «На страницах своих газет он может достигнуть многого. Но в открытом обмене мнениями никого не надует». Речь в Утике еще сильнее укрепила и без того безупречную репутацию Рута. Не отстаивай он выходящее из моды корпоративное законодательство, это выступление наверняка сделало бы Рута кандидатом республиканцев на президентских выборах 1908 года. По иронии судьбы, Херст мало

чем отличался от убийцы Мак-Кинли Лео Чолгоша – ведь мотивацию Чолгоша определили анархизм и недовольство социальным неравенством в Америке.

Газетная карьера Херста продолжалась целых шестьдесят лет, почти до самой его смерти в 1951 году; он пережил десять президентов. Херст ни в чем себя не ограничивал: финансировал актерскую карьеру своей любовницы Мэрион Дэвис, построил роскошный замок Сен-Симеон, экстравагантность по меньшей мере единожды поставила его на край банкротства. Херст владел тридцатью самыми крупными американскими газетами, корпорация Херста и в наши дни является внушительной издательской империей. Тем не менее, власти у него было так мало, что политическую карьеру он построить не смог, а другие национальные деятели часто использовали его как ширму (так поступали оба Рузвельта).

К тому же Херст потерпел поражение не столько от политического истеблишмента, сколько от самой журналистики, которая постепенно эволюционировала в профессию. Судить Херста по сегодняшним журналистским стандартам все равно, что осуждать поведение командира римского легиона по законам Женевской конвенции. Во времена Херста концепция журналистики как профессии (непредвзятость, объективность и внимание к фактам) была мало кому известна. Студентов, будущих юристов, учат отделять букву закона от эмоций и мнений, а студентов-медиков – «гасить» эмоциональную реакцию на пациентов и их физическое состояние. Подобным же образом авторитетные журналисты стремятся перепроверять сведения по разным источникам и дистанцироваться от сюжетов и людей, у которых они берут интервью.

Почему журналисты, ответственность которых перед читателями не является прямой и очевидной, должны стремиться к высокому профессионализму, не всегда ясно. В то время как юристы и врачи несут ответственность перед клиентами и пациентами, журналистам позволительно нарушать этот высокий этический кодекс. И все же в последние сто лет журналисты достигли немалого профессионализма, придерживаются стандартов и даже этических императивов, которые в экстремальных обстоятельствах требуют, чтобы репортер отказывался раскрывать источники информации.

В начале двадцатого столетия журналист Уолтер Липпман в газете «Йель ревью» опубликовал интересную статью, изложившую многое из того, о чем рассказывается в этой главе: эволюция газет прошла три стадии – прямой правительственный контроль (Ренодо, английский закон, согласно которому запрещалось распространение нелицензированных произведений); партийный и коммерческий контроль (пример – шестипенсовая пресса) и зависимость от массового спроса (однопенсовая пресса и желтая журналистика Херста).

Липпман, которого можно назвать анти-Херстом, происходил из интеллектуальной германо-американской еврейской аристократии. Он учился в Гарварде у таких преподавателей, как Джордж Сантаяна и Уильям Джемс, курс окончил за три года и сделался самым влиятельным публичным интеллектуалом столетия.

Как ни странно, Липпман благоволил желтой прессе; термин этот (как уже упоминалось) появился, возможно, благодаря популярному комиксу, и его стали применять к любой газете, публиковавшей сенсационные, неподтвержденные истории. В конце концов потакание вкусам легковверной публики освободило газеты от политической зависимости. Желтая пресса, по словам Липпмана, оказалась «первой политически независимой прессой, которую узнал мир». Постоянно шокируя и щекоча нервы читателей, желтая пресса с неизбежностью сеяла семена собственного разрушения:

Этот прием истощает себя. Если постоянно все драматизировать, спустя какое-то время ничего драматического не останется. Когда сильно наперчено, через какое-то время все делается пресным; если пресса постоянно представляет события как новые и потрясающие, человек перестает чему-либо удивляться. Но это еще не все. Со временем личная ответственность журналистов возрастает, а читатели испытывают потребность в правдивой информации, поскольку им надоедают навязываемые сенсации и развлечения.

Это вполне справедливо, но у объективной беспристрастности современной журналистики другой источник, а именно подписка и доход от рекламы. Газета, рассчитанная на широкую аудиторию, вряд

ли может позволить себе обидеть половину подписчиков, да и рекламисты, хоть и не чуравшиеся тенденциозных публикаций, явно не желали потерять половину потенциальных покупателей. Короче, профессиональная журналистика, согласно профессору журналистики Джею Розену, стала «большой сделкой между разными игроками».

После Первой мировой войны Липпман отмечал, что американские газеты вступили в «четвертую стадию» развития, в которой доминировали профессионалы. Для новых репортеров и издателей Херст был пугалом, причиной утраты влияния и доверия стало презрение как со стороны коллег, так и оппозиции, которую представляли Рут, Рузвельты и другие.

Сегодняшние таблоидные журналисты, похоже, опровергают «оптимистическую перспективу» Липпмана, однако следует помнить, что даже канал «Фокс ньюс» не может полностью игнорировать объективность и широту охвата. (По крайней мере, на этом берегу Атлантики; американские читатели могут порадоваться тому, что ни одна крупная американская газета, насколько нам известно, не вела себя столь позорно, как «Ньюс оф зе уорлд»).

Парадигма Липпмана убедительно разъясняет отношения, сложившиеся между властью прессы и властью государства. Первую стадию, по классификации Липпмана, представляла эра Ренодо и английский закон семнадцатого века, согласно которому запрещалось распространение нелегальных произведений. Власть прессы как агента государства ограничивалась низким уровнем грамотности и дороговизной газет. Вторую стадию, по классификации Липпмана, представляла эра английской «подкупленной прессы» и шестипенсовая пресса США, подотчетная партиям (политический контроль прессы в Штатах был чуть менее выражен).

Третью стадию, по классификации Липпмана, представляли Пулитцер и Херст, они создали модель, которая не только позволяла, но требовала свободы от политического контроля. Их газеты постоянно стимулировали интерес публики, а та интересовалась сексом, скандалами и беспорядками. Без способности воспроизводить такую стимуляцию и привлекать больше читателей новостной газетный рынок функционировать не может, а потому пресса обращалась за помощью к правительству или политической партии, дабы победить в конкурентной борьбе.

Европейская пресса конца 1920-х годов тоже жила бурной жизнью, особенно в Германии, где выходило свыше четырех тысяч ежедневных и еженедельных газет. В Берлине издавали двадцать, в Гамбурге десять, в Штутгарте восемь газет. Политический и экономический хаос, возникший вследствие Первой мировой войны и усиленный Великой депрессией, позволил нацистам с удивительной легкостью обрести господство над германской прессой. Пугающий пример того, как легко при определенных обстоятельствах взять под контроль коммуникационную среду.

В «Майн кампф» Адольф Гитлер подчеркивал роль прессы в нацистском будущем. Население он разделял на три класса: большинство людей верят всему, что читают; значительное меньшинство цинично и не верит ничему; крошечное меньшинство интеллектуалов оценивает информацию критически и формирует собственное мнение.

В современных обществах, даже в тех, что относительно недемократичны, рассуждал Гитлер, самым важным является мнение первой группы:

В наше время, когда избирательные бюллетени становятся главным фактором успеха, решение находится в руках самой многочисленной группы, толпы доверчивых простаков. Основополагающий интерес государства и его национальный долг состоят в том, чтобы не дать этим людям попасть в руки лживых, невежественных или злонамеренных учителей. Особое внимание следует уделить прессе, ибо ее влияние на этих людей самое сильное и глубокое. Государство обязано использовать этот инструмент для обучения и должно поставить прессу на службу стране и нации.

Нацисты начали контролировать прессу задолго до того, как захватили политическую власть. Две экономические катастрофы – Первая мировая война и Версальский договор – сделали эту задачу относительно легкой. К 1925 году нацистская партия почти задаром купила «Ферлаг», одно из крупнейших германских издательств, и сделала своим флагманом мюнхенскую газету «Фелькишер беобахтер», официальный партийный орган. На первой странице было указано имя издателя – Адольф Гитлер.

Приход нацистов к власти в сочетании с бросовыми ценами позволил издательскому дому «Ферлаг» поглотить сотни местных газет и закрыть сотни других изданий. Первыми в руки «Ферлаг» попали газеты, принадлежавшие коммунистам; но даже всевластная нацистская партия не могла скупить все газеты Германии, по крайней мере, не сразу.

Теоретически, подобно частным и публичным компаниям, эти газеты не являлись напрямую собственностью нацистской партии, действовали независимо в рыночной экономике. Фактически же рыночная экономика не может существовать в отсутствие закона и защиты прав собственности, гарантированных независимым судом, а нацисты отвергли обе эти концепции, едва оказавшись у власти.

В двадцатом веке высокая стоимость издания газет означала, что лишь немногие могли владеть и управлять производством новостей. Даже в Германии, с ее тысячей периодических изданий, было не так-то легко их контролировать. «Ферлаг» владел 82,5 % германских газет.

Следующим великим коммуникационным прорывом стало радио, контролировать которое было гораздо проще вследствие чрезвычайной дороговизны передатчиков. В итоге радио сделалось инструментом одностороннего контакта. Легкость контроля вкупе со свойственной радио силой убеждения способствовали подъему тоталитаризма в начале двадцатого века, что, в свою очередь, обернулось репрессиями, страданиями и горами трупов.

Глава седьмая

С мачете в одной руке и радиоприемником в другой

Войны ведутся не из-за территорий, а из-за слов. Но самое смертельное оружие человека – язык. Человека гипнотизируют лозунги и символы, он перед ними беззащитен, как перед инфекционной болезнью. В случае эпидемии берет верх групповое сознание.

Артур Кестлер

Ухо принимает, принимает и верит.

Арчибальд Маклиш

Из всех коммуникационных технологий, обсуждаемых в этой книге, радио и телевидение – самые иерархические. Ни одно из предыдущих медийных средств не могло прийти одновременно до стольких людей, имея при этом столь незначительную обратную связь. Почти монопольный контроль этих медиа над социумом беспокоит и население, и законодателей. В 1934 году, во время американских парламентских дебатов, посвященных учреждению Федеральной комиссии по связи, член палаты представителей Луис Макфадден выступил против «радиотреста»; его слова до сих пор звучат свежо: «Сильная влиятельная рука высушивает независимые радиостанции США, и все эти действия приводят к централизации контроля».

Беспокойство Макфаддена, вызванное концентрацией медийной власти, родилось не на пустом месте. Как уже говорилось во вступлении к этой книге, появление в 1920 году коммерческого радио совпало с возрастанием количества деспотических правительств во всем мире. Разумеется, были и другие причины, этому явлению способствовали катастрофическая Первая мировая война и

последовавшая за ней мировая депрессия. Тем не менее, триумф одностороннего медиа – радио, а потом и телевидения – сильно облегчил распространение в двадцатом веке тоталитарных правительств. Даже в демократических США, правительство которых, в отличие от остального мира, не владело или не управляло радиостанциями, президент Франклин Рузвельт мастерски манипулировал этим новым медийным средством. В других странах тоталитарное влияние радио проявлялось гораздо сильнее.

С доисторических времен человечество, само того не зная, распространяло радиоволны разрядами статического электричества. Помните, когда в сухой зимний день гладишь собаку, от собачьей шерсти летят искры? В 1842 году американец Джозеф Генри, впоследствии первый секретарь Смитсоновского института, создал детектор, принимавший радиоволны от искрового передатчика на расстоянии тридцати футов; однако еще не имелось всеобъемлющей теории, которая объяснила бы это явление и, реализованная на практике, обеспечила бы беспроводную электропередачу и прием информации, то есть радио.

Приблизительно в то же время англичанин Майкл Фарадей проводил эксперименты с магнитными полями, которые порождаются электрическим током. В 1846 году он заявил, что в магнитных полях наблюдается вращение плоскости поляризации света, а в 1864 году его соотечественник Джеймс Кларк Максвелл разработал теорию, согласно которой радиоволны и свет являются, по сути, одними и теми же – «электромагнитными» волнами, различающимися частотой и длиной. Максвелл создал элегантное математическое обоснование – уравнения Максвелла, – описывающее взаимоотношения света, магнетизма и электрического тока.

Суть науки – генерация и последующая проверка гипотезы. Науку от псевдонауки, как в премодерную, так и в новую эпоху, отличает возможность проверки; гипотеза, которую нельзя верифицировать, бесполезна. Уравнения Максвелла предсказали три факта: изменяющееся во времени электрическое поле порождает в окружающем пространстве электромагнитные волны; эти волны проходят через пространство и, самое поразительное, делают это со скоростью света. В предыдущие два столетия ученые измеряли

скорость света все точнее; поскольку свет и радиоволны представляют один и тот же электромагнитный феномен, уравнения Максвелла предсказали, что радиоволны движутся с той же скоростью, что и свет^[69].

Сколь бы ни хороша была теория Максвелла, реального подтверждения не доставало до тех пор, пока в конце 1880-х годов немецкий физик Генрих Герц в серии тщательно проведенных экспериментов не передал и не принял радиоволну. Благодаря точным, скрупулезным расчетам он измерил длину волны и вычислил скорость ее распространения. Как и предсказывал Максвелл, скорость радиоволн равнялась скорости света.

Для получения радиоволн Герц использовал так называемые лейденские банки – стеклянные контейнеры, внутренние и внешние поверхности которых оклеены листовым оловом; они могли сохранять электрический заряд (в современной терминологии их называют конденсаторами). В старину электрические заряды получали натиранием янтаря шелком, а Бенджамин Франклин экспериментировал во время грозы с воздушным змеем. Оба этих способа тоже создают необходимый разряд. Поначалу лейденские банки обеспечивали ученых надежным источником электричества. Герц обнаружил, что, меняя форму и размер банок, может также менять и длину волны.

Примерно в то же время в Англии Оливер Лодж доказал, что на длину принимаемой волны влияет размер антенны. Он был знаком с телеграфом, но поначалу не знал о работах Герца. Лодж передавал радиоволны по проводам, а не на открытом пространстве, как Герц. Его соотечественник Уильям Крукс, обладавший более живым воображением, понял:

Лучи света не проходят сквозь стены. Они не проходят и сквозь туман – жителям Лондона это отлично известно. Но электрические вибрации с длиной волны в ярд и более [то есть с частотой менее 300 миллионов герц или циклов в секунду], о которых я говорил, легко пройдут сквозь туман и сквозь стены, – и туман, и стены для них проницаемы. Выходит, с их помощью можно устроить телеграф без проводов и без телеграфных столбов, не говоря уже о современных дорогостоящих агрегатах.

Другими словами, работы Лоджа и Герца сделали возможным то, что даже в конце девятнадцатого века должно было показаться чудом: мгновенную передачу информации не только сквозь стены, но и через большие пустые пространства с помощью невидимых волн.

В наши дни радиочастотный диапазон необозрим, он простирается от волн с очень низкой частотой (3000 циклов в секунду, используется для связи на подводных лодках) и до волн со сверхвысокой частотой (30 миллиардов циклов в секунду, используется для спутниковой связи). Весь диапазон насыщен движением, успешный «коннект» требует точной настройки на обоих концах, чтобы удаленные друг от друга приемник и передатчик могли «услышать» друг друга, пробившись сквозь какофонию множества сигналов. Для сравнения: на заре радиовещания этот диапазон представлял собой пустыню, настройка была неточной, требовалось лишь, чтобы первые грубые передатчики и приемники просто нашли друг друга.

Лоджа, как и Герца, Максвелла и Фарадея, интересовала не коммерческая выгода, а чисто научная сторона проводимых экспериментов. В 1897 году Лодж подал заявку на патент, создавший практическую базу для передачи и приема радиосигналов (в то время этот процесс именовался синтонией). Однако он не стал заниматься продвижением своего изобретения, предоставив это людям с коммерческой жилкой^[70]. Лодж знал, что судьба предпринимателя связана с постоянными судебными тяжбами, чего ему явно не хотелось.

Инстинкт ученого – публикация статей о своих работах с надеждой на то, что все полезное, по возможности, будет быстро использовано. При этом ученый надеется, что все будет по-честному, и он не останется в дураках, когда его изобретение принесет коммерческую выгоду. Предоставление монополии – сомнительное благодеяние, оно означает, что ученый будет биться за эту монополию, и сражение поглотит его энергию, он зря потратит свое время, и у него не останется сил на дальнейшую плодотворную работу.

Приблизительно в 1800 году шотландец Эндрю Джеймсон (Джеймисон) эмигрировал в Дублин и занялся самым шотландским делом – изготовлением виски. Он следовал по стопам старшего брата Джона, марка виски которого дожила до наших дней. Дела у Эндрю пошли успешно. У его дочери Энни был чудесный голос, вызывавший у слушателей слезы восторга. Ковент-Гарден предложил Энни ангажемент, однако отец запретил ей поступать на сцену: молодой respectable женщине такое занятие не к лицу. Чтобы как-то утешить дочь, он отправил ее в большое путешествие по Италии.

Энни задержалась в семейном бизнесе в Болонье, там она влюбилась в Джузеппе Маркони, овдовевшего зятя хозяев ее гостиницы. Джузеппе сделал ей предложение, Энни согласилась, но отец, возмущенный романом с итальянским вдовцом, на семнадцать лет старше девушки, снова разрушил мечты дочери и запретил брак. Энни вернулась в Ирландию с разбитым сердцем; влюбленные тайно переписывались, и когда в 1864 году Энни достигла совершеннолетия, она тайком перебралась во Францию, где и вышла замуж за Джузеппе. Пара вернулась в Болонью, через год у них родился сын, Альфонсо, а через девять лет – еще один сын, Гульельмо.

Воспитание Гульельмо было, как мы сказали бы сегодня, нетрадиционным. Родители не давили в плане учебы, мальчик посещал местные школы только по настроению, так что когда пришло время поступать в колледж, выяснилось, что он не готов стать студентом знаменитого Болонского университета. История о том, как этот совершенно ничем не примечательный молодой человек превзошел в области радиосвязи соперников старше и талантливее себя, причем не только в Англии, но и в Европе, США, России и прочих странах, вдохновляет сегодняшних первопроходцев в области высоких технологий.

С самого начала Гульельмо пристрастился к физике и химии. Лето 1894 года семья проводила в итальянских Альпах, и мальчик взял с собой биографию Герца. Гульельмо заинтересовался экспериментами Герца с радиоволнами и, когда вернулся домой, приспособил пустовавший чердак семейной виллы Гриффоне для собственных опытов.

Кроме пустого верхнего этажа, вилла обладала еще одним достоинством: по соседству проживал Аугусто Риги, гигант ранних

исследований электромагнетизма. Доступ к библиотеке Риги оказался ценнее, чем доступ в лабораторию, так как оборудование, которое ученый использовал для генерации и обнаружения микроволн, очень отличалось от оборудования для генерации радиоволн.

Скупой отец Маркони нехотя оплачивал увлечения сына, что побудило Гульельмо к занятиям коммерцией; на практике это означало передачу радиоволн на все большие расстояния. В то время как Герц, Лодж, Риги и их коллеги главным образом работали над настройкой, Маркони совершенно не уделял этому внимания. Возясь с приемниками и передатчиками, он вносил только те изменения, которые способствовали увеличению расстояния для передачи сигнала. Исчерпав возможности чердака, Гульельмо продолжил эксперименты в итальянских горах. С чердака он передавал букву «s» – три точки, три быстрых удара молотком по приемнику. В нескольких сотнях метров брат Альфонсо или местный сосед-фермер Миньяни махали платком в знак того, что приняли сигнал. Разглядеть платок на километровом расстоянии Маркони не мог, а потому предложил своим ассистентам стрелять из ружья, едва сигнал дойдет. В знаменательный день 1895 года он снова передал «s» и почти немедленно услышал звук выстрела, раскатившийся в горах.

Герцу и Лоджу было известно, что по сравнению с короткими волнами длинные волны передают сигнал на большее расстояние, а Маркони этого не знал. Возможно даже, что он понятия не имел о важном факте, хорошо известном Герцу и Лоджу: длинная антенна лучше передает и принимает длинные волны. Он только убедился, что чем выше и крупнее антенна, тем дальше улетает сообщение. Опытным путем Маркони обнаружил, что когда ставишь антенны передатчика и приемника вертикально и закапываешь их нижние части в землю – такой способ ужаснул бы Лоджа, поскольку полностью сбивал настройку, – сигнал преодолевает расстояние в несколько миль. (Когда в 1901 году Маркони совершил первую трансатлантическую передачу сигнала, его антенны с обеих сторон погрузили глубоко в землю, а верхние концы удерживались воздушными змеями.)

В 1895 году он предложил новую технологию итальянскому правительству, но то вежливо отказалось ее принять. Тогда мать подключила британско-шотландские связи, и английский флот выразил заинтересованность в изобретении. Годом позже Маркони приехал в

Британию, привез с собой оборудование – грубо сделанные передатчики и приемники, не слишком отличавшиеся от тех, что разрабатывал Лодж. Вместе с Маркони приехала его мать Энни. На удивление быстро Гульельмо получил политическую и финансовую помощь от английской элиты, в том числе от главного инженера правительственного телеграфа Уильяма Приса. С тех пор имя Маркони стало ассоциироваться с радиотехникой.

В 1897-м, в тот же год, когда получил патент Лодж, правительство ее величества королевы Виктории выдало Маркони патент. Его приборам недоставало точности настройки, устройства же, по словам историка Хью Айткена, представляли собой «практическую систему беспроводного телеграфа ровно настолько, насколько были развиты в ту пору представления о беспроводной телеграфии».

Почтовое ведомство надеялось использовать английское радио так же, как использовало телеграф, но правительственная бюрократия, по мнению Маркони, действовала слишком медленно. Поддержка Приса помогла привлечь частный капитал, и в июле 1897 года Маркони с инвесторами учредил Беспроводную телеграфную компанию, которая спустя три года получила имя Маркони. Многие британцы тогда считали, что компания несправедливо «приватизировала» поддержку Присом идей Маркони, и правительство жалело о своем решении не одно десятилетие.

Маркони продолжал эксперименты по увеличению расстояния прохождения сигнала. К 1897 году ему удавалось регулярно посылать сигнал на несколько миль. Нежелание компании сотрудничать с английской почтой вызывало раздражение в обществе, при этом лично к Маркони претензий никто не высказывал: публика и пресса называли его «волшебником». Маркони трудился над имиджем, устраивая бесконечную череду зрелищ: к январю 1898 года он построил станции в Борнмуте и на острове Уайт, обеспечив радиосвязь; вскоре после этого он соединил Борнмут с Лондоном. Королева Виктория общалась с принцем Эдуардом, пока тот выздоравливал на яхте после операции аппендицита; правда, налетевший шторм повредил телеграфную линию. В декабре 1901 года буква «s» перенеслась через Атлантику. Пока Маркони увеличивал дистанцию, он сделал одно важное научное открытие – обнаружил ионосферу, через которую и передавал на большие расстояния коротковолновые сигналы.

На рубеже двадцатого века компания Маркони сильно напоминала «молодой» Интернет, но без очевидного источника доходов. Следует заметить, что новые устройства могли передавать лишь короткие сигналы, по которым нельзя было распознать звук человеческого голоса, да и любой другой звук, если уж на то пошло. Маркони, конечно же, не изобретал радио в современном смысле слова, как обычно считают. Сам он вообще ничего не изобрел, а просто включил в цепь передатчика телеграфный ключ и заземлил вибратор; единственной информацией, которую он передавал, была стандартная азбука Морзе.

К тому же первыми приемниками Маркони были грубые «когереры» – стеклянные трубки, помещенные между двумя электродами; трубки эти заполнялись металлическими опилками, и после каждого сообщения их приходилось встряхивать. Вскоре Маркони позаимствовал синтоническую настройку Лоджа. Что было характерно для последнего, Лодж не подал вовремя в суд. Позднее, в 1911 году, Маркони уладил дело – купил прогоравшую компанию Лоджа вместе с патентами на передающие и принимающие антенны.

Главный недостаток беспроводной телеграфии был весьма прозаическим: телеграф уже передавал сообщения почти мгновенно и, хотя был весьма дорог, все же обходился дешевле и демонстрировал куда больше надежности по сравнению с беспроводной коммуникацией. Трансатлантический подводный кабель отлично функционировал на протяжении двадцати лет, по дну Атлантического океана тянулись четырнадцать кабелей.

У ранней радиосвязи имелось потенциальное преимущество только в одной области: передача сообщений с корабля на берег и с корабля на корабль. Британская ассоциация страховщиков Ллойда внимательно отслеживала корабли, возвращающиеся к «западным подступам» южной оконечности Ирландии. Из-за тумана корабли часто нельзя было рассмотреть с берега, обычно их выглядывали с острова Ратлин, в нескольких милях к югу от Ирландии; при помощи беспроводных сигналов с островом было связаться дешевле, чем отправлять сообщения по подводному кабелю. Увы, компания Маркони после 1897 года несколько лет не получала контрактов, даже когда в 1899 году он успешно передал сигнал через Английский канал.

Учитывая неопределенные финансовые перспективы предприятия Маркони, частное финансирование виделось единственной возможностью. Компанией в основном управлял сам Маркони и его семья, и они, в отличие от сторонних акционеров и правительственных спонсоров, не требовали немедленных дивидендов. Структура компании Маркони позволяла на долгосрочной основе вкладывать все доходы в бизнес. Вскоре терпение семьи себя вознаградило: в 1900 году подписало контракт британское адмиралтейство, а в 1901 году – ассоциация Ллойда.

Морская телеграфия для Ллойда выглядела столь привлекательно, что ассоциация согласилась не покупать, а брать в аренду радиоаппаратуру компании (Маркони запретил служащим Ллойда осуществлять связь со станциями и кораблями, на которых не стояло его оборудование). Цена обслуживания, вместе с увеличением количества пользователей, возрастала в геометрической прогрессии, бизнес компании процветал. К 1907 году Маркони обслуживал все океанские лайнеры мира. Монополия компании, оговоренная контрактами вплоть до 1915 года, вызвала недовольство, выразившееся в создании Международной конвенции по беспроводной связи на море. Уже на следующий год конвенция нарушила господство компании Маркони.

Передача сообщений на дальние расстояния, казавшаяся магической, завораживала публику, но не сильно повлияла на жизнь обычного человека, который не пользовался услугами Маркони, а уж тем более не покупал чрезвычайно дорогие радиопередатчики и приемники. Вплоть до 1906 года никто не знал, как «переводить» звуки в радиоволны, наподобие телефона, изобретенного в 1876 году Александром Грэмом Беллом. Надежные и недорогие вакуумные трубки, передававшие и принимавшие радиоволны, стали доступными только после Первой мировой войны.

Во время Первой мировой войны радио стало играть заметную роль в передаче важных сообщений, оно почти не воспроизводило политической или культурной информации. Как часто бывает при рождении новых технологий с неясными практическими перспективами, на первый план выступили самовыдвиженцы и люди, злоупотребляющие доверием. К первой категории относился Ли де Форест, талантливый изобретатель, целеустремленный, но

самовлюбленный человек. Он учился в Йеле у великого физика Уилларда Гиббса и защитил докторскую диссертацию в области электротехники. Творческие способности де Фореста развились в результате счастливого сочетания лабораторного опыта и полученной в Йеле привычки усердного изучения научной литературы. К лучшему для себя или к худшему, он познакомился с уроженцем Техаса, биржевым дельцом Авраамом Уайтом, к которому де Форест обратился за стартовым капиталом.

В 1902 году Уайт организовал в Нью-Джерси Американскую компанию беспроводного телеграфа де Фореста с капиталом в 1 миллион долларов, вскоре поступило еще почти 20 миллионов от «инвесторов» под разными именами. Уайт всячески демонстрировал успехи: в тщательно подготовленной для прессы и потенциальных покупателей потемкинской деревне он выстроил «офис», «исследовательский центр» и внушительные «радиовышки» — разумеется, все это были декорации. Когда в 1906 году де Форест утратил права на патент, Уайт перевел активы самой крупной компании из холдинга «Беспроволочный телеграф де Фореста» в компанию «Беспроволочный телеграф Уайта», капитал которой почти целиком составляли фиктивные пакеты акций. Спустя четыре года государство закрыло эту компанию. Но не в последний раз неумение де Фореста разбираться в людях сводило на нет все его усилия.

За де Форестом водилась и дурная привычка присваивать изобретения других людей. Он выписывал научные журналы, дававшие информацию о новых устройствах, самым значимым среди которых был вентиль Флеминга, предшественник вакуумной трубки. В 1883 году Джон Амброз Флеминг, работавший тогда на Томаса Эдисона, заинтересовался колебаниями тока в некой лампе накаливания; лампа пропускала электрический ток через вакуум, это казалось немыслимым. Лишь через десять лет выяснилось, что ток состоит из электронов, существование которых будет подтверждено физиком Дж. Томсоном. Еще не зная этого, Эдисон и Флеминг изобрели устройство, которое после необходимых модификаций позволит передавать на радиоволнах звуки, в том числе человеческий голос.

Эдисон, человек исключительно практичный, не склонный к теоретизированию, необъяснимо проигнорировал потенциал этого устройства. Он попросил Флеминга сосредоточиться на более выгодных и насущных задачах, однако сам Флеминг не забыл о необычном поведении ламп. Перейдя на работу в компанию Маркони, Флеминг попробовал применить свое устройство для приема радиоволн и понял, что это весьма перспективно. Но снова начальство Флеминга велело ему заняться другими проектами. Тогда Флеминг совершил невинную, но фатальную для себя ошибку: он опубликовал статью о результатах своих экспериментов в уважаемом академическом журнале «Труды Королевского общества».

Буквально через несколько месяцев после появления статьи помощник де Фореста пришел на нью-йоркскую фабрику изготовителя автомобильных фар Генри Маккендлесса, принес вакуумную трубку и попросил изготовить такую же. Лампа, как, не подумав, сказал помощник, – это вентиль Флеминга. Спустя несколько недель де Форест получил на лампу патент и переименовал ее в «Статический вентиль для беспроводного телеграфа». Еще через несколько недель он вновь ступил на стезю пиратства и получил патент на прибор с более броским названием, отражавшим способность трубки принимать радиосигналы, – аудион.

Нельзя сказать, что аудион целиком представлял собой плод интеллектуального воровства: де Форест модифицировал и улучшил замысел Эдисона и Флеминга – между нитью накаливания (катодом) и пластиной (анодом) добавил третью нить. Но и кто-то из помощников Маккендлесса тоже внес лепту, предложил изогнуть третью нить зигзагом, который позднее назвали сеткой. Поскольку он «позаимствовал» большую часть устройства, сам де Форест не понимал, как работает аудион, и позднее выказал это непонимание в ходе судебных тяжб.

Аудион, как отмечалось выше, опирался на принцип вакуумной трубки, одного из самых важных изобретений человечества. Эта трубка позволяла усиливать и регулировать электрический ток почти до бесконечности: любой рычаг, соединенный с такой трубкой, способен изменять мощность двигателя в тысячу лошадиных сил. Что еще важнее, операция происходит мгновенно; стало быть, человеческое вмешательство в процесс больше не требовалось; вместо

ручного управления переключателем трубка реагировала на малейшие колебания мощности, температуры, скорости, частоты, яркости и других параметров, которые могут быть переданы посредством электрического тока. Упомянутые автоматические процессы были впервые реализованы на практике в Манхэттенском проекте и в радиолокационных станциях управления зенитным огнем в годы Второй мировой войны, затем достигли унификации в массовом производстве; сегодня эти технологии используются практически везде – и в автомобилестроении, и при изготовлении домашней техники.

К началу Первой мировой войны технологические новинки перестали быть плодом озарений одиноких гениев; разработками занялись корпорации, достаточно крупные для того, чтобы выполнять дорогостоящие масштабные исследования. Имена «поздних» изобретателей известны историкам науки – Реджинальд Фессенден, Чарльз Штейнмец, Эдвин Армстронг, – но звучат они не так громко, как имена Эдисона, Белла и Маркони. Новому поколению предпринимателей от радиовещания следовало бы прислушаться к предупреждению Лоджа, ибо их тоже не миновали судебные иски. Армстронг, вероятно, величайший в мире радиоинженер, изобрел УКВ-передатчик и супергетеродинный приемник^[71], используемый почти во всех современных телевизорах и радиоприемниках. Он покончил с собой, выбросился из окна собственной квартиры, в отчаянии от несовершенства патентного законодательства и преследований со стороны компании RCA, правопреемника компании Маркони. Оппортунисту де Форесту повезло больше: он умер своей смертью.

Тем не менее, упомянутые выше менее известные изобретатели начала двадцатого века значительно улучшили возможности вакуумных трубок, которые теперь без труда принимали слабые сигналы с дальних континентов. К тому же новые трубки в высокочастотных передатчиках позволяли успешно кодировать человеческий голос и музыку.

В канун Рождества 1906 года Реджинальд Фессенден провел успешную трансатлантическую радиопередачу со станции Брант-Рок, штат Массачусетс. Прозвучала начальная ария из оперы Генделя «Ксеркс», за арией последовало соло на скрипке, исполненное самим

изобретателем, и чтение Библии. Слова и музыку слышали на расстоянии сотен миль от Брант-Рока. Первая публичная трансляция голоса оказалась доступной только радиолюбителям, чьи головы были стиснуты наушниками так, что кровь отливала от мозга, а спины горбились над приемниками, созданными из подручных средств. Оборудование на обоих концах – особенно приемники – все еще оставалось слишком дорогим и ненадежным для широкого использования.

Отсутствовал и еще один элемент, необходимый для распространения радио: коммерческое видение. Столь же насущный, как осознание коммерческого потенциала сегодня, в годы перед Первой мировой войной этот элемент требовал особого воображения, способного усмотреть в радиовещании потребительскую ценность предприятия, не говоря о возможных формах предъявления этой ценности. Ни одно из изобретений, о которых говорилось в этой книге, от письменности и далее, не возникало в рамках контекста массовых коммуникаций. Все они придумывались ради коммерческих, политических или военных выгод, а в некоторых случаях – просто из любопытства, интеллектуального или технологического. Гутенберг, в конце концов, напечатал всего 180 Библий, а создатели телеграфа рассчитывали в первую очередь на железную дорогу и финансовый сектор в качестве сфер применения своего детища.

Нигде это не проявилось столь ярко, как в радиовещании. Фарадей и Герц не вынашивали коммерческих планов, а Лодж спохватился с изрядным запозданием. Даже Маркони сосредоточился главным образом на применении радио в деятельности судостроительных компаний, страховщиков и флота. Еще в начале Первой мировой войны никто не представлял себе обычного потребителя с радиоприемником в руке. Озарение настигло одного из наиболее удивительных людей в истории американского бизнеса – Дэвида Сарнова.

Сарнов родился в 1891 году в белорусском городке Узляны в очень бедной семье. Когда мальчику исполнилось пять лет, его отец Абрам, больной туберкулезом, эмигрировал в Нью-Йорк. Остальные члены семьи присоединились к нему спустя четыре года; в отсутствие отца Дэвида опекал двоюродный дед со стороны матери, патриарх высокоученого религиозного семейства.

Каждый день юному Дэвиду приходилось запоминать на иврите две тысячи слов из Библии или столько же слов на арамейском из Талмуда. Если «норму» соблюсти не удавалось, мальчик отправлялся спать голодным. Суровое воспитание обеспечило Дэвиду отличные навыки концентрации внимания – а также внушило стойкое отвращение к любому религиозному обучению.

Девятилетний Дэвид ступил на американскую землю и едва ли не с первого же дня в США сделался главой семьи. Очень скоро он открыл несколько газетных киосков, в которых работали его братья. Когда Дэвиду исполнилось пятнадцать, отец окончательно слег, и мальчику пришлось искать более высокооплачиваемую работу.

К тому моменту Дэвид выучился писать и бегло говорить по-английски, помог ему Образовательный альянс, организация, занимавшаяся иммигрантами. Мальчик воображал себя новым Уильямом Рэндольфом Херстом или Джеймсом Гордоном Беннетом. В сентябре 1906 года он смело вошел в вестибюль дома на Геральд-сквер, который, как он думал, принадлежит газете Беннета, и сказал дежурному, что хочет работать на газету. Дежурный ответил: «Вы ошиблись. Это не «Геральд», а Коммерческая кабельная компания. Но нам нужен курьер. Как вы на это смотрите?»

Довольно скоро Дэвид, как и молодой Томас Эдисон, освоил азбуку Морзе. Спустя несколько месяцев, незадолго до смерти Сарнова-старшего, Коммерческая кабельная компания отказала Дэвиду в отпуске для празднования Рош-а-шана и Йом-Киппура; юноша возмутился – и был уволен. Но рука судьбы направила его в компанию Маркони.

На таких вот счастливых случайностях строится история. В компании Маркони Сарнов, более, чем любой другой человек до и после него, стал причастен к тому, как мир видит и слышит себя, что в немалой степени определило судьбы народов. Следующие десять лет Сарнов работал у Маркони, постепенно продвигаясь по службе. Компания поручала ему самые разнообразные задания – он ездил в арктические экспедиции за тюленями и дежурил на радиостанции на крыше небоскреба Уонамейкера, где поддерживал редкие сеансы связи с магазином в Филадельфии. Стеклоблочная будка на самом деле представляла собой пропагандистский трюк, который придумали

Маркони и Уонамейкер, а работа Сарнова заключалась в демонстрации посетителям магии радио.

В ночь с 14 на 15 апреля 1912 года приятное времяпрепровождение вдруг завершилось: затонул «Титаник», и приемную Уонамейкера стали осаждать обезумевшие родственники, которым не терпелось услышать имена уцелевших с борта спасательного судна «Карпатия». По иронии судьбы, компания «Уайт стар лайн» предложила знаменитому Маркони бесплатный билет на «Титаник», но он отказался – выбрал «Лузитанию», потому что предпочитал их стенографа^[72]. (Через три года после гибели «Титаника» немецкая субмарина потопила «Лузитанию».)

Сенат США позже упрекал Маркони за медленную передачу информации той ночью (этой работой занимались Сарнов и другие служащие), но, как обычно, Маркони в итоге оказался весь в белом и на коне; более того, его называли «гением, изобретение которого спасло сотни жизней».

На следующий год Сарнов, ставший главным инспектором компании, и трое других инженеров компании Маркони посетили лаборатории Колумбийского университета, где Эдвин Армстронг показал им прототип своего на редкость чувствительного супергетеродинного приемника; в последующие месяцы Сарнов и его коллеги убедили себя в коммерческих перспективах этого устройства. Сам Маркони, который к тому времени вернулся в Англию, также изучил устройство Армстронга, но остался не слишком доволен. Массовое вещание казалось слишком туманным прожектором даже для столь дальновидного человека; к тому же его компания беспроводного телеграфа передавала сообщения индивидов, которые всемерно заботились о сохранении тайны переписки. Лишь Сарнов понял, что простота расшифровки радиосигналов – не недостаток, а достоинство, способное принести большую прибыль. В 1915 году он послал своему непосредственному начальнику Эдварду Нэлли знаменитый «Меморандум», в котором содержалось описание «радиомызыкального ящика»:

У меня в голове план развития, который приведет радио в каждый дом, как пианино или фонограф. Музыка следует принести в дом без проводов. Приемник – музыкальный ящик с несколькими

длинами волн, которые могут переключаться простым нажатием одной кнопки.

Когда в прошлом прибегали к проводам, все заканчивалось неудачей, потому что провода здесь не годятся. С радио, похоже, все будет возможно. К примеру, радиотелефонный передатчик с радиусом действия, скажем, 25–50 миль может быть установлен в фиксированной точке, где звучит пение, музыка, либо то и другое. Задача передачи музыки, в принципе, уже решена, и все приемники, настроенные на волну, способны принять эту музыку. Приемник можно создать в форме простого «радиомузыкального ящика» и настроить на несколько волн разной длины; длину волны можно будет менять поворотом одной ручки или нажатием одной кнопки.

Предвидение Сарнова осуществилось не скоро, ибо в 1915 году ни американская компания Маркони, ни какая-либо другая коммерческая организация не обладали необходимыми средствами для создания радиовещательной сети и производства миллионов приемников, способных принять ее сигналы. В годы Первой мировой войны американский флот, нуждавшийся в огромных передатчиках Маркони, не только забрал все, но и выкупил патенты. В конце войны компания Маркони пожелала приобрести передовые передатчики «Дженерал электрик», но флот и Конгресс выразили протест, поскольку официально фирма Маркони числилась британской. К тому же по завершении войны флот нисколько не стремился вернуть приобретенное; в декабре 1918 года военно-морской министр Джозеф Дэниелс заявил Конгрессу: «Мое глубокое убеждение, как и убеждение каждого человека, с которым я беседовал в нашей стране и за рубежом, с теми, кто изучал этот вопрос, состоит в том, что радио необходима монополия». Дэниелсу не пришлось уточнять, кто станет владельцем этой монополии. (В 1920-х годах совместное использование радиочастот флотом и радиолюбителями привело к ряду далеко не безобидных шуток: представляясь адмиралами, шутники под выдуманными предлогами посылали корабли за тридевять земель на придуманные миссии.)

Однако к концу войны американцы страшно устали от правительственного контроля всего и вся, и потому в итоге был достигнут компромисс: подразделения «Дженерал электрик»,

производившие мощные передатчики, объединились с компанией Маркони и 17 октября 1919 года образовали новую компанию – «Американскую радиокорпорацию» (RCA). В качестве подачи флоту контр-адмирала Уильяма Балларда, начальника управления коммуникаций, ввели в правление RCA. Вдобавок правительство предоставило RCA и «Эй-ти энд ти» монополию соответственно на изготовление «супергетеродиновых» трубок и телефонных микрофонов. В 1926 году компания RCA, в сотрудничестве с «Дженерал электрик», «Вестингауз» и «Юнайтед фрут», сформировала «Национальную широковещательную компанию» (NBC).

Вскоре после этого, в 1920 году, появились первые национальные коммерческие радиостанции – KDKA в Питсбурге, WWJ в Детройте, – а стоимость надежных, производимых в коммерческих масштабах радиоприемников стала медленно снижаться. Как и предсказывал Дэвид Сарнов, радиоприемники превратились в очаровательных божков американских гостиных: в 1924 году было продано три миллиона приемников, в 1936-м – тридцать миллионов, к 1940 году – пятьдесят миллионов. К этому моменту простой радиоприемник стоил менее десяти долларов. Возросшее число радиоприемников стимулировало увеличение числа радиостанций: в 1935 году в стране насчитывалось 275 станций, а в 1941 году – 882; разумеется, большее количество станций провоцировало рост приобретения приемников.

В нашем пропитанном информацией веке трудно представить себе волнение людей, впервые «впустивших» в свой дом Джека Бенни, Фреда Аллена и Боба Хоупа, не говоря уже о таком событии, как боксерский поединок между Джо Луисом и Максом Шмелингом. К середине тридцатых годов средний американец на прослушивание радио тратил больше часов, чем на чтение газет, посещение кинотеатров, концертов и театров, вместе взятые. Социальные работники сообщали, что ради покупки приемника люди готовы были отказаться от кроватей и холодильников.

Цифры продаж вообще-то занижают степень популярности радио: ведь прослушивание программ было не только семейным событием, в нем принимали участие и соседи. К 1935 году мало кого из 127 миллионов американцев не удостоил приглашением послушать радио сосед, друг или член семьи.

Подобно Мартину Лютеру, интуитивно уловившему потенциал печатного станка, недооцененный церковниками, Франклин Рузвельт, в отличие от большинства своих идеологических противников, понимал силу убеждения радио. Намного раньше любого другого американского политика он осознал правоту вынесенных в эпиграф этой главы слов Арчибальда Маклиша о способности уха верить.

Перед выборами 1932 года Рузвельт столкнулся с коммуникационной проблемой: его идеологические противники контролировали практически все газеты страны. Херст, номинально считавшийся демократом, оппонировал буквально всем политическим шагам Рузвельта; еще более серьезную угрозу «новому курсу» представлял крайне консервативный издатель «Чикаго трибьюн» Роберт Маккормик. Радио не просто обеспечивало Рузвельту выход на широкую аудиторию; в тот невинный век президент США мог привлечь аудиторию Джеком Бенни, Хоупом, боксерским поединком между Луисом и Шмелингом или бейсбольным матчем «Нью-Йорк янкиз»^[73].

В умелых руках радио обладает огромной побудительной силой, и особенно это верно для первых десятилетий радиовещания, когда радио являлось социальной средой. Первые два президента эпохи радио – увы! – вещали, но не вдохновляли. Гнусавый голос Калвина Кулиджа отпугивал аудиторию. Герберт Гувер с появлением нового средства связи, казалось, должен был получить преимущество, поскольку имел инженерное образование. Будучи министром торговли во времена правления Кулиджа, он разработал систему выделения частот, председательствовал на международной радиоконференции 1927 года, готовил документы, регулировавшие международный радиотрафик, и сыграл ключевую роль в учреждении Федеральной радиокомиссии, предшественницы Федеральной комиссии по коммуникациям. К сожалению, лишенная эмоций речь Гувера вгоняла слушателей в сон; хуже того, он не чувствовал аудиторию и не знал, когда пора остановиться. На выборах 1932 года он выступил с речью, длившейся ровно час и завершившейся прямо перед началом чрезвычайно популярного водевиль-шоу Эда Уинна. Эта речь Гувера стала полным провалом. По свидетельству газеты «Нейшн»:

Даже американцы способны взбунтоваться, если все пойдет слишком далеко. В половине девятого вечера жители Соединенных Штатов уважительно, хотя и не без сомнения, включили радио, чтобы послушать речь мистера Гувера в Айове. В половине десятого слушатели, привыкшие к вмешательству вездесущего диктора, ожидали заключительных слов президента... Но мистер Гувер едва приступил ко второму пункту своей программы, состоявшей из двенадцати пунктов. Население заерзло в креслах; жены смотрели на мужей; дети, которым по вторникам позволяли не спать до десяти, с тревогой смотрели на часы; двадцать тысяч голосов переметнулись к Франклину Рузвельту. В девять сорок пять мистер Гувер перешел к четвертому пункту; пять миллионов американцев заглянули в радиопрограмму и обнаружили, что начало передачи Эда Уинна не изменилось и отменять шоу никто не собирается. Два миллиона слушателей выключили приемники и отправили плачущих детей спать. Мистер Гувер столь быстро терял голоса, что сосчитать их было невозможно... Чего этим демаршем добивалась NBC? Десять миллионов мужей и жен легли спать, вознамерившись устроить бунт. Желających голосовать за Гувера не осталось.

По контрасту, голос Рузвельта, его манера говорить, темперамент были буквально созданы для радио. Он не нуждался в технических познаниях Гувера, ибо обладал уникальным чутьем, которое позволило ему оценить политический потенциал массмедиа. Нормальный разговор происходит со скоростью трехсот слов в минуту. На протяжении истории опытные ораторы замедляли речь до 150 слов, и так поступало большинство радиодикторов. Рузвельт редко превышал скорость в 130 слов, и чем важнее был предмет выступления, тем медленнее президент говорил; в обращении к нации в сентябре 1939 года в связи с началом Второй мировой войны он произносил 98 слов в минуту, а после Перл-Харбора – и вовсе 88. Сегодняшним слушателям голос Рузвельта кажется отстраненным и аристократичным, как и голоса большинства радиодикторов и киноактеров того времени, но в тридцатых годах интонации Рузвельта казались приземленными, даже слегка нарочито «народными». Радиоинженеры его любили; тембр и модуляции его голоса редко требовали дополнительной настройки приборов.

Рузвельт тщательно готовил свои выступления, и, хотя обращался к лучшим словесным стилистам знаменитого «мозгового треста», тексты выступлений он писал сам и много часов их редактировал. Лексикон у него был не беднее, чем у любого выпускника Гарварда, однако он сознательно сокращал его и использовал самые распространенные слова. Обычно Рузвельт выступал в воскресенье, в 10 вечера, когда публика была «расслаблена и благодушно настроена».

Принстонский психолог Хэдли Кэнтрил отмечал, что в сознании масс радио вызвало нечто вроде землетрясения, и те, кто понимал значение радиовещания, подобно Рузвельту, получали в свое распоряжение огромную власть. В начале 1930-х годов Кэнтрил наблюдал за уникальным «природным экспериментом», непреднамеренно поставленным в Бостоне, где популярный евангелист выступал с проповедью. Арендованный зал не вместил всех пришедших, и «избыток» публики рассадили в таком же зале этажом ниже; там люди слушали проповедника по громкоговорителю.

Аудитория верхнего этажа орошала зал слезами, оглушала помещение криками и смехом, совала деньги в ящики для пожертвований, в то время как люди, слушавшие проповедника по радио, нетерпеливо ерзали на стульях и жертвовали всего несколько медных монет. Кэнтрил зафиксировал тот факт, что динамика персонального присутствия на проповеди сильно отличается в положительную сторону от «радиоприсутствия» в зале этажом ниже. Коротко говоря, радио поставило с ног на голову старинное, как мир, ораторское искусство, которому теперь недоставало визуального контакта. Привлекательному и бойкому оратору радио вредит, зато очень помогает человеку со спокойным, невыразительным голосом, при условии, что тот говорит коротко, ибо запинки и перелистывание бумаг не делают никого мудрее. В итоге, на каждого Рузвельта находился Герберт Гувер, павший жертвой новой технологии.

Кэнтрил отмечал, что радиообращения президента редко превышали по длительности двадцать минут; хотя особо умелый оратор способен удерживать внимание аудитории до нескольких часов, но когда из громкоговорителя слышится бестелесный голос, внимание слушателей, лишенных визуального контакта, попросту рассеивается. Психолога изумляла способность сенатора США, губернатора Луизианы Хью Лонга привлекать тысячи радиослушателей, которые

приглашали к радиоприемникам своих друзей и соседей, чтобы послушать этого популиста. Кстати, антисемит и католический священник Чарльз Кофлин тоже мог увлекать аудиторию простыми решениями сложных проблем. Кэнтрил сухо замечал: «Для демагога важен не здравый аргумент, а убедительно поданный факт». Это суждение было верным тогда и остается таковым поныне.

Рузвельт интуитивно понимал и преимущества централизованного радиовещания. С помощью недавно учрежденной Федеральной комиссии по коммуникациям он провел кампанию, строго разграничившую владение газетами и радиостанциями. Это во многом служило интересам общества в целом, «размывая» контроль над медиа; кроме того, Рузвельт тем самым «отстранил» от радиоволн своих политических врагов наподобие Маккормика и Херста (а последний как раз начал использовать свое богатство для создания радиоимперии).

Вдобавок Рузвельт заключил негласную сделку с лидерами зарождающейся индустрии радиовещания, которые наверняка испытывали опасения из-за неблагоприятной экономической обстановки и из-за перехода радио на другом побережье Атлантики в руки государства: «Я не трону ваши станции до тех пор, пока вы будете предоставлять мне слово и не подпускать к эфиру моих оппонентов». Президент позволил радиорепортерам участвовать в пресс-конференциях, в обмен на это радиосети обеспечили Рузвельту приоритет в трансляциях в любое время суток. Президент особенно благоволил популярным комментаторам, таким как Дороти Томпсон и неприятный, резкий Уолтер Уинчелл. В результате Рузвельт удаивался от них благоприятных отзывов о себе и о своей политике.

Наконец радио дало Рузвельту еще одно преимущество: как сугубо словесное медиа, оно успешно маскировало его инвалидность. В качестве инаугурационного презента в 1933 году NBC подарила президенту микрофонную стойку со специальными держателями и опорами для ног.

Фактически с момента вступления в должность – 4 марта 1933 года – Рузвельт повелевал радиоволнами. 9 марта, в разгар жуткого банковского кризиса, президент объявил банковские каникулы, а через три дня обратился к нации и своим выступлением значительно

укрепил веру народа в предложенные меры спасения экономики. Журналист и актер Уилл Роджерс обмолвился – мол, Рузвельт настолько хорошо разъяснил тонкости банковского дела, что «в нем разобрались даже банкиры».

За двенадцать лет президентства, пока радио окончательно обустроивалось в американском обществе, Рузвельт изрядно отточил свое мастерство. В 1941 году привычный «разговор у камина» слушали три четверти американцев. Под радиочары Рузвельта подпало целое поколение, в том числе и молодой Джимми Картер. Как пишет биограф Картера, Джеймс Вутен:

Резонирующие звуки голоса президента Соединенных Штатов, доносившиеся из далекого Вашингтона поверх разрядов статики, рассекали эфир. Они навсегда останутся для молодого Картера устным символом власти и могущества, лидерства и надежды, той силы, от которой никогда не удастся сбежать и которую не превозмочь.

Магия голоса подвела Рузвельта единственный раз, когда президент предпринял злосчастную попытку «образумить» Верховный суд. Раздраженный тем, что суд отказывается одобрить законодательство «Нового курса», Рузвельт предложил назначать дополнительного судью «в придачу» к каждому члену Верховного суда, достигшему семидесятилетнего возраста и занимающему пост более десяти лет.

Попытка провалилась, хотя успех был близок. Итоги опросов демонстрировали, что разногласия мнений возникала после каждой «беседы у камина». Так, после выступления президента 9 марта 1937 года 48 процентов отнеслись к предложению Рузвельта положительно, чего как раз хватало для одобрения президентского проекта.

Рузвельту не удалось закрепить этот успех новыми радиообращениями, и в последующие недели данные опросов общественного мнения показали тенденцию к ослаблению поддержки президента. Также отмечалось, что Чарльз Эванс Хьюз, ставший главным судьей, популярный и уважаемый человек, не одобряет карикатурное изображение Рузвельтом пожилых судей как дряхлых стариков. (Хьюз закулисно боролся против президентской инициативы

в отношении Верховного суда, однако прилагал усилия к закреплению в конституции многих положений «Нового курса».) К 1937 году политическая оппозиция научилась пользоваться радиовещанием, особенно преуспели сенаторы Бертон Уиллер, Кеннет Берк и Роял Коупленд, которые регулярно выступали по радио в защиту суда. Сильнее всего поразила публику речь Берка, который сказал, что если президент победит, «конституционную демократию ожидает randevu со смертью». Пусть осуществить реформу суда Рузвельту не удалось, однако он все же добился некоторого успеха – самой длительностью пребывания в должности – и за двенадцать лет президентства назначил восемь членов Верховного суда.

Если забыть об этой неудаче, не будет преувеличением сказать, что своими беспрецедентными четырьмя электоральными победами Рузвельт во многом обязан умению управлять медиа, да и это умение мы вправе сопоставить с гипнотическим влиянием. К несчастью для Джимми Картера, очарованного Рузвельтом, ничто из этой магии ему не передалось. Рональд Рейган начинал свою карьеру при Рузвельте в качестве диктора спортивных новостей. Возможно, он чему-то научился у мастера и использовал этот опыт в дебатах 1980 года, победив Картера в президентской гонке.

Франклин Рузвельт, молодой Джимми Картер и Рональд Рейган не единственные среди американцев осознавали грандиозный манипуляторский потенциал радиовещания. В 1938 году Орсон Уэллс, анфан террибль американской сцены, нечаянно продемонстрировал потрясающее могущество нового средства коммуникации, позволяющее не только исказить объективную реальность, но и создавать новую.

Уэллс вовсе не пытался сознательно спровоцировать панику. «Война миров» Герберта Уэллса, роман конца девятнадцатого столетия, рассказывавший о вторжении пришельцев, показался отличным источником для инсценировки; последнюю Орсон воскресным вечером в канун хеллоуина решил разыграть на радио силами труппы «Меркьюри тиэтр». Беда в том, что Орсон Уэллс слегка модернизировал сценарий. Талантливый сценарист Говард Кох перенес действие романа из Лондона в штат Нью-Джерси, в городок Гроверз-Милл, расположенный между Нью-Йорком и Филадельфией. По сценарию Коха, большая часть северо-востока США подверглась

уничтожению. Несмотря на это, соратник Орсона Уэллса, актер Джон Хаусман (зрителям он запомнился по роли сурового профессора юридического факультета Гарварда в сериале «Бумажная погоня») опасался, что викторианский роман вгонит аудиторию в сон.

Этого не случилось. Первые слова диктора сообщали, что «Меркьюри тиэтр» представляет роман Герберта Уэллса; за этими словами последовал псевдоисторический пролог на несколько минут, который никого не напугал. Вслед за прологом зазвучала оркестровая музыка, внезапно прерванная сообщением: «Дамы и господа, мы прерываем нашу программу танцевальной музыки, чтобы прочитывать специальный бюллетень «Интернешнл ньюс».

Под аккомпанемент танцевальной музыки слушателям сообщили о странных взрывах на Марсе и о падении в Гроверз-Милл блестящего металлического цилиндра. Спустя несколько минут диктор заявил, что из цилиндра выбрались отвратительные существа, они собирают огромные движущиеся машины, испускающие смертоносные лучи и ядовитый газ. Марсиане, по тексту, разгромили американскую армию и авиацию, захватили Нью-Йорк и уничтожают всех людей поблизости от себя.

Стремление Уэллса «обряжать» старые тексты в современные одежды усиливала достоверность его произведений. Когда он ставил «Макбета», то нарядил своих актеров в фашистскую форму тридцатых годов. В радиопостановке «Война миров» голос несчастного командира ополчения Нью-Джерси подозрительно напоминал голос генерала Дугласа Макартура; красноречивый министр внутренних дел был почти неотличим по голосу от Франклина Рузвельта, а актера, читавшего от автора, попросили копировать голос диктора, сообщавшего ранее о крушении дирижабля «Гинденбург» и о Мюнхенском кризисе. Вместе взятые, эти факторы обернулись подобием апокалипсиса.

В тот воскресный вечер десятки тысяч американцев покинули свои дома и в панике устремились на шоссе; в полицейских отделениях не умолкали телефоны, люди доставали с чердаков противогазы времен Первой мировой войны; некоторые даже уверяли, что различают на горизонте пламя над Нью-Йорком, а многие твердили, будто видели марсианские боевые машины и летающие цилиндры.

Не прошло и десяти минут, как почти всем радиостанциям, передающим постановку, стало ясно – вспыхнула паника. Большинство радиостанций прервали спектакль официальными заявлениями об отсутствии реальной угрозы. Уильям Пейли, руководитель сети CBS, в халате и шлепанцах явился в студию «Меркьюри тиэтр» разобраться в случившемся.

Скоро и сам Уэллс понял, что натворил, но отказался прерывать постановку срочным извинением. Он будто бы сказал кому-то из сотрудников: «Как прервать? Они испугались? Чудесно, они и должны были испугаться. Дайте мне закончить!» Позже он, ничуть не стыдясь, защищал свои действия, которые подтвердили, по его мнению, неразумность публики, доверяющей радиовещанию.

Спустя несколько лет профессор Кэнтрил проанализировал это событие. Он пришел к выводу, что те слушатели, которые приняли постановку за действительность, пропустили большую часть, особенно начало; выяснилось также, что этих людей отличают пониженный социально-экономический статус и образовательный уровень; кроме того, на обман повелись в основном жители южных штатов. Любопытно, что те, кто слушал радио вместе с друзьями, не стали проверять достоверность истории, переключаясь на другие станции; Кэнтрил охарактеризовал это явление как следствие социальной сдержанности.

Во многих отношениях «Война миров» обернулась идеальным медиаштормом: отлично исполненная сногшибательная новость резко контрастировала с мирной ежевечерней «беседой у камина» во времена серьезной обеспокоенности страны собственной безопасностью. Эффект усилила убедительность, свойственная природе радио, контролируемого небольшим количеством владельцев. Трудно представить себе, чтобы телевидение сподобилось так соединить вербальную и визуальную информацию, создав столь убедительный блеф, особенно сейчас, при наличии разветвленной кабельной сети и Интернета с тысячами одновременно вещающих каналов.

Передача причинила бы еще больше вреда, если бы в это время основная часть радиослушателей не слушала популярнейшее шоу Чарли Маккарти, названное в честь звезды этого шоу, куклы чревовещателя Эдгара Бергена. Один литературный критик сделал

вывод, в корне отличный от анализа Кэнтрила, – он написал Уэллсу: «Это лишь доказывает, что умные люди слушали чучело, а все чучела слушали вас».

Анализ Кэнтрила обнажает источник гипнотической силы радио:

По своей природе радио является более предпочтительным средством связи для информирования всех слоев населения о текущих событиях. Оно может вызвать у людей чувство страха или радости и стимулирует одинаковые реакции по отношению к конкретному объекту... Аудитория радио состоит главным образом из тысяч малых групп, объединенных общими интересами, собравшихся в одно время и переживающих общее воздействие; это делает возможным объединение наибольшего числа людей в истории.

Люди – социальные создания, они постоянно питаются эмоциями тех, кто их окружает; чем больше группа, тем интенсивнее чувства. Тот, кто когда-либо посещал профессиональные спортивные мероприятия, либо массовые политические дебаты или даже лекции на интересную для многих тему, может это подтвердить. Главным фактором является одновременность действия. Пусть радио не собирает толпы людей, оно впервые сделало возможным такое собрание виртуальных миллионов душ, и Франклин Рузвельт этим успешно воспользовался.

Обращая взор в будущее и через океан, Кэнтрил беспокоился:

Не за горами тот день, когда люди всех стран мира одновременно услышат увещевания или приказы какого-нибудь волшебника, который, сидя в центральном дворце радиовещания, обретет могущество фантастичнее, чем у Аладдина.

Опасения Кэнтрила оказались до ужаса пророческими, ибо в странах, которым недоставало институциональных сдержек и противовесов, заложенных в конституции США, радио успешно укрепляло тоталитарные режимы вплоть до конца двадцатого столетия.

Пауль Йозеф Геббельс родился в 1897 году в бедной католической немецкой семье. Католическая церковь рано признала талант мальчика. На военную службу его не взяли из-за искалеченной полиомиелитом ноги, а потому Геббельс выбрал другую стезю, и в 1921 году он защитил докторскую степень по литературе в Гейдельбергском университете. Его блестящие способности, физическая ущербность, маленький рост и смуглая кожа вряд ли соответствовали нацистскому арийскому идеалу, господствовавшему в стране, но сформировали язвительную, саркастическую личность, которая умело манипулировала умами людей. Имперский руководитель печати Макс Аманн называл его «Мефистофелем». Гитлер рано признал его уникальный талант и в 1926 году назначил Геббельса лидером берлинского отделения социалистической партии.

Берлин сделался для Геббельса пропагандистской лабораторией. В 1920-х годах, после пивного путча, нацисты представляли собой весьма разношерстную компанию, и Геббельс старался любыми средствами привлечь внимание к партии – чаще всего затевал публичные перебранки с коммунистами и социалистами. В Берлине Геббельс стал известен как оратор и научился увлекать толпу, которую так презирал.

Постепенно он усвоил, что голос убеждает лучше пера. Анализируя, в чем ошибался ранее, Геббельс изучил историю великих мастеров убеждения – Христа, Будды, Заратустры, Робеспьера, Дантона, Муссолини и, конечно же, Ленина:

Был Муссолини бумагомарателем или великим оратором? Что сделал Ленин, приехав в Петроград из Цюриха, – отправился с вокзала учиться и писать книгу или обратился с речью к многотысячной толпе?

Что лучше радио обеспечит контакт с тысячами или даже миллионами людей? Еще до того, как нацисты в январе 1933 года захватили власть, правительство Веймарской республики передало все радиостанции страны под контроль полупубличных национальных и региональных комитетов. В марте того же года Гитлер назначил Геббельса главой нового министерства пропаганды. Через пять

месяцев новый министр объявил: «Тем, чем была пресса в девятнадцатом веке, радиовещание станет в веке двадцатом».

К тому времени как нацисты захватили власть, в Германии уже действовала отличная радиосеть, однако приемники были еще не по карману простому человеку. Геббельс исправил это упущение с помощью *Volksempfänger* — «народного радиоприемника», который работал только на дальних и средних радиоволнах и не мог принимать иностранное радиовещание. Первые приемники продавали за семьдесят шесть марок (около двадцати долларов), что составляло половину стоимости самых дешевых предыдущих моделей. Последующие версии приемника обходились покупателям вдвое дешевле.

Ничто не оставлялось на волю случая. Радиовещание министерства пропаганды опиралось на сеть «беспроводных надзирателей», задачей которых было привлечение внимания народа к радио. На улицах работали репродукторы, никто не имел права покинуть рабочее место, не выслушав, что говорит фюрер или Геббельс. Правительство распорядилось, чтобы на панелях всех радиоприемников было наклеено предупреждение: «Товарищи по расе! Вы немцы! Ваш долг не слушать иностранные станции. Тот, кто это делает, будет сурово наказан». Так и было: за разовое прослушивание могли присудить несколько лет каторжного труда. Даже не требовалось ловить нарушителей на «горячем» — если в ходе обыска обнаруживалось, что верньер приемника установлен на частоте иностранной радиостанции, жизнь человека шла под откос. Еще суровее нацисты поступали с теми, кто пересказывал содержание услышанного от «врагов»:

Специальный Нюрнбергский суд [не путать со знаменитым послевоенным судом над нацистскими лидерами] приговорил к смертной казни за два серьезных радиопреступления предателя из Нюрнберга Иоганна Вильда... Он повел себя как враг государства и народа, постоянно слушая враждебные радиопередачи из-за рубежа. Не довольствуясь этим, он сочинял оскорбительные тирады, источником которых становились передачи вражеских радиостанций. В этих тирадах он раскрывал свое предательство, вульгарно оскорбляя фюрера.

Преследование Вильда – далеко не единичный случай; редакторы Би-би-си охотно шутили над коллегами, выводя на копиях сценариев: «Рискнете ли вы своей жизнью, слушая это?»

В тридцатых годах Сесар Зэрхингер был членом легендарной новостной команды CBS – «Мальчиков Мэроу». Незадолго до того, как на посту главного европейского корреспондента его заменил сам Эдвард Мэроу, Зэрхингер опубликовал в журнале «Форин афферс» очерк, содержащий подробное описание хорошо смазанной нацистской радиомашинки:

В их руках радио стало самым мощным политическим оружием, которое когда-либо знал мир. Для привлечения внимания они используют все средства, не допускают ни малейшего возражения, презируют правду, их вдохновляет фанатичная вера в то, что каждое действие и каждая мысль, проникающие во все формы политической, культурной и образовательной жизни в стране, должны быть подчинены национальной цели.

В 1937 году Зэрхингер освещал майский праздник в Берлине. На протяжении нескольких часов до кульминации праздника – речи Гитлера – радиоэфир заполняло истерическое восхваление каждого марширующего по площади воинского подразделения, сопровождавшееся оглушительными приветствиями и бравурной музыкой. За автомобилем Гитлера, ехавшим по городу, следовал грузовик с диктором. Диктор по радио сообщал о продвижении фюрера. Наконец Гитлер вышел из автомобиля, приблизился к трибуне, и вся Германия услышала, как толпа, придя в неистовство, закричала: «*Der Mai ist gekommen, Heil Hitler!*»^[74]

В отличие от Рузвельта, чья манера говорить отличалась мягкостью и размеренностью и призвана была внушать спокойствие, визгливые речи Гитлера раздували гнев страны, оскорбленной «ударом в спину». Немцы проникались идеей, что раз в последние недели войны Германия одерживала победу, своим поражением страна обязана пятой колонне – коммунистам и евреям. Речь фюрера почти ритмически прерывалась скандированиями толпы, а мощность этого скандирования по радио тщательно модулировали техники. Зэрхингер

писал, что, в отличие от американского президента, ни Гитлер, ни Муссолини никогда не выступали перед микрофоном в офисе или в тихой студии.

Когда выступал Гитлер, всякий человек, будь то немец или иностранец, останавливался и слушал, хотел он того или нет. Снова слово Зэрхингеру:

Не стоит и говорить, что несогласных нет; использование радио и прочих вокальных средств выражения допустимо лишь для тех, кто служит государству и одновременно им владеет.

Впрочем, Гитлер и Геббельс могли действовать тоньше, если это отвечало их целям. Позволив относительную свободу важному интернациональному рупору режима – газете «Франкфуртер цайтунг», они не подвергали цензуре радио и прессу, где появлялись репортажи иностранных корреспондентов о Германии, – разительный контраст с британским подходом. Американские журналисты обратили на это внимание и сошлись во мнении, что о текущих событиях проще узнать в Берлине, а не в Лондоне. В ходе Олимпийских игр 1936 года (место проведения было выбрано Олимпийским комитетом задолго до того, как к власти пришли нацисты) неприкрытый антисемитизм прессы и радио заметно утратил накал.

Свой очерк Зэрхингер закончил рассказом о том, как нацисты препятствуют населению слушать влиятельную французскую радиостанцию, вещавшую из Страсбурга. Они не только объявили незаконным прием иностранных радиостанций, но и использовали глушилки. Зэрхингер мрачно резюмировал: «Только неисправимый оптимист будет отрицать, что приведенные примеры лихорадочного расширения сети радиовещания свидетельствуют о подготовке к войне».

Геббельс и Гитлер не меньше Рузвельта понимали грандиозную централизующую силу радио и пользовались этой силой ради достижения своих неблагоприятных целей – на всем протяжении пути к катастрофе. Спустя пятьдесят лет на другом континенте история трагически повторилась.

После 1960 года многочисленные факторы смягчили «тоталитарный потенциал» радио: этому способствовали снижение цен и нарастающая доступность телефонов, факсов, персональных пишущих машинок и множительных устройств; миниатюризация дешевых длинноволновых радиоприемников, способных принимать иностранные станции, а также растущее значение телевидения. Но в одной части света – в Африке – эти факторы по большей части отсутствовали. В конце двадцатого века данное обстоятельство позволило контролируемой из центра радиостанции распространить небывалый в истории геноцид.

В конце девятнадцатого столетия объединившаяся Германия, в попытке угнаться за Англией и Францией, нацелилась на Восточную Африку, включая крошечную колонию Руанда, в которой проживали в основном племена хуту и малочисленные племена тутси.

В ходе Первой мировой войны бельгийцы потеснили немцев на Черном континенте. Обе колониальные державы придерживались так называемой «хамитской гипотезы», выдвинутой британцем Джоном Хеннингом Спиком. Эта псевдонаучная расовая теория постулировала, что племена с более светлой кожей и европейскими чертами лица, такие как тутси, являются высшей расой по сравнению с негроидными племенами, такими как хуту. (Хам, сын Ноя, якобы мигрировал на юг, в Африку; европейцы, американцы и арабы часто приводили это библейское проклятие в качестве оправдания работорговли).

До 1950-х годов хуту и тутси мирно уживались друг с другом, и в результате смешанных браков часто возникали затруднения при попытках определить, кто из них принадлежит к какой группе. Это не мешало бельгийцам выпустить удостоверения личности, которые определяли, к какому народу относится тот или иной руандец. В результате лучшую работу получали тутси, которым говорили: «Секите хуту, или мы высечем вас». Впервые в истории Руанды тутси начали притеснять хуту, и началось межэтническое насилие. На пути к независимости, полученной в 1962 году, в стране случились массовые беспорядки. В период между 1959 и 1967 годом хуту убили двадцать тысяч тутси, а сотни тысяч тутси бежали из страны.

Тяжелая экономическая ситуация порождает, как правило, политические и расовые конфликты; так было и в Германии в тридцатые годы двадцатого века. После 1967 года жизнь в Руанде на

время успокоилась, но в конце 1980-х годов экспортные цены на кофе и чай упали, и трудности в экономике «разогрели» слабо побулькивавший этнический «бульон». С течением времени хуту вернули себе власть, в 1990 году тутси воспротивились притеснениям, что привело к гражданской войне: появился возглавляемый тутси Руандийский патриотический фронт (РПФ), состоявший главным образом из детей тех, кто в начале 1960-х годов бежал из страны. Фронт выступил против покровительствовавшего хуту национального правительства Жювеналя Хабиариманы. Похожие события происходили в соседнем государстве – Бурунди: в октябре 1993 года офицеры тутси убили первого демократически избранного президента страны Мельхиора Ндадайе, хуту по национальности. Это убийство вызвало тревогу руандийских хуту: они испугались, что соотечественники-тутси примутся теперь за них.

Шестого апреля 1994 года президент Руанды Хабиаримана, новый лидер Бурунди Сиприен Нтарьямира и несколько человек из кабинета министров последнего возвращались домой из региональной поездки на бизнес-джете «Фэлкон-50». По словам очевидцев, две ракеты поразили самолет на подлете к аэропорту Кигали; самолет рухнул на президентский дворец, все на борту погибли.

Нападение – подстроенное, возможно, экстремистами-хуту – положило начало геноциду. В первой фазе гражданской войны, в 1990-х годах, в стычках погибло несколько тысяч тутси, а за четыре месяца после авиакатастрофы около восьмисот тысяч руандийцев, в основном тутси, а также «пособников» хуту, пали жертвой одного из самых страшных побоищ в истории. Поначалу мир смотрел на происходящее как на типичные спазматические вспышки племенных африканских конфликтов, однако все было значительно хуже: эту войну хуту планировали на протяжении нескольких лет. Полноценная война началась буквально через несколько минут после авиакатастрофы^[75].

Геноцидом в Руанде управляли два СМИ. Первый из них – «Кангура», воинственная газета журналиста Хассана Нгезе, уже за несколько лет до 1994 года постепенно раздувала костер ненависти. Название газеты в вольном переводе означает «Новости хуту». Хуту провозгласили новые «десять заповедей», среди прочего – об обольстительной опасности женщин тутси, о нечестности и предательстве мужчин тутси, о том, что страной тайно управляют

тутси и что против них следует принять меры. Наиболее часто цитируется восьмая заповедь: «Хуту должны перестать жалеть тутси».

Инициировало бойню после смерти президента Хабиаримана и управляло ею полуофициальное «Свободное радио и телевидение тысячи холмов» (*Radio-Television Libre des Milles Collines*, RTLM). RTLM была основана как частная корпорация с дешевыми акциями, доступными «каждому хуту»; программы корпорации, в отличие от тяжеловесных государственных программ «Радио Руанды», содержали веселую музыку, шутки, выступления диджеев, ведущие брали интервью у простых граждан. Радиостанция быстро завоевала популярность слушателей, переманила персонал государственного вещания и его фонды финансирования.

Главной целью RTLM, почти как у «Кангуры», было разжигание ненависти к тутси. Добивались они своего разными способами: представляли тутси вороватыми, похотливыми и хищными «тараканами», призывали убивать их – по одному и массово. Часто повторялся риторический вопрос: «Могила наполнена лишь наполовину. Кто поможет нам ее наполнить?»

Радио RTLM обеспечивало и сугубо практическую помощь: часовые-хуту на блокпостах высматривали по «наводке» радиостанции на дорогах конкретный автотранспорт тутси, которые прятались в горах. После уничтожения цели диктор поздравлял исполнителей. Радиостанция предупреждала хуту, когда рядом оказывались иностранные наблюдатели, и просила временно воздерживаться от насилия. Самый популярный диктор, Кантано Хабимано, постоянно рассуждал о том, что тутси любят молоко, богатство и женщин хуту; упоминание Хабимано того или иного имени тутси равнялось смертному приговору. По словам генерал-майора Ромео Дэллейра, канадского командующего войсками миротворческого контингента ООН, «образ убийцы с мачете в одной руке и с радиоприемником в другой не отпускает».

Внешний мир почти ничего не сделал для прекращения геноцида, а закончилось это безумие, по крайней мере, в самой Руанде, только когда отряды Руандийского патриотического фронта, возмущенные убийствами своих товарищей-тутси, в июле 1994 года вторглись на последнюю позицию хуту возле столицы Кигали. Хотя на тот момент геноцид на территории Руанды был по большей части остановлен, в

лагерях беженцев в восточном Заире хуту продолжали убивать тутси с согласия правительства президента Мобуту. Только когда в 1996 году Заир начал изгонять тутси из страны, новый президент Руанды Поль Кагаме решил, что с тутси достаточно, и при помощи заирского мятежника Леона Кабилы руандийская армия вторглась в восточный Заир, разгромила лагеря хуту и вернула оставшихся тутси домой^[76].

Почему мир остался в стороне? Во-первых, он не отслеживал передачи радио RTLM и слабо представлял силу речей, разжигавших ненависть в стране. Одним из немногих западных людей, бывших в набат, был генерал Дэллейр – он неоднократно, хотя и без успеха, просил разрешения прекратить работу RTLM. Спустя несколько лет генерал писал: «Чтобы предотвратить такие трагедии в будущем, нужно в зонах гражданских войн осуществлять международный контроль над радиовещанием».

После 6 апреля 1994 года трагедию усугубил выезд из Руанды почти всех уроженцев Запада. Память о гибели восемнадцати американских солдат в Сомали в инциденте со сбитым «Черным ястребом» и ужасная расправа над мертвыми телами до сих пор свежи в умах американцев. В январе 1994 года, за три месяца до авиакатастрофы, спровоцировавшей геноцид, информатор руандийского правительства рассказал генералу Дэллейру о стратегии хуту: они спровоцируют убийство нескольких бельгийских миротворцев ООН, что позволит выдворить миротворческие силы из страны. Благодаря информатору миротворцы обнаружили несколько тайников оружия, принадлежавших хуту.

За три месяца до фатальной катастрофы президентского самолета, в знаменитом «факсе о геноциде», отправленном 11 января 1994 года в Нью-Йорк, генерал Дэллейр сообщил о заговоре и попросил разрешения уничтожить тайники оружия. Кофи Аннан, генеральный секретарь ООН, не только отказал генералу Дэллейру, но и велел открыть имя информатора правительству хуту (три года спустя Аннан совершил еще более постыдный поступок: приказал генералу Дэллейру не давать свидетельские показания перед бельгийским сенатом, расследовавшим роль ООН в авиакатастрофе).

События разворачивались согласно плану хуту. После того как они подбили самолет, хуту сфабриковали историю, согласно которой сделать это приказали бельгийцы, и под данным предлогом казнили

десять бельгийских солдат. Остальные бельгийцы, а вместе с ними большинство миротворцев генерала Дэллейра и почти все иностранное население Руанды покинули страну. ООН приказала генералу Дэллейру не защищать тутси, но гарантировать безопасную эвакуацию иностранцев.

Судьбу тутси решило фактическое отсутствие в стране западных наблюдателей. На момент катастрофы лишь несколько журналистов – главным образом, фрилансеры – вели репортажи из Руанды. Впоследствии многочисленные корреспонденты сопровождали отряды вошедшего в страну Руандийского патриотического фронта (РПФ), но связь с РПФ мешала непосредственно лицезреть преступления. Один репортер действовал независимо: это англичанин Ник Хьюз, у которого были при себе две маленькие видеокамеры. 11 апреля 1994 года он забрался на крышу французской школы в Кигали и незаметно от солдат хуту, стоявших внизу, снял, как те хладнокровно, почти буднично, убивают несколько пленных – мужчин и женщин. Это лишь один из нескольких видеорепортажей, свидетельствовавших о геноциде в Руанде.

Хотя репортаж Хьюза и другие свидетельства преступлений просочились в западную прессу довольно быстро, западные СМИ уверяли, что это не более чем случайная вспышка африканской племенной жестокости. На тот момент имелись более важные новости: геноцид начался незадолго до дела О. Дж. Симпсона. Даже Тоне Хардинг, дисквалифицированной олимпийской фигуристке, телевидение уделило больше времени, нежели событиям в Руанде.

Хьюз описал значение своего репортажа красноречиво и остро:

Теперь я знаю: то, что я видел, есть олицетворение зла. Многие из тех, кто был там, позднее чувствовали потребность объяснить случившееся любому, кто готов был слушать. Это – единственные свидетельства геноцида, и они шокируют. В каком-то смысле только они свидетельствуют о том, что событие действительно имело место. Если бы только таких свидетельств было больше!

Приписать склонность к геноциду хуту или, если уж на то пошло, немцам, сербам или красным кхмерам было бы слишком просто. Печально, но в подобных обстоятельствах геноцид могут устроить

почти все народы, расы или этнические группы; одним из самых кровожадных дикторов RTLМ был бельгиец Жорж Руджу.

Ханна Арендт первая привлекла внимание к «банальности зла» в своем знаменитом репортаже «Эйхман в Иерусалиме». В книге «Освенцим: новая история» Лоуренс Рис детально описал, как структурированное институциональное окружение может изменить сознание людей: они станут воспринимать индустриализацию смерти как нечто обычное и даже похвальное, нечто наподобие производства компьютерных чипов или тренировки в фитнес-зале. Рис обнаружил, что сотрудники лагерей смерти, будь то мужчины или женщины, считали себя хорошими людьми, делающими важное дело. В 1960-х и 1970-х годах психологи Стэнли Милгрэм и Филипп Зимбардо подтвердили эту концепцию серией экспериментов, в которых испытуемые с поразительной легкостью совершали жестокие, а иногда и фатальные поступки по отношению к невинным жертвам. Или, как просто сказал человек, переживший холокост, Примо Леви: «Это случилось, значит, произойдет снова, и может произойти где угодно».

В середине 1990-х годов в развитых странах быстро распространились современные коммуникационные технологии, такие как факсы, мобильные телефоны и персональные видеокамеры. Не так обстояло дело в Африке: в 1994–1996 годах видеокамеры в Руанде и Заире встречались редко, и, как заметил Ник Хьюз, геноцид можно было остановить, если то, что происходило, снимали бы на камеру. Большим несчастьем для Руанды оказалось то, что геноцид девяностых происходил в обстановке шестидесятых с их неразвитыми технологиями.

Трагично, что и фашисты, и хуту отлично понимали деспотический и убийственный потенциал радио. С другой стороны, за железным занавесом Советский Союз столь извращенно использовал возможности радио и телевидения, что это способствовало его развалу.

Глава восьмая

Товарищи, которые не могли транслировать честные передачи

«Н. И. Столярова примчалась с новостью о том, что на Западе появилось русское издание «В круге первом»; она также шепнула мне на ухо, что найден способ через неделю опубликовать на Пентекосте «Гулаг». Колокол отбивал наш час на невидимой колокольне».

Александр Солженицын, «Незримые союзники»

Была бы Земля, не будь Солнца?

Комментарий Леха Валенсы о роли радиостанции «Свободная Европа» в освобождении Польши от коммунистического правления.

В семидесятых годах большинство русских не волновал вопрос безопасности атомных электростанций, работавших по всему Советскому Союзу. Их уверенность ничуть не пошатнула едва не произошедшая в 1979 году катастрофа на атомной электростанции Три-Майл-айленд в Пенсильвании, поскольку все решили, что западные СМИ, как обычно, делают из мухи слона. Как сказал некий инженер атомной станции в советском городе Припять: «Страхи, связанные с атомными электростанциями, надуманы, никакой опасности они не представляют. Я работаю в белом халате. Воздух чист и свеж, он тщательно фильтруется».

Весной 1986 года ядерное заражение вынудило бежать как население Припяти, находящейся в пятидесяти милях к северу от Киева, так и жителей ближайших окрестностей; всего было

эвакуировано почти пятьдесят тысяч человек. Экономика города зависела от четырех работающих реакторов, еще два строились. Станция в Припяти должна была стать крупнейшим производителем электричества в мире, способным осветить, к примеру, каждый дом в Англии.

Большинство атомных электростанций, по сути своей, — нагреватели воды, производящие пар, который вращает лопасти турбин; магия уравнений Максвелла порождает в ходе этого процесса электричество. Пока льется вода, все хорошо. Однако в результате неудачного планирования, дефектов конструкции, плохого обучения и просто невезения в 1:23 ночи в субботу, 26 апреля 1986 года, вода в Припяти литься перестала. Урановые стержни перегрелись и расплавились; чернобыльский реактор № 4 взорвался, и в ночное небо высоко взметнулся огненный шар.

Человеческие и технические масштабы трагедии не поддаются измерению: десятки пожарных и сотрудников станции умерли почти мгновенно после того, как героически не дали пламени перекинуться на другие три реактора; тысячи людей облучились, а огромные территории в окрестностях Припяти навсегда опустели. Самым поразительным было то, что правительство поначалу пыталось скрыть аварию от населения, а когда скрывать стало уже невозможно, неуклюже постаралось уменьшить катастрофические последствия взрыва.

Мир узнал о трагедии через тридцать шесть часов, когда юго-восточные ветры на высоте пяти тысяч футов принесли радиацию на юг Швеции. Первыми заметили радиоактивное облако шведские летчики, совершавшие дежурный облет с целью контроля радиоактивности. Утром 28 апреля работник шведской атомной станции заметил повышение радиоактивного фона на ботинках; его коллеги зафиксировали повышенную радиацию на своей одежде. Администраторы приказали всем сотрудникам покинуть станцию.

Весьма скоро шведские специалисты обнаружили, что снег и дождь во всей стране радиоактивны, и выявили, что источник радиации находится на территории Советского Союза. Вечером 28 апреля шведские дипломаты в Москве стали наводить справки. Советские чиновники молчали, однако через несколько часов Московское телевидение среди рутинных экономических новостей

сделало краткое сообщение об инциденте в Чернобыле. Советские граждане, умевшие различать тонкие нюансы официальных заявлений, по напряженному голосу диктора поняли, что речь идет о крупной катастрофе.

Трагически неадекватная реакция правительства на чернобыльскую аварию характерна для всех коммунистических режимов, инстинктивно контролирующих информацию. После взрыва директор чернобыльской станции Виктор Брюханов фактически отрубил телефонную связь; в день катастрофы телевизионное начальство, желая успокоить население, рассказывало, что в Припяти поженились шестнадцать пар. Американских аналитиков потрясли фотографии, сделанные со спутника, – они запечатлели футбольный матч, проходивший в миле от места аварии.

Местные власти даже не предупредили жителей, не попросили их не покидать свои дома в день аварии. Эвакуация началась лишь на следующий день, 27 апреля. Через четыре дня, 1 мая, партийные власти Киева не отменили традиционный парад, несмотря на то, что на город дули радиоактивные ветры. В то время как европейцы в тысяче миль от места аварии яростно мыли и скребли свое имущество, советские граждане на расстоянии десяти миль от взрыва никаких мер предосторожности не предпринимали, почти никто из них, за исключением партийных бонз, не пил йодистый калий, способный предотвратить заболевание раком щитовидной железы. Генеральный секретарь Коммунистической партии СССР Горбачев обратился к народу только через две недели. И даже тогда он лишь намекнул на масштаб катастрофы.

Генеральный секретарь, как всегда, отставал от хода событий. Советские люди узнали о ядерном апокалипсисе от «радиоголосов» – Би-би-си, радио «Свобода», радиостанций «Голос Америки» и «Немецкая волна». Информация о катастрофе распространялась также по «сарафанному радио», особенно в научных и инженерных кругах.

Чернобыльская катастрофа оказалась наглядным свидетельством близкого краха Советского Союза. Через пять лет страна развалилась, что стало одним из самых удивительных и едва ли предсказуемых событий в современной политической истории. Взрыв стал чем-то вроде теста Роршаха, который сообщает больше о наблюдателе, чем о самом событии.

Сторонники американских консерваторов утверждают, что в распаде СССР большую роль сыграл Рональд Рейган. В конце концов, именно он назвал Советский Союз «империей зла» и предложил Михаилу Горбачеву «сломать стену», чем заслужил всеобщее уважение. Рейган быстро увеличил военную мощь Штатов, инициировал оборонительную программу «звездных войн» и, согласно этому нарративу, заманил Советы в гонку вооружений, чего Советский Союз никак не мог себе позволить.

Многие историки выделяют удивительную историю карьеры Горбачева, который в 1983 году, после кончин поочередно Леонида Брежнева, Юрия Андропова и Константина Черненко, стал четвертым генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза за двадцать восемь месяцев. Горбачев искренно верил, что перестройка и гласность спасут коммунизм, но получилось, напротив, что эти две инициативы ускорили его крах.

С точки зрения экономиста, в мире произошли важные события: после быстрого подъема цен на нефть в 1973 и 1979 годах последовало столь же впечатляющее падение в начале восьмидесятых. Подъем цен в семидесятых сильно улучшил экономическое положение Советского Союза и подарил шаткой государственной системе десятилетнюю передышку. Падение нефтяных цен выбило опору и положило конец великому семидесятилетнему эксперименту. В семидесятых годах европейским странам-сателлитам приходилось покупать советскую нефть по высоким ценам, что вряд ли было им по душе. Хотя Советы субсидировали «социалистический импорт», Восточная Европа переживала нефтяной шок, оказывавший влияние на мировую экономику в целом, и это также приближало крах коммунизма.

Военный историк сосредоточил бы свое внимание на тактических событиях, произошедших в августе 1991 года: твердолобые армейские чины заодно с группой малокомпетентных агентов КГБ устроили заговор против Горбачева. Они не потрудились арестовать президента РСФСР Ельцина, не смогли взять под контроль телевидение и радио и не сумели заткнуть рот мятежным журналистам и продюсерам. Учти они все перечисленное, Советский Союз существовал бы и поныне.

Наконец, политолог или эксперт по авиации припомнил бы удивительный полет, совершенный своевольным немецким юнцом, Матиасом Рустом. 28 мая 1987 года Руст, за плечами которого было

всего пятьдесят часов налета, пролетел шестьсот миль от Хельсинки до Москвы на маленьком самолете с двигателем внутреннего сгорания. Он ловко приземлился на Красной площади и сообщил собравшейся вокруг него толпе, что прилетел к Горбачеву поговорить с тем о мире во всем мире. Хотя советский лидер публично обрушил гнев на головы некомпетентных военных, этот инцидент позволил ему уволить многих обструкционистов и убежденных коммунистов, тем самым посодействовав претворению в жизнь политики перестройки и гласности.

Рейган, Горбачев, цена нефти, некомпетентность заговорщиков и Руст – каждый фактор по отдельности сыграл свою роль, но в более широкой перспективе все события, предшествовавшие падению коммунизма, сводились к контролю над средствами массовой информации. Первоначальный импульс коллапсу Советского Союза и социалистического лагеря Восточной Европы дали две простые технологии – копирка и радиоприемники, работавшие на коротких волнах и выпускавшиеся в огромных количествах.

Чем ближе находился наблюдатель к верхушке советской власти, тем лучше он понимал значимость «голосов». Чувства Леха Валенсы выражены в эпиграфе к данной главе. Горбачев признался Маргарет Тэтчер, что стимулом к реформам стало стремление к свободе, пробужденное в том числе «голосами». Борис Ельцин говорил о «Радио Свобода»: «Эта радиостанция предоставляет объективную и полную информацию, и мы ей благодарны». В дни, предшествовавшие путчу, один из сторонников Ельцина направил такое послание в Вашингтон:

Правительство России [в противоположность правительству Советского Союза] не имеет возможности обратиться к народу. Все радиостанции находятся под контролем. Это – обращение Бориса Ельцина к армии. Передайте его Информационному агентству США. Распространите по всей стране. Возможно, через «Голос Америки». Сделайте это! Срочно!

Вацлав Гавел заметил: «Если кто-то в нашей стране и знал меня, прежде чем я стал президентом, то только благодаря этим радиостанциям». Когда в 1990-х годах прекратилось финансирование

радио «Свободная Европа» и радиостанции пришлось покинуть Германию, Гавел приютил ее в Праге. По иронии судьбы, за железным занавесом почти все относились к «голосам» с уважением, в то время как на Западе многие им не доверяли. Сенатор Уильям Фуллбрайт называл их пережитками холодной войны, креатурами правительства США и ЦРУ и пытался закрыть.

Чтобы разобраться, почему коммунизм рухнул, надежнее всего обратиться к наследию австрийского экономиста Фридриха Хайека, возведенного неolibеральными правыми, наряду с Милтоном Фридманом и Айн Рэнд, чуть ли не в святые. Самое блестящее предвидение Хайека отражено в короткой статье «Использование знания в обществе». Статья опубликована в «Американском экономическом обозрении» в 1945 году. Ее интеллектуальный призыв простирается далеко за пределы либертарианских кругов.

Проблема сознательного конструирования любой экономической системы, по Хайеку, состоит в том, что здесь слишком много «фрагментов картинки»: миллионы товаров и услуг предлагаются частными лицами и организациями. Возьмем, например, всего один товар – шарикоподшипники. Самые крупные национальные экономики мира потребляют приблизительно сто тысяч различных видов этих крошечных изделий; производство каждого требует множества операций. Материальное «устройство» любой экономики является столь сложным, что действенное управление не по силам и умнейшим плановикам, обладающим самыми полными данными и управляющим наимоощнейшими компьютерами с изощренным программным обеспечением.

По словам Хайека:

«Данные», на которых строится экономическое исчисление, недоступны в рамках общества в целом какому-либо единичному уму... Специфический характер проблемы рационального экономического порядка обусловлен именно тем, что знание обстоятельств, которым мы должны пользоваться, никогда не существует в концентрированной или интегрированной форме, но только в виде рассеянных частиц неполных и зачастую противоречивых знаний, которыми обладают все отдельные индивиды.

Хайек понял, что миллионы индивидов, принимающих участие в слаженной экономике страны, общаются друг с другом с помощью информации, заключенной в ценах, и подают «ценовые сигналы».

Допустим, где-то в мире возникла новая возможность использования какого-то сырья, скажем олова, или один из источников поступления олова исчез. Для нас не имеет значения – и это важно, что не имеет, – по какой из названных двух причин олово стало более редким. Все, что нужно знать потребителям олова, – это то, что какая-то часть олова, которым они привыкли пользоваться, теперь более прибыльно употребляется где-то еще и что вследствие этого им надо его экономить.

Циник сказал бы, что знаменитой фантастической «невидимой руке» рынка Адама Смита Хайек лишь придал способность того же рынка автоматически распределять товары и услуги. Возможно, это верно, но в 1945 году сведения о капиталистическом производстве за предыдущие два десятилетия, особенно периода Великой депрессии, доверия не внушали. А экономика Советского Союза не только не рухнула, но быстро набирала темп, опережая свободный рынок в странах либеральной демократии. Не далее как в 1975 году обычно сдержанный сенатор Дэниел Патрик Мойниган написал очерк, в котором предупреждал об угрозе гибели либеральной демократии. К середине двадцатого века мир отчаянно нуждался в напоминании о «невидимой руке» Смита и о том, как эта рука действует.

В 1945 году Хайек увидел, что лучшим способом определения количества хлеба или стали станет разрешение производителям наблюдать за ценами и позволить этим ценам контролировать объем производства. Если хлеб дорожает, пекари автоматически выпускают больше буханок; если сталь дешевеет, заводчики, без всякой подсказки, частично останавливают домны.

Советская экономика между тем устанавливала определенный объем выпуска товаров и фиксировала цены для каждого производства. В результате возникла нехватка обуви, а буханки хлеба, цена которых десятилетиями оставалась неизменной и сделалась настолько низкой, что их повсеместно (и незаконно) скармливали домашнему скоту. (Вопреки сложившемуся мнению, Советский Союз был крупнейшим

производителем обуви в мире. Однако обувь эта была плохого качества, не соответствовала моде, к тому же не отличалась удобством; «просто пытка для ног», – так сказала мне одна русская приятельница и добавила: «А вот в итальянских туфлях я чувствую себя Золушкой на балу».)

Западные туристы поражались невысоким ценам на продукты, низкой стоимости коммунальных услуг и крайне дешевому проезду на общественном транспорте. Цены устанавливались властями. Однако гости с Запада не замечали, что советское государство платило людям очень низкие зарплаты, так что товары, даже когда появлялись в продаже, оказывались многим не по карману. В странах с нормальной рыночной экономикой зарплаты составляют приблизительно две трети валового внутреннего продукта, а в Советском Союзе они составляли всего треть. Отсутствие «ценовых сигналов» особенно вредило рынку труда. Водитель грузовика получал в два, а то и в четыре раза больше врача; в сексистском российском обществе это означало, что высококвалифицированным, но плохо оплачиваемым трудом, таким как работа врача, инженера, преподавателя, занимались в основном женщины. (Официальная зарплата советских людей иногда оказывалась небольшой частью совокупного заработка; для доступа к потребительским товарам нередко требовалось членство в партии. И даже для беспартийных профессиональный статус определял размеры материальной компенсации: учитель мог брать взятки с родителей учеников; врач ждал вознаграждения от пациентов, а строитель воровал на стройке все, что плохо лежало.)

Коммунистические государства пытались управлять системой, лишенной «ценовых сигналов», – и потерпели поражение. Власти создавали и спускали по инстанциям план, согласно которому заводы выдавали огромное количество стали, фабрики производили громадное количество литров растительного масла, но спрос при этом не учитывался и никого не интересовало, дойдут ли товары до потребителя. В результате молоко скисало, прежде чем поступало в магазины, сталь выпускалась с такими дефектами, что использовать ее в автомобилестроении было нельзя, а горы избыточно произведенного мыла таяли под дождем.

Хуже того, властная элита, верящая в плановую экономику и обладающая полным набором данных, неизменно лишает остальное

население какой-либо информации, пусть и самой безобидной. В Советском Союзе среди наиболее востребованных предметов, ввозимых иностранцами, были уличные карты *советских городов*, сфотографированных западными спутниками. Те карты, которые изготавливали отечественные картографы, были сознательно искажены, вероятно, из соображений безопасности, а потому практически бесполезны. Официальная информация с годами все больше фальсифицировалась, планирование тоже превращалось в фикцию. Если уж городские карты казались опасными, то политические взгляды и даже суждения о литературе представляли смертельную угрозу.

Математик Норберт Винер, в отличие от Хайека с его знаменитым очерком, рассматривал использование информации в обществе под иным углом. Винер, происходивший из высокоинтеллектуальной еврейско-американской семьи, с пристрастием изучал капитализм: он считал его неэффективным и несправедливым. В 18 лет Винер защитил докторскую диссертацию по математике в Гарвардском университете, а во время Второй мировой войны изучал проблему управления зенитным огнем с помощью радара.

Ученые быстро поняли, что решение этой проблемы недоступно даже при помощи усовершенствованных баллистических расчетов. Потребовались автоматические устройства – первые примитивные электронные компьютеры. Винер понял, что такие вычислительные устройства будут пригодны не только для артиллерии, но и для медицины, психологии, экономики и для изучения структуры человеческого общества. Эту новую область исследований он назвал кибернетикой, наукой об общих закономерностях получения, хранения, передачи и преобразования информации в сложных управляющих системах, будь то машины, живые организмы или общество.

Винер оказался великим провидцем: он предугадал «вторую промышленную революцию», когда информация, передаваемая при помощи массово производимых компьютеров, стала, по крайней мере, не менее важной, чем промышленные товары. Предвидение Винера, тем более пророческое, что оно было озвучено в эпоху, у которой имелись лишь несколько компьютеров, занимавших целые залы и обслуживавшихся небольшими армиями инженеров, оказалось

верным. Вопреки популярной легенде, основатель компании IBM Томас Уотсон вряд ли говорил: «Думаю, на мировом рынке будет примерно пять компьютеров», но это апокрифическое утверждение точно отражает взгляды людей в эпоху, предшествовавшую эре персональных компьютеров. Коротко говоря, Винер воображал мир, в котором «информация является скорее делом процесса, чем хранения. Наибольшую безопасность будет иметь та страна, чье информационное и научное положение соответствует удовлетворению потребностей, которые могут возникнуть у нее, – та страна, где полностью осознано, что информация имеет важное значение в качестве ступени в непрерывном процессе нашего наблюдения над внешним миром и активного воздействия на него. Иначе говоря, никакой объем научных исследований, тщательно занесенный в книги и журналы, а затем переданный в библиотеки со штампом «секретно», не сможет защитить нас на какой-то отрезок времени в мире, где эффективный уровень информации постоянно повышается. Для разума нет «линии Мажино»^[77]».

Если сформулировать проще, то в мире, где технологический прогресс и военная безопасность зависят от постоянного научного прогресса, секретность не только не обеспечивает национальную безопасность, но и разрушает ее, поскольку мешает взаимному интеллектуальному развитию, характеризующему открытые общества. Винер считал абсурдными меры предосторожности, которые американский военно-промышленный комплекс принимал в отношении Советского Союза.

В СССР также понимали экономические и политические последствия работ Винера, необычайно популярных и влиятельных на Западе. Как и ожидалось, советская пропагандистская машина яростно выступала против философского и экономического аспектов кибернетики и окрестила ее лженаукой. Сталинские приспешники наперебой ее высмеивали:

Процесс производства, осуществляемый без рабочих, одними только машинами, управляемыми гигантским мозгом вычислительной машины! Ни забастовок, ни стачек, ни тем более революционных

восстаний! Машины вместо мозга, машины без людей! Какая заманчивая перспектива для капитализма!

Хотя в СССР пренебрегали новой наукой Винера (не помогало и то, что изобретателем этой науки был еврей), его представление о постиндустриальном мире, заполненном дешевыми и легкодоступными информационными машинами, должно быть, поражало, поскольку советские власти не могли не обратить внимание на способность новых устройств *копировать* информацию. (Хотя публично в СССР работы Винера осуждались, партийные руководители все же учитывали общие тенденции развития и потому не мешали военному ведомству использовать кибернетику в технологических процессах производства ракет^[78].)

Россия, отдаленная географически от центра европейского просвещения, на протяжении веков старалась не отставать от Запада в интеллектуальном, культурном, технологическом и экономическом отношении. Время от времени ее дальновидные лидеры, такие как Петр Первый и Екатерина Великая, осуществляли в стране радикальные реформы. На заре своего правления Петр путешествовал по Западной Европе инкогнито, посещал Сорбонну и учился, среди прочего, строительству кораблей в голландской Ост-Индской компании. Екатерина, высокообразованная дочь германского князя, пыталась обустроить русскую культуру и правление на французский манер.

Увы, все российские правители – от Петра и Екатерины до Горбачева – сталкивались с одной и той же проблемой, которую историк Джеймс Биллингтон назвал «дилеммой деспота-реформатора»:

Как сохранять самодержавие и иерархическую социальную систему, в то же время проводя реформы и насаждая образование? Каким образом самодержавному монарху внушать обществу надежды на лучшую жизнь и не допускать при этом революционного подъема несбыточных ожиданий?

После 1950 года «революция несбыточных ожиданий» медленно разъедала коммунистические режимы, все еще сохранявшие

абсолютную власть и монополию на информацию. Значимые механизмы протеста действовали в широком диапазоне – от написанных от руки бунтарских романов до миниатюрного коротковолнового приемника, позволившего плененному Михаилу Горбачеву быть в курсе слабостей заговорщиков. Во второй половине двадцатого века на специфическое развитие советской радиопромышленности наложилось откровенное копирование западных технологий, что позволило отнять единоличное право на информацию у правительств Советского Союза и стран-сателлитов СССР в Восточной Европе.

Вклад копировальной бумаги и транзисторов в падение коммунизма в Советском Союзе и его восточноевропейских сателлитах не просто кумулятивный. Эти два инструмента позволили организовать политическое взаимодействие, которого никто не предвидел, но которое за несколько десятилетий разрослось и превысило самые оптимистические ожидания угнетенного населения этих стран, а для их правителей обернулось в настоящий кошмар.

Советская аудитория отличалась от Запада, особенно от США, по меньшей мере в четырех аспектах.

Во-первых, в отличие от западных стран, советские люди воспринимали своих писателей и поэтов гораздо серьезнее, те занимают важную позицию в публичном пространстве. Когда политическая воля народа подавляется, ее место занимает литература. Как сказал русский поэт Осип Мандельштам, «поэзию уважают только у нас. За нее убивают. Только у нас. Больше нигде...». Из-за своих сочинений он вскоре и умер.

Во-вторых, руководители Советского Союза ограничивали приток новостей из-за рубежа, а потому советское население стало интересоваться политикой гораздо сильнее, чем американцы (в нашей стране почти никто – даже бывший президент – не отличит Словакию от Словении).

В-третьих, в сталинские времена власть позволяла обыкновенным рабочим больше, чем интеллигенции и партийным чиновникам. К примеру, одной молодой фабричной работнице администрация приказала бесплатно работать сверхурочно. Она повернулась спиной к сидевшим за столом администраторам, задрала юбку и сказала: «Пусть товарищ Сталин и все вы поцелуете меня в зад». Наступило долгое

молчание, комиссия побледнела от страха, затем кто-то нервно рассмеялся: «Вы заметили, она без штанишек?»

В-четвертых, после смерти Сталина сделалось приемлемым и даже модным задавать «острые вопросы» на самых высоких политических уровнях и в элитных учебных заведениях. Американский студент Уильям Таубман, по обмену приехавший в начале шестидесятых годов в Московский университет, заметил, что студенты особенно потешались над профессорами, преподававшими марксистскую теорию, и очень уважали тех, кто умными вопросами мог поставить в тупик инструкторов райкомов.

Вместе с радио и с печатными машинами, работавшими от паровых, а потом и от электрических двигателей, происходила более мирная революция – в способах передачи печатного слова. Эта революция сильно пугала коммунистический мир: ведь совершенствовались технологии дешевого механического копирования.

С технической точки зрения, печатный станок – это *множительный*, а не *копировальный* аппарат, поскольку он делает множество одинаковых документов с механического шаблона, в то время как копировальная машина изготавливает с оригинала копии, которые могут сильно отличаться между собой. Дешевый ручной труд писцов тысячи лет позволял создавать копии письма, брошюры, книги.

В 1603 году немецкий иезуит Кристоф Шайнер изобрел прибор, основанный на принципах евклидовой геометрии; с его помощью можно было изготавливать более или менее точные дубликаты, также делать их крупнее или мельче оригинала. Этот прибор применялся для письма и черчения. Шейнер назвал его пантографом. В следующие два столетия данное хитроумное устройство привлекло внимание множества изобретателей; его окончательная механическая форма – полиграф – способна выдавать одновременно до пяти копий.

В начале девятнадцатого века труд клерков-переписчиков по-прежнему стоил дешево, а сложные приборы – полиграфы и пантографы – интересовали в основном энтузиастов, таких как Томас Джефферсон, у которого было несколько пантографов. Недолговечность информации в доиндустриальном веке угнетала

изобретателя. В письме к историку Эбенезеру Хазарду Джефферсон предавался мечтам:

Время и несчастный случай ежедневно разрушают оригиналы, хранящиеся в наших общественных учреждениях. Последняя война проделала в этом отношении работу веков. Потери невозможно восстановить, но давайте сохраним то, что осталось: не с помощью хранилищ и замков, которые скроют документы от людского взора и доступа, обрекая на пустую трату времени, а с помощью такого числа копий, которые будут надежно защищены от несчастного случая.

Джефферсону наверняка пришлось бы по душе копировальный аппарат и персональный компьютер – устройства, позволяющие почти без ограничений копировать информацию, однако в конце восемнадцатого века в его распоряжении был только пантограф; следовательно, к осуществлению мечты лично он не был готов.

Джефферсон не подозревал, что оказался провидцем. Даже в его времена ученые замечали, что документы желтеют, становятся хрупкими и распадаются; в начале двадцатого века саморазрушение документов приняло характер эпидемии. Многие винили в этом загрязнение атмосферы, результат промышленной активности. Самоучка Уильям Барроу беспокоился, что не сможет сохранить семейные документы. Хотя у Барроу был всего лишь диплом младшего специалиста, он приобрел передовое испытательное оборудование и собрал талантливую команду ученых для решения загадки разваливающихся книг.

Барроу понял, что проблема возникла еще до Гутенберга, в эпоху писцов, пользовавшихся сначала чернилами из сажи и клея, а затем постепенно перешедших к чернильному орешку. Если печатник добавлял в состав краски слишком много дубильной кислоты, та постепенно разъедала страницу. Хлопковых волокон высокого качества становилось все меньше, изготовители бумаги начали отбеливать хлором более дешевые и темные ткани, что добавляло бумаге кислоты, и со временем она становилась все более хрупкой.

Переход от тканей к целлюлозе в 1880-х годах не помог обеспечить целостность книг, поскольку для изготовления бумаги

требовалось использование агрессивных химических средств. В конце 1950-х годов Барроу исследовал пятьсот книг, по сотне из каждого десятилетия за период с 1900-го по 1950 годы. Результат исследования ошеломлял: бумага продемонстрировала тенденцию к саморазрушению – новые листы, которые ранее можно было складывать по сто раз, рвались после шестикратного складывания. Барроу в итоге изобрел реставрационный процесс, теперь его метод используют библиотекари всего мира, а еще внес большой вклад в нынешнюю технологию производства стандартной бескислотной бумаги^[79].

Современные медиа сталкиваются с более серьезными проблемами. Кинопленка на целлулоидной основе склонна внезапно воспламеняться; а ацетатная пленка страдает от «уксусного синдрома». Термин этот произошел от характерного запаха, сопровождающего распад пленки. Кинопленка «Техниколор», например, за несколько десятилетий выцветала полностью. Историки кино подсчитали, что более 90 процентов немых фильмов и свыше половины тех, что были выпущены после 1950 года, утрачены навсегда. (Вдобавок по меньшей мере столько же фильмов утрачено из-за небрежного хранения.) Наконец, как упомянуто в первой главе, сегодняшние документы, изготовленные в соответствии с цифровыми технологиями, окажутся еще недолговечнее не только из-за ветхости, но и из-за быстрого устаревания форматов данных.

История сохранила имя Джеймса Уатта, изобретателя первого парового двигателя; он же изобрел копировальную машину, которой продолжали пользоваться в двадцатом веке.

Уатт, как любой другой успешный бизнесмен, хотел изготавливать дубликаты своих писем, счетов и внутренней документации. Тысячу лет писцам было известно: если аккуратно наложить на другой лист только что написанный документ и прижать его, на втором листе появится перевернутое изображение. Уатт догадался, что если текст оригинала отпечатать под давлением на тонкой влажной бумаге, чернила ровно перейдут на поверхность копии, и получится нормальное неперевернутое изображение. Путем проб и ошибок он понял, что, добавляя в чернила немного сахара, получит лучший результат; удачное копирование происходило и при использовании

винтового или вальцового пресса. В 1780 году Уатт получил патент на свой первый вальцовый пресс, который продал за 6 фунтов (приблизительно 400 долларов в нынешних деньгах). Его устройства, известные как «копировальные прессы», пользовались огромной популярностью; их приобрели почти все «отцы-основатели» США, включая Джефферсона. (В 1789 году Джефферсон приобрел для нового Государственного департамента первые офисные копировальные аппараты.)

Копировальные машины быстро сделались весьма популярными, их выпускали в разных модификациях. Самые маленькие аппараты были совсем примитивными – портативные устройства, состоявшие из нескольких пустых листов и маленького ролика, с помощью которого прокатываются копии. Небольшие размеры устройства позволяли положить его в карман. В офисе же использовались большие и сложные машины. В девятнадцатом веке термин «копировальный аппарат» применялся почти ко всем подобным устройствам. Сегодня винтовой копировальный пресс можно найти в антикварных магазинах и на электронном аукционе eBay.com, их почти всегда неправильно называют *book press* («переплетный пресс»).

В конце восемнадцатого века и в начале девятнадцатого появились еще четыре копировальные технологии. О первой технологии – литографии – мир узнал в 1795 году, когда мать молодого немецкого драматурга Алоиса Зенефельдера попросила сына составить список белья, отданного в прачечную. У Алоиса не нашлось под рукой бумаги, и он написал список на куске полированного известняка, при этом воспользовался восковыми чернилами, с которыми на тот момент экспериментировал.

В момент озарения он понял, что азотная кислота разъест известняк, если его не натереть воском. Когда Алоис окунул свой список в кислоту, на известняке остался отпечаток, защищенный восковыми чернилами. Кислота и в самом деле растворила тонкий слой известняка, не покрытого воском, и сняла сотую долю дюйма с поверхности. Зенефельдер продолжил эксперименты: он тщательно полировал камень и получал с его помощью четкие, ясные копии. Открытие, которое он запатентовал, получило название «литография». Эта технология – нечто среднее между печатным станком и копировальным аппаратом, способным выдавать большое количество

копий картинок и документов, написанных от руки. (Первые печатные станки не могли воспроизвести рисунки, требовалось каждое изображение делать вручную, а копировальные аппараты не могли изготавливать большое количество копий.)

Второй технологией стала ротаторная печать. На протяжении столетий было известно, что можно писать или рисовать чернилами по шаблону. В конце девятнадцатого века изобретатели обнаружили, что письмо стилем по воощенной бумаге, положенной на тонкую плоскую пластину, оставляет прерывистое изображение. Эту технологию улучшили многочисленные предприниматели, в том числе Томас Эдисон и лесоруб Альберт Блейк Дик. Последний запатентовал знаменитый мимеограф с торговым знаком «AB Dick», который вызывал смешки у нескольких поколений школьников, приходивших в помещение множительной техники.

Читатели постарше припомнят грубые копии розовых учетных листков выполненных работ. Хотя обычно такие аппараты называют «мимеографами», эти устройства, скорее, являются образцами третьей копировальной системы – гектографа. При этой технологии оригиналы печатаются на бумаге густыми чернилами, после чего их накладывают на влажную желатиновую пластину. С этой пластины можно сделать несколько дюжин копий, прежде чем чернила сотрутся. Термин «гектограф» подразумевал, что с пластины можно сделать сто копий, хотя на практике это редко удавалось.

Советские и восточноевропейские диссиденты применяли либо какую-то одну, либо сразу все упомянутые технологии. Когда этими технологиями невозможно было воспользоваться, они зачастую прибегали к средневековому способу тиражирования – писали от руки. Среди всех технологий, однако, самой распространенной стала четвертая – копировальная бумага, именно она в наибольшей степени способствовала низвержению коммунизма.

В 1806 году была изобретена первая примитивная копировальная бумага. Изобрел ее Ральф Веджвуд, внук знаменитого английского керамиста Джозайи Веджвуда. Продукция Ральфа предназначалась слепым и состояла из сложной системы пластин, стилуса и бумаги, пропитанной типографской краской. В процессе участвовали четыре листа: «оригинал» лежал сверху, а под него укладывали два листа, покрытые с обеих сторон сажей. В результате копирования получался

оригинал, нормальная копия и копия с перевернутым изображением. Грязная и пахучая технология Веджвуда нашла ограниченное практическое применение.

Тем не менее, изобретение Веджвуда понравилось журналистам и издателям агентства «Ассошиэйтед пресс» (АП). В 1868 году АП освещало празднование совершеннолетия зеленщика Леббуса Роджерса, поскольку кульминацией праздника стал подъем сего молодого человека на воздушном шаре. Во время интервью журналистам АП Роджерс увидел копировальную бумагу, заинтересовался ею и, уловив коммерческий потенциал идеи, забросил аэронавтику.

Хлипкие гусиные перья не позволяли создавать высококачественные копии, так что поначалу дела у Роджерса не складывались. В 1873 году он увидел первую персональную пишущую машинку, которую изготовила фирма «Ремингтон и сыновья», чьей основной продукцией было производство оружия и швейных машин. Роджерс подумал, что комбинация копировальной бумаги и пишущей машинки в опытных руках позволит выдавать до десяти разборчивых копий. Это новшество действительно пришлось по вкусу бизнесменам и писателям всего мира, им пользовались более ста лет. Однако и в этом случае Роджерсу предстояла большая работа, поскольку данная технология лишь немногим превосходила «прибор» Веджвуда. В последующие десятилетия Роджерс совершенствовал, а потом и механизировал процесс нанесения красочного слоя на одну сторону тонкой прочной бумаги. Человеком он был разносторонним, писал сонеты, держал ранчо, изобрел проволокошвейную машину и с удовольствием наблюдал за тем, как его изобретение стало опорой делопроизводства.

Проживи Роджерс еще лет пятьдесят (умер он в 1932 году), он стал бы свидетелем удивительных событий в СССР, ибо его изобретение сделало возможным относительно быстрое и нелегальное распространение по стране большого количества копий, из которых складывались книги и брошюры.

История советского – российского – диссидентского подпольного книгопечатания охватывает столетия, поскольку власти почти с самого появления технологий копирования осознавали подрывную природу слова в тоталитарном обществе. В 1790 году писатель и мыслитель

Александр Радищев написал антикрепостнический трактат «Путешествие из Петербурга в Москву». Хотя полиция конфисковала все печатные копии, которые могла отыскать, рукописные экземпляры трактата успели широко распространиться. Во время декабрьского восстания 1825 года Пушкин и его единомышленники-писатели вели себя осторожно, не прибегали к печатному станку и удовлетворялись рукописными вариантами прокламаций. На протяжении девятнадцатого века и в начале двадцатого рукописи и книги, созданные в царской России, печатались на иностранных печатных станках. Самой знаменитой типографией была Вольная русская типография, основанная в 1852 году в Лондоне Александром Герценом.

До Октябрьской революции 1917 года русские революционеры пользовались копировальной бумагой популярной фирмы «Ундервуд», выпускавшей пишущие машинки. Захватив власть, большевики, естественно, копирование запретили. Распространение нелегальных копий в немалой степени стало причиной смерти Мандельштама в 1938 году (приведенные в этой главе слова Мандельштама о том, что за поэзию убивают, оказались пророческими). Репрессии сталинского периода оказались слишком суровыми даже для копий «Ундервуда», и писатели попросту писали «в ящик» и дома читали свои сочинения проверенным гостям.

Александр Солженицын, сидевший в лагере с 1945 по 1953 год, лучше всего отразил настроение писателей, работавших «в стол»:

Без сомнения, без раздвоения вступил я в удел современного русского писателя, озабоченного правдой: писать надо только для того, чтоб об этом обо всем не забылось, когда-нибудь известно стало потомкам. При жизни же моей даже представления такого, мечты такой не должно быть в груди – напечататься.

В лагере у Солженицына не было ни пера, ни бумаги, и он сочинял свои романы и очерки в уме. Чтобы запомнить, переключивал их в стихотворный размер, использовал с той же целью обломки спичек и бусинки. После смерти Сталина в 1953 году репрессии ослабли, а в 1956 году коммунистический мир потрясли два события:

двадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза и политические восстания в Польше и Венгрии.

На двадцатом съезде КПСС Хрущев прочел «секретный доклад», раскрывший ужасы сталинской эпохи. После съезда на протяжении нескольких лет ослабевала цензура, крепились культурные связи с Западом и даже в экономической сфере наметилась некоторая либерализация. ЦРУ почти немедленно раздобыло текст «секретного доклада» Хрущева, и «голоса» стали его транслировать. Советское правительство вынуждено было предать гласности суть доклада, но полный текст опубликовали лишь через тридцать лет – в 1989 году.

После 1956 года, при Хрущеве, наступила литературная и политическая «оттепель». В 1962 году Солженицын, пользуясь все теми же спичками и бусинками, восстановил свой рассказ о лагерной жизни и опубликовал в литературном журнале «Новый мир», рупоре либерализации, повесть «Один день Ивана Денисовича». Однако когда в 1964 году Хрущева отстранили от власти, партийная верхушка возобновила преследование не только Солженицына, но и других писателей-диссидентов.

Юрий Андропов, посол СССР в Будапеште на момент венгерского восстания, не забыл, как с фонарных столбов свисали тела его агентов и как обстреливали его автомобиль, когда он ехал по городу. С того дня Андропов положил себе за правило душить малейшие проявления инакомыслия в коммунистической империи. Бывшему премьеру Венгрии Имре Надю, скрывавшемуся в югославском посольстве в Будапеште, обещали безопасный проезд; тем не менее, он был арестован, подвергнут пыткам и казнен по приказу советского правительства.

В следующие десятилетия вступили в конфликт две парадигмы – хрущевская либерализация и андроповские репрессии. Постепенное наступление на противников компромисса отразилось в возвышении Андропова: в 1967 году его назначили главой КГБ. Находясь на этом посту, он подавил в 1968 году «пражскую весну», а в 1979-м санкционировал вторжение в Афганистан. В 1982 году Андропов был избран генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза.

Таким образом, 1964 год стал водоразделом диссидентского тиражирования, этим годом принято отмечать начало подпольных

диссидентских изданий – самиздат, который кто-то шутливо назвал «победой над Гутенбергом». Термин «самиздат», по слухам, появился в пятидесятых годах, когда московский поэт Николай Глазков на первом листе набранного на машинке собрания своих стихов, там, где обычно стоит название издательства, напечатал: «Самсебяиздат». В узком значении этого слова термин означал машинописные копии, передаваемые из рук в руки, а в более широком – то, что копии эти могли быть получены любыми другими способами. Или, как говорил диссидент Владимир Буковский: «Самиздат – сам сочиняю, сам редактирую, сам цензурирую, сам издаю, сам распространяю, сам и отсиживаю за него».

Другие термины имеют тот же корень: тамиздат – публикация диссидентских работ за рубежом; радиздат – любой материал, в том числе музыка, транслируемый за границей и скопированный для дома, наконец магнитиздат – материалы, обычно музыкальные, записанные на магнитофон. (Похожие названия имели государственные издательства – Госиздат и Политиздат.)

Самиздат, тамиздат, радиздат и магнитиздат позволили сформировать самовоспроизводящийся публикационный цикл: написанный материал контрабандой переправлялся за границу и публиковался там, иностранное радио его транслировало, а российские слушатели записывали и копировали. Пока не вмешивались соответствующие службы и не перехватывали первые копии, остановить этот процесс было невозможно.

Юлиус Телесин, советский диссидент, эмигрировавший в Великобританию, дал классическое описание самиздата. Свой очерк он начинает шутливым замечанием: протоколы сталинских судов, опубликованные в газетах, знаменуют мрачное появление самиздата, но, к сожалению, граждане не любят читать старые газеты.

Далее Телесин пишет, что самиздат весьма напоминает публикации в капиталистических странах, правда, с некоторым отличием; чтобы работа была опубликована, она должна быть хорошо написана, интересна, но и не слишком опасна:

Самиздат дифференцируется соответственно степени опасности. Человек осознанно или интуитивно представляет степень риска, на который идет, когда печатает свою работу, когда дает ее

почитать другим людям, или когда хранит дома литературу самиздата или тамиздата.

Затем Телесин пишет, что читатель самиздатных и очень востребованных копий может взять свою копию всего на несколько драгоценных дней:

Естественно, что мне хочется забрать эту копию себе. Но я должен ее вернуть, и очень скоро, потому что кто-то другой ждет своей очереди. Следовательно, я должен изыскать возможность скопировать эту работу.

Если рукопись была короткой – скажем, несколько страниц, – то скопировать ее не составляло труда: читатель просто на несколько часов садился за машинку и делал через копирку несколько копий себе и своим друзьям. Но если книга была толстой – допустим, роман? Во-первых, необходимо было получить разрешение на копирование у владельца рукописи; во-вторых, найти машинистку; еще понадобилось бы несколько дней сверх установленного срока:

В этот момент начинался торг. Заходил разговор о «плате». Я должен был вернуть работу вместе с тремя копиями. Человек, который давал ее мне, хотел одну копию для себя. Он должен был отдать еще одну копию человеку, от которого получил оригинал. Поскольку работа принадлежала третьему человеку (как правило, имена не разглашались), тот, последний, хотел получить дополнительную копию для себя (возможно, он собирался подарить ее кому-то в качестве подарка на день рождения). В этом случае я заявлял, что это слишком высокая цена. Моя знакомая машинистка может сделать только пять копий: ее старая машинка не «принимает» больше. К тому же она тоже хочет сделать копию для себя, и мой приятель также просит себе один экземпляр. Следовательно, если я отдам три копии туда и две сюда, что же останется мне?

Тогда он выторговывал у своего источника две копии; из пяти экземпляров, которые печатала машинистка, она, как он надеется,

возьмет себе всего один, две копии получит источник и две Телесин. Одну копию он оставит себе, еще одну передаст человеку, очень интересующемуся темой; к тому же этот человек может быть полезен, потому что «принесет почитать другие материалы».

Телесин хвалит красоту системы: машинистки обходятся дешево, теперь им не надо регистрироваться, как в сталинские времена; простую бумагу и копирку, иногда оказывавшуюся в дефиците, все же можно достать. Но поскольку государственной почте не слишком можно доверять, копии должны передаваться из рук в руки.

Советская и восточноевропейская полиция не могли должным образом контролировать работу машинисток и наличие копировальной бумаги. На государственной службе все напечатанные на машинках экземпляры отправляли в КГБ, но то, что печаталось на собственных машинках, чиновники отследить были не в состоянии. Поэтому власти пытались установить контроль над диссидентами, но с появлением и распространением копировальной бумаги Роджерса люди забросили чернильницу, и со временем процесс приобрел поистине промышленный размах, сколько бы арестов ни воследовало.

Самиздат прибегал к разным ухищрениям: драгоценную бумагу берегли пуще ока, на портативных машинках с самым мелким шрифтом печатали тексты через один интервал, оставляли минимальные поля. Машинистка (в основном это были женщины) использовала папиросную бумагу и делала пятнадцать копий, на последнем экземпляре текст был едва различим. Если везло, пользовались гектографом и мимеографом, изготовленными домашними умельцами. Напечатанную таким образом книгу переплетали, изредка привлекали государственные печатные станки, а группа советских баптистов даже ухитрилась воспользоваться подпольным печатным станком.

Опаснее всего было распространять самиздатовские копии через путешественников и дипломатов, чтобы те опубликовали их за рубежом. Одновременно это был наиболее эффективный канал распространения, так как такой способ позволял «голосам» транслировать самые важные самиздатовские тексты по радио, они попадали в миллионы домов, слушали их тысячи машинисток, которые конспектировали текст и затем его распечатывали.

Даже если все шло более или менее гладко, затраты и недостаток опытного и ответственного персонала застопоривали процесс на каждом шагу: квалифицированных машинисток можно было легко напугать опасностью принудительного физического труда; места, в которых осуществлялись перепечатка и копирование, постоянно менялись. Вовлеченных в этот процесс людей слишком часто задерживали, избивали, сажали в тюрьму.

Тексты, полученные этим способом тиражирования, пестрели типографскими и грамматическими ошибками, однако сам вид текста придавал подобному документу своего рода наглядную достоверность. Как рассказывал анонимный чешский писатель, работавший под псевдонимом Иосиф Страх, публикации самиздата были «средством коммуникации, выглядевшим бедно и жалко рядом с цветным телевизором и с книгами, сошедшими с фантастического ротационного прессы, однако оказалось, что средство это обладает необычайно могучей и несокрушимой силой. Эти тексты написаны теми, кому было что сказать. Когда я держу такой текст в руках, я знаю, во что обошелся он человеку, его написавшему и не ожидавшему гонорара, но пошедшему при этом на немалый риск».

Потрепанная бумага, грубый, неровный шрифт, типографские и грамматические ошибки, умноженные неоднократным копированием, лишь увеличивали притягательность и легитимность самиздата, хотя бы из-за того, что это был запретный плод. Могущество богемной потрепанности было столь велико, что лишало легитимности фальшивую официальную прессу: чем красивее выглядела книга, тем меньше ей верили. В семидесятых годах ходила байка: старой женщине, не знавшей, как заинтересовать внучку романом «Война и мир», из-за того, что книга выглядела «слишком официально», удалось в конце концов сделать это, когда она перепечатала текст на машинке на дешевой бумаге.

Как писал один аппаратчик в частном письме к другу,

Принудительная идеологическая диета настолько утомительна, что в наше время даже ортодоксальный советский бюрократ прочтет такие книги, если они попадут к нему в руки. А если бы «Архипелаг ГУЛАГ» был напечатан, много бы людей его купило?

Большой ли потребовался тираж? Пять тысяч, десять или миллион? Страна, где царит цензура, на самом деле мостит дорогу целой армии благодарных читателей.

Само чтение самиздатской литературы считалось незаконным. На копирование коротких сочинений могло уйти несколько часов, что позволяло «выпускать» тысячи копий в неделю, копирование же объемных сочинений – романов и нехудожественной литературы – занимало больше времени. В результате нередко устраивались ночные «читальные посиделки», во время которых страницы переходили из рук в руки.

В Советском Союзе, даже в годы репрессий, подведших черту под хрущевской «оттепелью», а особенно в восточноевропейских странах-сателлитах, молодое поколение – студенты, которых наблюдал Таубман, – задавали «острые» вопросы, и поколения шестидесятых и семидесятых годов набирались сил у старой гвардии. Молодежь эта, возможно, росла с чувством вины за недостаток мужества, которым обладали диссиденты; постепенно они начали обхаживать своих соотечественников, участвующих в самиздате. Процесс реформ было не остановить.

В 1956 году «Новый мир» отказался публиковать роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», работу над которым автор начал почти сразу после Октябрьской революции. В 1957 году он сумел контрабандой вывезти текст из страны, роман перевели на многие языки, и он сделался бестселлером. Что же такого написал Пастернак о Советском Союзе, что большой русский писатель вынужден был опубликовать свою самую важную работу за рубежом, почему советские власти не разрешили ее издать? Если даже знаменитый Пастернак не смог опубликовать «Доктора Живаго» в Советском Союзе, то вряд ли начинающие писатели могли надеяться на контакт с аудиторией в привычном западному человеку формате общения. Власти пригрозили Пастернаку исключением из Союза писателей и в 1958 году заставили его отказаться от Нобелевской премии по литературе. Этот инцидент многое сказал о легитимности самого режима.

До 1960-х годов Пастернак, Солженицын и другие честные авторы пытались работать под эгидой Союза писателей СССР; когда

же этот союз исключил из своих рядов Пастернака и Солженицына – первого в 1958-м, а второго в 1969 году – «исключение из рядов» стало среди советской литературной элиты чем-то вrede почетного знака.

Другим средством СМИ, делавшим советских граждан сильнее, было радио. Возникает вопрос – как же эта слабодоступная широким массам технология подавления и манипулирования, укреплявшая тоталитаризм в нацистской Германии, поощрявшая геноцид в Руанде и концентрировавшая власть в руках немногих, даже в США, помогла освободить советский народ и восточных европейцев?

На этот вопрос есть удивительный ответ: Советский Союз и восточноевропейские коммунистические режимы непонятно почему насытили свои страны миллионами коротковолновых приемников, принимавших иностранное радиовещание лучше, чем радиостанции, вещавшие исключительно на территории этих стран.

Поскольку население Советского Союза было по большей части неграмотным, то вскоре после революции 1917 года правительство прибегло к устному просвещению народа. На развитие радиотехнологий в России ушли бы десятилетия, поэтому власти привлекали миллионы «агитаторов», батраков и фабричных рабочих, готовых трудиться много, упорно и бесплатно; эти агитаторы воплощали собой идеал пролетариата либо трудового крестьянства, регулярно встречались с начальством для решения производственных проблем и были призваны доносить до простого народа «линию партии». В 1920–1930-х годах, когда в США и Европе бурно развивалась радиопромышленность, пространства России бороздили агитпоезда: на каждой остановке агитаторы исполняли музыкальные номера и разыгрывали пьесы.

В целом агитаторы были не слишком грамотными и не очень хорошо разбирались в идеологических вопросах. За плечами у них было начальное образование, иногда они посещали специальные школы, слушали лекции, но по большей части набирались знаний из чтения политических журналов, таких как «Агитатор» (журнал этот специально для них и предназначался).

По правде говоря, фигура агитатора представляла собой возврат к почти доисторическому обществу «числа Данбара», в котором общение происходит непременно лицом к лицу; к тридцатым годам агитаторы должны были бы исчезнуть, но в типично советском стиле

этот архаический институт сохранялся почти до развала Советского Союза.

К тридцатым годам радиоприемники стояли во всех домах в США и нацистской Германии, так что радиовещание было доступно фактически всем и каждому. В Советском Союзе даже после Второй мировой войны радио было далеко не у всех. Советское руководство игнорировало радио еще по следующей причине: они обеспечили радиовещанием колхозы, заводы и публичные пространства, где были установлены громкоговорители – инструменты государственной пропаганды; в середине шестидесятых годов число громкоговорителей составляло примерно тридцать пять миллионов штук.

При жизни Сталина лишь у немногих советских людей были радиоприемники, а тех, кто слушал иностранное радиовещание, ждала смертная казнь, как в нацистской Германии. После смерти Сталина власти по-прежнему не одобряли слушание «голосов», но гораздо реже карали тех, кто это все-таки делал. Чтобы угодить в тюрьму, советский человек должен был совершить следующий шаг: пересказать, о чем вещало иноземное радио, в устной или письменной форме – вот за это могли арестовать.

В ранний период холодной войны «голоса» в Советском Союзе влияния практически не имели. Когда в 1947 году «Голос Америки» стал вещать на СССР, в стране насчитывалось всего около 1,3 миллиона коротковолновых приемников; а в 1955-м их стало уже около шести миллионов. Будь советские власти предусмотрительнее, этим количеством бы и ограничились. Но к шестидесятым годам рубикон был перейден. Точной причины, по которой Советский Союз пошел на самоубийство, никто не знает. Одно из возможных объяснений – огромные российские просторы и желание правительства, по экономическим и управленческим причинам, свести к минимуму количество радиопередатчиков. Другое, альтернативное объяснение таково: плановая государственная экономика по своей природе тяготеет к иррациональным решениям. Власти, отдадим им должное, не вполне одобряли решение сделать коротковолновый диапазон главным радиовещательным каналом.

Какова бы ни была причина, производимые каждый год миллионы радиоприемников почти все могли принимать «голоса». Власть совершила невероятный, чудовищный промах: выпустила из своих рук

монопольный контроль над этим мощным медийным средством, и в результате западное радиовещание получило огромную аудиторию.

Вспомним, что нацисты выпускали маломощные «народные» приемники (Volksempfänger), работавшие только в средневолновом диапазоне (150–1700 кГц): германские власти предусмотрительно не разрешали использовать коротковолновый диапазон. По правде сказать, в Советском Союзе тоже запрещали производство приемников, способных принимать более высокие частоты (ими позднее пользовались «голоса»), но в стране не ощущалось дефицита инженеров и радиолюбителей, так что тот, кто хотел обойти запрет, преспокойно это делал. Болгарские коммунисты поступили хитрее: они предлагали владельцам радиоприемников бесплатный ремонт техники, после которого устройства принимали только «Радио София».

Советские власти, впрочем, довольно быстро осознали ошибку и постарались ее исправить, создав новостную службу, которая транслировала велеречивую идеологическую пропаганду. Они так сосредоточились на контроле информационного потока, особенно новостей, поступающих из-за границы, что людям практически нечего было слушать по официальным каналам. Частенько новостные бюллетени писались за несколько дней, а то и за неделю до конкретного события, поэтому люди не слушали официальные радиостанции: зачем, когда «голоса» выдавали как иностранные, так и отечественные новости быстрее и правдивее?

Запад не преминул воспользоваться этой ситуацией. Английская служба Би-би-си начала вещание на Россию в 1946 году, Соединенные Штаты вскоре создали свой аналог Би-би-си – «Голос Америки»; появились и частные станции, вещавшие на Восточную Европу (радио «Свободная Европа») и на Советский Союз («Радио Свобода»).

Жители Восточной Европы, более обеспеченные и технологически более опытные, нежели советский народ, быстрее приспособились к прослушиванию коротковолнового диапазона. В 1956 году польские рабочие фабрики Цегельски-Познань взбунтовались, требуя более высокой зарплаты и вывода российских войск. С глушением радиовещания обошлись решительно: рабочие попросту разбили передатчики, глушившие радио «Свободная Европа», и выкинули из окна обломки.

В это время главой польской службы «Свободной Европы» был Ян Новак, «курьер из Варшавы», который во время Второй мировой войны с риском для жизни пробирался через линии фронтов к главным центрам сопротивления нацистам в Польше и Лондоне, где находилось польское правительство в изгнании. Новак отлично осуществлял информационную связь Польши с Западом во время познанского бунта. Как сказал один чиновник-реформатор из коммунистической партии, «если бы «Свободная Европа» не просила наших людей сохранять спокойствие, не уверен, что мы смогли бы справиться с ситуацией».

События в Польше привели к возвращению к власти относительно либерального Владислава Гомулки и вдохновили венгров, потребовавших перемен у себя. Но когда популярный реформатор Имре Надь призвал к многопартийной демократии, независимости государства и выходу из Варшавского пакта, в Венгрию ввели советские войска. «Свободную Европу» в Венгрии принимали, как и в Польше, однако венгерской редакции не хватало дисциплинированности польской службы Новака. «Свободная Европа» не призывала напрямую к восстанию, хотя многие их передачи позднее интерпретировались как намеки на ожидание западной помощи. Как сказал один очевидец событий: «Никогда еще в ходе крупного национального восстания главное средство коммуникации не освещало отечественные события столь же хорошо, как и те, что происходили за рубежом».

В 1967 году представитель левого крыла американский журнал «Рэмпартс» выдал тайну о том, кто финансирует «Свободную Европу» и «Свободу»: дескать, деньги поступают от ЦРУ, как давно утверждали советские власти. Это открытие не только не дискредитировало обе радиостанции, но, напротив, увеличило доверие к ним у населения коммунистических стран, поскольку службы разведки пользовались большим авторитетом. (Тем не менее, это откровение нанесло значительный ущерб морали сотрудников радиостанций. Как сказал один из штатных сотрудников: «Нам лгали». Разоблачение позволило оппонентам «Свободной Европы» и «Свободы», в частности, сенатору Фуллбрайту, начать кампанию по закрытию этих радиостанций. К счастью, консерваторы в сенатском комитете по международным делам составляли большинство.) За «железный занавес» проникали и

другие западные станции, в том числе «Немецкая волна», «Радио Ватикан» и РИАС («Радио в американском секторе»), вещавшие из Западного Берлина и Западной Германии. К 1975 году советские фабрики выпустили пятьдесят миллионов коротковолновых радиоприемников, теперь они стояли почти в каждом доме Советского Союза – получается, что СССР наконец-то подготовился к революции в области радио.

В годы холодной войны западные правительства и ученые проводили опросы приезжих и эмигрантов из коммунистического блока. Опросы продемонстрировали, что люди доверяют «голосам» гораздо больше, чем отечественным СМИ. Данные опросов подтвердились после 1991 года, когда исследователи получили доступ к засекреченным данным внутренних советских опросов. Слушателей удивляло, с какой скоростью и точностью работают журналисты западных радиостанций, особенно изумлял тот факт, что они охотно излагают даже малоприятные новости. Классический пример – рассказ Би-би-си, вещавшей на Болгарию, о том, как во время визита премьер-министра Маргарет Тэтчер в Западную Германию в нее швырнули чернильницу. Эта история мгновенно распространилась среди болгарских слушателей, которые и представить не могли, чтобы отечественные медиа рассказали о подобном нападении на одного из болгарских лидеров^[80].

Коммунистический блок мог ответить на информационный поток иноземных радиостанций одним из трех способов: совершенствованием собственных новостных каналов, попыткой с помощью дипломатических средств изменить содержание западных трансляций или глушением «голосов». Коммунисты перепробовали все три способа.

Советское радиовещание постепенно отказывалось от «вневременности» и неточности своих передач, но, как показала чернобыльская катастрофа, улучшения эти были слишком незначительными, новости по-прежнему поступали с запозданием. Советским радиожурналистам было далеко до западных СМИ.

У СССР к тому же было не слишком много дипломатических рычагов, с помощью которых они могли бы повлиять на «вражеские голоса»; даже сумей Советы это сделать, ничего хорошего они бы не добились, поскольку легитимность «голосов» в массовом сознании

обеспечивалась их беспристрастностью. Доверие к Советскому Союзу и его сателлитам подрывали не столько неблагоприятные новости из этих стран, сколько разительный контраст в точности и своевременности освещения новостей, выставлявший коммунистические СМИ в невыгодном свете по сравнению с западными. Чем громогласнее вещание, тем меньше доверия оно к себе вызывает: двадцать один процент венгерских радиослушателей сочли ненадежным «Радио Свобода», финансируемое ЦРУ, тогда как всего четыре процента высказались против «Голоса Америки» и два процента против Би-би-си.

Советский Союз и страны Восточной Европы широко прибегали к глушилкам. СССР стал вмешиваться в трансляции «Голоса Америки», едва эта радиостанция начала свои передачи на русском языке в 1947 году. Затем советские власти стали глушить и другие «голоса». К 1958 году на глушение «вражеских голосов» тратилось больше средств, чем на развитие собственного радиовещания. В докладе ЦК сухо отмечалось, что на СССР вещают 50 или 60 «голосов», а отвечают им 1660 глушилок общей мощностью свыше пятнадцати мегаватт. (Кстати сказать, впервые глушением радиопередач стали заниматься нацисты, и глушили они советские радиостанции, которые сообщали об амурных похождениях лидеров Третьего рейха.)

Полностью блокировать все «вражеские голоса» оказалось невозможно. Глушение осуществлялось с помощью волны, отраженной от верхних слоев атмосферы. Этот способ покрывал широкое пространство, однако его воздействие было неравномерным и относительно неэффективным. Вдобавок вмешивалась разница во времени: поздними вечерами, когда начиналось западное радиовещание – еще при свете дня, и сигналы отражались от ионосферы, но сигналы глушилок, передаваемые в темноте, проникали сквозь ионосферу, что давало приблизительно два часа относительно чистого приема. Глушилки также использовали волну, действующую в пределах прямой видимости. Этот прием был весьма эффективен лишь на небольших расстояниях.

На деле СССР покрывал атмосферными сигналами глушилок всю территорию, а наземные глушилки «работали» на города и пригороды, где проживала на дачах подлежащая контролю интеллигенция.

СССР и его союзники добились в итоге того, что прослушивание «вражьих голосов» привлекло еще больше людей, поскольку сделалось запретным плодом. «Голоса» по-прежнему можно было слушать, прибегая к различным ухищрениям: выбирая «правильное» время суток, переходя каждые несколько минут с волны на волну, перемещаясь с приемником на открытое пространство^[81]. Исследователи подсчитали, что в начале 1950-х годов, в период самого интенсивного глушения, можно было услышать от 5 до 12 процентов иностранных программ; в глазах граждан Восточного блока это обстоятельство повышало привлекательность и ценность иноземного вещания и не отбивало желания настраиваться на запретные волны.

Девяносто два процента советских граждан, посетивших в 1958 году Брюссельскую всемирную выставку (представители лояльной коммунистической партии «верхушки»), признались, что слушают «голоса». В 1961 году скончался Борис Пастернак, исключенный из Союза писателей за свою Нобелевскую премию по литературе, и тысячи граждан, узнавших о его смерти из трансляций Би-би-си, устремились проводить писателя в последний путь в маленькую деревню Переделкино, где у Пастернака была дача.

Донесения агентов КГБ свидетельствуют, что Би-би-си и «Голос Америки» можно было слушать даже в некоторых районах Москвы, Киева и Ленинграда. В докладе КГБ выражается, кстати, сожаление по поводу того, что власти допустили массовое производство коротковолновых приемников: «Следует отметить, что в настоящее время в европейской части СССР сосредоточено до 85 процентов коротковолновых приемников, но на этой территории *наши собственные передачи не могут быть услышаны, можно принимать только вражеское радио*». К семидесятым годам «голоса» можно было спокойно слушать даже в самых крупных российских городах.

Только 15 процентов германских и 0,1 процента американских приемников могли принимать советские программы. (У моих родителей был такой раритет, он позволял принимать советские программы, забавлявшие напыщенной марксистской риторикой.)

Интенсивность глушения определялась «оттепелями» и «заморозками» во взаимоотношениях реформаторов и сторонников жесткой линии, а также отношениями между Советским Союзом и США. При Хрущеве глушение было сократилось, но возобновилось в

мае 1960-го, когда Советы сбили самолет-шпион U-2. Затем власти вновь слегка «отпустили поводья», причем это делалось сознательно – партия хотела, чтобы советские люди узнавали новости «со стороны». К примеру, Советский Союз не сообщал об атмосферных ядерных испытаниях, которые проводил, но намеренно позволял своим гражданам услышать об этих испытаниях по «голосам». Советские власти не слишком жаловали восточных немцев, но открыто нападать на тех в СМИ было не принято. Когда «голоса» плохо отзывались о Восточной Германии, глушение таких программ прекращалось.

В июне 1963 года Джон Кеннеди выступил со знаменитой речью в американском университете, призвал к деэскалации холодной войны, и в том месяце глушение полностью прекратилось. Одновременно в стремлении посоперничать с «голосами» советские власти пересмотрели структуру своих медиа и создали круглосуточно работающую новостную станцию «Маяк», а спустя несколько лет на телевидении появилась – в прямом эфире – новостная программа «Время», созданная по образцу западных новостных шоу.

Вскоре Советский Союз предпринял самое странное среди своих усилий конкурировать с Западом. К 1966 году стало ясно, что радио и телевидение окончательно отправили агитаторов на свалку истории. В типично советском стиле, вместо того чтобы позволить этому институту зачихнуть и умереть, власти представили публике новую «версию» – политинформаторов: эти грамотные, образованные люди действовали под прямым контролем партийных органов. Политинформаторам вменялось в обязанность противодействовать влиянию «голосов». Под данную задачу обучили по меньшей мере миллион человек; простые советские люди обычно воспринимали политинформаторов как марионеток ЦК, а их выступления часто состояли из зачитывания вслух партийной прессы. Довольно быстро они сделались всеобщим посмешищем. Тем не менее, институт политинформаторов просуществовал почти до самого распада Советского Союза. Власти полагали, видимо, что живые выступления политинформаторов вместе с программами радио и телевидения будут успешно противостоять деятельности западных средств массовой информации. А на деле новые советские СМИ допустили ряд серьезных ошибок, фатально подорвавших доверие к ним самим и к коммунистическим режимам в Европе в целом.

В начале 1964 года – за несколько месяцев до смещения Хрущева – советские противники компромиссов выпустили «первый снаряд»: развернулась массовая кампания против диссидентской литературы, в рамках которой было устроено судилище над поэтом Иосифом Бродским. Его лирические стихи не имели ни малейшего отношения к политике, суд над ним проходил в кафкианской манере и сделался особенно знаменитым благодаря следующему диалогу между судьей и подсудимым:

Судья: А вообще какая ваша специальность?

Бродский: Поэт. Поэт-переводчик.

Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: Никто. *(Без вызова.)* А кто причислил меня к роду человеческому?

Судья: А вы учились этому?

Бродский: Чему?

Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались окончить вуз, где готовят... где учат...

Бродский: Я не думал... я не думал, что это дается образованием.

Судья: А чем же?

Бродский: Я думаю, это... *(растерянно)* от Бога...

Когда бы не храбрость и решительность Фриды Вигдоровой, суд над Бродским мог бы пройти в тайне, а сам поэт рисковал бесследно кануть в пучину ГУЛАГа. Вигдорову, маленькую скромную женщину, этакую «тихую мышку», именно за скромность избрали депутатом Моссовета. Но она была невероятно честным и высоконравственным человеком, боролась за тех, кого несправедливо угнетала система: за некую женщину, которую родственники несправедливо «сослали» в крошечную комнатку коммунальной квартиры, за оболганного школьника. Когда ее спросили: «Кем он вам приходится?», она ответила просто: «Он мне приходится человеком».

В феврале 1964 года объявили о суде над Бродским, Вигдорова не знала поэта лично, но пришла на заседание. Судья потребовал прекратить записи, но Вигдорова ответила, что она журналист и член Союза писателей. Судья продолжал настаивать на прекращении

записи, но Вигдорова стенографировала весь ход процесса. Эти записи попали за границу, и «голоса» обнародовали их на весь Советский Союз. Западные интеллектуалы выразили возмущение, а некоторые, в том числе Жан-Поль Сартр, стали добиваться, чтобы Бродского освободили из лагеря, где он полтора года занимался тяжелым физическим трудом. В 1972 году поэта выслали на Запад, а в 1987 году он получил Нобелевскую премию по литературе.

Хотя стенограмма Вигдоровой сделала это судилище широко известным, о нем довольно быстро позабыли. В то время Бродскому было двадцать три года, мало кто о нем слышал за пределами узкого круга знакомых. Власти преследовали его не за содержание стихов, а за тунеядство – так в СССР обозначали нежелание заниматься общественно полезным трудом. Публикация стенограммы и трансляция на волнах зарубежных радиостанций состоялись только по завершении процесса, потому никак не могли спровоцировать протесты в ходе суда. Два года спустя, во время суда над Андреем Синявскими и Юлием Даниэлем, ситуация изменилась: протесты на протяжении нескольких судебных заседаний разрушили и то малое доверие к суду, которое еще сохранялось у населения.

Синявский родился в 1925 году, участвовал во Второй мировой войне, учился в Московском университете. Как и многие советские граждане его возраста, в молодости он был убежденным коммунистом, но в 1951 году отца Синявского арестовали. Через пять лет Синявского, как и многих советских людей, потрясло разоблачение сталинского режима, сделанное в «секретном» докладе Хрущева.

Разочарование в коммунизме стимулировало желание писать. Под псевдонимом «Абрам Терц» Синявский написал и издал за границей три текста, за которые его и осудили: «Любимов» – мягкая сатира на советского демагога из маленького городка; «Что такое социалистический реализм» – анализ господствующей в СССР культурной теории; и «Суд идет» – фантазмагорический отчет о суде по «делу врачей» (это последнее проявление сталинской паранойи – показательный суд над врачами-евреями по сфабрикованному обвинению в заговоре с целью убийства советского руководства).

Юлий Даниэль тоже родился в 1925 году в еврейской семье. Он получил ранение на фронте и был комиссован по состоянию здоровья. Синявский публиковался в официальных изданиях, в том числе в

«Новом мире», а Даниэль почти не издавался, поскольку не мог пробиться сквозь советскую цензуру. Тем не менее, под псевдонимом «Николай Аржак» он сумел опубликовать несколько произведений за рубежом (благодаря самиздату и тамиздату). Одно из его сочинений называлось «Говорит Москва». По тексту, власти объявляют наступление «дня разрешенных убийств»: в течение восемнадцати часов каждый советский человек может убить любого, за исключением работников милиции, военнослужащих в форме и *аппаратчиков*. Этот текст настолько разгневал власти, что Даниэля привлекли к суду вместе с печально известным Синявским.

Обоих писателей арестовали в сентябре 1965 года: через пять месяцев состоялось судебное заседание, на котором судья Верховного суда СССР выдвинул обвинение по пресловутой 70-й статье УК РСФСР. Согласно этой статье, любой советский гражданин мог быть осужден «за агитацию или пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления Советской власти». Хотя процесс подозрительно напоминал сталинские показательные суды, все же имелись некоторые отличия. Во-первых, несмотря на попытку заполнить зал сугубо сторонниками режима, кому-то – возможно, родственнику одного из обвиняемых – удалось пронести в зал магнитофон, благодаря чему почти весь ход заседания получилось впоследствии восстановить. Во-вторых, ответчики не признали своей вины. В-третьих, в отличие от Бродского, писателей судили за *содержание* их произведений. Никогда прежде советские прокуроры не судили литераторов за художественные произведения (хотя многих, например, Мандельштама, ссылали, сажали в тюрьму и даже казнили – но под иными предлогами.). После четырех дней фарса суд признал писателей виновными и осудил Синявского на семь лет строгого режима, а Даниэля – на пять.

Реальная вина Синявского и Даниэля состояла в том, что они под псевдонимами опубликовали свои произведения за границей; как и в случае с Бродским, это вызвало возмущение Запада, но с существенной разницей: протест в отношении Синявского и Даниэля шел в режиме реального времени. Почти с самого момента ареста родственники и друзья обвиняемых поняли, что смогут отстаивать писателей в суде, только если передадут информацию об аресте западным корреспондентам, а «голоса» будут рассказывать о суде

советским радиослушателям. Власти не вполне сознавали, насколько значимый процент советских людей регулярно слушает «голоса», а потому неожиданно для себя столкнулись с непредвиденными обстоятельствами: уже в первый день заседания около пятидесяти сторонников Синявского и Даниэля, привлеченных трансляциями зарубежного радио, явились к зданию суда. Каждый вечер советские люди ловили зарубежные радиостанции и слушали новости о суде; каждое утро группа сторонников обвиняемых и иностранных корреспондентов становилась все многочисленнее. Время от времени все забегали в кафе по соседству, где советские сторонники писателей угощали замерзших и проголодавшихся иностранцев горячими пельменями и делились информацией.

Запад не молчал; знаменитые писатели, весьма уважаемые в России (это уважение мало кто из представителей Запада способен оценить), выступали против суда. Чтобы не насторожить власти, жена Даниэля Лариса, навещая мужа в тюрьме, поведала ему о поддержке Запада в завуалированной форме: «Тебе просила передать привет бабушка Лилиан Хеллман. Дядюшка Берт Рассел тоже желает всего хорошего. А уж твой племянник Гюнтер Грасс и твой младший брат, маленький Норман Мейлер, только о тебе и говорят». Охранник Даниэля прокомментировал: «Хорошо, что у вас, евреев, такие большие семьи».

Процесс осудили даже коммунистические партии Запада. Лидер британских коммунистов Джон Голлан заявил: «Правосудие необходимо, но за его отправлением и осуществлением следует тщательно надзирать. К сожалению, сейчас этого не происходит».

Далее настал черед «острым вопросам» студентов Таубмана. Когда в Московском университете некий профессор поставил свою подпись под письмом в поддержку обвинения, студенты спросили, подписал ли он это письмо под давлением. Ответ он утвердительно, его бы поняли и простили, но он сказал, что сделал это добровольно; тогда студенты дружно вышли из аудитории. Даже председатель Верховного суда СССР (в отличие от председателя суда РСФСР, председательствовавшего на заседаниях), критически относился к происходящему.

Два писателя – Александр Гинзбург и Юрий Галансков – составили «Белую книгу»: это самиздатовский документальный

сборник на четырехстах страницах, в котором собраны материалы процесса Синявского и Даниэля, и прочие, связанные с этим делом документы. В 1967 году Гинзбургу и Галанскову, а также двум их сторонникам было предъявлено обвинение – за эту и за другие работы. Всех четверых приговорили к длительным тюремным срокам; суд состоялся на следующий год и получил название «процесс четырех». Гинзбург отсидел срок полностью, затем был выслан в США, а Галансков умер из-за того, что тюремное начальство проигнорировало открывшуюся у него язву. Незадолго до кончины он писал домашним: «Они делают все, чтобы ускорить мою смерть».

«Процесс четырех» привлек внимание иностранного радиовещания и советских интеллигентов, одним из которых был молодой диссидент Владимир Буковский. Его также арестовали и приговорили к трем годам лагерей. Буковского судили и раньше, до «процесса четырех», так что с пенитенциарной системой СССР он был знаком не понаслышке: в 1965 году его направляли в различные психиатрические заведения за то, что Буковский скопировал и пустил в самиздат книгу югославского диссидента Милована Джиласа, и за протест против суда над Синявским и Даниэлем. Буковский устраивал в тюрьме голодовки и искренне радовался, когда тюремщики рассказывали, что о нем говорят Би-би-си и «Радио Свобода».

Тюремный персонал тоже слушал «голоса». В начале семидесятых годов диссидент Андрей Амальрик попал в ГУЛАГ и серьезно заболел, подхватив ушную инфекцию, которую осложнил менингит. Тюремный врач невзлюбила Амальрика за политические взгляды и нелюбезно отзывалась о нем в беседах с больничными служащими. Те передали ее слова Амальрику. Диссидент заявил врачу, что ее поведение непрофессионально, она же снова его оскорбила и крикнула: «Почему о вас «Голос Америки» твердит, а обо мне – нет?!»

Суд над Буковским привлек внимание физика Павла Литвинова. Этот человек выделялся даже среди советских диссидентов того времени: высокий, красивый, бесстрашный, к тому же – что поражало представителей власти – выходец из привилегированной советской семьи, представитель знаменитой фамилии. В 1930-х годах его дед Максим Литвинов был министром иностранных дел СССР. Чуть ли не единственный из советских чиновников, Литвинов не боялся возражать Сталину. После нападения Гитлера на Советский Союз в

1941 году Литвинов выступил со знаменитой речью по радио, фактически обвинив Сталина в излишнем доверии к Гитлеру. Что еще поразительнее, позднее он предупредил американского корреспондента, что уступка США требованиям Сталина приведет только к новым требованиям. Удивительно, что он уцелел. По словам Молотова, «Литвинов лишь случайно жив остался».

Павел унаследовал бесстрашие деда. Как и большинство молодых людей тех лет, он был убежденным марксистом. Ему было тринадцать, когда умер Сталин. Старшие члены семьи праздновали смерть тирана и шутили, а Павел с плачем выбежал из комнаты. В двадцать лет он подружился с Александром Гинзбургом, но пока еще не разуверился в марксистском учении; однако когда Гинзбурга арестовали и осудили на семь лет, Литвинов понял, что должен что-то сделать. Когда начался суд над Буковским, Литвинов протоколировал ход заседания; бдительный сотрудник КГБ заметил это и предупредил, чтобы Литвинов не вздумал публиковать эти записи. В ответ Литвинов записал свой разговор с агентом на бумаге и отправил письмо с этим текстом в редакцию советской газеты «Известия» и в многочисленные иностранные газеты. В КГБ Литвинову сказали: «Представьте, весь мир узнает, что внук великого дипломата Литвинова занимается подобными делами. К чему вам пятно на памяти деда?» Литвинов ответил: «Ну, я думаю, он вряд ли будет на меня в претензии. Я могу идти?» Разумеется, текст беседы с агентом не попал в советские газеты, но миллионы советских людей узнали его содержание от «голосов».

К 1968 году стало ясно, что советские власти проигрывают западным «голосам»; партия ответила единственным известным ей способом – возобновила глушение. Поистине странное решение. Прошло пять лет с тех пор, как в 1963 году глушение прекратилось; за этот срок заводы выпустили десятки миллионов коротковолновых приемников. Глушение «голосов» лишь увеличило доверие советских граждан к западным радиостанциям, и почти все, кто хотел приобрести приемники, их приобрели.

На смену шестидесятым годам пришли семидесятые, но преследования литераторов продолжались. В 1968 году председатель латвийского колхоза Иван Якимович пустил в самиздат очерк, в котором он протестовал против суда над Гинзбургом и Галансковым;

председателя отправили в психиатрическую лечебницу. Буковский сообщил об аресте Якимовича и поведал о практике расправы над диссидентами, которых прятали в дома для умалишенных, в самиздатовской статье, позднее переправленной за границу. Его снова судили и посадили в тюрьму, о чем «голоса» тотчас известили население СССР. Через несколько лет Буковский стал одним из авторов «Учебника психиатрии для диссидентов»: в этой книге даются советы, как себя вести, дабы не «угодить в психушку».

Трудно преувеличить воздействие на умы литературного и журналистского «шторма», который после суда над Синявским и Даниэлем чуть ли не два десятилетия раскачивал Советский Союз. Как говорила известная диссидентка Людмила Алексеева, вынужденная эмигрировать в 1977 году, но вернувшаяся в Россию для продолжения борьбы за права человека в 1993-м:

Политические суды в Москве, Ленинграде, Вильнюсе и Киеве освещались буквально всеми западными новостными службами. «Голос Америки», «Радио Свобода», Би-би-си, «Немецкая волна» и другие радиостанции передавали эти сообщения советским радиослушателям. А слушателей этих в СССР насчитывалось десятки миллионов. Благодаря этим передачам тысячи потерпевших и недовольных узнавали, что есть возможность воспользоваться московским самиздатом и нашими связями с западной прессой для обеспечения гласности в стране.

Примерно в то же время, когда проводился неожиданно ставший публичным процесс Синявского и Даниэля, самиздат и «вражеские голоса» немало способствовали усилению недовольства в стране. Александр Солженицын сделался олицетворением народной совести. Как и многие бывшие фронтовики, вернувшиеся с полей сражений Второй мировой войны, он был отправлен в ГУЛАГ сталинскими аппаратчиками (в данном случае за критику военной стратегии Сталина). Солженицына освободили в 1953 году и сослали в Среднюю Азию. Тамошние врачи нашли у него запущенный рак и сказали, что жить ему осталось несколько недель. Солженицын быстро записал все, что мог вспомнить о сталинских временах, на маленьких листках бумаги, положил те в бутылку из-под шампанского и закопал у себя в

огороде – а когда болезнь неожиданно прошла, выкопал бутылку и достал бумаги обратно.

Теперь у него появилось время для работы и возможность хранить черновики. Тем не менее, он, будучи ссыльнопоселенцем, понимал, что обыск возможен в любой момент, а потому научился микрофильмировать свои сочинения. Завершив рукопись, которую нельзя было опубликовать в Советском Союзе, он попросил друга, хирурга с умелыми руками, вставить крошечную пленку в обложку одной из разрешенных для чтения книг.

На ранней стадии литературной карьеры Солженицын не имел контактов на Западе, а потому отправил эту книгу с микропленкой единственному человеку, о котором вспомнил, – Александре Толстой, дочери великого писателя, проживавшей в США. Большинство писателей измеряют свои тексты в словах или страницах, Солженицын измерил книгу буквально – в кубических сантиметрах, а рукопись, после того как сделал микрофильм, уничтожил.

Правительство безжалостно преследовало Солженицына, работавшего сразу над несколькими книгами, в том числе над трехтомной историей сталинской тюремной системы «Архипелагом ГУЛАГ».

Публикация этого сочинения, работа над которым заняла десять лет, как и остальных книг, написанных после смещения Хрущева, потребовала совместных усилий десятков помощников. Они редактировали, переводили, печатали через копирку и микрофильмировали сочинения Солженицына. По собственным словам автора, этот тайный процесс «представлял собой постоянные игры в прятки; бывали времена, когда я не мог отдать тексты, потому что нельзя было отлучиться, запрещалось пользоваться телефоном, говорить в помещении тоже не стоило. Нельзя было хранить в квартире отпечатанные тексты, использованную копирку следовало сжигать, всю корреспонденцию от друзей надо было получать из рук в руки, поскольку о государственной почте не было и речи».

К концу шестидесятых годов Солженицын освоил «шпионское танго», что позволило ему буквально под носом у КГБ завершить многолетнюю работу. Под предлогом предоставления социальной помощи он бывал в разных квартирах и делал многочисленные копии, чтобы агенты, приходившие с обысками, ни о чем не догадались. Хотя

ему уже становились доступными более передовые печатные технологии, он не рисковал и ими не пользовался. Знаменитый виолончелист Мстислав Ростропович подарил своему другу копировальный аппарат. Солженицын дал аппарату имя – *принтер!* (напечатал именно так, курсивом, и с восклицательным знаком). Пользоваться устройством казалось слишком опасным. «Мы растерялись: что делать с этой штуковиной? Надо подумать, кому ее отдать. Пусть печатает листовки». (Люди, которым отдали аппарат, – друзья друзей – немедленно его уничтожили, опасаясь милицейского налета.)

Несмотря на продуманную тактику Солженицына, власти арестовали и замучили одну из его машинисток, Елизавету Воронянскую. Она обманула автора, сказала, что уничтожила копию «ГУЛАГа» после того, как перенесла на микрофильм, а сама ее припрятала. Под пытками она указала местоположение спрятанной копии. Через несколько недель, в августе 1973 года, после освобождения из тюрьмы Воронянская повесилась.

Работа над «ГУЛАГом» завершилась, но целых пять лет Солженицын не решался опубликовать текст за границей из опасения выдать своих добровольных помощников. Арест Воронянской и ее самоубийство заставили поспешить с публикацией, автор быстро переслал за рубеж две копии, и парижское издательство «ИМКА-Пресс» опубликовало на русском языке первый из трех томов трилогии, а в начале 1974 года вышел перевод этого произведения на английском и французском языках. Солженицына вскоре снова арестовали, после чего депортировали из страны. Его главный «курьер» Наталия Столярова переправляла за границу рукописи Солженицына не только до депортации, но позднее – адресуя их самому писателю, который уже находился на Западе.

Ни одно литературное произведение не дискредитировало Советский Союз до такой степени, как эпопея Солженицына. Почти сразу после самоубийства Воронянской по Союзу стали циркулировать самиздатовские версии «ГУЛАГа», а после публикации «ИМКА-Пресс» радиостанции «Свободная Европа» и «Свобода» стали читать в эфире отрывки из текста Солженицына почти каждый день; «Голос Америки», не желая прослыть настроенным слишком уж антисоветски, делал то же самое от случая к случаю. Самиздат, в свою

очередь, распространял транскрипты этих передач, сделанные с эфира, и самиздатовские версии активно расходились по территории СССР и Восточной Европы. За снятие копии с такого транскрипта по крайней мере один радиослушатель был помещен в психиатрическую больницу.

В том же году, когда на Западе был опубликован «Архипелаг ГУЛАГ», группа советских интеллигентов начала выпускать «Хронику текущих событий». Эти публикации, получившие прозвище «русскоязычного Би-би-си», были посвящены нарушениям прав человека в СССР, прежде всего арестам, тюремным заключениям и обыскам диссидентских квартир. За исключением полуторалетнего перерыва в начале семидесятых годов самиздат публиковал эту хронику более или менее постоянно вплоть до 1983 года. За рубежом исправно делались переводы на английский, и сегодня эти переводы доступны в библиотеках большинства крупных западных университетов.

Выражаясь фигурально, Советы, позволившие населению приобрести столько радиоприемников, прострелили себе правую ногу; а левую прострелили, наладив в стране выпуск магнитофонов. Эти катушечные устройства распространились на Западе в пятидесятых годах, Советский Союз стал производить их спустя десять лет и в 1960 году выпустил свыше ста тысяч магнитофонов, а в 1970-м – более миллиона.

Самый распространенный магнитофон «Яуза» был типично советским изделием – неуклюжим и ненадежным; ленты отличались столь же низким качеством, даже при умеренном использовании растягивались и рвались, но российские любители звуковоспроизводящей аппаратуры научились ее чинить – резать и склеивать. И если квалифицированная машинистка за день напряженной работы могла напечатать всего несколько самиздатских очерков, то неквалифицированный любитель почти автоматически копировал посредством магнитофона все, что хотел.

Вследствие простоты магнитофонной записи возрос объем *магнитиздата*, отчасти превзошедшего объемами самиздат; правда, содержание звуковых текстов было не столь оппозиционным – песни, точнее, бардовские сочинения, преимущественно лирические, исполнялись самими поэтами, аккомпанировавшими себе на гитаре.

Эти песни слушали в компаниях друзей поздними вечерами в тесных, прокуренных комнатах. Как и в случае с самиздатом, антиофициальность произведений и обстановка, в которой происходило прослушивание, придавали этим вечерам особую притягательность.

Типичным представителем бардовского движения был Александр Галич. Родился он в 1918 году, стихи начал писать в юношеском возрасте, затем стал актером. В начале карьеры, во время войны, выступал перед солдатами; позднее успешно зарекомендовал себя как драматург и даже разбогател. Но, как это часто бывало, разочаровался в советской власти после «секретного» доклада Хрущева, и его стихи приобрели оппозиционный характер; в результате в 1968 году Галичу запретили публичные выступления, а в 1971-м прежде успешного драматурга и сценариста исключили из Союза писателей.

Одну из своих песен Галич назвал «Желание славы». Это – песня внутри песни, в ней музыкант играет в квартире для друзей. Музыкант рассказывает историю, напоминающую «Раковый корпус» Солженицына: бывший тюремный надзиратель и бывший заключенный вместе медленно умирают в больнице: «Вертухай и бывший номер такой-то, / Нам теперь неможоту друг без друга, / И толкуем мы о разном и ясном, / О больнице и о больничном начальстве, / Отдаем предпочтение язвам... / И сказал он, приподнявшись на локте: / «Жаль я, сука, не добил тебя в Вятке! / Больно ловки вы, зэка, больно ловки!» Надзиратель умирает первым; а в это время в далекой заснеженной Москве сын тюремщика провожает домой дочь заключенного. Затем Галич снова переходит к сцене в квартире; песня внутри песни заканчивается, гости на какое-то мгновение замолкают и снова пьют. «Наружная» песня заканчивается словами: «Сосед-стукач за стенкою прячет свой магнитофон».

У Галича были и легкомысленные песни, например, «Красный треугольник». Пока партийная дама ездила за рубеж, муж, работавший на той же фабрике, ей изменил. Уличенный в преступлении, он просит прощения, а жена «как закричит, вся стала черная: / «Я на слезы на твои – ноль внимания, / И ты мне Лазаря не пой, я ученая, / Ты людям все расскажи на собрании!» После обсуждения политической обстановки в Гане коллеги приступают к изучению матримониальных проблем, и муж во всем сознается: «И в моральном, говорю, моем

облике / Есть растленное влияние Запада, / Но живем ведь, говорю, не на облаке, / Это ж просто, говорю, соль без запаха». Под конец собрание выносит преступнику строгий выговор и приказывает семейной паре примириться, что они и делают. «И пошли мы с ней вдвоем, как по облаку, / И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку, / Она выпила «Дюрсо», а я «Перцовую» / За советскую семью образцовую».

Коммунистическая партия в целом воспринимала магнитиздат не столь серьезно, как самиздат. Обыскав дом, милиция обычно возвращала магнитофонные записи и забирала самиздат. «Голоса» обращали на это внимание: «Радио Свобода» посвящало магнитиздату, доставленному контрабандой туристами и эмигрантами, несколько программ в неделю. Правда, к Галичу власти относились предельно сурово: в 1974 году ему дали всего двадцать четыре часа на сборы и выслали из Советского Союза. На следующий год в парижской квартире его ударило током, когда он включал в розетку новый магнитофон. Французская полиция сказала, что это – несчастный случай, но многие жители СССР сомневались в вердикте.

В какой мере магнитиздат содействовал развалу СССР, можно только догадываться, однако не следует принижать силу поэзии и музыки. Знакомый из Восточной Германии так объяснил причину своего разочарования в коммунизме: его родители, греческие коммунисты, в конце сороковых годов вынуждены были бежать с родины, и он поехал вместе с ними в Восточную Германию, где вырос убежденным социалистом и выучился на журналиста. В Восточной Германии никто не препятствовал слушать радио и смотреть телевидение Западной Германии, и мой знакомый, еще будучи молодым человеком, пристрастился к музыке капиталистических стран. Особенно покорила его песня «Битлз» «Вместе», и он часто ее слушал – ловил целую неделю, чтобы услышать по радио. Однажды он спросил себя: «А почему коммунисты запрещают слушать простой рок-н-ролл?» В тот день в Восточной Германии стало на одного марксиста меньше.

В семидесятых годах влияние самиздата росло, он распространялся в Венгрии, Польше и Чехословакии, где ему придали более изощренную форму, невозможную в тоталитарном и отсталом

Советском Союзе. Польские диссиденты имели доступ к печатным станкам, даже организовали страховой фонд, оплачивавший потери, когда полиция конфисковывала материалы и оборудование.

Из-за территориальной близости к Западу полякам было легче настраиваться на «голоса». В начале 1980-х годов США в соответствии с Директивой национальной безопасности, разработанной в администрации Рональда Рейгана, контрабандным путем переправили в Польшу партию миниатюрных коротковолновых приемников. Один такой приемник «поселился» в уникальном месте – экстравагантной бороде посаженного в тюрьму диссидента Александра Малаховского, который тут же настроил аппарат на волну Би-би-си. Лех Валенса тоже умудрился слушать радио во время своего заключения в 1981–1982 годах. Навещавшая его жена вспоминала:

Я удивилась тому, что у Леха есть приемник, по которому он слушает радио Запада на польском языке. Он постоянно слушал «Свободную Европу», «Голос Америки», Би-би-си и доводил этим охрану буквально до сумасшествия. Однажды они заявили, что приемник сломался... Один охранник жаловался, что заработал мигрень. Лех целый день крутил ручку радиоприемника.

Надзиратели покопались в приемнике и убрали возможность слушать вещание в коротковолновом диапазоне, но они забыли, что Валенса – профессиональный электрик. Вскоре он снова слушал иностранное вещание, теперь уже на длинных волнах. А потом ему подарили один из миниатюрных рейгановских коротковолновых приемников.

Активно слушая радио, чехи столь же активно читали самиздат. Причинами успеха диссидентов в стране стали три события: «пражская весна», подавленная в августе 1968 года вторжением в Чехословакию советских войск; Хельсинкское соглашение, подписанное в августе 1975 года; и, как ни удивительно, скандал, разразившийся на музыкальном фестивале 1976 года (так называемая «свадьба Магора»), на котором выступали музыканты рок-группы «Plastic People of the Universe».

Пятого января 1968 года к власти в Чехословакии пришел реформатор Александр Дубчек. Он сразу же ликвидировал

большинство ограничений на свободу передвижения, свободу слова, политическую активность и даже пообещал ввести многопартийную демократию. Глава советского КГБ Юрий Андропов, не забывший своего посольского опыта в Будапеште 1956 года, обвинил Дубчека (заодно с ЦРУ и НАТО) в заговоре против социализма, и в августе 1968 года советские войска вторглись в Чехословакию. Дубчек лишился своего поста и был отправлен послом в Турцию.

Вторжение вызвало протест в различных формах, особенно запомнилось самосожжение на Вацлавской площади студента Карлова университета Яна Палаха, которое произошло в начале 1969 года. Примерно в это же время начала выступать с концертами чешская рок-группа «Plastic People». Поначалу группа подражала психоделической западной музыке, но вскоре репертуар пополнился композициями религиозного и социального содержания, что вызвало недовольство властей.

В феврале 1976 года художественный директор группы и поэт, выпускник Карлова университета Иван Йорус праздновал свою свадьбу в деревушке неподалеку от Праги. Группа «Plastic People» и другие рок-музыканты на протяжении двенадцати часов развлекали четырехста гостей. Это сочли нарушением правопорядка, полиция арестовала двадцать участников концерта, включая Йоруса и всю его группу, и допросила около ста человек. Последовала череда судов в жанре «опера-буфф», на которых приводились измышления о низкосортных шутках подсудимых. Прокуроры обличали не только свадебную церемонию, но и предыдущую деятельность группы. Йоруса осудили на полтора года тюремного заключения, саксофониста – на восемь месяцев, остальных музыкантов отправили в ссылку.

На заседаниях суда присутствовали многие выдающиеся интеллектуалы страны, включая Вацлава Гавела. Они возмущались не только тем, что правительство сделало из суда посмешище, но и тем, что суд нарушил недавно подписанные Хельсинкские соглашения. В этих документах, которым не исполнилось еще и года, провозглашалась свобода «мысли, совести, религии и вероисповедания» в Советском Союзе и Восточной Европе. (Одновременно декларировалась незыблемость европейских границ 1945 года, что признавало де-факто пребывание в составе СССР прибалтийских республик, оккупированных Советским Союзом в 1940

году.) Гавел и его единомышленники подписали так называемую «Хартию-77», которая требовала от коммунистического правительства Чехословакии придерживаться подтвержденных Хельсинкскими соглашениями прав человека и не нарушать собственную конституцию и законы.

В ночь на 6 января 1977 года – в Двенадцатую ночь – пражская полиция остановила автомобиль, в котором сидели актер и драматург Павел Пандовски, Гавел и писатель Людвик Вацулик. Они везли 250 конвертов с манифестом, чтобы все члены группы могли их подписать. Каждого из троих подвергли допросу, а конверты конфисковали и не вернули.

Оказалось, впрочем, что это не важно: «Хартия-77» успела попасть по назначению. Уже на следующий день манифест опубликовала газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» (прямая наследница газеты, которую нацисты не трогали вплоть до гибели Третьего рейха), а затем его содержание стали транслировать «голоса».

В 1980-м «голоса» начали передавать сообщения о стачках в Польше. Советские власти, которые в 1973 году прекратили глушение западных радиостанций, вновь вернулись к излюбленной практике, но – тщетно: те передачи, которые все-таки «прорывались» к слушателям, провоцировали стачки на фабриках и шахтах по всему Советскому Союзу. Забавно, что советское руководство воспринимало распространение транскриптов западных радиопередач как разглашение государственных секретов СССР; при этом миллионы советских граждан слушали «вражеские голоса», несмотря на глушилки. Оказаться в «циркуляционном листе» правительства – который обычно доставляли вместе с повесткой вооруженные милиционеры – считалось высокой честью; по иронии судьбы, люди, занимавшие наилучшие места для реализации реформ, одновременно являлись теми, перед кем отчитывались милиция и КГБ. Как заметил историк Майкл Нельсон, «рыба гниет с головы».

В самом деле, к 1970-м годам многие советские лидеры тайно соглашались с утверждением Норберта Винера: «Требование секретности представляет собой нежелание страдающей от недугов цивилизации изучать собственный диагноз». Более проницательные члены советского политбюро и ЦК, даже отрицая необходимость расширения индивидуальных свобод, ясно понимали, что советская

экономика отстает от экономики Запада, прежде всего – вследствие разных технологий обработки информации. Среди этих реформаторов был протеже Андропова – Михаил Горбачев. В 1982 году генеральным секретарем ЦК КПСС стал Андропов, однако он тяжело болел (проблемы с почками). Своим преемником он предполагал сделать именно Горбачева, но в последний год жизни Андропов стал совсем недееспособен, так что когда в 1984 году он скончался, политбюро проигнорировало его политическое завещание и назначило на пост генерального секретаря Константина Черненко. Тот смог продержаться у власти всего тринадцать месяцев, а после его кончины должность наконец получил Горбачев.

Поначалу новый генеральный секретарь действовал осторожно. В августе 1987 года несколько тысяч латышей публично оплакали сорок восьмую годовщину пресловутого пакта Молотова – Риббентропа, по которому прибалтийские республики попали в «тиски Сталина». Организаторы сообщали «голосам» о времени и месте сбора демонстрантов, один из них сказал: «Те, кто хочет выйти на улицу, не имеют возможности сообщить об этом, роль радио очень велика». Горбачев жестко раскритиковал западные радиостанции за помощь демонстрантам.

Несколько месяцев спустя Горбачев открыл «шлюзы гласности»; в октябре американский сенатор Мойниган сообщил ста пятидесяти миллионам советских телезрителей, что они живут в аду, где нарушаются права человека, а глушение западного вещания окончательно прекратилось. Неожиданно направление реформ в коммунистическом блоке поменялось: до 1987 года перемены шли с запада на восток – от быстро менявшихся бывших стран-сателлитов, Польши и Венгрии, к СССР; после 1987 года вектор изменился – от СССР к более репрессивным режимам Чехословакии, Восточной Германии, Румынии и Болгарии.

С этого момента революция стала распространяться по «усложненным» каналам, чему способствовали более передовые технологически массовые коммуникации. К середине восьмидесятых Венгрия, как и Польша, даровала своим СМИ свободу, венгерское телевидение даже подсказывало жителям Восточной Германии наилучшие пути для побега через Берлинскую стену. Чехи начали

слушать советское радио, поскольку оно вдруг стало намного интереснее скучного домашнего вещания.

Мрачный эпизод, достойный пера талантливых романистов, положил конец коммунизму в Чехии. 17 ноября 1989 года тысячи студентов вышли в Праге на мирную демонстрацию. Они не знали, что в ряды демонстрантов затесался офицер полиции Людвиг Зифчак, который завел их в полицейскую западню. Сотни молодых людей были ранены в столкновениях с полицией. Зифчак упал наземь и притворился мертвым. Коллеги-полицейские накрыли «тело» простыней и унесли прочь.

Мнимая смерть имела колоссальные последствия. «Голос Америки» и «Свободная Европа» раструбили о гибели студента по всей Чехословакии, и на следующий день сотни тысяч протестующих вышли на улицы чешских и словацких городов. Спустя одиннадцать дней коммунистический режим рухнул. (Когда Зифчак появился на публике живым и здоровым, новые демократические власти предъявили ему обвинение в оскорблении чести полицейского.)

Румынский диктатор Николае Чаушеску не допускал либерализма в правительстве. В Румынии проживало около трех миллионов венгров, многие из которых слушали вещание венгерского радио и смотрели венгерское телевидение. В стране появлялись и персональные средства коммуникации. В декабре 1989 года вспыхнуло восстание против Чаушеску. Милиция пришла в церковь города Тимишоары, чтобы арестовать одного из руководителей восстания, преподобного отца Ласло Токеша; прямо в церкви пролилась кровь. К ужасу властей, венгерское телевидение почти незамедлительно показало репортаж о побоище гражданам Румынии. Все недоумевали: как венграм удалось снять столкновение на пленку? Объяснение оказалось простым: за несколько месяцев до побоища венгерский журналист, предвидя такое развитие событий, спрятал видеокамеру среди имущества отца Токеша.

Через два года коммунизм окончательно рухнул в самом СССР. 19 августа 1991 года группа заговорщиков в высшем руководстве страны устроила путч против Михаила Горбачева. Они не сознавали, что СМИ вряд ли окажутся на их стороне. Заговорщики даже захватили часть оборудования телевизионной башни в московском районе Останкино

(высотой 540 метров), однако переманить журналистов и продюсеров им не удалось – страна уже давно и решительно выбрала гласность.

Телевизионные программы того дня привели в полное недоумение как советских, так и иностранных зрителей. Заговорщики заменили «живые новости», характерные для новых времен, ходульными сообщениями на коммунистическом жаргоне прежних лет. А вечером 19 августа путчисты допустили и вовсе необъяснимый промах – устроили пресс-конференцию, формат которой породила гласность.

На вопросы журналистов отвечал, как ни странно, не самый авторитетный среди восьми главных заговорщиков – Геннадий Янаев. Он и сделался олицетворением краха старого режима. Телевизионная камера – безжалостный, бессердечный инструмент в руках умелого оператора, способный превратить любое событие в красноречивый образ. Так произошло с Ричардом Никсоном в ходе пятичасовых дебатов во время президентской гонки шестидесятых годов.

Вечером 19 августа 1991 года Елена Поздняк, опытный продюсер программы «Время», продемонстрировала всем силу телевидения. Долгие годы она убирала с экрана тик, заикание и речевые дефекты Леонида Брежнева. На сей раз она поступила ровно наоборот: продемонстрировала все недостатки заговорщиков. Хотя у Янаева звучный и властный голос, на тот момент «спикер» путчистов страдал от насморка, а руки его предательски дрожали. Поздняк выпятила эти недостатки, и зрители невольно припомнили русскую поговорку: «Руки трясутся, будто кур воровал». Журналисты в зале забросали путчистов вопросами; один язвительно поинтересовался здоровьем Янаева, другая – Татьяна Малкина – еще более сурово спросила, понимают ли путчисты, что совершают государственный переворот. Янаев попытался что-то ответить, а Поздняк перевела камеру на презрительное лицо Малкиной.

Офицеры КГБ и военачальники с недоумением наблюдали это зрелище. Те, кто занимал выжидательную позицию, переметнулись к Горбачеву и Ельцину, а те, кто поддерживал путчистов, поняли, что поставили не на ту лошадь.

Журналист программы «Время» Сергей Медведев в телевизионном репортаже, которым смог бы гордиться Дэн Разер, показал российский Белый дом, перед защитниками которого, готовыми к штурму, выступал Борис Ельцин. Телевизионные

операторы вставили в репортаж знаменитый момент – Ельцин на танке; это невольно напомнило советским зрителям Ленина, выступавшего в 1917 году с броневика у Финляндского вокзала. Большую часть пленки операторы Медведева потратили на съемки у Белого дома, а канал Си-эн-эн распространил по миру сюжет с танком.

«Голоса» записывали и собственные передачи. «Радио Свобода» занимало помещение на верхнем этаже российского Белого дома. Большинство россиян в провинции не отходили от приемников. Поведение журналистов разозлило путчистов, которые приказали Медведеву прекратить съемки. Слишком поздно: 19 августа телевидение и «голоса» продемонстрировали, что заговорщики слабы и нелегитимны, и тем самым лишили их поддержки армии, КГБ и советского народа.

Следующей ночью, 20 августа, события на баррикадах, выросших вокруг Белого дома, вступили в решающую фазу. Путчисты вызвали для штурма здания спецназ. Они забыли, что в январе Горбачев приказывал этим же бойцам штурмовать здание телевизионной башни в Вильнюсе. То нападение вызвало негативную реакцию населения. Когда путчисты вызвали спецназовцев к Белому дому, большинство бойцов попросту отказалось подчиниться приказу. (Те же, кто подчинился, предприняли несколько неудачных попыток штурма.) В ходе этого противостояния погибли трое защитников Белого дома.

Еще одна важная подробность августовского путча: заговорщики были уверены, что изолировали Горбачева и его семью от внешнего мира на черноморской даче в Форосе. Оказалось, что это не так. Офицеры охраны остались лояльными Горбачеву и сумели наладить примитивную радиосвязь. У зятя Горбачева нашелся портативный приемник «Сони», с его помощью семья советского президента слушала «голоса». Из радиопередач Горбачев узнал, что заговорщики ведут себя абсолютно некомпетентно, а потому отверг их требование покинуть президентский пост по причине «слабого здоровья».

Отказ спецназа стрелять в защитников Белого дома доказывает, что информация сыграла свою роль в развенчании деспотического режима. Впрочем, советский коммунизм разрушили не только приемники, самиздат и магнитофонные записи. Не будь система прогнившей, не выйди на улицу смелые люди, рисковавшие своими

жизнями, Советская власть, возможно, существовала бы и поныне. Тем не менее, ее легитимность подточили «голоса» и копировальная бумага – с этим не поспоришь.

Конечно, постарались и «голоса» с телевизионными каналами, транслировавшие в прямом эфире избиения граждан. В прежние времена о событиях в Вильнюсе благополучно бы умолчали, и командиры спецназовцев избежали бы позора. Но в январе 1991 года телекамеры в Вильнюсе не прекращали работать, а власти сделали козлами отпущения злополучных офицеров. Когда этих же командиров снова призвали убивать невинных граждан, они, должно быть, подумали: «Единожды солгавши, кто тебе поверит?»

История самиздата и магнитиздата не будет полной без мемуаров Никиты Хрущева. После отставки 13 октября 1964 года он жил спокойной жизнью пенсионера, но гордился тем, что, разоблачив злодеяния Сталина, «ослабив вожжи» и допустив некоторую свободу, изменил к лучшему советское общество. Накануне отставки он позвонил своему старому другу Анастасу Микояну и заявил:

Разве могло кому прийти в голову сказать Сталину, что он нас не устраивает, и предложить ему уйти в отставку? От нас бы мокрого места не осталось. Теперь все иначе. Исчез страх, и разговор идет на равных. В этом моя заслуга.

Разумеется, до 1953 года ни один отставленный советский чиновник высшего ранга не мог надиктовывать свои мемуары на магнитофон, как поступил Хрущев в 1966 году. (Бывший генеральный секретарь был не слишком образованным человеком и диктовал лучше, чем писал.) Воспоминания отца записал его сын Сергей.

Как и Павел Литвинов, Никита Хрущев отличался самоуверенностью и позволял себе спорить с властью. Весной 1968 года член политбюро Андрей Кириленко и два других высокопоставленных партийных чиновника пригласили Хрущева и велели тому прекратить работать над мемуарами. Он отказался:

Вы можете у меня отобрать все – пенсию, дачу, квартиру. Все это в ваших силах, и я не удивлюсь, если вы это сделаете. Ничего, я себе пропитание найду. Пойду слесарить, я еще помню, как это

делается. А нет, так с котомкой пойду по людям. Мне люди подадут. – Он взглянул на Кириленко. – А вам никто и крошки не даст. С голодудохнете.

Хрущеву не требовалось уточнять, что если он – больной семидесятичетырехлетний старик, которого соотечественники запомнили прежде всего как руководителя, который открыл правду о сталинских преступлениях, – вернется на завод или пойдет просить подаяния на улицах, страна немедленно узнает об этом от «голосов».

Процесс издания его мемуаров во многих отношениях напоминал истории других диссидентов. Как и у Солженицына с его «Архипелагом», у Сергея Хрущева была надежная машинистка, которая под надзором КГБ напечатала книгу «Хрущев вспоминает». Для надежности Сергей сделал три экземпляра и несколько копий магнитофонных записей. Такая предосторожность оказалась нелишней – КГБ потребовал оригиналы текста и пленок; в результате первый экземпляр ушел «наверх», а копии рассеялись по миру: второй экземпляр контрабандой отправили за границу, вероятно, при посредстве загадочного агента Виктора Луи. Третий спрятали где-то на родине. (Луй изготовил под копирку множество дополнительных копий.)

В 1970 году американское издательство «Литтл Браун» напечатало первые два тома книги «Хрущев вспоминает». В типично советском стиле Советы предоставили доступ к «американской поделке» только партийной верхушке, несмотря на то, что граждане уже давно слушали большие отрывки из книги на волнах западных радиостанций. Власти упорно рассуждали о фальшивке, но им никто не верил, а анализ голоса на магнитофонных пленках подтвердил подлинность записи. Историки критикуют воспоминания бывшего советского лидера, уличают его в различных неточностях, однако сама история написания мемуаров Хрущева и их публикации демонстрирует, что в 1970 году диссидентские методы в Советском Союзе использовались, как говорится, снизу доверху.

С 1965 по 1991 год среди диссидентских хитростей главенствовала самая простая множительная технология – копировальная бумага; власти вдобавок совершили грандиозную ошибку, позволив производство в соответствии с государственным

планированием множества коротковолновых приемников, которые обеспечили Уинстонам Смитам коммунистического мира возможность преодолевать правительственную монополию на информацию. В каком-то смысле, которого не мог предвидеть Джордж Оруэлл, они сами помогли покончить с кошмаром «1984», поразившим Восточную Европу.

Влияние этих технологий не всегда было позитивным: к примеру, кассетные магнитофоны и проигрыватели, более компактные и транспортабельные по сравнению с катушечными советскими магнитофонами, сыграли главную роль в падении шахского режима в Иране и установлении власти аятолл в 1979 году.

В последующие годы появились еще более мощные коммуникационные технологии, позволившие обычным людям создавать и передавать тексты, аудиозаписи, статичные и движущиеся изображения в миллионы раз быстрее, чем делали их предшественники в Советском Союзе и Восточной Европе. История продолжается по сей день – и мчится на бешеной скорости.

Глава девятая

Аргус

Если вы сомневаетесь в том, что Интернет фундаментально изменил баланс сил между властью и обществом, спросите Трента Лотта, экс-лидера республиканского большинства в Сенате Соединенных Штатов. В четверг, 5 декабря 2002 года, по случаю столетнего юбилея Тэрмонда Строма Лотт произнес такие слова:

Я хочу сказать о своей стране: когда Стром Тэрмонд баллотировался в президенты [1948], мы голосовали за него и гордимся этим. Если бы нашему примеру последовала остальная страна, у нас не было бы многих нынешних проблем.

Анализ речи Лотта не требует докторской степени политолога: нации было бы легче, избери она в 1948 году убежденного сегрегациониста. Хорошо представленная на празднествах пресса, как ни странно, не прореагировала на эти слова, хотя Лотт произнес свою речь весьма разборчиво и сами журналисты явно пребывали не в коматозном состоянии. Согласно одному из гостей, слова Лотта всех поразили, на мгновение наступила тишина. Возможно, ради приличия пресса сосредоточила свое внимание на двойнике Мэрилин Монро, которая с придыханием пропела: «Happy Birthday, Mister President Pro Tempore^[82]» и звучно запечатлела поцелуй на лбу столетнего именинника.

Ради справедливости, следует сказать, что массмедиа не совсем проигнорировали речь Лотта: в выпуске новостей в 4:30 утра о ней коротко упомянул канал Эй-би-си. Газета «Вашингтон пост» напечатала маленькую заметку, которую спрятала на последней странице, а госпожа Гвен Айфилл, афроамериканка, старший корреспондент Пи-би-эс, член совета директоров Комитета по защите журналистов, посвятила высказыванию Лотта шоу под названием «О чем они думают?».

Эта история быстро исчезла из новостного мейнстрима. Затем произошло нечто неожиданное: об инциденте заговорили блогеры, особенно постарались Дункан Блэк (Atrios.blogspot.com), Джошуа Маршалл (Talkingponstsmemmo.com) и Гленн Рейнольдс (Instapundit.com) – их возмутили слова Лотта. Историк Эд Сибеста, специализирующийся на критике неоконфедератов и располагающий достоверными данными, заявил, что за Лоттом тянется долгая история восхваления южного расизма. Страна решила разобраться.

Блогеры разбушевались, официальная пресса вынуждена была снова обратиться к высказыванию Лотта. Сенатор письменно извинился, но извинения лишь раздули пламя: 12 декабря перед чернокожей аудиторией президент Буш подверг сенатора суровой критике, и 20 декабря Лотт вынужденно подал в отставку.

Интересно, что в 1980 году перед южной аудиторией сенатор произнес почти такую же речь, о чем подробно писали в местной прессе; правда, центральные издания о его выступлении умолчали. Что же изменилось? Начиная с 2002 года любой человек способен стать колумнистом или журналистом, было бы желание. По сравнению с профессиональными журналистами, типичному представителю «новой прессы» не хватает подготовки, опыта и связей. («Блогеры в пижамах», – фыркают специалисты.)

Тем не менее, в совокупности «нюх» и рвение «любителей» могут посрамить профессионалов. Это происходило и происходит многократно. Блэк, Маршалл, Рейнольдс и Сибеста – прямые наследники Коббета, Хоуна, Пейна и Карлайла, комментаторы с недавно приобретенным доступом к массовым технологиям коммуникации, позволяющим обойти традиционные каналы власти и влияния.

На базовом уровне Интернет функционирует как множительный аппарат, позволяющий каждому пользователю с легкостью копировать документы, изображения, звуковые файлы (и еще проще – гиперссылки). Возросшая личная власть человека – часть большой истории персонального копирования и развития коммуникационных технологий, о чем говорилось в восьмой главе. Фотокопировальное устройство, история которого началась сто лет назад, представляет отличную перспективу революции в Интернете.

Фотография документа или рисунка – по сути, дубликат, хотя и дорогой. В 1911 году компания «Истмен Кодак» создала устройство, превращавшее черно-белое изображение в фотографию без повреждения пленки, – знаменитую машину для массового производства фотопластин, фотостат.

Хотя фотостат автоматизировал сложный процесс съемки и проявления, ему необходимы проточная вода и электричество. На заре двадцатого века обеспечить эти условия было непросто, машине требовалась целая отдельная комната. Устройство поглощало огромное количество дорогой фотобумаги и реактивов и выдавало дурно пахнущие копии на толстой бумаге с закручивающимися углами, что создавало трудности для хранения. Патентовед Честер Карлсон изобрел технологию, которая позволяла использовать простую бумагу. Изобретение Карлсона произвело революцию в деловом мире, а через десять лет оказалось в самом центре титанического противостояния правительства и прессы.

Карлсон родился в 1906 году в Сиэтле, он был внуком шведских иммигрантов и сыном блестящего, но неудачливого отца, из-за которого детство Честера прошло в диккенсовской нищете и одиночестве, а потому он выучился рассчитывать только на себя.

Когда Карлсону исполнилось четыре года, отец, наслушавшись рассказов о плодородной земле и избытке рабочих мест, увез семью в сельскую Мексику. Там Карлсонам пришлось отбиваться от скорпионов, змей и бандитов. Коровы и куры утопали в густой грязи, окружавшей сельский дом. Вскоре семья вернулась в Штаты, Честер постоянно болел, мать трудилась домработницей у врача, сжалившегося над семьей и пустившего их в крошечную комнату в глубине дома.

Затем семейство перебралось в сельский городок Крестлайн в Южной Калифорнии; юного Честера впервые допустили в компанию детей работодателей отца. Настало Рождество, и работы на дамбе, где трудилось большинство горожан мужского пола, остановились. Карлсон снова остался один, если не считать учительницы. «Оглядываясь в прошлое и вижу учительницу – сидит за столом, подперев рукой подбородок, и смотрит в стенку».

Карлсон все же окончил местный колледж, а затем и Калифорнийский технологический институт, но тут началась Великая

депрессия. После диплома он немного поработал в компании «Белл телефон лэбораториз», но его сократили. Тогда Карлсон устроился в патентный отдел, а чтобы продвинуться по карьерной лестнице, окончил вечернюю школу юридических наук.

Он стал успешным адвокатом-патентоведом, но душа тянулась к изобретательству. С раннего возраста его привлекали печатные и копирующие устройства; суровое, одинокое детство выработало в нем независимость мысли и действий. Патентный поверенный многие часы, а иногда и дни дожидался, когда же наконец получит копии документов; к тому же фотокопии эти были громоздкими и дорогими. Карлсон подумал, что лучше печатать их на простой бумаге.

Не придумай Маркони беспроводной аппарат, передающий сигналы на большие расстояния, это наверняка сделал бы кто-нибудь другой. То же самое можно сказать о производстве бумаги, печатном станке и почти обо всех последующих усовершенствованиях в области коммуникаций. Почти все эти изобретения, сколь бы чудесными они ни выглядели, основаны на законах физики и являются усовершенствованием предшествующих технологий. Карлсон же радикально порвал с прежними методами копирования. Если бы большую часть своей взрослой жизни он не провел в ожидании фотокопий, его изобретение, возможно, и вовсе бы не состоялось.

Однажды он наткнулся на статью венгерского физика Пала Селеньи, в которой рассказывалось о применении ионного луча для перенесения структуры электростатических разрядов на вращающийся барабан. Использование дорогой и массивной ионной пушки в офисе не представлялось возможным, но научная подготовка Карлсона не пропала даром: он вспомнил о фотоэлектрическом эффекте Альберта Эйнштейна – когда в определенных субстанциях лучи света порождают электрический разряд.

Селеньи не догадался использовать свет, а вот Карлсон сообразил, что может применить фотоэффект Эйнштейна и добиться того же результата при помощи фотографических линз, а затем «конвертировать» электростатическую «картинку» на барабане в чернильное изображение на простой бумаге. Начиная работу в примитивной домашней лаборатории, а дальше были все лучше оборудованные помещения, все более квалифицированные помощники, все более надежное и масштабное финансирование – и

это принесло результат. Постепенно Карлсон спроектировал работоспособное устройство для компании «Галоид», основным бизнесом которой был выпуск фотобумаги. В 1958 году фирма стала называться «Галоид ксерокс», а в 1961-м – просто «Ксерокс».

В 1959 году компания выпустила первую действующую модель – модель 914, которая буквально покорила деловой мир. Отзывы о внедрении модели 914 сопровождались панегириками: аппарат превратил фотокопирование – прежде трудоемкий, изматывающий процесс – в приятную работу, выполняемую простым нажатием кнопки.

Но модель 914 породила серьезную проблему: загипнотизированные этим великолепием служащие использовали ее слишком часто. Автор книги о Карлсоне Дэвид Оуэн писал: «Изобретения создают потребность». Другими словами, новые машины как будто порождают спрос на свои возможности прямо-таки из ничего: конференц-залы лишились грифельных досок, места которых заняли стойки с копиями документов и чертежей. Препроводительный ярлык, прикреплявшийся к оригиналу документа и в том или ином виде столетиями бродивший от одного стола к другому, исчез, уступив место памяткам. За пять лет до изобретения модели 914 старые фотостаты выдавали в мировом масштабе ежегодно двадцать миллионов страниц. Спустя пять лет устройство Карлсона печатало почти по десять миллиардов копий в год. Модель 914 едва ли не мгновенно «произвела на свет» целое поколение модификаций офисных копировальных аппаратов, среди которых были «Верифакс» компании «Кодак» и «Термофакс» компании «3М».

Поначалу, по иронии судьбы, крошечная фирма «Галоид ксерокс» не могла найти партнеров для своего предприятия; в отсутствие поддержки крупных компаний проект виделся рискованной игрой; успех же взметнул «Галоид» на самый верх индустрии. Могучая «Ай-би-эм», к примеру, отвергла идею «Галоида», поскольку компьютерный гигант не видел потенциально значимого рынка для этой продукции. Будь «Ай-би-эм» дальновиднее, слово «ксерокс» не обогатило бы английский язык и не проникло бы в настольную игру «Скрэббл».

История с изобретением Карлсона была нетипичной и по другой причине: для изобретателя она закончилась счастливо, поскольку

авторский гонорар в 1/16 цента за страницу, отскеренную на модели 914, сделал его невероятно богатым. Жена просила Карлсона не покупать билеты третьего класса, когда он отправлялся в путешествие по Европе. Все свое состояние он отдал на благотворительность перед кончиной в 1968 году^[83].

Лишь одна технология фотографического копирования пережила «революцию ксерокса» более или менее удачно: микрофильмирование. Почти одновременно с демонстрацией Луи Дагером в 1839 году Французской академии наук камеры и фотографий изобретатели поняли, что узкая фотопленка способна вместить огромный объем информации. Радиоинженер Реджинальд Фессенден, о котором уже упоминалось выше, рассчитал, что на квадратном дюйме пленки можно поместить 150 миллионов слов. В 1935 году компания «Истмен Кодак» усовершенствовала привычную ныне пленку формата 16 и 35 мм, ее до сих пор используют в библиотеках и архивах. Микрофильмы, как уже упоминалось в главе восьмой, стали инструментом контрабандной передачи за рубеж военных секретов и запрещенной литературы.

Неудивительно, что Советский Союз счел изобретение Карлсона полезным, хотя и опасным, а потому разрешил его использование только планировочной элите. Советская версия ксерокса – машина «Эра» – устанавливалась исключительно на государственных предприятиях. Все копии регистрировались, ненадлежащее обращение с ними могло обернуться тюремным заключением. Лишь самые смелые люди, печатавая самиздат по ночам, использовали «Эру». В Польше, с ее продвинутой диссидентской «прослойкой» и инфраструктурой, фотокопирование сыграло существенную роль в падении коммунизма. С политической точки зрения ксерокс оказался разрушителем на западе, а не на востоке.

Даже в Гарварде мало кто видел людей, подобных Дэниелу Элсбергу. Сын евреев-выкрестов, в 1952 году он окончил курс со степенью бакалавра экономики. Его диплом был опубликован в престижном «Американском экономическом обозрении» и произвел столь сильное впечатление на двух гигантов в этой области – Василия Леонтьева и Карла Кейсена, что Элсбергу предложили стипендию аспиранта. Гарвард упорно сохранял эти трехгодичные аспирантские

курсы, где главной обязанностью обучающихся было раз в неделю посещать роскошные званые обеды. Новоиспеченным же выпускникам подобной чести не предоставлялось.

Эллсберг отказался от аспирантуры и поехал в Англию, в Кембридж, а потом был призван в армию и служил в морской пехоте. Разочарованный тем, что не принял участия в боевых действиях во время первоначального срока службы, он продлил выслугу еще на год в тщетной надежде, что Суэцкий кризис 1956 года потребует вмешательства американской армии. За следующие десять лет он успел поработать в корпорации «Рэнд», где применял свои теоретические знания для разработки стратегии ядерного сдерживания, а также в министерстве обороны США и в Гарварде, где получил степень доктора философии. Диссертация Эллсберга («парадокс Эллсберга») была посвящена теории принятия решений.

В 1965 году Госдепартамент отправил Эллсберга во Вьетнам, где его командиром стал Пол Вэнн, офицер, любивший риск. Журналист газеты «Нью-Йорк таймс» Нил Шихан позднее превратит Вэнна в знаменитость в книге «Блистательная ложь». Эллсберг уверился в справедливость этой войны и сделался «вьетнамским ястребом». В следующие два года он стремился наверстать в боях то, что упустил во время службы в морской пехоте в мирное время, регулярно участвовал в армейских патрулях, часто выдвигался на передовые позиции, вызывая на себя огонь противника. Американским офицерам не нравились бывшие морпехи, не имевшие боевого опыта, но бродившие, как у себя дома, по рисовым плантациям. Еще меньше им нравилось, когда такие морпехи начинали учить их пехотной тактике.

Два года, отданных вьетнамскому конфликту, убедили Эллсберга в том, что эту войну выиграть невозможно. Он был не единственным американским офицером, пришедшим к подобному заключению: в министерстве обороны так думали многие, начиная с министра Макнамары, который учредил особую комиссию, под началом своего помощника Лесли Гелба, и поручил составить подробный отчет о ходе войны.

В 1969 году комиссия, к деятельности которой порой привлекали Эллсберга, свою работу закончила. Отчет составил сорок семь томов и семь тысяч страниц. Опубликованный текст, «Отчет о войне во Вьетнаме специальной комиссии при министре обороны», позднее

назовут «Пентагоновскими бумагами». В отчете изложены болезненные для Америки подробности: жестокость, ложь, ошибки и обман, свойственные администрациям четырех президентов в Индокитае. Макнамара, испытывая чувство вины, предназначал этот отчет грядущим поколениям. К этому моменту Эллсберг вернулся в штаб-квартиру корпорации «Рэнд» в Санта-Монике. В своем черном сейфе для совершенно секретных документов он запер одну из копий взрывоопасного отчета. (Поскольку стандартные сейфы в корпорации были серого цвета, черный ящик подчеркивал высокий статус владельца.)

В 1969 году Эллсберг решил опубликовать сверхсекретный доклад комиссии Макнамары. Впоследствии он рассказывал:

[Бумаги] нужно было скопировать. Я не мог этого сделать в «Рэнд» или в копи-шопе. Следовало взять напрокат ксерокс. Я встал с кровати, взял трубку телефона в гостиную и позвонил близкому другу, бывшему коллеге по «Рэнд» Тони Руссо. Сказал, что хочу с ним кое-что обсудить и скоро приеду.

Эллсберг спросил, может ли Руссо достать ксерокс. Разумеется, тот мог. Подруга Руссо Линда Синей была владелицей рекламной компании, сдававшей в аренду ксероксы. Она согласилась предоставить такую машину Эллсбергу на несколько часов. Вечером 1 октября 1969 года, когда почти все сотрудники корпорации «Рэнд» ушли домой, Эллсберг открыл черный сейф, положил в портфель сверхсекретные документы и вышел из здания. Охрана не обратила на него внимания.

Синей выдала Эллсбергу модель 914, по сегодняшним меркам неуклюжую и медленно работающую. Даже с помощью Линды и Руссо копирование содержимого одного портфеля заняло всю ночь. Кроме трудностей, связанных с копированием документов, Эллсберг фактически вынудил своих друзей разделить с ним юридическую ответственность. Он привлек к копированию своего тринадцатилетнего сына Роберта и даже десятилетнюю дочь Мэри. Впоследствии Руссо осудили как соучастника, а Линду Синей сочли «неосужденным соучастником».

Первую партию копий Элсберг отправил сенатору Уильяму Фулбрайту, который поначалу с энтузиазмом отнесся к идее предать документы гласности, но потом отказался, поскольку бумаги входили в категорию сверхсекретных. Та же реакция последовала со стороны сенатора Джорджа Макговерна. Их отказ стал серьезным ударом для Элсберга, надеявшегося избежать преследований: по конституции члены Сената освобождаются от вопросов по темам, обсуждаемым в палате, и Элсберг рассчитывал тем самым сохранить анонимность.

Отказ сенаторов вынудил Элсберга обратиться к прессе. В марте 1971 года он вошел в копи-шоп на Гарвард-сквер и на высокоскоростной машине сделал еще больше копий для Нила Сихана из газеты «Нью-Йорк таймс». После трех месяцев изучения, перепроверок, юридических консультаций «Таймс» опубликовал по частям все «Пентагоновские бумаги». Далее состоялись публикации «Вашингтон пост» и пятнадцати других изданий. Правительство поначалу собиралось возбудить против газет дело, но спустя две недели Верховный суд США аннулировал это решение, а в 1973 году федеральный суд снял все обвинения с Руссо и Элсберга^[84].

За полвека после появления модели 914 в 1959 году ксероксы внесли большой вклад в развитие современных коммуникационных технологий: впервые обычные люди смогли тиражировать тысячи страниц печатных материалов. В предисловии уже отмечалось, что поскольку Уильям Дюбуа не располагал множительной техникой, сотни тысяч чернокожих американцев продолжали страдать от рабства, так как правительство уничтожило единственный экземпляр отчета об их бедственном положении. А вот множительный аппарат Дэниела Элсберга ускорил завершение вьетнамского конфликта. Мало того, своим поступком Элсберг привел в движение события, вызвавшие отставку Ричарда Никсона. Президент, расстроенный изданием «Пентагоновских бумаг», одобрил незаконное проникновение спецслужб в офис доктора Льюиса Филдинга, психиатра Элсберга. Этот эпизод, так называемый «Уотергейт Вест», обеспечил юридические основания для прекращения преследования Элсберга и позволил установить ответственность руководителей операции, Говарда Ханта и Гордона Лидди, за первый «Уотергейт».

Копирование «Пентагоновских бумаг», так или иначе, было непростой задачей, публичное их тиражирование во многом зависело от радиостанций и печатных станков, принадлежавших избранному меньшинству, которому в скором времени предстояло испытать на себе гнев правительства. Двадцать один месяц разделяет появление Элсберга в офисе Линды Синей и публикацию «Пентагоновских бумаг» в газете «Нью-Йорк таймс». За это время Элсберг потратил многие тысячи долларов (по меркам тех лет, колоссальную сумму), работал сутками напролет и подвергал себя и других опасности юридического преследования в стремлении изготовить копии, которым еще только предстояло найти каналы распространения. В последующие десятилетия бурное развитие цифровых технологий устранил этот барьер.

Приблизительно одновременно с тем, как Гарвард присвоил Элсбергу степень доктора философии, специалист в области компьютерных технологий Массачусетского технологического института Дж. Ликлайдер выдвинул гипотезу о возможности создания «межгалактической компьютерной сети». Министерство обороны, заинтересовавшись перспективами децентрализованной коммуникационной системы, способной уцелеть в ходе атомной войны, назначило Ликлайдера первым директором своего исследовательского компьютерного проекта под эгидой Управления перспективных исследований и разработок (сокращенное наименование – ARPA или DARPA). Ликлайдер и его последователи довели гипотезу до практического воплощения в виде сети ARPANET, предшественницы Интернета.

До появления Интернета все электронные коммуникационные технологии середины двадцатого века обладали существенным недостатком: коннект происходил благодаря «переключению цепи», то есть связь двух терминалов любого соединения обеспечивалась единичным, обычно временным, каналом. В тот период связь между двумя телефонными аппаратами устанавливалась через множество реле; в результате даже при использовании передовых технологий количество звонков в конкретный момент времени оставалось крайне малым. Исследователи ARPA осознали, что сеть любого масштаба, в особенности всемирная, не может базироваться на таких принципах;

для примера, сеть из ста «переключаемых» компьютеров потребовала бы 4950 соединений^[85].

Чтобы преодолеть это ограничение, Ликлайдер и его коллеги разработали теорию «пакетной коммутации»: сообщения и данные разбиваются на фрагменты – «пакеты», каждый пакет получает индивидуальное имя и путешествует по «личному» маршруту к месту назначения, где из всех пакетов аккуратно собирается целое.

Прежний метод «переключения» можно уподобить детскому телефону из веревок и жестянок, когда между собой взаимодействуют по единичной линии всего два терминала; пакетную же коммутацию можно представить как работу транспортной компании, которая везет ящики и корпус прикроватной тумбочки разными грузовиками и маршрутами к месту доставки, а на месте собирает предмет мебели воедино.

К концу шестидесятых годов исследователи опробовали пакетную коммутацию на практике, и в 1969 году команда выпускников Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA) создала первый активный узел (нод) сети ARPANET. В том же году ученые добавили к сети три других нода, а в 1972-м по новой сети отправили первое сообщение электронной почты. К началу 1980-х годов сеть ARPANET объединила большую часть крупных исследовательских центров мира. Эта новая сеть, которую называли то «информационным суперхайвеем», то «инфобаном», начала привлекать общественное внимание, но в целом оставалась далека от массового пользования.

Скоро все изменилось. Гутенберг не обучался печатному делу, а юный Томас Эдисон ничего не знал о передаче звука и света; подобно им, Тим Бернерс-Ли, сотрудник Европейской организации по ядерным исследованиям (ЦЕРН), не был специалистом по компьютерным сетям. В 1990 году перед ним встала насущная проблема: как соединить между собой множество компьютеров ЦЕРН.

ЦЕРН располагается на границе Франции и Швейцарии, в нем работают тысячи ученых, административный персонал тоже весьма многочислен. Вдобавок туда постоянно приезжают на стажировку исследователи из многих стран мира, которые проводят там дни, недели и даже месяцы, чтобы провести тот или иной научный эксперимент на адронном коллайдере ЦЕРН. Большинство из них привозит с собой собственные компьютеры, которые в 1980-х

варьировались в диапазоне от громоздких мэйнфреймов до приобретающих популярность маленьких персональных устройств. Чуть раньше, в 1989 году, Бернерс-Ли написал ныне знаменитую статью, в которой задавался вопросом: «Сможем ли мы когда-нибудь реализовать столь крупный проект?» Для компьютерного специалиста, каким был Бернерс-Ли, ответ представлялся очевидным: нужно каким-то образом соединить все эти компьютеры, с их разнообразной «начинкой» и разными операционными системами, чтобы информация из одной машины была доступна всем остальным.

Бернерс-Ли придумал «сетевой браузер», программу, которая работала со ссылками в документах (с так называемой гипертекстовой разметкой), чтобы обращаться к данным на удаленных устройствах. Выяснилось, что английская компания «Оул» также разработала аналогичную программу (Guide), которая перебирала гиперссылки – но только на одном компьютере: документы на удаленных устройствах были ей недоступны. Схожая по функциональности программа HyperCard, созданная в 1987 году и позднее вошедшая в софтверный комплект компьютеров «Макинтош», привлекла внимание коллеги Бернерса-Ли, бельгийца Робера Кайо.

По словам Бернерса-Ли:

Версия, которую сегодня продает «Оул», выглядела невероятно похожей на мою концепцию сетевого браузера – программы, которая открывает и показывает документы, а в идеале позволяет пользователям их редактировать. Не хватало одного – Интернета. Самое трудное уже сделали!

Бернерс-Ли закончил работу, к которой приступила «Оул» со своей программой Guide: он придумал «изнанку» современной сети – язык разметки гипертекста для кодирования документов (HTML), унифицированный идентификатор ресурса (URI, ныне URL) для адресации в сети, протокол передачи гипертекста (HTTP) для пересылки данных и код, который используют главные сетевые репозитории информации, то есть серверы. Бернерс-Ли утверждал, что своему успеху во многом обязан, прежде всего, компьютеру NeXT, спроектированному Стивеном Джобсом после увольнения из компании «Эппл» в 1985 году.

Дэвид Сарнов в свое время бился над вопросом из разряда «что было раньше – курица или яйцо»: «Кто купит музыкальный ящик, если в эфире нет ни одной радиостанции, и кто будет создавать радиостанции, если ни у кого нет музыкального ящика?» Бернерс-Ли был озабочен примерно тем же: «Кто захочет устанавливать браузер, если в сети нет интересной информации?» Чтобы преуспеть, следовало расширять горизонты за пределы ЦЕРН.

В конце 1991 года Бернерс-Ли и Кайо отправились в Сан-Антонио на компьютерную конференцию, чтобы продемонстрировать свое детище. В месте проведения конференции Интернета не было – в те дни подключением могли похвастаться только крупнейшие исследовательские и правительственные центры. Для демонстрации программы ученые намеревались связаться с сервером ЦЕРН при помощи телефона швейцарского производства и модемного аккаунта. Оставалась маленькая проблема: их модем работал на европейском стандарте напряжения (220 вольт) и не годился для американского стандарта (110 вольт); пришлось его разобрать и встроить в цепь трансформатор напряжения.

Демонстрация превзошла все ожидания; через два года на той же конференции в том же месте почти все компьютеры участников имели подключение к Всемирной сети. В 1993 году появился первый браузер Mosaic, который легко могли установить обычные пользователи; в 1994-м на рынок вышел браузер Netscape Navigator, а в 1995 году – Internet Explorer. К концу того же года детище Бернерса-Ли объединило шестнадцать миллионов пользователей, или 0,4 процента населения Земли; к середине 2011 года оно объединяло уже 2,1 миллиарда людей, или 30 % населения земного шара.

Хотя к 1999 году число американцев, пользующихся Интернетом, неуклонно возрастало, этот канал коммуникации оставался во многом односторонним. Размещение информации в Сети сопровождалось куда большими затруднениями, нежели передача документа в коммерческую типографию. Во-первых, пользователю приходилось преобразовывать текст (итог работы текстового редактора) в кодировку HTML. Во-вторых, хотя HTML задумывался для представления готовых к печати страниц, пользователи обнаружили, что необходимо вносить изменения в код для получения более наглядного и профессионального вида текста. (Документы, созданные в ранних

версиях Microsoft Word, самого распространенного текстового редактора, выглядели в кодировке HTML особенно жутко.)

Сильнее же всего угнетала необходимость загружать окончательный вариант документа в кодировке HTML и сопутствующие данные на сайт – если таковой, конечно, имелся – посредством ненадежного и капризного протокола передачи файлов (FTP) на еще более капризный сервер. Такая последовательность действий, при наличии известного упорства и путем проб и ошибок, стала рутинной, но до 1999 года лишь небольшой процент обычных пользователей обладал достаточной мотивацией для преодоления этих препон.

В 1999 году молодой человек по имени Эван Уильямс совершил чудо. Как и Бернерс-Ли, он не был амбициозен, не собирался менять саму природу и скорость передачи информации – он просто хотел заработать себе на жизнь.

Уильямс родился и вырос на ферме, поступил в университет штата Небраска, однако в середине девяностых годов бросил учебу, поддавшись «интернет-буму». Удача ему не то чтобы сопутствовала:

Я не знал, как управлять компанией, потому что никогда не работал ни в какой компании. Я не знал, как строить отношения с людьми. У меня не было цели, и дисциплины тоже. Я брался за новые проекты, не завершив предыдущих, и легкомысленно относился к деньгам. Я потерял много денег, в том числе и те, которые инвестировал мой отец, и закончилось все тем, что я задолжал Налоговому управлению, поскольку не платил налоги на зарплату. Своих сотрудников я доводил до белого каления.

В конце девяностых годов Уильямс стал соучредителем компании «Пайра лэбз», которая выпускала программное обеспечение для управления проектами. В рамках этой деятельности была разработана программа «внутреннего употребления» для быстрой загрузки коротких документов – «сетевых журналов», веблогов – сначала на корпоративный вебсайт компании, а затем в Интернет. Уильямс дал программе имя «Блоггер», и она быстро обошла в популярности исходное программное обеспечение «Пайра лэбз». Тогда Уильямс

создал новую компанию, Blogger.com, для продвижения этой программы на рынке.

До Уильямса такие сервисы, как Usenet и Geocities, позволяли размещать в Сети статьи, но широкого распространения они не получили. Возможно, причиной тому были эстетические и технические соображения, или же все дело в том, что лишь малый процент населения пользовался услугами Usenet и Geocities, ни о какой критической массе речи не шло; не будем забывать и о том, что в те дни скорость доступа в Сеть была мизерной (по медленному дайалапу).

Успех Гутенберга опирался на дешевую бумагу, передовую металлургию и внедрение в практику пробелов между словами, а «Блоггер» не смог бы преуспеть без браузера Бернерса-Ли и недорогого широкополосного доступа в Сеть. К 2003 году, когда Уильямс продал свою программу корпораций «Гугл», время настало. Перечисленные выше особенности, вкупе с гигантскими ресурсами Сети, превратили процедуру размещения информации в столь же элементарный процесс, как набор текста и нажатие кнопки «Отправить». За несколько минут человек пожилого возраста или ученик начальной школы может создать и разместить в Сети страницу совершенно профессионального вида.

Почти случайно Уильямс завершил труд, начатый пятью с половиной веками ранее Иоганном Гутенбергом. Просто по нажатию клавиши любой человек становится журналистом, фотографом, колумнистом и издателем, способным произвести почти бесконечное количество копий по цене, едва отличимой от нулевой. Что еще важнее, «Блоггер» позволил людям связываться и сотрудничать друг с другом так, как это не представлялось возможным до сих пор.

Интернет – океан информации, которая движется в обоих направлениях. «Гугление» обеспечило доступ к знаниям практически в любой области, библиографическая вселенная теперь всегда под рукой и в полном распоряжении. Всякий, пусть с весьма умеренными способностями к исследованиям, но с доступом к академической, правительственной или некоммерческой базе данных, может почти досконально изучить едва ли не любую заинтересовавшую его тему, не вставая при этом с кровати.

Новые технологии вдобавок приблизили экспертов к широкой публике. Конечно, Сеть не заставила Стивена Пинкера, Джареда Даймонда или Стивена Хокинга отвечать на досужие вопросы по психологии, эволюционной биологии или астрофизике, но сегодня почти каждый, кому требуется помощь менее известного авторитета, может такую помощь получить. Несколько лет назад, когда я работал над «Великолепным обменом», мне приходилось вникать в самые разнообразные вопросы, такие как «черная смерть» в Азии или история холодильной техники. К своей радости, я обнаружил, что вежливое обращение по электронной почте к мировым светилам в этих областях знаний (их не так много) обычно позволяет получить полезный и вдохновляющий ответ.

Придумай Эван Уильямс только «Блоггер», его, конечно, запомнили бы, но оказалось, что он, как говорится, лишь приступил. В 2003 году, после продажи «Блоггер», он стал сотрудником корпорации «Гугл», однако его это не устроило. В 2004 году Уильямс стал соучредителем подкастинговой компании «Одео». Из-за конкуренции с эппловской «Айтьюнс» новая компания отнюдь не процветала, но Уильямс вновь, вместе с коллегами, напал на золотую жилу и создал новый инструмент Интернета – «Твиттер».

Легко посмеяться над сервисом, в котором длина сообщений ограничена 140 символами. Убогого синтаксиса Бритни Спирс никто не пожелает даже заклятому врагу, и уж тем более никому не интересно, какой фильм посмотрел накануне его сосед. (Стоит процитировать и твит самого Уильямса: «Японский ужин во дворике. Вечер неожиданно спокойный, прямо как в фантастическом романе. Классно».)

Но 23 июля 2011 года сотням миллионов людей по всему миру, особенно в Китае, отчаянно хотелось узнать подробности катастрофы в китайской провинции Чжэцзян, когда с виадука после попадания молнии рухнул высокоскоростной поезд и погибли десятки пассажиров.

Китайское правительство, разумеется, не желало, чтобы общественность узнала об этой катастрофе. Оно изо всех сил старалось заблокировать информацию, способную изрядно подмочить образ китайских высокоскоростных железных дорог, помешать реализации разрекламированных государственных планов и сократить

приток иностранных инвестиций в отрасль. Первоначальный официальный пресс-релиз гласил: «Китайские высокоскоростные поезда созданы по передовым, надежным технологиям. Мы полностью доверяем этим технологиям». Правительственные чиновники велели журналистам сосредоточиться на человеческой трагедии и не углубляться в причины катастрофы: «Не задавайте вопросов. Не уточняйте. Не стройте предположений».

Увы, китайский твиттер – Sina Weibo, – которым пользуется свыше трехсот миллионов пользователей, уничтожил благие пожелания правительства. Человек, уцелевший в катастрофе, спустя всего несколько минут после случившегося обратился за помощью в своем твите, и его сообщение облетело весь мир. Национальные газеты не могли игнорировать причины катастрофы, иначе они оказались бы в глупом положении. Коррупция, завышение расходов, пренебрежение стандартами безопасности на годы заклеили систему китайских железнодорожных перевозок. Некий чиновник сокрушался: «Новые медиа одержали победу над традиционными СМИ. Частные медиа одолели публичные».

Эван Уильямс вновь сделал это: отныне каждый человек сделался издателем и журналистом, а неуклонно растущее число смартфонов безжалостно свело к нулю вероятность скрыть какую угодно новость. В «Твиттер» попадают все мало-мальски заметные события, их комментируют и снимают на камеры. «Твиттер» сделался чем-то вроде Аргуса – всевидящего, всезнающего, не смыкающего глаз и вездесущего. Когда 23 августа 2011 года в Северной Виргинии произошло землетрясение магнитудой 4,8 балла, новость об этом достигла Нью-Йорка прежде, чем распространилась ударная волна.

В демократических странах земного шара и даже в самых репрессивных государствах мира новые двусторонние высокоскоростные медиа предоставляют информацию о публичной и частной жизни быстрее, а иногда и точнее, чем было до сих пор. Несмотря на неизбежные неточности и искажения фактов, выкладываемых во «всемирную паутину», в средне- и долгосрочной перспективе сетевая информация оказывается вполне достоверной.

До изобретения печатного станка публиковалось крайне мало изданий: Библия, индульгенции, произведения античных авторов, часословы и т. д. Скрипториям не требовались редакторы. После

Гутенберга ассортимент изданий расширился, охватывая области, которые пользовались вниманием элиты и новых грамотных слоев населения: появились романы, стали издавать «младших» классиков и, конечно же, эротику. Чем больше становился наплыв подобной литературы, тем строже крупные, уважаемые издатели следили за тем, что именно публикуется под их брендом.

Интернет ниспроверг бывшие ограничения, и снова зазвучали причитания о том, что новые медиа ломают все стандарты: если любой может опубликовать что угодно, не важно, насколько оно ужасно, значит, это будет опубликовано. И все же Сеть обладает самоконтролем, чему порукой история корпорации «Гугл».

Само возникновение корпорации отлично показывает, как Сеть отсеивает лишнее и чрезмерное. Корпорация «выросла» из диссертации одного из ее основателей, Ларри Пейджа, магистра Стэнфордского университета, который сосредоточился на библиометрическом анализе Интернета, то есть на структуре взаимодействия страниц, связанных гиперссылками.

В середине 1990-х годов, когда Пейдж поступил в Стэнфорд, Интернет уже содержал огромное количество полезной информации; но вот отыскать нужную было проблематично. Среди наиболее популярных доткомов того периода было несколько поисковых компаний, которые шквалом обрушились на публику: Lycos, Magellan, HotBot, Excite, если упомянуть лишь некоторые. (Крах большинства поисковых компаний девяностых во многом напоминает постгутенберговский крах слабо капитализированных печатных мастерских, особенно в Венеции.)

Сайты нередко прятали релевантные веб-страницы под «спудом» бесполезных для пользователя. Автор этой книги помнит, как продирался сквозь массу ссылок на рецепты, порносайты и обзоры товаров, чтобы найти разъяснение термина «портфельная теория». Самый курьезный случай: когда я ввел в поисковую строку название одной из первых поисковых компаний, Inktomi, причем в собственной поисковой машине, поиск не дал результатов.

Первый шаг Пейджа, который пытался отследить источники веб-цитирования, был тривиальным: он просто проверял все ссылки на каждой странице. Обратный процесс, позволявший установить, какие страницы связаны с данной страницей, оказался весьма трудоемким.

Пейдж создал алгоритм отслеживания обратных ссылок, получивший название «BackRub».

Когда эту трудность удалось преодолеть, возникла другая, более существенная: не все ссылки равнозначны по «весу». Ссылка с веб-страницы, на которую ссылается множество других веб-страниц (к примеру, основополагающая статья признанного эксперта), «весит» куда больше, чем ссылка из доклада школьника. Поэтому Пейдж разработал еще один алгоритм (PageRank, в честь самого себя, разумеется) – для вычисления значимости той или иной веб-страницы.

Вскоре Пейджу и его соратнику Сергею Брину стало ясно, что они, фигурально выражаясь, гонятся за стремительно убегающей борзой. В Сети уже накопилось около десяти миллионов страниц с сотней миллионов связей между ними как минимум, и количество страниц и ссылок ежегодно увеличивалось двадцатикратно.

К восторгу Пейджа и Брина, выяснилось, что их алгоритмы позволяют точно определять наиболее авторитетные и релевантные страницы. К примеру, тексты уважаемых академических, правительственных и отраслевых источников значительно опережали в результатах выдачи страницы школьников и всякого рода шизофреников. Пейджу и Брину удалось сделать то, чего не смогли добиться первые поисковые механизмы, будь то AltaVista или Excite.

Пейдж и Брин «нагнали» свою борзую, и та повлекла их вдаль на огромной скорости. Из-за стремительного роста Сети алгоритм BackRub в ходе работы отнимал почти половину интернет-канала Стэнфордского университета (а ведь это учебное заведение располагает обширными сетевыми связями). Пейджу и Брину пришлось выбирать – либо завершить проект, либо перенести его из академической «утробы» в мир коммерции. Они не могли дожидаться лучшего момента, чтобы избрать второй путь: отмечу, кстати, что большинство исследователей с факультета компьютерных наук Стэнфорда или основали собственную компанию, или консультируют стартапы. Остальное, как говорится, уже история.

Читатель этой книги, возможно, по несколько раз в день пользуется поисковиком «Гугл», ожидая, что в подавляющем большинстве случаев поисковый алгоритм компании выдаст ему в верхних строках (сразу под рекламными объявлениями, приносящими корпорации колоссальные доходы) наилучшую, самую релевантную

информацию и отошлет в «хвост» результатов домыслы лунатиков и подростковые блоги, а также инфицированные вирусами сайты.

Педофильский скандал в католической церкви, ознаменовавший последнее десятилетие, служит отличным примером эффективности Сети. Священники, как ни прискорбно, соблазняли детей чуть ли не с самого рождения церкви как института, хотя, сказать по правде, многие обвинения против них политически мотивированы.

В 1871 году отлучили от церкви австралийскую монахиню Мэри Маккиллоп, которая поведала о сексуальном развращении детей отцом Амброзом Китингом. (Позже ее канонизировали, это единственная австралийская святая.) В 1947 году католический священник Джеральд Фицджеральд основал в сельской глубинке штата Нью-Мексико реабилитационный центр «Слуги святого духа», куда принимали священников, оказавшихся в тяжелом положении или уличенных в неподобающем поведении. Разумеется, туда прибывали и братья, которых обвиняли в педофилии. Фицджеральд довольно быстро понял, что педофилы неизлечимы, а потому рекомендовал отлучать их от церкви. Десятилетиями Ватикан игнорировал предупреждения и рекомендации Фицджеральда, им не внимали ни священнослужители, ни миряне.

В восьмидесятые и девяностые годы местные газеты США иногда печатали статьи о священниках-педофилах, однако эти истории оставались вне сферы внимания общенациональной аудитории. В 1992 году суд обвинил католического священника Джеймса Портера в растлении десятков детей в Бостоне и окрестностях города. Эту историю подробно освещала газета «Бостон глоуб». Местный епископ Бернард Лоу, непосредственный начальник Портера, не только не отреагировал на материалы прессы, но и во время проповеди попросил Господа покарать газету. Несмотря на более чем пятьдесят статей «Бостон глоуб», публика в целом осталась равнодушной к трагедии.

Перенесемся на десять лет вперед: в 2002 году «Глоуб» опубликовала разоблачительную статью о другом извращенце, местном священнике Джоне Джигане, растлевавшем детей не один десяток лет. На сей раз публика отреагировала: местные католики обвинили прелатов в нежелании замечать очевидное, а общественная организация «Голос правоверных», созданная противниками «осквернителей церкви», стала активно пополняться новыми членами

— всего за год она привлекла в свои ряды тридцать тысяч человек из десятка стран. Бернард Лоу, успевший стать кардиналом, заявил, что члены организации не могут проводить свои собрания на церковных территориях, что за заседаниями должен надзирать священник и что, самое удивительное, члены организации из разных приходов не вправе общаться друг с другом. Католики всего мира вознегодовали. Ватикан больше не мог игнорировать такое единодушие мирян, и в конце 2002 года Лоу прилетел в Рим и подал в отставку.

Что же произошло за десять лет, минувших с первого разоблачения? Как заметил Клэй Ширки, до создания «всемирной паутины» поведать о чем-либо на всю страну было чрезвычайно затруднительно. Когда в 1992 году разразился скандал с Портером, Бернерс-Ли только-только начал реализовывать на практике свои теоретические построения. Предположим, у некоей женщины, читающей «Бостон глоуб», есть кузен в Сан-Франциско, пострадавший от сексуальных домогательств священника, и жительница Бостона хочет сообщить родственнику об обвинениях против Джигана. Ей придется позвонить в Сан-Франциско либо вырезать заметку из газеты и выслать ее почтой, а если она захочет рассказать о случившемся другим людям, ей придется многократно повторить свои действия.

К 2002 году Сеть революционизировала процесс. Во-первых, «Глоуб» превратилась в глобальную не только по названию, статус газеты радикально изменился. Бывшие алтарные служки всего мира могли прочесть ее материалы. Во-вторых, теперь нет необходимости вырезать статью или звонить по телефону — читатель в состоянии почти мгновенно переправить веб-страницу десяткам друзей, а при желании — тысячам и даже миллионам других людей. В 1992 году распространение новости ограничивалось локальной аудиторией, способной на изготовление разве что нескольких копий заинтересовавшего ее материала. В 2002-м электронные сообщения достигали значительного процента населения страны, а в экстраординарных случаях охватывали весь мир.

Разумеется, Сеть не уничтожила традиционные «мейнстримные» СМИ, многие читатели по-прежнему предпочитают получать новости по старинке, однако она заставила газеты и телеканалы нехотя признать, что былой тотальный контроль за содержанием новостей невозможен, равно как невозможно больше контролировать, кому и

когда информация доставляется. Превосходство новых медиа в распространении информации, по сравнению с ограниченным масштабом прежних каналов коммуникации, хорошо описал покойный журналист Уильям Сэфайр:

Многие годы я проезжал по Массачусетс-авеню мимо дома вице-президента и видел одинокого парня с плакатом, на котором было написано, что он – жертва священника-содомита. Я думал, что это, должно быть, сумасшедший. Оказывается, я игнорировал самый грандиозный религиозный скандал века.

Драматическое появление проекта «Викиликс» продемонстрировало природу и могущество новой прессы. Первое разоблачение, опубликованное в середине 2010 года, затрагивало политику США в Афганистане и содержало 75 000 правительственных документов. В том же году «Викиликс» опубликовала 400 000 документов Госдепартамента США. Мало кто из традиционных новостных агентств способен привлечь рабочую силу, необходимую для работы с таким массивом информации, но десятки тысяч заинтересованных интернет-серферов справились с задачей, потратив каждый от силы несколько часов.

Газеты опубликовали самые важные из этих документов; им пришлось научиться взаимодействию с приобщившейся к Интернету публикой, «людьми, которых раньше мы называли аудиторией», как выразился профессор журналистики Нью-Йоркского университета Джей Роузен.

Скандалное дело Дюка Каннингема стало доказательством значимости новой публичной аналитики – и ее сотрудничества с традиционными СМИ. Многие годы член палаты представителей от Сан-Диего и знаменитый летчик времен Вьетнамской войны брал взятки от главы компании-подрядчика министерства обороны Митчелла Уэйда. Наиболее громким событием стала продажа особняка Каннингема в Дель-Мар-хайтс компании Уэйда по колоссально завышенной цене. В 2005 году группа репортеров газеты «Сан-Диего юнион трибьюн», во главе с Маркусом Стерном, предала эту историю огласке. В их коллективной книге «Не тот путь» говорится: «В иную эпоху остальные американские штаты остались бы

в неведении». Но в 2005 году история распространилась, словно эпидемия. Блогеры, включая упоминавшегося выше Джошуа Маршалла из Talkingponstsmemmo.com, привлекли всеобщее внимание к этому эпизоду:

По всей стране люди искали в Интернете финансовые отчеты избирательной кампании и реестры собственности. Электронная «свора» раскапывала имена других законодателей, облагодетельствованных Уэйдом. Риелторы, оценщики недвижимости и даже соседи Каннингема посылали Стерну и другим журналистам Сан-Диего собственные оценки особняка Дель-Мар-хайтс.

Самые дальновидные агентства связи взяли на заметку выгоды, которые сулит журналистским расследованиям сотрудничество с публикой в онлайн-режиме. В 2009 году лондонская газета «Телеграф» опубликовала статью о систематическом и преднамеренном использовании парламентариями бюджетных средств в личных целях. Журналисты выяснили, что под видом компенсации расходов, связанных с профессиональной деятельностью, депутаты разных партий оплачивали счета своих друзей на ремонт квартир, на шоколадных Санта-Клаусов и пр.; особенно запомнился домик для уток в стиле королевы Анны, стоимостью 1645 фунтов стерлингов, который установил на своем частном пруду депутат-консерватор сэр Питер Уиггерс. (Говорят, уткам этот домик решительно не понравился, что добавляет ситуации «пряности».)

Парламент предоставил газете два миллиона документов. Возможно, столь объемный пакет документации выдали сознательно: парламентарии, должно быть, решили, что изучение этих материалов подарит драгоценный выигрыш во времени, в течение которого скандал затихнет – или читатели утратят к нему интерес. В конце концов, какое новостное агентство имеет ресурсы для изучения горы слипов кредитных карт, счетов гостиниц и прочих отчетов о расходах?

Применительно к традиционным СМИ, таким как «Телеграф», парламентарии, возможно, оценивали ситуацию правильно, но они серьезно просчитались в оценке новых интернет-СМИ. Сенсация позволила «Телеграфу» на время превзойти в популярности своего

извечного соперника, газету «Гардиан». Однако «Гардиан» не растерялась и предоставила своим читателям доступ ко второму пулу документации – семьсот тысяч документов. Тем самым «Гардиан» изобрела и применила новую исследовательскую технологию, которую называли «компьютерной журналистикой». Используя передовое программное обеспечение для работы с базами данных, журналисты газеты отсканировали и каталогизировали все семьсот тысяч документов и выложили их на сайт для публичного доступа.

«Гардиан» обратилась к читателям с просьбой «изучить расходы ваших парламентариев». Газета указывала, что материалы по каждому законодателю вынесены в отдельный раздел, заодно с фотографиями, и инструктировала, как оценивать документы по четырехбалльной шкале – от «не представляет интереса» до «необходимо изучить». Откликнулось свыше 29 тысяч читателей; за несколько дней они просмотрели массу слипов, гостиничных счетов и прочих финансовых документов. Когда «туман рассеялся», шесть министров, тринадцать членов парламента и пять пэров либо подали в отставку, либо отказались от переизбрания. Шестерых растратчиков осудили и приговорили к тюремному заключению, в среднем на пятнадцать месяцев.

Газета провела «умную» атаку на казавшуюся непреодолимой информационную стену. Судьба благоволит тем, кто подготовлен; за десять лет до этого скандала «Гардиан» взяла на вооружение одну из самых передовых медийных технологий – и трижды подряд получала премию Международной академии цифровых искусств и наук за лучший новостной сайт. Также газета занимает верхние строки государственного рейтинга открытых данных. Многие изменения в коммуникационных технологиях, описанные на страницах этой книги, и реакция на них как бы воспроизводят достижения предыдущих времен, но вот пример действительно нового – практически универсальный доступ к океану событий и дат.

Эпизоды с Лоттом, католическими священниками-педофилами, Каннингемом и английскими парламентариями-растратчиками демонстрируют три характеристики новой прессы. Первое – чем шире охват Интернета, тем больше вероятность того, что он победит в состязании с традиционной прессой. Второе – нынешняя армия писателей и блогеров живет в основном далеко от традиционных

центров власти, таких как Вашингтон и Лондон, а потому не связана никакими ограничениями и социальными конвенциями, в отличие от столичных жителей; по словам Арианны Хаффингтон, они «по-настоящему свободны от необходимости сотрудничать и заигрывать с властями». И последнее, но не менее важное: солдаты этой новой армии способны кооперироваться друг с другом так, как раньше и помыслить было невозможно. Мечта Хайека о широком распространении знаний неожиданно воплотилась в Интернете: впервые в истории человек, обладающий уникальным знанием, может сообщить о нем всему миру. У него целых три способа, отдельно или вместе, в любой комбинации: создать свой блог, воспользоваться помощью других блогеров, обратиться к традиционным СМИ.

Как говорит Эрик Шуренберг, бывший редактор «Тайм»:

Мы все думали, что только мы способны рассказывать о новостях, поскольку нас этому учили, мы профессиональные журналисты, у нас есть доступ к важным источникам. Но единственным, чем мы и вправду обладали, в отличие от других людей, был печатный станок. С появлением Интернета мы узнали, что писать способно множество других людей, а наши читатели обнаружили, что не нуждаются в нас, они и сами могут найти источники информации.

Те, кто предсказывает медленную кончину традиционных газет, часто ссылаются на авторитетные мнения источника и вспоминают о смелости «Нью-Йорк таймс», опубликовавшей «Пентагоновские бумаги». Они спрашивают, способна ли какая-нибудь из нынешних ослабленных, принадлежащих корпорациям газет на нечто подобное. Этот спор не имеет смысла, поскольку, как уже упоминалось, Интернет и социальные сети взяли на себя историческую роль газет – широкое распространение информации. В эру Интернета Дэниелу Эллсбергу не понадобились бы услуги «Нью-Йорк таймс».

Нынешние Эллсберги могут за секунды копировать самые длинные на свете документы и сохранять их на крошечных флешках (или на перезаписываемых дисках якобы с песнями Леди Гаги, как поступил рядовой Брэдли Мэннинг, скопировав огромное количество военных документов для «Викиликс»). Затем эти документы

распространяться по планете со скоростью света, их видят миллионы людей. Газета «Нью-Йорк таймс» по-прежнему остается участником процесса информирования, но уже не в состоянии им управлять.

Интернет фильтрует и отсеивает информацию так, как не могли себе вообразить традиционные СМИ и ТВ, поскольку те все-таки, что называется, во многом оторваны от земли и физически не могут уделять внимание всем новостям и подвергать их анализу. Конечно, в Интернете нередко появляется ложная или неточная информация, но часто используемые уважаемые сайты, такие как FactCheck.org, постепенно опровергают выдумки – по крайней мере, показывают, насколько нелепы убеждения и домыслы тех, кто верит, что полет американцев на Луну – инсценировка или что события 9 сентября 2001 года организовало ЦРУ.

«Мейнстримные» журналисты знают, что блогеры немедленно проверяют достоверность фактов, а потому честные репортеры признают, что стали гораздо осторожнее в своих публикациях. Самые лучшие газеты получают выгоду от информационной полноты Интернета, особенно от аналитических разборов, осуществляемых миллиардом пользователей. Официальные медиа, конечно, продолжают играть важную роль в новостном процессе, но они утратили способность утверждать с предельно честным выражением лица, как делал телеведущий Уолтер Кронкайт, заканчивая свои передачи: «Так все и было».

Но разве Сеть не является пристанищем различных сумасшедших, анархистов, хулиганов, не умеющих себя вести и распространяющих слухи и клевету? Разве она не сузила границы любознательности наших детей, не уменьшила уровень грамотности, не свела к нулю аналитические способности? Разве не погубила – или, по крайней мере, не девальвировала – профессию журналиста, того, кто в прежние, золотые годы дважды проверял свои источники, взвешивал все доступные мнения, отвергал личные взгляды и выдавал сбалансированный и информационно насыщенный текст?

Лет сорок-пятьдесят назад тревогу вызывали способность Орсона Уэллса обманывать нацию и умение Франклина Рузвельта главенствовать в радиоэфире. Если уж совсем углубляться в историю, можно вспомнить, что Платон недолго любил поэзию и прочие «имитирующие» искусства, что католическая церковь всячески

противилась переводу Библии на национальные языки, что монах Филиппо де Страта предупреждал, будто «юная девица, читающая печатные книги, уподобляется служительнице борделя». Подобные критические замечания стары как мир, в них заинтересована коммуникационная элита, столкнувшаяся с неизбежной утратой статуса и потерей доходов.

Вот еще один аргумент против «всемирной паутины»: Интернет «перестроил наши мозги», лишил нас умения сосредотачиваться и глубоко задумываться. Самый известный поборник такого мнения – Николас Карр – написал знаменитую статью в журнале «Атлантик мансли» «Гугл нас оглушает?» и книгу «Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами».

В доказательство Карр приводит собственные анекдотические наблюдения и лабораторные эксперименты, доказывающие, что Интернет оказывает влияние на память и концентрацию внимания, а движение глаз при чтении веб-страниц отличается от того, которое сопровождает чтение печатной страницы. Карр особенно подчеркивает, что долгие часы работы интернет-серфинга меняют метаболизм мозга, что подтверждается снимками МРТ.

Его наблюдения не удивят исследователей мозга; нервная система человека чрезвычайно «пластична» и способна перестраиваться при смене деятельности, меняются даже синапсы – специфические контакты нейронов, обеспечивающие передачу сигнала от одной нервной клетки к другой. Слепота, к примеру, изменяет структуру зон полушарий головного мозга, отвечающих за зрение, и стимулирует развитие зон, особо чувствительных к звуку и осязанию.

Способность ткани головного мозга переключаться с одного вида деятельности на другой бесценна. Переключает ли Интернет наши мозги? Разумеется – как все остальное, чем вы занимаетесь (или не занимаетесь) в данный момент. Грамотность, возможно, является наиболее мощным «переключателем» сознания; пять тысяч лет люди приспособливали свой разум, который ранее требовался исключительно для выживания в естественной среде, на восприятие абстракций. При этом некоторые элементы мозговой активности и в самом деле оказались утраченными; так происходит и в эру возрастания роли компьютеров и Интернета в повседневной жизни. *Plus ça change* (Ничто не ново под луною).

Карр подробно пишет о лабораторных экспериментах, доказывающих, что пользование Интернетом уменьшает концентрацию внимания на первоначальной задаче. Особенно поразило его то, что испытуемые запоминали материал хуже, когда кликали по большому числу гиперссылок.

Что ж, верно. Нам не требуется защищать докторскую диссертацию, чтобы понять, что мы быстрее добываем информацию, когда она изложена на единственной странице или на экране монитора, а не когда приходится «раскапывать» ее в лабиринте гиперссылок. С другой стороны, настоящая жизнь редко представляет все, что требуется узнать, в одном документе, а те, кто умеет следовать подсказкам в информационном поле разнообразных источников, преуспевают больше тех, кто ожидает, что информацию выложат на блюде с голубой каемочкой.

Повседневная жизнь слишком сложна, а люди, вне зависимости от Интернета, склонны к самоуничтожению. 21 октября 2009 года экипаж американской авиакомпании «Нортуэст» по пути в Миннеаполис слишком увлекся ноутбуками и пролетел на 150 миль дальше своего аэропорта. Людям, далеким от авиации, мораль ясна: если нужно сосредоточиться на физической или умственной задаче – к примеру, на вождении автомобиля или разработке федерального закона, – не следует одновременно раскладывать пасьянс или смотреть кабельный спортивный канал (в чем недавно уличили некоторых государственных деятелей в США).

Если рассуждать более глобально, на протяжении веков и даже тысячелетий технологии обеспечивают человечество непрерывающимся потоком информации и снабжают инструментами для обработки этой информации. Любая технология, ускоряющая скорость потока, содержит в себе возможности отвлечься и что-либо разрушить. Должны ли мы отказываться от персональных компьютеров, раз они отвлекают пилотов, или выбросить мобильные телефоны – ведь они отвлекают водителей, или «закрыть» Интернет, который тормозит умственную деятельность?

Книга Карра почти автоматически формулирует собственный контраргумент: жизнь в развитых странах постоянно требует нелинейного мышления. Прокладывая маршрут в океане гиперссылок, человек обретает способность быстро принимать правильные

решения. Разве эта способность не содействует нелинейному творческому процессу, которого требует современная среда, разве она не делает нас умнее, продуктивнее и самостоятельнее?

Всего шестьдесят лет назад студенты тратили долгие часы на запоминание длинных литературных текстов – от Вергилия до Шекспира, от Байрона и до «Скачки Поля Ревира» Лонгфелло. Подобным же образом в современных традиционных мусульманских странах начальное образование сосредоточивается, иногда целиком, на заучивании Корана. Да, что-то мы наверняка потеряли, отринув такое заучивание ради новых наук – лингвистики, эволюционной психологии и информатики. И все же этот сдвиг освободил наши нейроны от зубрежки в пользу расширения интеллектуальной составляющей личности, ради индивидуального благополучия и общественного блага. И, как всегда, оба стиля образования – старый и новый – по-своему «переключают» мозг.

Если оставить в стороне поп-нейронауку – не важно, выступает она за Интернет или отвергает его, – гипотеза Карра не находит подтверждения ни в данных по совокупному уровню образования, ни в макроэкономической статистике. Если граждане стран, где широко распространен доступ в Интернет, и вправду утрачивают способность читать, производительность труда должна резко упасть, а стандартные вербальные тесты должны показать существенное снижение среднего балла. Но нет, за последние тридцать лет результаты тестов стабильны. Если студенты утрачивают способность сосредотачиваться, значит, с математикой у них должно быть печально. И снова нет: за тот же период времени средний балл тестов повысился на двадцать четыре единицы. Если Всемирная сеть действительно оглушает американцев, то граждане более компьютеризированных стран, таких как Эстония, Финляндия и Корея, должны превратиться, уж простите, в «овощи»? Ответ, по-моему, очевиден.

Страшилки по поводу Интернета заставляют вспомнить прежние времена, когда церковники уверяли, что мирянам нельзя предлагать Библию, переведенную на национальный язык, ибо последний «ошибочен»; а другие представители элиты твердили, что печатный станок приведет к моральному падению. Живи мистер Карр в 1470 году, он наверняка сетовал бы, что поток фривольных книг, выходящих

из-под печатного станка, мешает людям сосредоточиться на чтении переписанной от руки Библии.

Семнадцатого декабря 2010 года полиция сонного тунисского городка Сиди-Бу-Саид избила молодого торговца овощами Мохаммеда Буазизи. Мохаммед пошел к мэрии, облил себя горючим и чиркнул спичкой. Тунисский народ тоже воспламенился. Через четыре недели президент-коррупционер Зин эль-Абидин Бен Али был вынужден бежать из страны. В ходе других восстаний были свергнуты лидеры Египта, Ливии и Йемена, накалилась обстановка в Сирии и Бахрейне.

Интернет сыграл решающую роль в падении Бен Али. Спустя десять месяцев после его побега «Викиликс» раскрыла секретную переписку американских дипломатов. Многие документы подробно излагают коррупционные схемы и сделки, роскошные особняки и безудержные зарубежные покупки местной элиты. Американские дипломаты окрестили «семьей», в таком мафиозном духе, окружение Бен Али, состоявшее из родственников и друзей. Донесения Госдепартамента ясно обозначили проблему, и когда Буазизи чиркнул спичкой, «топливо» занялось мгновенно.

К тому моменту телевизионный канал «Аль-Джазира» со штаб-квартирой в Катаре уже вошел в цифровой век. Этот канал подробно освещал события в Тунисе. За месяц до трагической смерти Буазизи сотрудники канала прошли интенсивную подготовку по работе с социальными медиа. Канал сумел раздобыть видеозапись с мобильного телефона, запечатлевшую митинг протеста и выступление матери Мохаммеда Буазизи. Последующие трансляции демонстрировали жителям арабского мира, в том числе тунисцам, последние новости с места событий. Возможно, кто-то скажет, что это чересчур – утверждать, будто единственная видеозапись стала «искрой», воспламенившей «арабскую весну», но буквально тремя месяцами ранее аналогичное самосожжение не было снято на камеру и, возможно, именно поэтому не вызвало сколько-нибудь видимой реакции.

«Аль-Джазира», как и «Гардиан», осознает потенциал Интернета и социальных сетей. За несколько лет канал создал в арабском мире сеть надежных волонтеров, которые вытеснили старомодные новостные службы, и благодаря этим волонтерам почти отпала

необходимость посылать собственных корреспондентов на места событий.

В самом Тунисе полулегальная диссидентская организация «Такриз» приобрела немалые «онлайн-навыки», и ее хакеры сумели преодолеть дорогостоящую защиту местных интернет-провайдеров. Борцы за демократию вдобавок солидаризировались с группировкой «ультрас» – футбольных болельщиков Туниса и Египта, чья неформальная структура и решительное несогласие с режимом оказались полезными для задачи «Такриз». Организация также установила сетевые контакты с лидерами профсоюзов, в частности, в шахтерском городе Гафса. Чрезвычайно ценным оказался и «Фейсбук», который особенно пригодился для распространения шокирующих кадров самосожжения Буазизи и мучительных последних дней его жизни.

Едва Бен Али покинул Тунис, восстали и египтяне. Почти каждый их шаг освещался в Интернете, обсуждался в социальных сетях, главным образом в «Фейсбуке», что помогало собирать народ на площади Тахрир и подвело в итоге черту под длительным правлением Хосни Мубарака.

Египтяне, как и тунисцы, извлекли немалую пользу из контактов с организованным рабочим движением. Когда текстильщики из города Махалла в дельте Нила запланировали стачку на 6 апреля 2008 года, это привлекло внимание двадцатисемилетнего инженера, на тот момент безработного, Ахмеда Махера. Он решил организовать демонстрацию в Каире в поддержку стачки в Махалле. Махер использовал все каналы, которые приходили на ум: листовки, блоги, форумы. Лучшее всего сработало «Фейсбук»: каждый день к акции присоединялись по три тысячи человек.

Демонстрация в Каире собрала тысячи протестующих; самого Махера арестовали, избили и даже пригрозили изнасилованием. После освобождения он и его сторонники создали движение «6 апреля» в честь стачки в Махалле и вступили в контакт с молодежным движением сербских диссидентов «Отпор!», помогавшим свергнуть Слободана Милошевича. Представитель египетских активистов слетал в Белград для обучения. Он вернулся с двумя новыми технологиями. Первая представляла собой компьютерную игру «Больше, чем сила»: она позволяла имитировать различные тактики действий против

правлящего режима. Второй технологией оказалась монография американского ученого Джина Шарпа «От диктатуры к демократии», где, на примере Мьянмы и диктатуры Уго Чавеса в Венесуэле, подробно описывалось, как постепенно ослаблять тоталитарный режим.

Шестого июня 2010 года полиция в Александрии забила до смерти молодого египтянина Халеда Саида – возможно, за то, что он снимал на видео, как полицейские передают друг другу наркотики. Вскоре в «Фейсбуке» появилась страница «Мы все Халед Саид», где выкладывались прижизненные фото и видео Саида, а также снимки его изувеченного трупа. Эта страница привлекла внимание почти полумиллиона человек, а также движения «6 апреля», один из членов которого связался с анонимным модератором страницы, общавшимся только через систему мгновенных сообщений «Гугл». Благодаря закаленным уличным бойцам движения «6 апреля» и инновационной массовой технологии, реализованной через «Фейсбук», диссиденты быстро и умело собрали толпы людей из разных мечетей 25 января 2011 года на площадь Тахрир.

Хотя Вазлю Гониму, создателю страницы в «Фейсбуке» и сотруднику египетского филиала корпорации «Гугл», удалось остаться анонимным для читателей страницы и для демонстрантов, полиция его вычислила и 27 января арестовала. 7 февраля Гонима освободили, он публично признал свою роль в возникновении движения «Мы все Халед Саид», и люди бурно приветствовали его на площади Тахрир.

Власти отключили доступ в Интернет в Тунисе и Египте, равно как и во всех других странах Ближнего Востока, где назревали революции. Такая мера обычно вызывает обратную реакцию, поскольку она провоцирует гнев населения и влечет людей на улицы, заставляет отрываться от мониторов с блогами и «Фейсбуком». Когда египетское правительство «дернуло рубильник», профессор университета Северной Каролины Мохаммед эль-Навави с удивительной проницательностью предсказал дальнейшее: «Правительство совершило большую ошибку, отключив доступ в Сеть. Народ вынесет раздражение на улицы». В свое время советское правительство не смогло отвлечь население от радиоприемников, настроенных на трансляции из Западного Берлина и Вашингтона;

арабским режимам тоже не удалось полностью отрезать доступ к сетевым ресурсам Катара и Лондона.

Цифровая инфраструктура «арабской весны» не может не внушать оптимизм относительно демократического будущего развивающихся стран. Истории Трента Лотта, Дюка Каннингема, католических священников-содомитов и «Викиликс», если перечислять лишь некоторые, предвещают устойчивое развитие открытых политических институтов на Западе.

Справедливо задаться вопросом, возможен ли сегодня геноцид в Руанде. Вспомним пронзительные слова оператора Ника Хьюза, случайно заснявшего несколько случаев геноцида: «Если бы было больше таких снимков!»

Сегодня все было бы иначе: в Руанде 2,4 миллиона человек (из одиннадцатимиллионного населения) имеют мобильные телефоны, их число будет только возрастать, как и число обладателей видеокамер. Двусторонний обмен данными позволяет мгновенно передавать информацию, соответственно преступлений в Африке, как и во всем остальном мире, должно стать меньше, ибо геноциду необходима секретность. Можно надеяться, что «Твиттер» также поспособствует сокращению количества подобных преступлений.

Появление в прошлом новых коммуникационных технологий внушало очевидцам неоправданный оптимизм: телеграф, вопреки ожиданиям многих, не принес мир, радио, несмотря на предсказания его сторонников, также не оправдало надежд. Как заметил американский экономист Пол Кругман:

В 1979 году все знали, что существует мальтузианский мир, а энергетический кризис – всего лишь начало глобальной борьбы за сокращающиеся ресурсы. В 1989 году все знали о борьбе за ключевые производственные секторы и не сомневались, что победителями окажутся страны с последовательной промышленной политикой, чьи компании не подвержены кратковременному давлению финансовых рынков. А в 1999 году все знают, что такое глобальная экономика, и сознают, что побеждают только те страны, которые рушат стены границ и открывают себя ветрам электронной торговли. Интересно, что будет в 2009-м?

В 2009-м и, конечно же, в 2012 году «все знают», что Интернет наделяет могуществом простых граждан, что мир избавляется от деспотов, а демократия воцарится везде и навсегда, это лишь вопрос времени. Правда, сомнительно, чтобы подобное произошло в странах с религиозными, консервативными, традиционными культурами.

«Киберпессимизм» по отношению к демократическому будущему развивающихся стран диктуется, по меньшей мере, двумя причинами. Во-первых, монархи и деспоты остаются у власти в тех странах, где армия стреляет в демонстрантов, либо там, где лидеры принуждают народ к повиновению голодом, как в Сирии и Северной Корее. Пока президент Сирии Башар аль-Асад приказывает стрелять в народ, а северокорейский вождь держит корейцев в черном теле, чтобы у них не хватало сил сопротивляться, а также пока этим лидерам оказывают поддержку союзники, такие как Россия и Китай, они по-прежнему сохраняют власть. Сами по себе твиты, блоги и «Фейсбук» революций не организуют, это дело людей, которые читают новости, выходят на улицы и рискуют собственными жизнями.

Вдобавок и солдаты должны решиться и прекратить убивать своих соотечественников. Но произойдет это только благодаря совместным усилиям диссидентов, солдат и их командиров, которых реально, хотя и чудесным образом, сплотит Интернет, демонстрируя возросшую цену убийств и репрессий.

Подобное развитие событий мы наблюдали в более примитивной коммуникационной среде последних лет Советского Союза. В августе 1991 года командиры спецназа, разоблаченные латвийскими телекамерами и «вражескими голосами», не решились атаковать Бориса Ельцина и его сторонников на баррикадах у Белого дома. Двадцать лет спустя Интернет и социальные медиа сделали цену убийств и репрессий еще выше. Количество деспотов, готовых заплатить эту цену, уменьшилось, что продемонстрировала «арабская весна». Заметно убавилось число солдат и полицейских, исполняющих любые приказы деспотов. Но все же оба показателя пока не достигли нуля.

Подобно католической церкви, постепенно приспособившей печатный станок для своих целей, репрессивные режимы сумели «приручить» Интернет и социальные сети. В частности, Иран продемонстрировал, что технологически подкованные деспоты

способны обратить себе на пользу объединяющие способности Интернета. Репрессивные режимы применяют фильтрационные технологии и используют временные отключения и файерволлы, подобные китайской «Великой стене». Иранские власти угрожают изгнанием блогерам, запугивают, допрашивают их родственников, сажают сетевых активистов в тюрьму. Когда в конце 2009 года оппозиционное иранское «зеленое движение» спровоцировало демонстрации по всей стране, правительство выложило в Сеть фотографии демонстрантов, причем лица были обведены красными кружками, – получились эдакие предостережения цифровой эпохи. Священнослужитель из числа сторонников режима с телеэкрана призвал правоверных сообщать по «горячей линии» или на специальном сайте об активности оппозиционеров.

В 2009 году западные обозреватели с изумлением узнали, что в иранском сегменте Интернета осуществляется жесткая фильтрация контента, «отлавливающая» определенные слова и фразы. В Тегеране почти весь трафик проходит через единый сервер. Фильтрационное оборудование поставила компания «Нокия-Сименс», представитель которой сухо заметил: «Если вы продаете программное обеспечение, то вместе с ним продается возможность отслеживать любую информацию, которая через него проходит».

Хорошая новость в том, что впервые в истории у значительного числа обычных людей появился доступ к передовым технологиям. Между угнетенными и угнетателями на более или менее равных условиях разыгрывается глобальное кибернетическое сражение, подобное игре в кошки-мышки, причем угнетателям становится все труднее угнетать.

Даже и в этом случае причин для пессимизма относительно будущего демократии в развивающемся мире достаточно. Они перевешивают баланс сил в пользу власти. Нельзя забывать и о том, что в бедных странах с традиционными культурами непросто создавать сильные и стабильные демократические институты.

Спросите, почему? Ответ подскажет наблюдение, сделанное в 1950-х – 1960-х годах Лауреано Лопесом Родо, одним из экономических советников Франсиско Франко. В те годы среди западных развитых стран Испания единственная была диктатурой. Лопес Родо заявил, что страна окажется готовой к демократии, когда

уровень доходов на душу населения в год составит 2000 долларов. Демократия в Испанию пришла в 1975 году, когда ВВП на душу населения достиг 2446 долларов. Дело, разумеется, не в том, что тогда же умер Франко, однако испанской демократии пришлось пережить немало испытаний, в том числе военный путч 1981 года. Если бы диктатор скончался раньше, в менее обеспеченную эпоху, возможно, переход к демократии не состоялся бы до сих пор.

Почему ВВП, равный 2000 долларов (по ценам 1965 года это примерно нынешние 14 000 долларов), видится «магическим числом» демократии? Ответ дает «пирамида потребностей» Абрахама Маслоу. В 1943 году американский профессор психологии Брандейского университета опубликовал работу «Теория человеческой мотивации», в которой предложил модель психологического поведения и стимулов. Представьте, что кто-то надел вам на голову толстый пластиковый пакет и лишил воздуха; в этом случае все ваши побуждения, в том числе голод, жажда и даже сильное желание освободить мочевой пузырь, мгновенно исчезнут, и вы сосредоточитесь на одном – постараетесь стянуть мешок с головы.

Только восстановив дыхание, вы вспомните о голоде, жажде, мочевом пузыре, и только удовлетворив свои основные физиологические потребности, подниметесь на следующую ступень пирамиды Маслоу – к потребностям самосохранения, то есть к наличию крыши над головой и личной безопасности.

Затем идет третья ступень – любовь семьи, дружба, чувство общности; когда все это обретается, люди взыскуют четвертой ступени – уважения к себе, к силе характера, к интеллектуальным и физическим качествам.

Маслоу утверждает, что лишь когда человек одолел четыре нижние ступени – физиологические потребности, самосохранение, любовь и уважение, – он приступает к «самореализации»: за этим расплывчатым термином скрывается состояние удовлетворенности собственными способностями, талантами и моральным авторитетом.

В последние десятилетия многие социологи и психологи критиковали пирамиду Маслоу за упрощенный взгляд на человеческую личность и усомнились в ее адекватности реальной жизни; при этом она получила международное признание и используется как эмпирическая модель. Вдобавок пирамида Маслоу

помогает понять, каким именно образом нации переходят к демократическому правлению, и позволяет оценить пределы влияния коммуникационных технологий.

На какой ступени пирамиды Маслоу располагаются демократические идеалы? Разумеется, не на двух нижних: голодным и бездомным людям, опасаящимся за свои семьи и собственную жизнь, не до политических свобод. Демократия помещается на верхних уровнях пирамиды Маслоу; грубо говоря, она существует только в обществах, чьи граждане обустроены, сравнительно сыты и защищены, то есть получают 2000 долларов Лопеса Родо в год.

Многие исследователи подчеркивают связь между демократией и достатком. В 1959 году к такому заключению пришел и политолог Сеймур Мартин Липсет, подкрепивший свой вывод статистическим анализом, достаточно изощренным, по меркам тех лет. Липсет отметил: «Чем выше благосостояние нации, тем больше у нее шансов на поддержание демократии». Но если демократия порождает достаток, способен ли последний стимулировать переход к демократии; или же все зависит от некоего третьего фактора? Липсет предположил, но не смог доказать, что третьего фактора нет, стимулом является сам достаток.

Современные данные подтверждают его точку зрения. С 1981 года консорциум социологов, Всемирный научно-исследовательский проект, приступил к оценке широкого диапазона ценностей и убеждений по всему земному шару. Отметим как типичные усилия двух исследователей-пионеров, Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля, которые свели многообразие национальных характеристик к серии убедительных двумерных графов. Одно измерение (ось X) представляет индекс «выживания против самовыражения» (В/СВ) – грубо: насколько высоко поднялось население конкретной страны по ступеням пирамиды Маслоу. Другое измерение (ось Y) отражает индекс «традиционного против секулярно-рационального» (Т/СР) – это степень толерантности и либерализма в обществе, в особенности применительно к религии и уважению к власти.

Такой тип анализа группирует нации по религиозным и культурным признакам.

Демократические страны облюбовали верхнюю правую часть графа – это страны с наиболее высокими показателями В/СВ и Т/СР.

Самое удивительное – показатели США, которые больше схожи с показателями стран Латинской Америки, а не развитых европейских государств. США занимают верхние уровни пирамиды Маслоу, но в социальном и религиозном отношении они столь же консервативны, как, скажем, Ирак или Индонезия.

Поскольку эта база данных собирается вот уже тридцать лет, исследователи могут подробно изучить последовательность социальных изменений, ведущих к демократии. Главными факторами, похоже, являются экономический рост и модернизация рабочих мест и образования, ее «подпирающего». Инглхарт и Вельцель убедительно показали, что рост ВВП на душу населения, повышение качества образования и распространение профессий, требующих знаний, позволяют прогнозировать увеличение индекса С/СВ, а это, в свою очередь, сулит переход к демократии. Неудивительно: в конце концов, чем богаче становится человек, чем независимее его постановка образовательных целей и выбор работы, тем выше он поднимается по ступеням пирамиды Маслоу, тем меньше он готов терпеть деспотическое правительство.

Схематически это можно изобразить так:

Экономический рост + Модернизация – Индивидуальное благосостояние – Демократия.

Интуитивно кажется верным: люди, ведущие тяжелую, угнетенную жизнь, сосредотачиваются на удовлетворении базовых физических потребностей. Более высокие цели, такие как персональная свобода и демократическое развитие, присутствуют «фоном», пока люди не станут богаче и не обретут безопасность. Только тогда они смогут бросить вызов коррумпированным институтам и деспотическим властям. Этот процесс может занять десятилетия, затянуться на поколения, его могут притормозить жестокие деспоты у власти, как случилось, например, после Второй мировой войны, когда почти на пятьдесят лет притормозилось развитие советской империи.

Интернет, «Гугл» и «Фейсбук» могут сколь угодно гордиться собой, но они не в состоянии принести демократию в бедные, традиционные, религиозно ориентированные общества. Это такие страны, как Ирак, Египет и Эфиопия, чье полунищее и потому

бесправное население поглощено заботами о хлебе насущном, крове и безопасности и не помышляет о политических свободах; в культуре этих народов религиозные установления главенствуют над юриспруденцией.

Исторические нарративы и факты, описанные в данной главе, рисуют убедительную иллюстрацию влияния новых цифровых медиа на индивидуальные возможности человека и перспективы демократического развития.

Очевидно, что Всемирная сеть и социальные медиа стали существенным подспорьем для людей во всем мире. Лидеры деспотических стран уже не в состоянии с привычной легкостью угнетать, сажать в тюрьму, пытаться и убивать население так, чтобы об этом остался в неведении мир вокруг; доказательства коррупции уже не спрятать, а граждане этих стран обрели способность к самоорганизации и сопротивлению при помощи современных коммуникативных инструментов. Тем не менее, Интернет также облегчил деспотам слежку за населением и предоставил новые способы угнетения; впрочем, в целом баланс сил постепенно смещается в пользу граждан. До 1995 года враги диктаторов выходили, так сказать, с коммуникационным ножом против пулемета. Теперь огнестрельным оружием располагают обе стороны.

Самиздат и коротковолновые приемники — далеко не единственные факторы краха коммунизма; точно так же твиты с блогами сами по себе не сокрушают деспотические режимы. Люди должны отстаивать свои права на улицах; полиция и солдаты должны перестать в них стрелять; правящие элиты должны деморализоваться и даже, в некоторых случаях, примкнуть к протестующим.

До 2011 года многие сомневались в способности новых социальных медиа привести к реализации таких изменений. Среди скептиков особенно выделялся Евгений Морозов, который неустанно подчеркивал «надзирательные» и репрессивные возможности Сети. Свои язвительные замечания он обрушивал прежде всего на тех энтузиастов социальных сетей, которые верили в формулу «твиты + молодые иранцы с мобильниками = твиттер-революция». В отношении Ирана Морозов оказался прав, однако в остальном его скептицизм несколько не оправдался. Свою книгу «Соблазны сети» он

опубликовал в начале 2011 года, почти в то самое мгновение, когда диссиденты, взяв на вооружение социальные сети, принялись свергать репрессивные арабские режимы (этакий эффект домино).

Хорошая новость в том, что цифровые медиа наделили граждан способностью ликвидировать прогнившие режимы. Плохая же новость в том, что деспотические лидеры управляют преимущественно бедными, социально консервативными, традиционными обществами, а на такой почве демократия не растет. Как показали США в Афганистане и Ираке, насильственная смена режима и голосование под дулами автоматов в материально скудных традиционных культурах являются прямой дорогой к катастрофе.

Связь демократии с благосостоянием также объясняет более счастливые исходы в Восточной Европе. В бывшей коммунистической блок входило несколько относительно благополучных, социально развитых стран – Польша, Чехословакия, Венгрия и прибалтийские республики; сегодня они представляют собой относительно стабилизировавшиеся демократии. Разумеется, относительный недостаток и уровень социального развития не слишком помогли этим странам, когда по их территориям в ходе Второй мировой войны, в 1956 и 1968 годах прошла Советская армия. Только в 1989–1999 годах, когда ослабевший Советский Союз утратил волю к подавлению, светские, посттрадиционные культуры и сравнительно развитые экономики Восточной Европы двинулись к демократии. С другой стороны, постсоветские среднеазиатские республики, такие как Узбекистан, Таджикистан и Казахстан – перечисляю самые традиционные и беднейшие среди них, – сохранили однопартийную диктатуру.

В остальном мусульманском мире отнюдь не случайно, что страны со здоровой экономикой, такие как Турция, Малайзия и Индонезия, привержены демократии.

Интересно, что три указанные страны пользуются латиницей, которая усваивается при обучении легче, нежели арабское письмо. Думается, не стоит пренебрежительно отмахиваться от значимости латинского алфавита. Кемаль Ататюрк, «отец» современной Турции, наверняка полагал, что переход со старого арабского алфавита, унаследованного от Османской империи, на латиницу – переход, который он осуществлял весьма решительно, – даст немалые

преимущества новой нации. В колониальных Индонезии и Малайзии, с другой стороны, аналогичный переход был осуществлен, соответственно, голландскими и британскими властями, которые руководствовались исключительно собственными управленческими целями.

Текущие события в Египте и Ливии предполагают еще более алармистский сценарий, нежели тот, который реализовался в бывших советских среднеазиатских республиках. Общества, достаточно передовые в технологическом отношении, чтобы свергнуть деспотов и коррупционеров, остаются слишком бедными и слишком подверженными влиянию традиционной культуры, а потому не в состоянии установить демократию. Столь неблагоприятное положение дел способно породить хроническую череду революций-контрреволюций, примеры чего мы наблюдаем во многих африканских странах южнее Сахары.

Возможно, самый серьезный геополитический вопрос современного мира заключается в том, какой ответ относительно связи достатка и демократии даст Китай, «пронизанный» Интернетом, стремительно модернизирующийся, экономически процветающий и все более могущественный. ЦРУ подсчитало, что в 2011 году ВВП Китая на душу населения составил 8400 долларов. Эта цифра увеличивается с каждым годом примерно на 8 %. Социологические графы помещают Китай в зону от низкого до среднего значения по индексу С/СВ и достаточно высокого значения по индексу Т/СР, что внушает осторожный оптимизм по поводу возможности плавного перехода к стабильной демократии в восточноевропейском стиле. Мир затаил дыхание и молится за экономику Китая, поскольку та в наибольшей степени определяет благополучие китайских граждан и, соответственно, перспективы на демократизацию, а следовательно, на геополитическую стабильность на планете.

Следует еще помолиться за способность китайских демократических сил успешно эксплуатировать передовые коммуникационные технологии двадцать первого века, продолжая тем самым великий исторический процесс, который начался пять тысяч лет назад с появления в Синайской пустыне протосемитского алфавита.

По мере своего распространения это фонетическое письмо охватывало Финикию, Иудею, Арамею и наконец обрело наиболее легко среди античных усваиваемую форму – греческую, с гласными; этот процесс затронул крупные массы населения. Греческий алфавит сменился латиницей, которая составляет основу большинства алфавитов нынешних западных стран, а печатный станок Гутенберга механизировал процесс набора обоих алфавитов, и коммуникационные технологии ушли далеко вперед.

С 1500-х годов информационные технологии изменились не сильно – вплоть до 1840-х, когда был изобретен телеграф и появились высокоскоростные печатные станки. Медленное «преобразование» обычных людей слегка затормозилось в девятнадцатом и двадцатом столетиях, когда возникли однопенсовые газеты, радио и телевидение – дорогие и сложные медиа, которые принадлежали горстке людей. По счастью, новые цифровые медиа драматически ускорили процессы саморазвития.

Впервые в истории значительная часть населения мира может общаться друг с другом в режиме реального времени, обмениваться текстами, фото и видео, не думая о расстояниях. Последующие десятилетия продемонстрируют, в Китае и в других странах, политические, социальные и культурные последствия этого коммуникационного взрыва. Большая часть перемен должна оказаться столь же позитивной, сколь непредсказуемой она будет. Но одно сомнению не подлежит: средство – не просто сообщение, но сама страница, на которой написана история человечества.

Благодарности

Всякий, кто предпримет обзор столь широкой темы, как история и влияние коммуникационных технологий на общество, будет просто вынужден прибегнуть к помощи, знаниям и великодушию других людей, поскольку никакой автор не в состоянии быть экспертом во всех областях.

Вот люди, которые обеспечили меня необходимыми сведениями по разным предметам: Стивен Бейлс – письменность древних греков; Амира Беннисон – литературная деятельность средневековых арабов; Роберт Биггс – шумерский алфавит и переводы текстов; Дуглас Блэкмон – история повторного порабощения чернокожих американцев после Гражданской войны; Джонатан Блум – история ранних этапов бумажного производства; Алан К. Боумен – раскопки в Виндоланде; Юэн Камерон – письменные тексты вальденсов; Дэвид Карр – письменность в Древней Иудее; Джонатан Клементс и Джейсон Цвейг – история современной прессы; Стивен Дэвис – история коптского алфавита; Питер Дауни – история радиовещания; Барт Эрман – история гностиков; Роберт Инглунд – шумерский счет; Виктория Файнберг – советские коммуникационные технологии; Харриет Фаулер – римская республика; Уильям В. Харрис – античные литература и образование; Чарльз Хедрик – греческая археология; Сергей Хрущев – копирование и публикация мемуаров его отца; Том Леонард – однопенсовые газеты; Монти Маршалл – сведения о процессах демократизации в мире; Виктор Мэттьюс – грамотность в древности; Нельсон Минних – вальденсы; Дженнифер Робертс – афинская политика; Гонсало Рубио – шумерская грамматика и литература; Роял Скаусен – статистический анализ Библии короля Якова; Пол Санджер – возникновение пробелов между словами; Уильям Шнидевинд – письменность и политика Иудеи; Уильям Апхаус – средневековое книгопечатание; а также Джон Вольф, Роджер Педжет, Бретт Маккейб, Джо Эррингтон и Джефф Барлоу – алфавитизация малайзийских и индонезийских языков.

Я беззастенчиво пользовался терпением и поддержкой множества добровольных помощников. Роджер Берт, как и при работе над

«Великолепным обменом», делился со мной своими глубокими познаниями в области горнодобычи и влиянии развития последней на технологию печати. Джин Клиппертон и Рон Инглхарт погружались в сокровенные глубины социологических баз данных, подбирая иллюстрации и примеры. Анна Хадсон и Марк Грегори Пегг снабдили меня копиями подлинных документов вальденсов. Антон и Юлия Лотман поделились воспоминаниями о том, как слушали «вражеские голоса» в Советском Союзе, и сделали много полезных дополнений к тексту книги. Покойный Уильям Г. Макнейл любезно поделился со мной мыслями о главной теме этой книги – о влиянии коммуникационных технологий на политическую структуру. С Рональдом Мертенсом мы провели немало бесед о взаимовлиянии нейрофизиологии и цифровых коммуникационных устройств. Карл Пфлеглер и Тодд Саттерсон посвятили меня в малоизвестные подробности зари Интернета. Дениз Шмандт-Бессера не позволила мне выказать свое невежество в вопросах дописанных систем учета, предоставила иллюстрации и отрецензировала первые две главы этой книги. Брэд Шмидт, Эрик Шуренберг и Маркус Штерн изложили свои соображения о влиянии цифровых медиа на традиционную журналистику. Последним – но лишь в алфавитном порядке – упомяну Иэна Янга, который поправил мои ошибочные представления относительно античной письменности, особенно в том, что касается Иудеи, и изучил относящиеся к теме материалы.

Морган Энтрекин из издательства «Гроув / Атлантик пресс» и Уэсли Нефф щедро делились редакторскими и маркетинговыми советами. Компания «ТК» предоставила карты, Льюис О’Брайен обеспечил получение разрешений на воспроизведение иллюстраций, а Молли Блэйлок-Корал провела библиографические исследования. Мой редактор Джеμισон Штольц продемонстрировал отличные навыки управления рукописью и самим автором в ходе редакторско-издательского процесса и навел глянец, который мне самому явно не под силу.

Наконец, моя жена, Джейн Гиглер, как и всегда, помогла превратить мой корявый стиль и разрозненные фрагменты текста в рукопись, которую, не краснея от стыда, можно было послать издателю. Не поддаваясь унынию и выказывая удивительное терпение,

она мирилась с мужем, который сделался, мягко говоря, рассеянным и отстраненным. Лучшей поддержки для автора невозможно пожелать.

Использованные источники и литература

Achtemeier, Paul J., “Omne verbum sonat: The New Testament and the Oral Environment of Late Western Antiquity”, *Journal of Biblical Literature* 109:1 (Spring 1990): 9–13.

Adams, John, and Adams, Charles Francis, *The Works of John Adams* (Boston: Little, Brown, and Company, 1865).

Adkins, Lesley, *Empires of the Plain* (New York: St. Martin’s Press, 2003).

Afify, Heba, “Officers Get 7 Years for Killing That Helped Inspire Egypt’s Revolt”, *The New York Times* (October 21, 2011).

Aitken, Hugh G. J., *Syntony and Spark* (New York: John Wiley and Sons, 1976).

Albright, William F., “The Inscription from Gezer at the School in Jerusalem”, *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 58 (April 1935): 28–29.

Albright, William F., *The Proto-Sinaitic Inscriptions and their Decipherment* (Cambridge MA: Harvard University Press, 1966).

Aldred, Guy A., *Richard Carlile Agitator* (Glasgow: Strickland Press, 1941).

Alexeyeva, Ludmilla, and Paul Goldberg, *The Thaw Generation* (Boston: Little, Brown and Company, 1990).

Amalrik, Andrei, *Notes of a Revolutionary* (New York: Alfred A. Knopf, 1982).

Amedi, Amir, et al., “The Occipital Cortex in the Blind: Lessons About Plasticity and Vision”, *Current Directions in Psychological Science* 14:6 (December, 2005): 306–311.

Amiet, Pierre, “Il y a 5000 ans les Elamites inventaient l’écriture”, *Archeologia* 12 (1966): 20–22.

Anderson, Michael, “Four crowdsourcing lessons from the Guardian’s (spectacular) expenses-scandal experiment”, *Nieman Journalism Lab*, <http://www.nieman-lab.org/2009/06/four-crowdsourcing-lessons-from-the-guardians-spectacular-expenses-scandal-experiment/> accessed 12/9/12.

Anonymous, "Papers of Dr. James McHenry on the Federal Convention of 1787", *The American Historical Review* 11:3 (April, 1906), 618.

Archer, Gleason Leonard, *History of radio to 1926* (New York: American Historical Society, 1938).

Arendt, Hannah, *Eichmann in Jerusalem* (New York: Penguin Books, 2006).

Aristophanes, *Frogs* <http://classics.mit.edu/Aristophanes/frogs.html>, accessed 6/1/10.

Aristotle, *The Athenian Constitution* http://classics.mit.edu/Aristotle/athenian_const.html, accessed 7/23/10.

Aristophanes, *Wasps*, <http://classics.mit.edu/Aristophanes/wasps.html>, accessed 6/1/10.

Arnould, Sir Joseph, *Memoir of Thomas, First Lord Denman* (London: Longmans, Green, and Co., 1873).

Aronoff, Mark, untitled review, *Language in Society* 31:4 (September, 2002): 624–628.

Aspinall, A., *Politics and the Press* (New York: Harper and Rowe, 1974).

Athanasiadis, Iason, "Iran uses Internet as tool against protesters", *Christian Science Monitor*, January 4, 2010.

Atkinson, J. E., "Curbing the Comedians: Cleon versus Aristophanes and Syracosius' Decree", *The Classical Quarterly*, New Series 42:1 (1992): 56–64.

Audisio, Gabriel, *The Waldensian Dissent* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).

Baadsgaard, Aubrey, et al., "Human sacrifice and intentional corpse preservation in the Royal Cemetery of Ur", *Antiquity* 85:327 (March 1, 2011): 27–42.

"Background on the SAT Takers in the Class of 2010", <http://professionals.collegeboard.com/data-reports-research/sat/cb-seniors-2010/tables#>, accessed 12/12/11.

Bagnall, Roger, "Library of Dreams", *Proceedings of the American Philosophical Society* 146:4 (December, 2002), 348–362.

Baker, Nicholson, *Double Fold* (New York: Random House, 2001).

Barnes, Donald Grove, *A History of the English Corn Laws* (New York: Augustus M. Kelly, 1961).

Barrow, W. J., "Permanence in Book Papers", *Science* 129:3356 (April 24, 1959): 1075–2084.

"W. J. Barrow", *Bulletin of the American Group. International Institute for Conservation of Historic and Artistic Works* 8:1 (October, 1967): 5.

Battelle, John, *The Search* (New York: Penguin, 2005).

Beaumont, Peter, "The truth about Twitter, Facebook and the uprisings in the Arab world", *The Guardian* (February 24, 2011), <http://www.guardian.co.uk/world/2011/feb/25/twitter-facebook-uprisings-arab-libya>, accessed 12/20/11.

Bedini, Silvio, *Thomas Jefferson and His Copying Machines* (Charlottesville, VA: University Press of Virginia, 1984).

"Belgian Senate, Session of 1997–1998, December 6, 1997", <http://www.senate.be/english/rwanda.html>, accessed 11/5/10.

Bell, H. I., "Evidences of Christianity in Egypt during the Roman Period", *The Harvard Theological Review* (July, 1944), 185–208.

In memoriam, Harold Idris Bell, 1879–1967, *The Journal of Roman Studies* 57:1/2 (1967): xiii.

Bergmeier, Horst J. P., and Rainer E. Lotz, *Hitler's Airwaves* (New Haven: Yale University Press, 1997).

Berners-Lee, Tim, "Information Management: A Proposal", <http://www.w3.org/History/1989/proposal.html>, accessed 11/19/11.

Berners-Lee, Tim, *Weaving the Web* (San Francisco: HarperSanFrancisco, 1999).

Bernstein, Carl, and Bob Woodward, *All the President's Men* (New York: Simon and Schuster, 1974).

Bernstein, William J., *A Splendid Exchange* (New York: Grove-Atlantic Press, 2008).

Bernstein, William J., *The Birth of Plenty* (New York: McGraw-Hill, 2004).

Best, Edward E., "Literacy and Roman Voting", *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 23:4 (4th Qtr., 1978): 428–438.

Betts, R. R., "English and Čzech Influences on the Hussite Movement", *Transactions of the Royal Historical Society*, Fourth Series, 21 (1939): 71–102.

Bevan, Edwyn Robert, *The House of Seleucus* (London: Edward Arnold, 1902).

- Bilby, Kenneth, *The General* (New York: Harper and Row, 1986).
- Biller, Peter, and Anne Hudson, Eds., *Heresy and Literacy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).
- Billington, James H., *The Icon and the Axe* (New York: Alfred A. Knopf, 1966).
- Birley, Robin, *On Hadrian's Wall* (London: Thames and Hudson, 1977).
- Blackmon, Douglas A., *Slavery by Another Name* (New York: Doubleday, 2008).
- Bloom, Edward A. "Paper Wars for a Free Press", *The Modern Language Review* 56:4 (October, 1961): 482.
- Bloom, Jonathan M., *Paper Before Print* (New Haven CT: Yale University Press, 2001).
- Bonnell, Victoria E., and Gregory Friedin, "Teleovorot: The Role of Television in Russia's August 1991 Coup," *Slavic Review* 52:4 (Winter 1993): 810–838.
- Boorstin, Daniel, *The Republic of Technology* (New York: Harper and Row, 1978).
- Boswell, John Eastburn, "Expositio and Oblatio: The Abandonment of Children in the Ancient and Medieval Family", *The American Historical Review* 89:1 (February, 1984): 10–33.
- Botsford, George Willis, *The Roman Assemblies for their Origin to the End of the Republic* (New York: Macmillan Company, 1909).
- Bourne, Edward Gaylord, "The Naming of America", *The American Historical Review* 10:1 (October, 1904), 41–51.
- Bowman, Alan, and David Thomas, *The Vindolanda Writing Tablets* (London: British Museum Press, 1994).
- Bowman, Alan K., *Life and Letters on the Roman Frontier* (London: British Museum Press, 1994).
- Bowman, Raymond A., "Arabs, Aramaic, and the Bible", *Journal of Near Eastern Studies* 7:2 (April, 1948): 66–70.
- Bowman, Raymond A., "Aramaic, Aramaic, and the Bible", *Journal of Near Eastern Studies* 7:2 (April 1948): 65–90.
- Bradley, Keith R., *Slavery and Rebellion in the Roman World, 140 BC–70 BC* (Bloomington IN: Indiana University Press, 1989).
- Bramsted, Ernest K., *Goebbels and National Socialist Propaganda* (East Lansing: Michigan State University Press, 1965).

- Brecht, Martin, *Martin Luther* (Minneapolis: Fortress Press, 1993).
- Briggs, Charles F., and Augustus Maverick, *The Story of the Telegraph and a History of the Great Atlantic Cable* (New York: Rudd and Carleton, 1858).
- Bright, John, *A History of Israel* (Philadelphia: The Westminster Press, 1972).
- Broneer, Oscar, "Excavations on the North Slope of the Acropolis, 1937", *Hesperia* 7:2 (1938): 228–243.
- Brown, Robert J., *Manipulating the Ether* (Jefferson NC: McFarland and Company, Publishers, 1998).
- Bukovsky, Vladimir, *To Build a Castle* (New York: The Viking Press, 1977).
- Burleigh, Michael, *The Third Reich* (New York: Hill and Wang, 2000).
- Bury, J. B., *A History of Greece* (New York: Modern Library, 1937).
- Canfra, Luciano, *The Vanished Library*, trans. Martin Ryle (Berkeley: University of California Press, 1990).
- Cantril, Hadley, *The Invasion from Mars* (New York: Harper Torchbooks, 1960).
- Cantril, Hadley, and Gordon W. Allport, *The Psychology of Radio* (New York: Harper and Brothers, 1971).
- Caplan, Gerald, "Rwanda: Walking the Road to Genocide", in Allan Thompson, Ed., *The Media and the Rwanda Genocide* (London: Pluto Press, 2007).
- Carpenter, Rhys, "The Alphabet in Italy", *American Journal of Archaeology* 49:4 (October – December, 1945): 452–464.
- Carpenter, Rhys, "The Antiquity of the Greek Alphabet", *American Journal of Archaeology* 37:1 (January – March 1933): 8–29.
- Carpenter, Rhys, "The Greek Alphabet Again", *American Journal of Archaeology* 42:1 (January – March 1938): 58–69.
- Carr, David McLain, *Writing on the Tablet of the Heart* (Oxford: Oxford University Press, 2005).
- Carr, Nicholas, "Is Google Making Us Stupid?" *Atlantic Monthly* 302:1 (July – August, 2008): 56–63.
- Carr, Nicholas, *The Shallows* (New York: W. W. Norton, 2010).
- Carter, Harry, *Fournier on Typesetting* (London: Fleuron Books, 1930).

Cartledge, Paul, "Literacy in the Spartan Oligarchy", *The Journal of Hellenic Studies* 98 (1978): 25–37.

Central Intelligence Agency, "The World Factbook: China", <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html>, accessed 3/10/12.

Chappell, Warren, and Bringhurst, Robert, *A Short History of the Printed Word* (Port Roberts, WA: Hartley and Marks, 1999).

Childe, V. Gordon, *Man Makes Himself*, (New York: New American Library, 1983).

Childs, David, and Richard Popplewell, *The Stasi* (New York: NYU Press, 1996).

Chrétien, Jean-Pierre, "RTLTM Propaganda: the Democratic Alibi, in Allan Thompson, Ed., *The Media and the Rwanda Genocide* (London: Pluto Press, 2007).

Church, John A., "William J. Barrow: A Remembrance and Appreciation", *The American Archivist* 68:1 (Spring – Summer 2005): 152–160.

Cicero, *The Nature of the Gods*, <http://thriceholly.net/Texts/Cicero2.html>, accessed 10/31/10.

Clark, Gregory, "Farm Wages and Living Standards in the Industrial Revolution: England, 1670–1850", http://www.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark/papers/farm_wages_and_living_standards.pdf, accessed 11/6/10.

Clark, John Willis, *The Care of Books* (Cambridge: Cambridge University Press, 1901).

Clapham, Michael, "Printing", in Charles Singer et al., Eds., *A History of Technology* (London: Oxford University Press, 1957).

Coe, Lewis, *Wireless Radio* (Jefferson, NC: McFarland and Company, Inc., Publishers, 1996).

Coon, Carleton S., *Cave Explorations in Iran 1949* (Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1951).

Crick, Bernard, *George Orwell, a Life* (New York: Atlantic Monthly Press, 1980).

Cronin, H.S., "The Twelve Conclusions of the Lollards", *The English Historical Review* 22:86 (April, 1907): 292–304.

Crookes, William, "Some Possibilities of Electricity", *Fortnightly Review*, 102 (February 1, 1892): 174.

Crystal, David, and Hilary Crystal, *Words on Words* (London: Penguin Books, 2000).

Czitrom, Daniel J., *Media and the American Mind* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982).

Dallaire, Roméo, “The Media Dichotomy”, in Allan Thompson, Ed., *The Media and the Rwanda Genocide* (London: Pluto Press, 2007).

Damian, Peter, and Pierre J. Payer, *The Book of Gomorrah* (Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press, 1982).

Daniel, Anna, “The *Guardian* Reportage of the UK MP Expenses Scandal: a Case Study of Computational Journalism”, <http://www.eprints.qut.edu.au/38701/2/38701.pdf>, accessed 12/10/11.

Daniell, David, “No Tyndale, No Shakespeare”, Kirtling Lecture, 2005, *Tyndale Society Journal*, 29 (2005) 8–22.

Daniell, David, *William Tyndale* (New Haven: Yale University Press, 1994).

Darnell, John Coleman et al., “Two Early Alphabetic Inscriptions from the Wadi el-Hôl: New Evidence for the Origin of the Alphabet from the Western Desert of Egypt”, *Annual of the American Schools of Oriental Research* 50 (2005): 64–124.

Daugherty, Greg “They Missed the Boat”, *Smithsonian* (March, 2012), 38.

Daughtry, J. Martin, “Sonic Samizdat”: Situating Unofficial Recording in the Post – Stalinist Soviet Union”, *Poetics Today* 30:1 (Spring, 2009): 34–35.

Davis, David Brion, *Inhuman Bondage* (Oxford: Oxford University Press, 2006).

Davis, Stephen J., *The Early Coptic Papacy* (Cairo: American University Press in Cairo, 2004).

Davison, Peter, *George Orwell* (New York: Saint Martin’s Press, 1996).

Deanesly, Margaret, *The Lollard Bible* (Cambridge: The University Press, 1920).

Deanesly, Margaret, *The Significance of the Lollard Bible* (London: Athlone Press, 1951).

Deckert, Glenn D., “Sociocultural Barriers to the Reading Habit: The Case of Iran”, *Journal of Reading* 25:8 (May 1982): 746–747.

Demsky, A., "The Biblical Period", in Martin Jan Mulder, Ed., *Mirka* (Maastricht: Van Gorcum, 1998).

D'Errico, Francesco, "Paleolithic Lunar Calendars: Wishful Thinking?" *Current Anthropology* 30:1 (February 1989): 117–118.

Derry, T. K., and Trevor I. Williams, *A Short History of Technology* (New York: Dover Publications, 1993).

Des Forges, Alison, "Call to Genocide: Radio in Rwanda, 1994", in Allan Thompson, Ed., *The Media and the Rwanda Genocide* (London: Pluto Press, 2007).

Dever, William G., "Excavating the Hebrew Bible, or Burying it Again?" *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 322 (May 2001): 67–77.

De Vinne, Theodore L., *The Invention of Printing* (London: Trübner and Co., 1877).

Dickinson, Elizabeth, "The First WikiLeaks Revolution?" *Foreign Policy*, January 13, 2011.

Diringer, David, "The Palestinian Inscriptions and the Origin of the Alphabet", *Journal of the American Oriental Society* 63:1 (March 1943): 24–30.

Dizard, Wilson P., *Inventing Public Diplomacy* (Boulder CO: Lynne Rienner Publishers, Inc., 2004).

Dobbs, Michael, *Down with Big Brother* (New York: Alfred A. Knopf, 1997).

Douglas, Susan J., *Listening In* (New York: Times Books, 1999).

Drower, Margaret S., *Flinders Petrie* (London: Victor Gollancz, 1985).

Dunbar, R. I. M., "Coevolution of neocortical size, group size and language in humans", *Behavioral and Brain Sciences* 16:4 (1993): 681–735.

Walter Eder, "The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies: An Unconventional Hypothesis", in *Social Struggles in Archaic Rome*, Kurt A. Raaflaub, Ed. (Berkeley: University of California Press, 1986).

Edmonds, John Maxwell, *Fragments of Attic Comedy* (Leiden: E. J. Brill, 1957), I:177–181.

Edsall, Thomas B., and Brian Faler, "Lott Remarks on Thurmond Echoed 1980 Words", *Washington Post* December 11, 2002.

Edwards, Mark U. Jr., *Printing, Propaganda, and Martin Luther* (Berkeley: University of California Press, 1994).

Ehrman, Bart D., *Lost Christianities* (Oxford: Oxford University Press, 2003).

Eisenstein, Elizabeth, *The Printing Press as an Agent of Change* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979).

Ellsberg, Daniel, *Secrets* (New York: Viking, 2002).

Fassihi, Farnaz, "Iranian Crackdown Goes Global", *The Wall Street Journal*, December 3, 2009.

Febvre, Lucien, and Henri-Jean Martin, *The Coming of the Book*, David Gerard, Trans. (London: Verso, 1997).

Feldbrugge, J. M., *Samizdat and Political Dissent in the Soviet Union* (Leyden: A. W. Sijthoff, 1975).

Field, Alexander James, "The Magnetic Telegraph, Price and Quality Data", *The Journal of Economic History* 52:2 (June, 1992): 401–413.

Fink, Robert O., *Roman Military Records on Papyrus* (Cleveland: Case Western University Press, 1971), ix – xiii.

Finkelstein, Israel, "State Formation in Israel and Judah: A Contrast in Trajectory", *Near Eastern Archaeology* 62:1 (March 1999): 35–52.

Finkelstein, Israel, and Neil Asher Silberman, "'The Bible Unearthed': A Rejoinder", *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* 327 (August 2002): 63–73.

Finkelstein, J., "The Laws of Ur-Nammu", in *The Ancient Near East Supplementary Texts and Pictures Relating to the Old Testament* J. Pritchard, Ed., (Princeton: Princeton University Press, 1969).

Fletcher, Martin, "Crowds salute the Facebook dreamer who inspired nation", *The Times* (London) (February 7, 2011).

Flower, Harriet I., *Roman Republics* (Princeton: Princeton University Press, 2010).

Flynn, James R., *What Is Intelligence?* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007).

Forbes, Clarence A., "The Education and Training of Slaves in Antiquity", *Transactions of the Proceedings of the American Philosophical Association* 86 (1955): 334–342.

Fornara, Charles W., "The Value of the Themistocles Decree", *The American Historical Review* 73:2 (December, 1967): 425–433.

Forsdyke, Sara, *Exile, Ostracism, and Democracy* (Princeton: Princeton University Press, 2005).

Foster, Benjamin, *Umma in the Sargonic Period* (Hamden, CT: Archon Press, 1982).

Foxe, Rev. John, *Book of Martyrs* (Hartford, CT: Edwin Hunt, 1845).

Freedom House, “*Freedom in the World Country Ratings*”, <http://www.freedomhouse.org/uploads/fiw09/CompHistData/CountryStatusandRatingsOverview1973–2009.pdf>, accessed 3/1/09.

Fukuyama, Francis, *The End of History and the Last Man* (New York: Simon and Shuster, 2006).

Fuller, C. J., “Orality, Literacy, and Memorization: Priestly Education in Contemporary South India”, *Modern Asian Studies* 35:1 (February 2001): 2–3.

Füssel, Stephan, *Gutenberg and the Impact of Printing* (Aldershot, UK: Ashgate Publishing, Ltd., 2005).

Gaddis, John Lewis, *We Now Know* (Oxford: Clarendon Press, 1997).

Galich, Alexander, *Songs and Poems*, Gerald Stanton Smith, Trans. (Ann Arbor: Ardis Publishers, 1983).

Gardiner, Alan H., “Once Again, the Proto-Sinaitic Inscriptions”, *Journal of Egyptian Archaeology* 48 (December 1962): 45–48.

Gardiner, Alan H., “The Egyptian Origin of the Semitic Alphabet”, *Journal of Egyptian Archaeology* 3:1 (January 1916): 1–16.

Gelb, I. J., *A Study of Writing* (Chicago: University of Chicago, 1963). “German Volksempfänger”, <http://home.snafu.de/wumpus/volks.htm>, accessed 12/9/12.

Gerovich, Slava, “‘Russian Scandals’: Soviet Readings of American Cybernetics in the Early Years of the Cold War”, *Russian Review* 60:4 (October 2001): 545–568.

Gies, Frances and Joseph, *Cathedral, Forge, and Waterwheel* (New York, HarperCollins, 1994).

Gillies, James, and Robert Cailliau, *How the Web was born* (Oxford: Oxford University Press, 2000).

Gilmont, Jean-François, “Printing at the dawn of the sixteenth century”, in Jean-François Gilmont, Ed., Karin Maag, Trans., *The Reformation and the Book* (Aldershot, UK: Ashgate, 1998).

Glassner, Jean-Jaques, *The Invention of Cuneiform* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2003).

Goody, Jack, *The Power of the Written Tradition* (Washington DC: Smithsonian Institution Press, 2000).

Gorbachev, Mikhail, *The August Coup* (New York: HarperCollins Publishers, 1991).

Gordon, Arthur E., "On the Origins of the Latin Alphabet: Modern Views", *California Studies in Classical Antiquity* 2 (1969): 157–170.

Gordon, John S., *A Thread Across the Ocean* (New York: Walker, 2002).

Gordon, Mary L., "The Nationality of Slaves under the Early Roman Empire", *The Journal of Roman Studies* 14 (1924): 93–111.

Gourevich, Philip, *We wish to inform you that tomorrow we will be killed with our families* (New York: Picador, 1998).

Green, Norvin, "The Government and the Telegraph", *The North American Review* 137:234 (November, 1883): 422–434.

Greene, Kate, "What is He Doing?" *Technology Review* (November – December, 2007), 44–51.

Grendler, Paul F., "The Universities of the Renaissance and Reformation", *Renaissance Quarterly*, 57:1 (Spring, 2004): 5–6.

Grossman, Maria, "Wittenberg Printing, Early Sixteenth Century", *Sixteenth Century Essays and Studies* 1 (January, 1970): 53–74.

Gruen, Erich S., "Stesimbrotus on Miltiades and Themistocles", *California Studies in Classical Antiquity* 3 (1970): 91–98.

Gwinn, Nancy E., "The Fragility of Paper: Can Our Historical Record Be Saved?" *The Public Historian* 13:3 (Summer 1991): 33–53.

Hagerty, Michael R., "Testing Maslow's Hierarchy of Needs: National Quality-of-Life Across Time", *Social Indicators Research* 46:3 (March, 1999), 249–271.

Hale, J., *The Captive Press in the Third Reich* (Princeton: Princeton University Press, 1964).

Hall, H.R., "The Excavations at Ur", *The British Museum Quarterly* 4:2 (September 1929): 57–59.

Hammond, N.G.L., *Epirus* (Oxford: Clarendon Press, 1967).

Robert A. Harris' Statement at the Film Preservation Study, <http://www.widescreen-museum.com/rah.htm>, accessed 4/18/12.

Harris, William V., *Ancient Literacy* (Cambridge MA: Harvard University Press, 1989).

Harris, William V., "On War and Greed in the Second Century BC", *The American Historical Review* 76:5 (December, 1971): 1372.

Harris, William V., "Towards a Study of the Ancient Slave Trade", *Memoirs of the American Academy in Rome* 36 (1980): 123.

Havelock, Eric A., *Preface to Plato* (New York: Grosset and Dunlap, 1967).

Hawkes, Nigel, et al., *The Worst Accident in the World* (London: Pan Books, 1986).

Hayek, F. A., "The Use of Knowledge in Society", *American Economic Review* 35:4 (September, 1945): 519–530.

Hayward, Max, *On Trial* (New York: Harper and Row, 1966).

Herodotus, *The Histories* (Baltimore: Penguin Books, 1954).

Hicks, Cinque, "Easy: The Guardian's Crowdsourcing Game", *Newsgames* (October 21, 2009), <http://newsgames.gatech.edu/blog/2009/10/easy-the-guardians-crowdsourcing-game.html>, accessed 12/10/11.

Hilsum, Lindsey, "Reporting Rwanda: the Media and Aid Agencies", in Allan Thompson, Ed., *The Media and the Rwanda Genocide* (London: Pluto Press, 2007).

Hitler, Adolf, *Mein Kampf*, Ralph Manheim, Trans. (Boston: Houghton Mifflin, 1999).

Holloway, David, "Innovation in Science-The Case of Cybernetics in the Soviet Union", *Science Studies* 4:4 (October, 1974): 299–337.

Homer, Sydney, and Richard Sylla, *A History of Interest Rates*, 4th ed. (New York: John Wiley and Sons, 2005).

Hopkins, Keith, "Conquest by book", in J. H. Humphrey Ed., "Literacy in the Roman World", *Journal of Roman Archaeology*, Supplementary Series 3 (1991): 144–148.

Houston, George F., "The Slave and Freedman Personnel of Public Libraries in Ancient Rome", *Transactions of the American Philological Association*, 132 (2002): 139–176.

Huang, I., et al., "Monitoring Music Processing of Harmonic Chords using fMRI: Comparison between Professional Musicians and Amateurs", *Proc. Intl. Soc. Mag. Reson. MEd.*, 11 (2003): 187.

Hubbard, Gardiner G., "Government Control of the Telegraph", *The North American Review* 137:325 (December, 1883): 521–535.

Hudson, Anne, "From Oxford to Prague: The Writings of John Wyclif and His English Followers in Bohemia", *Slavonic and East European Review* 75:4 (October, 1997): 642–657.

Hudson, Anne, 'Laicus litteratus': the paradox of Lollardry", in Peter Biller and Anne Hudson, Eds., *Heresy and Literacy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).

Huffington, Ariana,
http://ariannaonline.huffingtonpost.com/columns/printer_friendly.php?id=44, accessed 9/28/11.

Hughes, Nick, "Exhibit 467: Genocide Through a Camera Lens", in Allan Thompson, Ed., *The Media and the Rwanda Genocide* (London: Pluto Press, 2007).

Hugo, Victor, *Notre-Dame de Paris* (New York: A Wessels Company, 1902).

Hunter, Dard, *Papermaking* (New York: Dover Publications, 1943).

Ihde, Don, *The Philosophy of Technology* (New York: Paragon House, 1993).

Inglehart, Ronald, and Christian Welzel, "Changing Mass Priorities: The Link Between Modernization and Democracy", *Perspectives on Politics* 8:2 (June, 2010): 551–567.

Inglehart, Ronald, and Christian Welzel, "How Development Leads to Democracy", *Foreign Affairs* 88:2 (March – April, 2009): 33–48.

Inglehart, Ronald, and Christian Welzel, *Modernization, cultural change, and democracy* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005).

Inglehart, Ronald, and Christian Welzel, "The theory of human development: A cross-cultural analysis", *European Journal of Political Research* 41 (2003): 341–379.

Ingrams, Richard, *The Life Adventures of William Cobbett* (London: HarperCollins, 2005).

Innis, Harold A., *Empire and Communications* (Lanham MD: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2007).

Innis, Harold A., *The Bias of Communication* (Toronto: University of Toronto Press, 2003).

"Internet Growth Statistics",
<http://www.internetworldstats.com/emarketing.htm>, accessed 11/20/11.

Jacobsen, Thorkild, "Democracy in Ancient Mesopotamia", *Journal of Near Eastern Studies* 2:3 (July, 1943): 159–172.

Jameson, Michael H., "A Decree of Themistokles from Troizen", *Hesperia* 29:2 (April– June, 1960): 198–223.

Jessup, Philip C., *Elihu Root* (New York: Dodd, Mead and Company, 1938).

Johansson, Mikael, "The Inscription from Troizen: A Decree of Themistocles?" *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 137 (2001): 69–92.

Johnson, Gordon, "What is the history of samizdat?" *Social History* 24:2 (May, 1999): 115–133.

Jordan, Mark D., *The Silence of Sodom* (Chicago: University of Chicago Press, 2000).

Kamil, Jill, *Coptic Egypt* (Cairo: American University Press in Cairo, 1987).

Kautzsch, E., and Charles R. Brown, "The Aramaic Language", *Hebraica* 1:2 (October 1884): 100.

Keller, Bill, "Russians Say Western Radio Instigated Baltic Protests", *New York Times*, August 25, 1987.

Kennedy, Amos Paul Jr., *Once You Learn To Read, You Will Be Forever Free: Frederick Douglass* (Akron AL: Kennedy Prints, 2007).

Kennedy, Susan Estabrook, *The banking crisis of 1933* (Lexington: University Press of Kentucky, 1973).

Khrushchev, Sergei, *Khrushchev on Khrushchev* (Boston: Little, Brown and Company, 1990).

Kilgour, Frederick G., *The Evolution of the Book* (Oxford: Oxford University Press, 1998).

Kimani, Mary, "RTLTM: the Medium that Became a Tool for Mass Murder", in Allan Thompson, Ed., *The Media and the Rwanda Genocide* (London: Pluto Press, 2007).

Kirkpatrick, David D., "Wired and Shrewd, Young Egyptians Guide Revolt", *The New York Times* (February 9, 2011).

Kirkpatrick, David D., and Jennifer Preston, "Google Executive Who Was Jailed Said He Was Part of Facebook Campaign in Egypt", *The New York Times* (February 7, 2011).

Koch, Howard, *As Time Goes By* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1979).

Koehler, John O., *Stasi* (Boulder CO: Westview Press, 1999).

Koestler, Arthur, *Janus* (New York: Random House, 1978).

Komaromi, Ann, "The Material Existence of Soviet Samizdat", *Slavic Review* 63:3 (Autumn, 2004): 606–609.

Kramer, Samuel Noah, "Schooldays: A Sumerian Composition Relating to the Education of a Scribe", *Journal of the American Oriental Society* 69:4 (October – December, 1949): 199–215.

Kramer, Samuel Noah, and Thorkild Jacobsen, "Gilgamesh and Agga", *American Journal of Archaeology* 53:1 (January – March, 1949): 1–18.

Krugman, Paul, "Understanding Globalization", *Washington Monthly* 31:6 (June, 1999).

LaFraniere, Sharon, "China Finds More Bodies, and a Survivor, in Trains' Wreckage", *The New York Times* July 25, 2011.

Laidlaw, W. A., *A History of Delos* (Oxford: Basil Blackwell, 1933).

Layard, Austen Henry, *Nineveh and its Remains* (New York: Frederick A. Praeger, 1970).

Lenardon, Robert J., *The Saga of Themistocles* (London: Thames and Hudson, 1978).

Lenhart, John M., "The Origin of the Invention of Printing: Its Background", *The Catholic Historical Review* 25:3 (October, 1939): 303.

Leonard, Thomas C., *The Power of the Press* (Oxford: Oxford University Press, 1987).

Lerner, Barry, et al., "A Brief History of the Internet", <http://www.isoc.org/internet/history/brief.shtml>, accessed 11/18/11.

Levermore, Charles H. "The Rise of Metropolitan Journalism, 1800–1840", *The American Historical Review* 6:3 (April, 1901): 457–458.

Levin, Saul, "The 'Qeri' as the Primary Text of the Hebrew Bible", *General Linguistics* 35 (1997): 185.

Lévi-Strauss, Claude, *Tristes Tropiques*, John and Doreen Weightman, trans. (New York: Atheneum, 1974).

Levy, Primo, *The Drowned and the Saved*, Raymond Rosenthal, Trans. (New York: Summit Books, 1988).

Lewis, Geoffrey, *The Turkish Language Reform* (Oxford: Oxford University Press, 2002): 30–56.

Lewis, Tom, *Empire of the Air* (New York: Edward Burlingame Books, 1991).

Li, Darryl, "Echoes of Violence: Considerations on Radio and Genocide in Rwanda", in Allan Thompson, Ed., *The Media and the Rwanda*

Genocide (London: Pluto Press, 2007).

Lieberman, Stephen J., "Of Clay Pebbles, Hollow Clay Balls, and Writing: A Sumerian View", *American Journal of Archaeology* 84:3 (July 1980): 152.

Lintott, A. W., *Violence in Republican Rome* (Oxford: Clarendon Press, 1968).

Lippmann, Walter, "Two Revolutions in the American Press", *The Yale Review* XX:3 (March, 1931): 433–441.

Lipset, Seymour Martin, "Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy", *The American Political Science Review* 53:1 (March, 1959): 69–105.

Lisann, Maury, *Broadcasting to the Soviet Union* (New York: Praeger Publishers, 1975).

Lodge, Oliver, *Signaling through space without wires* 3rd ed. (London: "The Electrician" Printing and Publishing Company, no date).

Lord, Alfred Bates, *The Singer of Tales* (Cambridge MA: Harvard University Press, 2000).

Lourie, Richard, *Letters to the Future* (Ithaca: Cornell University Press, 1975).

Mackay, Christopher S., *Ancient Rome* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).

Maddison, Angus, data file, http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_09-2008.xls, accessed 3/1/09.

Mahoney, William H., *The history of the Czech Republic and Slovakia* (Santa Barbara, CA: Greenwood, Press, 2011).

Marconi, Degna, *My Father, Marconi* (Toronto: Guernica Editions, 2001).

Marlow, Joyce, *The Peterloo Massacre* (London: Panther, 1971).

Marshack, Alexander, "Lunar Notation in Upper Paleolithic Remains", *Science* 146:3645 (November 6, 1964): 543–745.

Marshack, Alexander, and Francesco D'Errico, "On Wishful Thinking and 'Lunar Calendars'", *Current Anthropology* 30:4 (August – October, 1989): 491–500.

Martin, Henri-Jean *The History and Power of Writing*, Lydia G. Cochrane, Trans. (Chicago: University of Chicago Press, 1988).

Masini, Giancarlo, *Marconi* (New York: Marsilio Publishers, 1995).

Maslow, Abraham, "A Theory of Human Motivation", *Psychological Review* 50 (1943): 370–396.

Mayor, Adrienne, *The Poison King* (Princeton: Princeton University Press, 2010).

McDermott, William C., "M. Cicero and M. Tiro", *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 21:2 (Second Quarter, 1972): 271–271.

McFarlane, K. B., *John Wycliffe* (London: English Universities Press, 1953).

McFarlane, K. B., *Wycliffe and English Non-Conformity* (Harmondsworth, England: Penguin Books, 1972).

McGrath, Charles, "And They All Died Happily Ever After", *The New York Times* July 2, 2006.

McLaughlin, William, "West European CPs' Reaction to Moscow Trial", Radio Free Europe Research, <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/text/63-2-289.shtml>, accessed 1/2/12.

McNeill, William H., *The Rise of the West* (Chicago: University of Chicago Press, 1963).

Meerson-Aksenov, Michael, "Introductory", in Michael Meerson-Aksenov and Boris Shragin, Eds., *The Political, Social and Religious Thought of Russian "samizdat" – An Anthology* (Belmont, MA: Nordland Publishing Co., 1977).

Meyer, Cord, *Facing Reality* (New York: Harper and Row, 1980).

Michalowski, Piotr, "Mesopotamian Cuneiform", in Peter T. Daniels and William Bright, *The World's Writing Systems* (New York: Oxford University Press, 1996).

Michie, Alan Andrew, *Voices Through the Iron Curtain* (New York: Dodd, Mead, 1963).

Mickiewicz, Ellen, *Split Signals* (Oxford: Oxford University Press, 1988).

Millar, Fergus, *The Crowd in Rome in the Late Republic* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998).

Milman, Henry Hart, *History of Latin Christianity* (London: John Murray, 1867).

Molleson, Theya, and Dawn Hodgson, "Human Remains from Woolley's Excavations at Ur", *Iraq* 65 (2003): 91–129, Alexandra Irving and Janet Ambers, "Hidden Treasure from the Royal Cemetery at Ur:

Technology Sheds New Light on the Ancient Near East”, *Near Eastern Archaeology* 65:3 (September 2002): 206–213.

Montesquieu, Baron de, *Reflections on the Causes of the Rise and Fall of the Roman Empire* (London: Printed for W. Innys in Paternoster Row, C. Davis against Gray’s-Inn Gate, Holborn, R. Manby on Ludgate-Hill, and H. S. Cox in Paternoster Row, 1753).

Moore, Martha T., “Rare earthquake shakes and shocks Eastern Seaboard”, *USA Today*, <http://www.usatoday.com/news/nation/story/2011-08-23/Rare-earthquake-shakes-and-shocks-Eastern-Seaboard/50114870/1>, accessed 11/30/11.

Morgan, H. Wayne, *America’s Road to Empire* (New York: John Wiley and Sons, Inc., 1965).

Morozov, Evgeny, *The Net Delusion* (New York: Public Affairs, 2011).

Mosshammer, Alden A., “Themistocles’ Archonship in the Chronographic Tradition”, *Hermes* 103:2 (1975): 222–234.

Moynihan, Daniel P., “Introduction – The American Experiment”, *The Public Interest* 41 (Fall, 1975): 4–8.

Mozley, J. F., *William Tyndale* (New York: Macmillan Company, 1937).

Mugridge, Ian, *The View from Xanadu* (Montreal: McGill-Queen’s University Press, 1995).

Musson, A. E., “Printing in the Industrial Revolution”, *The Economic History Review*, New Series, 10:3 (1958): 411–426.

David Nasaw, *The Chief* (Boston: Houghton Mifflin Company, 2001).

Naveh, Joseph, *Early History of the Alphabet* (Jerusalem: Magnes Press, 1982).

Naveh, Joseph, “The Greek Alphabet: New Evidence”, *The Biblical Archaeologist* 43:1 (Winter 1980): 22–25.

Nef, J.U., “Mining and Metallurgy in Medieval Civilization”, in M. Postan and E. E. Rich, Eds., *The Cambridge Economic History of Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 1952).

Nelson, Michael, *War of the Black Heavens* (Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1997).

Nicolet, C., *The World of the Citizen in Republican Rome* P. S. Falla, Trans. (Los Angeles: University of California Press, 1980).

Niditch, Susan, *Oral World and Written Word* (Louisville: Westminster John Knox Press, 1996).

Nielson, John, and Royal Skousen, "How Much of the King James Bible Is William Tyndale's?" *Reformation* 3 (1998): 49–74.

Nissen, Hans J., *Archaic Bookkeeping* (Chicago: University of Chicago Press, 1993).

Nissen, Hans J., *The Early History of the Ancient Near East* (Chicago: University of Chicago Press, 1990).

Nowak, Jan, *Courier from Warsaw* (Detroit MI: Wayne State University Press, 1982).

Ong, Walter, *Orality and Literacy*.

Oppenheim, Leo, *Ancient Mesopotamia* (Chicago: University of Chicago Press, 1977).

Orwell, George, *Nineteen Eighty-Four* (New York: Alfred A. Knopf, 1987).

Orwell, Sonia, and Ian Angus, Eds., *The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell* (New York: Harcourt, Brace and World, Inc., 1968).

Otzen, Benedikt, "Israel Under the Assyrians", in Mogens Trolle Larsen, Ed., *Mesopotamia* v 7 (Copenhagen: Akademisk Forlag, 1979).

Owen, David, *Copies in Seconds* (New York: Simon and Shuster, 2004).

Oz, Amos, *A Tale of Love and Darkness*, Nicholas de Lange, trans. (New York: Harcourt Inc., 2004).

Padover, Samuel K., *Jefferson* (New York: Mentor, 1970).

Parry, Adam, Ed., *The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry* (Oxford: Oxford University Press, 1987).

Patschovsky, Alexander. "The Literacy of Waldensianism from Valdes to c. 1400", in Petrie, W. M., Flinders, *Researches in Sinai* (New York: E. P. Dutton and Company, 1906).

Petrie, W. M., Flinders, *The Formation of the Alphabet* (London, Macmillan and Co. and Bernard Quaritch, 1912).

Petronius, *Satyricon*, LXXV,
<http://www.gutenberg.org/files/5225/5225-h/5225-h.htm>, accessed 9/30/10.

Pettegree, Andrew, *The Book in the Renaissance* (New Haven, CT: Yale University Press, 2010).

Pliny the Younger, *The Letters of Pliny the Younger*,
http://ancienthistory.about.com/library/bl/bl_text_plinyltrs3.htm, accessed 9/23/10.

Plutarch, *Aristides*
http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Plutarch/Lives/Aristides*.html, accessed 8/13/10.

Plutarch, *The Life of Julius Caesar*
http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Plutarch/Lives/Caesar*.html, accessed 10/14/10.

Plutarch, *Themistocles*
http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Plutarch/Lives/Themistocles*.html, accessed 8/14/10.

Pollock, John, "How Egyptian and Tunisian youth Hacked the Arab Spring", *Technology Review* (September/October 2011):
<http://www.technologyreview.com/web/38379/>, accessed 12/20/11.

Pospielovsky, D., "From *Gosizdat* to *Samizdat* and *Tamizdat*",
Canadian Slavonic Papers XX:1 (March, 1978): 44–62.

Pow-Key, Sohn, "Early Korean Printing", *Journal of the American Oriental Society* 79:2 (April – June, 1959): 96–103.

Proudfoot, W. B., *The Origin of Stencil Duplicating* (London: Hutchinson of London, 1972).

Putnam, George Haven, *Books and Their Makers During the Middle Ages* (New York: Hillary House Publishers, 1897).

Rawlinson, George, *A Memoir of Major-General Sir Henry Creswicke Rawlinson* (London: Longmans, Green, 1898).

Rees, Laurence, *Auschwitz: a new History* (New York: Public Affairs, 2005).

Reichmann, Felix, "The Book Trade at the time of the Roman Empire", *Library Quarterly* 8:1 (January, 1938): 62–63.

Rex, Richard, *The Lollards* (New York: Palgrave, 2002).

Rhoads, Christopher, and Loretta Chao, "Iran's Web Spying Aided By Western Technology", *The Wall Street Journal* (June, 22, 2009).

Rhodes, Barbara, and William Wells Streeter, *Before Photocopying* (New Castle, DE: Oak Knoll Press, 1999).

Richmond, J. T., "Spies in Ancient Greece", *Greece and Rome* 45:1 (April, 1998): 12.

Richtel, Matt, "Egypt Cuts Off Most Internet and Cell Service", *The New York Times* (January 28, 2011).

Richter, Michael, untitled review, *The American Historical Review* 106:2 (April, 2001): 627–628.

Ritner, Robert K., "Egyptian Writing", in Peter T. Daniels and William Bright, Eds., *The World's Writing Systems* (New York: Oxford University Press, 1996).

Roberts, Jennifer T., *Athens on Trial* (Princeton: Princeton University Press, 1994).

Robinson, H. Wheeler, Ed., *The Bible in its Ancient and English Versions* (Oxford: Clarendon Press, 1940).

Roux, Georges, *Ancient Iraq* (New York: Penguin Books, 1966).

Rubenstein, Joshua, *Soviet Dissidents* (Boston: Beacon Press, 1980).

Rubio, Gonzalo, "Sumerian Literature", in Carl S. Ehrlich, *From an Antique Land* (New York: Rowman and Littlefield Publishers, 2009).

Saenger, Paul, *Space Between Words* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1997).

Saerchinger, César, "Radio as a Political Instrument", *Foreign Affairs* 16:2 (January, 1938): 249.

Safire, William, "What Else Are We Missing", *The New York Times*, (June, 6, 2002).

Sallust, *The Jugurthine War*,
http://ancienthistory.about.com/library/bl/bl_text_sallust_jugurth_1.htm, accessed 10/3/10.

Salvia, Anthony T., "Poland's Walesa Addresses RFE/RL Conference", *Shortwaves*, November 1989.

Sampson, Geoffrey, *Writing Systems* (Palo Alto: Stanford University Press, 1990).

Schenkel, Wolfgang, "The Structure of Hieroglyphic Script", *Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 15 (August 1976): 4–7.

Schmandt-Besserat, Denise, *Before Writing* (Austin: University of Texas Press, 1992).

Schmandt-Besserat, Denise, "The Envelopes That Bear the First Writing", *Technology and Culture* 21:3 (July, 1980): 384–385.

Schniedewind, William M., *How the Bible Became a Book* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).

Schniedewind, William M., "Sociolinguistic Reflections of the Letter of a 'Literate' Soldier", (Lachish 3), *Zeitschrift für Althebraistik* 13:2 (2000): 157–167.

Schudson, Michael, *Discovering the News* (New York: Basic Books, Inc., 1978).

Schwarzlose, Richard A., *The Nation's Newsbrokers* (Evanston, IL: Northwestern University Press, 1989).

Scott, Esther, "'Big Media' Meets the 'Bloggers'", http://www.hks.harvard.edu/press-pol/publications/case_studies/1731_0_scott.pdf, accessed 9/28/11.

Shane, Scott, *Dismantling Utopia* (Chicago: Ivan R. Dee, 1994).

Sharp, Gene, *From Dictatorship to Democracy* (East Boston, MA: The Albert Einstein Institution, 2010).

Sheehan, Neil, *A Bright and Shining Lie* (New York: Vintage Books, 1989).

Shirky, Clay, *Here Comes Everyone* (New York: Penguin, 2008).

Sinclair, R. K., *Democracy and Participation at Athens* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988).

Skilling, H. Gordon, *Samizdat and an Independent Society in Central and Eastern Europe* (Columbus: Ohio University Press, 1989).

Slack, Paul, "Measuring the national wealth in seventeenth-century England", *Economic History Review* 57:4 (November, 2004): 607–635.

Šmahel, František, "Literacy and Heresy in Hussite Bohemia", in Peter Biller, and Anne Hudson, Eds., *Heresy and Literacy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).

Small, Melvin, Ed., *Public Opinion and Historians* (Detroit: Wayne State University Press, 1970).

Smeijers, Fred, *Counterpunch* (London: Hyphen Press, 1996).

Smith, Robert, "Is Democracy Still on the Dial?" *The New York Times*, March 3, 2001.

Sneddon, James, *The Indonesian Language* (Sydney, Australia: UNSW Press, 2003).

Solomon, Howard M., *Public Welfare, Science, and Propaganda in the Seventeenth Century* (Princeton: Princeton University Press, 1977).

Solzhenitsyn, Alexander, *Invisible Allies* (Washington, DC: Counterpoint, 1995).

Solzhenitsyn, Alexander, *The Oak and the Calf* (New York: Harper and Row, 1980).

Sosin, Gene, "Magnitizat: Uncensored Songs of Dissent", in Rudolf L. Tokés, Ed. *Dissent in the U.S.S.R.* (Baltimore: Johns Hopkins University

Press, 1975).

“Soviet Union: Crackdown on Dissent”, *Time*, December 18, 1972.

Speech of Hon. Elihu Root, Secretary of State at Utica New York, November 1, 1906 (Washington NY: C. F. Sudwarth, Printer, 1906).

Spencer, Richard, “Tunisia riots: neighbours will be watching Tunisia nervously”, *The Telegraph*, January 12, 2011.

Spinka, Matthew, *John Hus* (Princeton: Princeton University Press, 1968).

Sprengling, Martin, *The Alphabet* (Chicago: University of Chicago Press, 1931).

Springer, William M., “The Telegraph Monopoly”, *The North American Review* 132:293 (April, 1881): 369–382.

Standage, Tom, *The Victorian Internet* (New York: Walker Publishing, 1998).

Stern, Marcus, et al., *The Wrong Stuff* (New York: Public Affairs, 2007).

Stolberg, Sheryl Gay, “Shy U. S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution”, *The New York Times* (February 16, 2011).

Strabo, *Geography* <http://rbedrosian.com/Classic/strabo14d.htm>, accessed 9/14/10.

de Strata, Filippo, *Polemic Against Printing*, Shelagh Grier, Trans. (Birmingham, UK: Hayloft Press, 1986).

Streeter, Barbara J., and Rhodes, William W., *Before Photocopying* (New Castle, DE: Oak Knoll Press, 1999).

Suetonius, *The Lives of the Twelve Caesars: D. Octavius Caesar Augustus* <http://www.gutenberg.org/files/6400/6400-h/6400-h.htm>, accessed 9/16/10.

Sullivan, N.B., “Northwest pilots who overflow destination settle with FAA over license revocation”, <http://aircrewbuzz.com/2009/10/northwest-pilots-lose-situational.html> and <http://aircrewbuzz.com/2009/10/northwest-pilots-who-overflow.html>.

Svenbro, Jesper, “The ‘Interior’ Voice: On the Invention of Silent Reading”, in John J. Winkler and Froma I. Zeitlin, Eds., *Nothing to Do with Dionysos?* (Princeton: Princeton University Press, 1990).

Svirski, Grigori, *A History of Post-War Soviet Writing* (Ann Arbor: Ardis Publishing, 1981).

Swanberg, W. A., *Citizen Hearst* (New York: Charles Scribner's Sons, 1961).

Swanberg, W. A., *Pulitzer* (New York: Charles Scribner's Sons, 1967).

Szelenyi, Ivan, and Balazs Szelenyi, "Why Socialism Failed: Toward a Theory of System Breakdown – Causes of Disintegration of East European State Social-ism", *Theory and Society* 23:2 (April, 1994), 223.

Taubman, William, *Khrushchev* (New York: W. W. Norton, 2003).

Taubman, William, *The View from Lenin Hills* (New York: Coward-McCann, 1967).

Tebel, John, *The Life and Good Times of William Randolph Hearst* (New York: E. P. Dutton and Co., Inc., 1952).

Telesin, Julius, "Inside 'Samizdat'", *Encounter* 40:2 (February, 1973): 25–33.

Tenney, Frank, *An Economic Survey of Ancient Rome* (Paterson NJ: Pageant Books, Inc., 1959).

"The Evolution of Search Engine Technology – Early Technology, Early Problems", <http://careers.stateuniversity.com/pages/100000932/Evolution-Search-Engine-Technology-Early-Progress-Early-Problems.html>, accessed 4/24/12.

"The Foxification of news", *Economist*, July 9, 2011.

The Nation CXXXV:3511 (October 19, 1932): 341.

"The people formerly known as the audience; Social Media", *Economist*, July 9, 2011, 10.

Thomas, Rosalind, *Literacy and Orality in Ancient Greece* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992).

Thurston, Robert W., *Life and Terror in Stalin's Russia 1934–1941* (New Haven, CT: Yale University Press, 1966).

Trippi, Joe, *The Revolution Will Not Be Televised* (New York: HarperCollins e-books, 2008).

"Truth is in the Air", *Economist*, June, 6, 1987.

Tsien, Tsuen-Hsui, *Paper and Paper Making* (*Science and Civilisation in China* V:1, Joseph Needham, Ed.).

Tusa, John, "Salvation on shortwave", *Times* (London), December 11, 1991.

Tyndale, William, *Doctrinal Theses and Introductions to Different Portions of the Holy*.

Scriptures, Henry Walker Ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1849).

Uhlendorf, A., "The Invention of Printing and Its Spread til 1470: With Special Reference to Social and Economic Factors", *The Library Quarterly* 2:3 (July, 1932): 180.

Unger, Aryeh L., *The Totalitarian Party* (London: Cambridge University Press, 1974).

Van De Mierop, Marc, *The Ancient Mesopotamian City* (Oxford: Clarendon Press, 1997).

Vanderpool, Eugene, *Ostracism at Athens* (Cincinnati. OH: University of Cincinnati Press, 1970).

Vansina, Jan, *Oral Tradition of History* (Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1985).

Vegetius: Epitome of Military Science N. P. Milner Trans. (Liverpool: Liverpool University Press, 1996), 51–52.

Vigdorova, Frida Abramovna, "Trial of a Young Poet", *Encounter* 23:3 (September, 1964): 84–85.

Villard, Oswald Garrison, *Some Newspapers and Newspaper-Men* (New York: Alfred A. Knopf, 1923).

von Urgern-Sternberg, Jürgen, "The Crisis of the Republic", in Harriet Flower, Trans. and Ed., *The Cambridge Companion to the Roman Republic* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).

Wagenaar, W.A., and H. Timmers, "Extrapolation of exponential time series is not enhanced by having more data points", *Perception and Psychophysics* 24:2 (1978): 182–184.

Walensa, Lech, *A Way of Hope* (New York: Henry Holt and Company, 1987).

Warburton, William, *The Divine Legation of Moses Demonstrated*, 10th ed., (London: Printed for Thomas Tegg, 1846).

Waugh, W. T., "Sir John Oldcastle", *The English Historical Review* 20:79 (July, 1905): 434–456.

Waugh, W. T., "Sir John Oldcastle (Continued)", *The English Historical Review* 20:80 (October, 1905): 637–658.

Wejnert, Barbara "Diffusion, Development, and Democracy, 1800–1999", *American Sociological Review* 70:1 (February, 2005): 58.

Wells, Tom, *Wild Man* (New York: Palgrave, 2001).

Aage Westenholz, "The Old Akkadian Empire in Contemporary Opinion", in Mogens Trolle Larsen, *Mesopotamia volume 7* (Copenhagen: Akademisk Forlag, 1979).

White, Stephen, "The Effectiveness of Political Propaganda in the U.S.S.R.", *Soviet Studies* 32:3 (July, 1980): 323–348.

Wickwar, William H., *Struggle for the Freedom of the Press* (London: George Allen and Unwin, 1928).

Wiener, Norbert, *Cybernetics* 2nd ed. (Cambridge, MA: MIT Press, 1965).

Wiener, Norbert, *The Human Use of Human Beings* (New York: Da Capo Press, 1988).

Williams, Evan, "For coll_0, Well-Orchestrated Accidents", *The New York Times*, March 8, 2009.

Wilson, Geoffrey, *The Old Telegraphs* (London: Phillimore, 1976).

Winner, Langdon, "Cyberlibertarian Myths and the Prospects for Community", <http://www.rpi.edu/~winner/cyberlib2.html> accessed 4/23/11.

Winner, Langdon, "Do Artifacts Have Politics?" *Daedalus* 109:1 (Winter, 1980).

Wise, Jennifer, *Dionysus Writes* (Ithaca NY: Cornell University Press, 1998).

Wolff, Julius, *Roman Law* (Norman OK: University of Oklahoma Press, 1951).

Wooten, James, *Dasher: The Roots and Rising of Jimmy Carter* (New York: Summit Books, 1978).

Wriston, Walter, "Bits, Bytes, and Diplomacy", *Foreign Affairs* 76:5 (September–October 1997): 172.

Zechmeister, E. B., et al., "Growth of a Functionally Important Lexicon", *Journal of Reading Behavior* 27:2 (1995): 201–212.

Zhu, Erping, "Hypermedia Interface Design: The Effects of Number of Links and Granularity of Nodes", *Journal of Educational Multimedia and Hypermedia* 8:3 (1999): 331–358.

Zimansky, Paul, Review of *Before Writing* in *Journal of Field Archaeology* 20:4 (Winter 1993): 513–517.

Zimbardo, Philip G., *The Lucifer Effect* (New York: Random House, 2008).

---

notes

Примечания

Об авторском замысле и о том, почему Оруэлл выбрал для своего романа такое название, см.: Bernard Crick, *George Orwell, a Life* (New York: Atlantic Monthly Press, 1980), 392–399; Peter Davison, *George Orwell* (New York: Saint Martin's Press, 1996), 133–139.

Данные Энгуса Мэддисона; см.: http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_09-2008.xls. В 1950 году численность населения коммунистических стран составляла 834 миллиона человек при общем населении планеты 2526 миллиарда человек.

См.: Barbara Wejnert, “Diffusion, Development, and Democracy, 1800–1999”, *American Sociological Review* 70:1 (February, 2005): 58. Барбара Вейнерт приводит в своей работе детальное рассмотрение степени проникновения демократии в некоторых государствах, основываясь на институциональных и политических индикаторах, и приходит к выводам, аналогичным нашим.

Уолтер Вристон, дальновидный председатель правления «Ситибанка», явно подразумевал эту тенденцию, когда говорил: «Вместо того чтобы подтвердить оруэлловскую теорию Большого Брата, наблюдающего за гражданами, коммуникационные технологии позволили гражданам наблюдать за Большим Братом». См.: Walter Wriston, “Bits, Bytes, and Diplomacy”, *Foreign Affairs* 76:5 (September – October 1997): 172.

Более подробно о ранней грамотности и возникновении писцовой элиты см.: Harold A. Innis, *Empire and Communication* (Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2007), 33–45.

Греки, вероятно, были не первыми, кто ввел в свое письмо гласные буквы. К примеру, в девятом веке до нашей эры финикийские писцы в Угарите, имевшие дело с текстами своих традиционных партнеров, начали экспериментировать с гласными звуками. См. A. Demsky, "The Biblical Period," in Martin Jan Mulder, Ed., *Mirka* (Maastricht: Van Gorcum, 1988), 4.

Невозможно даже примерно определить число черных рабов, павших жертвами «неорабства», как определил Дуглас Блэкмон положение, в котором оказалось негритянское население США после гражданской войны. На его взгляд, около миллиона негров были арендаторами-издольщиками на фермах, где трудились в невыносимых условиях, а сотни тысяч, в большинстве связанных цепью, изнемогали на фабриках и плантациях. См.: Douglas A. Blackmon, *Slavery by Another Name* (New York: Doubleday, 2008), 9, 10, 258.

Блестящий разбор аргументов сторон в этом споре см. у Л. Уиннера: Langdon Winner, “Do Artifacts Have Politics?” *Daedalus* 109:1 (Winter 1980): 121–136; “Cyberlibertarian Myths and the Prospects for Community”, <http://www.rpi.edu/~winner/cyberlib2.html>.

Еще до того как Шмандт-Бессера посчитала, что фишки составляют систему мер и весов, исследователи Лео Оппенгейм и Пьер Амье пришли к заключению, что «конверты» служат той же цели. См.: Leo Oppenheim, *Ancient Mesopotamia* (Chicago: University of Chicago Press, 1977), 239–242; and Pierre Amiet, “Il y a 5000 ans les Elamites inventaient l’écriture,” *Archeologia* 12(1966): 20–22. Современным эквивалентом «невскрытого конверта с официальными документами» может служить «авторское право бедного человека», который, тщательно запечатав в конверт свою рукопись, сам себе отправляет ее по почте, чтобы в случае надобности вскрыть конверт и неопровержимо доказать свое право на авторство.

Как умирали люди, приносившиеся в жертву почившему повелителю, доподлинно неизвестно. Вулли считает, что их хоронили заживо. Однако существуют и другие предположения, согласно которым эти несчастные принимали еще более страшную смерть. См.: Aubrey Baadsgaard et al., “Human sacrifice and intentional corpse preservation in the Royal Cemetery of Ur”, *Antiquity* 85:327 (March 1, 2011): 27–42.

Английский алфавит, в котором 5 гласных и 21 согласная, из которых формируются 105 звуковых сочетаний согласного-гласного и гласно-согласного типа, например, *la* и *al* соответственно, и 2205 звуковых сочетаний согласного-гласно-согласного типа – например, *pal*. См.: E. B. Zechmeister et al., “Growth of a Functionally Important Lexicon”, *Journal of Reading Behavior* 27:2 (1995): 201–212.

Теория Данбара постулирует размер группы как функцию абсолютного и относительного размеров неокортекса – упрощая, «мыслящей» части мозга. Однако Данбар особо отмечал, что имеется «когнитивный предел количеству индивидов, с которыми любой человек может поддерживать постоянные социальные связи, и этот предел находится в прямой функциональной зависимости от размеров неокортекса, что, в свою очередь, ограничивает размеры социальной группы». См.: R. I. M. Dunbar, “Coevolution of neocortical size, group size and language in humans”, *Behavioral and Brain Sciences* 16:4 (1993): 681–735.

Чтобы подробно узнать историю Гильгамеша, с перипетиями его борьбы с городом Киш, с деятельностью совета старейшин Урука, а также получить представление о реальном существовании Гильгамеша, можно ознакомиться со следующим источником: Thorkild Jacobsen, “Democracy in Ancient Mesopotamia”, *Journal of Near Eastern Studies*” 2:3 (July 1943): 159–172. Не все исследователи согласны с трудами Якобсена. См.: Gonzalo Rubio, “Sumerian Literature” in Carl S. Ehrlich, *From an Antique Land* (New York: Rowman and Littlefield, 2009), 33–34.

Более поздняя арабская письменность и большое число вышедших из употребления ее разновидностей, возможно, произошли от письма сабеев (народа Южной Аравии), чей алфавит был сродни финикийскому, что представляется почти достоверным.

Может показаться несколько странным, что филологам известен порядок древних, не имеющих ныне хождения алфавитов. Однако в этом нет ничего удивительного: одним из обычных археологических артефактов является так называемый «алфавит abecedary», который для педагогических целей использовали как в Древнем мире, так и в наше время.

Мозговой череп – совокупность костей головы, окружающих головной мозг.

О том, что Моисей умел писать («И написал Моисей все слова Господни...», «...и написал на скрижалях слова Завета, десятисловие»), см.: Исход 24:4 и 34:23.

В фильме Мела Гибсона «Страсти Христовы» Иисус и его еврейские последователи изъясняются по-арамейски, а римляне – на латинском языке. В действительности лишь немногие римляне, проживавшие на Востоке, использовали в речи латынь; большинство говорило по-гречески. Греческий язык также был административным языком Селевкидов, правивших Палестиной на протяжении нескольких сотен лет после распада империи Александра. Поэтому представляется вероятным, что Иисус (по крайней мере, немного) говорил еще и по-гречески, что подтверждается Новым Заветом, в котором есть несколько эпизодов, когда Иисус разговаривает с римскими официальными лицами без переводчика. А вот Матфей, сборщик налогов, был и вовсе обязан знать греческий. Греческий язык в какой-то мере был известен и Павлу. Когда он в фильме обращается к римлянину, тот с удивлением спрашивает: «Ты говоришь по-гречески?»

Иер. 36:10.

Такую формулировку принято называть «стилем Милмэна Пэрри». Об устной традиции в основе Библии см.: Susan Niditch, *Oral World and Written Word* (Louisville: Westminster John Knox Press, 1996); Adam Parry, Ed., *The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry* (Oxford: Oxford University Press, 1987); Walter J. Ong, *Orality and Literacy* (London: Routledge, 1988).

Именно ли возвращение на родину спасло иудеев, их религию и культуру, доподлинно неизвестно. Даже после покорения Иудеи Навуходоносором II часть иудеев оставалась на родине. Также вероятно, что и часть израильтян из десяти еврейских колен, переставших существовать, после завоевания Израиля ассирийцами оставалась в местах своего проживания.

4-я Царств 18:17–35.

Перед изгнанием иудеи пользовались шрифтом, напоминающим финикийский и, возможно, произошедшим от протосемитического, обнаруженного на надписях в Серабит-эль-Хадиме. Палеографы обычно называют его «древнееврейским». Этот архаичный шрифт родственен современному так называемому самаритянскому, используемому в современном Израиле и на Западном берегу Иордана в религиозных текстах группой людей, причисляющих себя к десяти исчезнувшим еврейским коленам. См.: E. Kautzsch and Charles R. Brown, “The Aramaic Language”, *Hebraica* 1:2 (October 1884): 100.

3-я Царств 9:26–28.

По другой гипотезе, ныне раскритикованной, греческий алфавит обязан своим происхождением арамейским торговцам из Малой Азии. См.: Raymond A. Bowman, “Aramaean, Aramaic, and the Bible”, *Journal of Near Eastern Studies* 7:2 (April 1948): 65–90.

Когда речь заходит о школьном образовании в классической Греции, авторы часто приводят цитату из Геродота, который рассказывает, как в 496 году до новой эры в школьном здании на острове Хиос обрушилась крыша, в результате чего погибли 119 учащихся. А о курсе обучения в этой школе ни слова не говорится, что характерно для того времени. См.: William V. Harris, *Ancient Literacy* (Cambridge MA: Harvard University Press, 1989), 9–11.

Еще не так давно в наше время на спортивных соревнованиях возбужденные зрители распевали хит “YMCA” американской диско-группы «Виллидж пипл», одновременно «изображая» каждую из букв взмахами рук.

Мур, Майкл – американский журналист и кинорежиссер-документалист, работающий в жанре острой социальной и политической сатиры. (*Примеч. пер.*).

Был Фемистокл в 493–492 годах архонтом или не был, однозначно не установлено. О причинах разногласий среди историков см.: Erich S. Gruen, “Stesimbrotus on Miltiades and Themistocles”, *California Studies in Classical Antiquity* 3 (1970): 91–98; and Alden A. Mosshammer, “Themistocles’ Archonship in the Chronographic Tradition”, *Hermes* 103:2 (1975): 222–234.

Описание и фотографию этой доски см. в статье: Michael H. Jameson, “A Decree of Themistokles from Troizen”, *Hesperia* 29:2 (April – June 1960): 198–223. Сама надпись почти наверняка позднего происхождения, даже не современная событиям; скорее всего, она сделана двумя столетиями спустя. Относительно аутентичности этой надписи и ее соответствия другим историческим источникам, прежде всего Геродоту, см.: Charles W. Fornara, “The Value of the Themistocles Decree”, *The American Historical Review* 73:2 (December 1967): 425–433; Mikael Johansson, “The Inscription from Troizen: A Decree of Themistocles?” *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 137 (2001): 69–92.

Типичной для Адамса является критика реформ Солона в следующих выражениях: «Он передал всю полноту власти в руки тех, кто был наименее к этому пригоден, и оные люди, объединившись, изменили конституцию по собственному усмотрению и обрекли государство на гибель». Подробный критический обзор современных точек зрения на афинскую демократию см. в работе: Jennifer T. Roberts, *Athens on Trial* (Princeton: Princeton University Press, 1994).

Филиппики – обличительные политические речи Демосфена против царя Филиппа Македонского. (*Примеч. пер.*)

Недавно большое количество шкур животных, шедших на производство пергамента, стали считать досужими выдумками, но это не домысел. Так, на изготовление Библии Совиньи, состоявшей из 392 пергаментных листов большого формата, ушло двести овечьих шкур.

Недавнее бихевиористское исследование продемонстрировало, что люди склонны серьезно недооценивать финансовый урон, наносимый долгами, с которыми связаны высокие проценты; см.: W. A. Wagenaar and H. Timmers, “Extrapolation of exponential time series is not enhanced by having more data points”, *Perception and Psychophysics* 24:2 (1978): 182–184.

Греко-этрusco-латинская «линия» становления латинского алфавита признается лишь частью современных филологов. Другие считают, что римляне сформировали свое письмо, приспособив к нему непосредственно греческий алфавит. См.: Naveh, *Early History of the Alphabet*, 186; Arthur E. Gordon, “On the Origins of the Latin Alphabet: Modern Views”, *California Studies in Classical Antiquity* 2 (1969): 157–170; а также Rhys Carpenter, “The Alphabet in Italy”, *American Journal of Archaeology* 49:4 (October – December 1945): 452–464. Карпентер в своей работе также указывает, что рунические алфавиты Северной Европы в немалой степени напоминают этрусский, с которым северяне, по всей вероятности, познакомились в ходе торговых сношений с этрусками.

В 53 г. до новой эры в битве с парфянами погиб римский военачальник Марк Красс. Парфяне, завладев его телом, тоже воспользовались расплавленным золотом, чтобы лишний раз наказать Красса за жадность. А в 1541 г. уже инки таким же образом расправились с Винсенте де Вальверде, испанским конкистадором. См.: William V. Harris, "On War and Greed in the Second Century BC", *The American Historical Review* 76:5 (December 1971): 1372.

Названия многих современных коммуникационных устройств в английском языке одновременно обозначают и профессии людей, на этих устройствах работающих; поэтому, когда читаешь, что в конце девятнадцатого столетия многие бизнесмены соблазняли своих машинисток, не сразу понимаешь, о чем идет речь (по-английски «пишущая машинка» и «машинистка» – typewriter).

В Галикарнасе (современный Бодрум на западе Турции) родился также и Геродот.

У римлян существовала и еще одна категория библиотечных работников – *либраниоли*, которые занимались уборкой и которым, по всей видимости, грамотность не требовалась; см.: George F. Houston, “The Slave and Freedman Personnel of Public Libraries in Ancient Rome”, *Transactions of the American Philological Association*, 132 (2002): 139–176.

Тунгрия – местность вокруг современной франко-бельгийской границы; *Батавия* – местность вблизи современного нидерландского города Неймеген.

Несмотря на стремительный прирост населения, число мест в палате представителей Конгресса США ограничено 435. (Лишь в 1959 году это число временно увеличили на 2 места после «приема» Аляски и Гавайев.)

In absentia (лат.) – в отсутствие кого-либо.

Вопреки бессмертному шекспировскому «И ты, Брут?», последними словами Юлия Цезаря (согласно Плутарху) было обращение на латыни к напавшему на него первым и ранившему его мечом Каске: «Негодяй Каска, что ты делаешь?» Каска, сброшенный Цезарем с возвышения, на котором тот находился, позвал на помощь своего брата, обратившись к нему на греческом: «Брут, помоги!», и на Цезаря посыпались гибельные удары.

Вспомним, что схожесть коптского письма с египетским демотическим позволила Ж.-Ф. Шампольону прочесть текст Розеттского камня. Сегодня определение «коптский» относится ко многим явлениям, в том числе к алфавиту, а также к последней версии египетского языка до замещения последнего арабским, к аутентичному египетскому христианству и, наконец, к самой религии.

Мф. 10:23.

Копты почитают святых двух категорий — мучеников, претерпевших страдания, пытки и смерть, и проповедников, таких как Мелитий, которые тоже страдают, но остаются в живых; см.: Jill Kamil, *Coptic Egypt* (Cairo: American University Press in Cairo, 1987), 39.

Солид – римская четырехграммовая золотая монета, эквивалентная английскому фунту, венецианскому дукату и французскому ливру. Английский крестьянин или ремесленник средней квалификации зарабатывал около 10 фунтов в год. См.: Paul Slack, “Measuring the national wealth in seventeenth-century England”, *Economic History Review* 57:4 (November 2004): 607–635.

См.: Paul Saenger, *Space Between Words* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1997), 249–250, 258–276. Вывод, что пробелы между словами привели к литературной активности и социальным переменам, сделанный палеографами и лингвистами, некоторыми оспаривается. См., например, Michael Richter, untitled review, *American Historical Review* 106:2 (April 2001): 627–628.

См.: Tsien Tsuen-Hsuei, *Paper and Paper Making* (Science and Civilisation in China V. 1, Joseph Needham, Ed.) (Cambridge: Cambridge University Press, 1985), 1–2, 42–43. Из мифологических источников также можно почерпнуть сведения о том, что мусульмане узнали технологию производства бумаги от некоего китайца, захваченного в плен во время Таласской битвы, произошедшей в Центральной Азии в 751 году. Но это маловероятно: по другим источникам, мусульмане Центральной Азии наладили производство бумаги за несколько десятилетий до сражения на Таласе и, кроме того, производили бумагу не из растительных волокон, а из тряпья, ветоши. См.: William J. Bernstein, *A Splendid Exchange* (New York: Grove Atlantic Press, 2008), 74–75.

Мтф. 19:24.

Мтф. 28:19–20.

Дхармасала – убежище, дом, для паломников.

Запрет архиепископа на перевод Библии не был полным, его вполне можно было истолковать как позволяющий переводы, которые одобрены церковью. См.: Н. Wheeler Robinson, Ed., *The Bible in its Ancient and English Versions* (Oxford: Clarendon Press, 1940), 142–143.

Ср., например, у Цицерона: «Не понимаю, почему бы человеку, который считает, что так могло произойти, не поверить также, что если изготовить из золота или из какого-нибудь другого материала в огромном количестве все двадцать одну букву, а затем бросить эти буквы на землю, то из них сразу получатся «Анналы» Энния, так что их можно будет тут же и прочитать» («О природе богов», II:37).

Китайцы начали применять металлический набор всего за несколько десятилетий до Гутенберга и использовали как основной металл бронзу, которая тяжело поддавалась отливке; проблему изрядно усугубляло огромное количество иероглифов, подлежащих воспроизведению. В восемнадцатом столетии императорские печатники составили набор из 250 000 литер, чтобы напечатать 60 экземпляров энциклопедии, обнимающей 5020 томов, а затем переплавили эти литеры в монеты.

Поскольку оборудование Гутенберга не сохранилось, состав его первого шрифта умозрителен. Историк Штефан Фюссель полагает, что в сплаве Гутенберга содержалось 83 % свинца, 9 % олова, 6 % сурьмы и по одному проценту железа и меди. См.: Stephan Füssel, *Gutenberg and the Impact of Printing* (Aldershot, UK: Ashgate, 2005), 16.

Полиграфический термин, обозначающий размер страницы в четверть типографского листа.

У каждого фолио имелось четыре стороны, на них помещалось около $2750 \times 4 + 11\,000$ букв. Гутенберг работал на шести прессах, требующих 66 000 литров; а если сделать допуск на статистическую разность страниц, то литров требовалось с запасом, то есть около 100 000 штук. Фюссель подсчитал, что за два года, или 330 рабочих дней, пресс делал 230 750 отпечатков. $330 \text{ дней} \times 8 \text{ часов} \times 3600 \text{ секунд в час} \approx 9\,500\,000 \text{ секунд}$, что составляет $9\,500\,000 / 230,750 = 41$ секунда в час. Поскольку работали шесть прессов, у каждого уходило 246 секунд, или 4 минуты, на один проход, что недалеко от оценки историков – 12 проходов за час.

Кажется, до сих пор спорят, были ли предметы, изготовленные Гутенбергом, баджами или перископами, и были ли они изготовлены в 1438 или 1439 году для этого паломничества.

Гутенбергу позволили сохранить большие пуансоны, получившие в науке обозначение «В36», потому что в его Библиях было тридцать шесть строк на странице, а Библии Шеффера окрестили «В42» – он печатал эти книги на новых пуансонах, и на его страницах помещалось 42 строки. Считают, что первыми отпечатаны Библии «В42», Питтигри пишет, что их выпущено 180, из которых сохранилось 52 экземпляра, а Улендорф дает более низкую цифру: 25 книг на пергаменте и 120 на бумаге.

Примеры страниц см. на немецком сайте:
<http://www.gutenbergdigital.de/gudi/dframes/index.htm> (в выпадающем меню слева нужно кликнуть на нужную книгу Библии, а затем – на миниатюрное изображение конкретной страницы).

La Serenissima – светлейшая, сиятельнейшая – торжественное название Венецианской республики.

Имеется в виду роман Филиппа Ванденберга «Зеркальщик». Герой этого произведения становится личным зеркальщиком самого императора и овладевает секретами «черного искусства» — книгопечатания.

Хотя нет никаких доказательств прямых контактов Тиндейла до его отъезда весной 1524 года с немецкой колонией в Лондоне, год спустя один из этих «колонистов», Ганс Колленбекке, отвез Тиндейлу некую сумму денег в Гамбург.

Позднее ирландского судью Роберта Джонсона обвинили в том, что он прислал в «Журнал» несколько писем по поводу этого восстания, подписавшись «Юверна». Джонсон избежал тюремного заключения, но был вынужден подать в отставку – и по выходе в нее стал получать пенсию в размере 1200 фунтов ежегодно.

Название этому побоищу дало горькое замечание молодого ветерана Ватерлоо Джона Лиса. Смертельно раненный Лис заметил, что на бельгийском поле боя, по крайней мере, сражались врукопашную, а то, что произошло в тот день на площади Святого Петра, было «убийством, обыкновенной бойней». См.: Joyce Marlow, *The Peterloo Massacre* (London: Panther, 1971), 16.

По расчетам историка-экономиста Грегори Кларка, средняя зарплата английского рабочего второй половины девятнадцатого века составляла двадцать-двадцать пять пенсов, а двенадцать пенсов равнялись одному шиллингу.

Горацио Элджер писал рассказы о бедных детях, своим упорством и трудом добившихся успеха в жизни.

В 1676 году датский Оле Ремер оценил скорость света приблизительно в 220 000 км/с – грубо, на 26 процентов ниже фактической; в 1849 году Ипполит Физо, измеряя вращение зубчатого колеса, предположил, что скорость света равняется 313 000 км/с – то есть на 4 процента выше фактической. Последующие эксперименты позволили вывести величину 299 792,458 км/с.

Существенным элементом настройки было «спаривание» емкостного накопителя и индуктора, так называемая цепь «L–C», частота которой определяется формулой, где L – индуктивность в генри, а C – электрическая емкость в фарадах. Патент, полученный Лоджем в 1897 году, впервые описывал механизм для настройки как приемника, так и передатчика, за счет варьирования индуктивности в приведенном выше уравнении.

Принцип работы супергетеродина состоит в том, что приемник преобразует радиосигнал высокой частоты, измеряемый множеством мегагерц, в частоту более низкую, посредством комбинирования высокочастотного сигнала с «внутренне порождаемым» сигналом близкой частоты. К примеру, супергетеродиновая цепь, принимая сигнал 1 МГц, объединяет его с сигналом 900 кГц и создает «промежуточную частоту», которая представляет разницу между двумя сигналами – 100 кГц – и затем многократно усиливается и преобразуется в аудиосигнал.

Роль Сарнова в освещении катастрофы оценивают по-разному. Биограф Сарнова Юджин Лайонс утверждает, что Сарнов раньше всех передал рассказы спасшихся пассажиров и благодаря этому тотчас прославился. Существуют и более взвешенные оценки; см., например, статью: Daugherty Greg “They Missed the Boat”, *Smithsonian* (March 2012), 38.

Примечательна история Шмелинга, случившаяся с ним после поражения в 1938 году. Чужой в США, поскольку был немцем по национальности, и чужой на родине вследствие поражения, он рискнул собственной жизнью, спасая двух еврейских юношей в «ночь длинных ножей», спустя три месяца после поединка с Луисом. В годы войны Шмелинг служил парашютистом. Позднее он подружился с Луисом и оплатил его похороны. Сам Шмелинг умер в 2005 году, немного не дожив до ста лет.

«Май наступил, да здоровствует Гитлер!» (*нем.*)

Если коротко, причастность хуту, а не тутси или иностранцев, убедительно доказывалась тем, что ракеты были выпущены с территории, находившейся под их контролем; к тому же между крушением самолета и началом геноцида прошло слишком мало времени. Военный ответ армии Руандийского патриотического фронта во главе с тутси, которых хуту обвиняли в авиакатастрофе, состоялся лишь спустя несколько дней.

Отличное описание жутких «постгеноцидных» событий в восточном Заире после 1994 года – фактически это была панафриканская война, в которой досталось и хуту, и тутси и которую на Западе восприняли как гуманитарную катастрофу, а не как геноцид – см. в работе: Philip Gourevich, *We wish to inform you that tomorrow we will be killed with our families* (New York: Picador, 1998), 256–341.

Перевод Е. Г. Панфилова.

Считается, что Сталин лично возглавил борьбу с кибернетикой. Однако длоказательств такой точки зрения крайне мало. Зато достоверно известно, что он поддерживал антидарвинистскую кампанию академика Трофима Лысенко, черновики выступлений которого обязательно проглядывал. См.: David Holloway, “Innovation in Science – The Case of Cybernetics in the Soviet Union”, *Science Studies* 4:4 (October 1974), 299–337.

Романист Николсон Бейкер выступил в «крестовый поход» против консервационных техник Барроу. См.: Nicholson Baker, *Double Fold* (New York: Random House, 2001); John A. Church, “William J. Barrow: A Remembrance and Appreciation”, *The American Archivist* 68:1 (Spring – Summer 2005): 152–160.

Забавно, что в годы «охоты на ведьм» в период маккартизма радиостанцию «Голос Америки» заподозрили в саботировании государственной политики на том основании, что ее передачи показались «недостаточно критическими». Поддайся тогда радиостанция политическому давлению, она наверняка подорвала бы доверие слушателей к себе.

Это касается только передач на русском и восточноевропейских языках. Как правило, передачи на английском советские власти не глушили.

По конституции США у президента имеется «временный заместитель» – старейший представитель сенатского большинства; такого заместителя называют «President Pro Tempore». (*Примеч. ред.*)

Технические детали и развитие ксерографии слишком сложны для того, чтобы стоило рассказывать о них здесь в подробностях. До появления модели 914 «Галоид» выпустил две другие модели – D и Soruflo. Работать с ними было неудобно, они не отличались надежностью и обладали ограниченными возможностями по сравнению с моделью 914, а потому продавались откровенно плохо. Всем, кто интересуется историей ксерографии, горячо рекомендую книгу Д. Оуэна.

Скопировав и опубликовав документы, Эллсберг заявил, что поступить подобным образом его заставило негодование: государство не вправе скрывать военные преступления. Такое объяснение должно было показаться убедительным публике, однако тех, кто знал Эллсберга лично, оно вряд ли убедило – этот человек в профессиональной деятельности и в быту нередко проявлял склонность к театральным эффектам и позерству. Как бы то ни было, без ксерокса модели 914 «Пентагоновские бумаги» могли бы до сих пор оставаться тайной. По мнению Эллсберга, администрации Эйзенхауэра, Кеннеди, Джонсона и Никсона однозначно причастны к военным преступлениям – и без стеснения лгали о них миру. Вот почему, собственно, он и предал секретный отчет огласке. Биограф Эллсберга Том Уэллс не спорит с этим объяснением, но утверждает, опираясь на многочисленные интервью, что Эллсберг негодовал и по поводу того, что в коридорах власти игнорировали его советы. Особенно «отличился» Генри Киссинджер, окончивший Гарвард на два года раньше Эллсберга; Киссинджера Эллсберг считал «интеллектуальным ничтожеством» и вел себя соответственно. Отсюда логично вытекает, что сложись карьера Эллсберга более удачно, он не стал бы публиковать скандальные материалы.

Число дискретных коннектов между n узлов определяется формулой $n(n-1)/2$; в данном случае $100 \times 99 / 2$. Число коннектов можно снизить при помощи центрального реле, но индивидуальный терминал (пользователь) все равно не может одновременно связываться со всеми другими или, что важнее, искать информацию на всех других терминалах. Зато Интернет все это позволяет.